

Л. С. Клейн

СПОР О ВАРЯГАХ

**ИСТОРИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ
И АРГУМЕНТЫ СТОРОН**

Санкт-Петербург
2009

ББК 63
УДК 930(47) 021
К 48

Клейн Л. С.

К 48 Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. — СПб, Евразия, 2009 — 400 с.
ISBN 978-5-8071-0329-1

В книге известного археолога Л. С. Клейна изложена трехвековая история спора об этнической принадлежности варягов и их роли в истории Древней Руси: были они норманнами или нет. Сформулированы позиции двух основных течений в отечественной историографии — норманистов и антинорманистов — и систематизированы аргументы тех и других. Подробно описаны три публичных дискуссии, ставших вехами в этой истории (с интервалами примерно в сто лет) — Ломоносова с Миллером, Костомарова с Погодиным, Шаскольского с Клейном. Все эти дискуссии состоялись в Петербурге-Ленинграде. Л. С. Клейн, противники которого называют его ведущим российским норманистом, почти полвека тому назад основал в ленинградском университете Славяно-Варяжский семинар. В этом неформальном научном сообществе выросли многие крупные отечественные исследователи. Авторский текст, включающий как саму книгу, так и запись выступления Л. С. Клейна в дискуссии 1965 года и несколько более поздних статей, излагающих и аргументирующих его позицию в споре, дополнен совместной статьей автора с его учениками — обзором археологического материала по проблеме дискуссии. В приложении даны воспоминания участников семинара о его педагогических принципах, а также воспоминания его бывших московских друзей-соперников и библиография участников семинара по варяжской тематике.

Написанная живым языком книга адресована не только специалистам: историкам и археологам, но широкой аудитории читателей, интересующихся отечественной историей.

© Клейн Л. С., текст, 2008
© Лосев П. П., оформление 2008
© Евразия, 2009

ISBN 978-5-8071-0329-1

I. Неизданная книга

От автора

В небольшой историографической книжке А. А. Хлевова о советской литературе по норманнской проблеме сказано: «Наиболее интересным и значимым по сыгранной им в истории отечественной науки роли является "Спор о варягах" Л. С. Клейна» (Хлевов, 1997: 3). Конечно, мне лестна похвала историографа, но он упустил сделать одно существенное примечание. Ведь в списке литературы, приводимой им, этого моего произведения нет. И заинтересовавшийся читатель тщетно пытался бы искать его в справочниках по библиографии — дело в том, что оно никогда не было издано. Существовал только машинописный текст. Данное издание будет первым.

Эта книга написана в 1960 г. Она ходила только в списках и в таком виде послужила программой консолидации группы исследователей (моих учеников и во всяком случае членов моего семинара), которые хотели противостоять фальсификации истории и манипулированию историей. Нас раздражали прежде всего постоянные подтасовки, перекручивания и препоны объективному исследованию по проблемам происхождения русского государства и русской культуры, в частности по варяжскому (норманнскому) вопросу. Самостоятельная разработка этих проблем коллективом молодых археологов привела в 1965 г. к громкой публичной дискуссии в Ленинградском университете — третьей такой схватке антинорманизма с норманизмом за два века, и все — в Петербурге–Ленинграде. Первая была между Ломоносовым и Миллером, вторая — между Костомаровым и Погодиным, основными фигурантами третьей были И. П. Шаскольский и я.

Потом в сборнике под редакцией Н. Е. Носова и И. П. Шаскольского была опубликована большая статья оппонентов Шаскольского в этом споре, авторами которой были я и мои ученики (Клейн, Лебедев и Назаренко 1970), а затем, особенно после ликвидации советской власти, а вместе с ней — и государственной поддержки антинорманизма, постепенно его проявления сошли на нет, и мне стало казаться, что к концу тысячелетия дискуссия закончена — я так и сформулировал название своего доклада на сессии, посвященной 30-летию дискуссии. Он был напечатан в юбилейной подборке в журнале «Стратум-плюс» за 1999 г.: «Норманизм — антинорманизм: конец дискуссии» (Клейн 1999).

А книга так и осталась неизданной. Ныне я решил издать эту рукопись потому, что ее содержание снова стало актуальным. Моя уверенность в окончании дискуссии оказалась преждевременной. В стране мобилизовались силы, которым нужна приукрашенная отечественная история. Они поддерживают настроения «ультра-патриотизма», а этот вирус задевает и профессионально образованных людей, специалистов. Антинорманизм, который уже исчез со страниц серьезных изданий, став уделом популяризаторов и дилетантов, начал снова пробиваться в профессиональную печать и публицистику.

В публицистике хорошим примером может послужить пространнейший опус журналистки Н. И. Васильевой «Русь и варяги», вышедший в 1999 г. (Васильева 1999) и развешанный на нескольких сайтах в Интернете. В ёрническом залихватском стиле журналистка, не имеющая ни малейшего представления о научной методике и очень поверхностно знакомая с фактами, расправляется со всеми учеными, кто осмеливается предположить что варяги, «звонкая Русь», в соответствии с источниками, были скандинавами, что норманны сыграли значительную роль в истории нашей страны (как, впрочем, и в истории других стран Европы). «Норманический апофигей», «бумажные конструкции норманистов», «'Отпетые' норманисты, закусив удила, несутся вскачь...» — это ее язык. Воинствующий антинорманизм — ее знамя. «Наука и свистопляска», — повторяет она за Добролюбовым, не замечая, что наука — это то, что Васильева так лихо освистывает, а свистопляска — это то, что вокруг науки.

Но что взять с дилетантов, когда на позициях начального антинорманизма, двухвековой давности, отброшенного ввиду полной фантастичности даже сталинской наукой, активно утвердился директор Института истории Российской академии наук чл.-корр. РАН Андрей Николаевич Сахаров. По Сахарову, Рюрик был не скандинавом, а нашим, родным калининградским, то бишь южнобалтийским славянином, а варяги — те же славяне вагры (Сахаров 2003). Между варягами и ваграми такое же родство, как между varežkoi и vagraŋkoi, но может ли это смутить патриота? Правда, в летописи сказано, что варяги пришли «из-за моря», а какое море находится между нами и Прибалтикой, непонятно, но зато такое толкование позволяет подсунуть правительству «неопровержимый аргумент» в отстаивании прав на Калининградскую область (Иванов 2002).

Между тем, Калининградская область принадлежит нашей стране на основе международных соглашений о разгроме очага агрессии и нацизма в результате победы в Великой Отечественной войне, и это право никакому сомнению не подлежит. Ни к чему так стараться и превращать варягов в вагров, да и вагры-то хоть и славяне, да не наши славяне, а в Пруссии и не они жили, а прусы (прибалты, родственники литовцев и латышей, а те вступили в НАТО). Между прочим, из-за таких борцов за «приоритеты».

ДРЕВНЯЯ
РОССИЙСКАЯ
ИСТОРИЯ

отъ начала
РОССИЙСКАГО НАРОДА
до кончины
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
ЯРОСЛАВА ПЕРВАГО
или до 1054 года,

сочиненная
МИХАЙЛОМЪ ЛОМОНОСОВЫМЪ

статскимъ Совѣтникомъ , Профессоромъ Химіи ,
и Членомъ Санктпетербургской Император-
ской и Королевской Шведской Ака-
деміи наукъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи Наукъ 1766.

Титульный лист первого издания книги М. В. Ломоносова
«Древняя российская история», 1766 г.

ПРОИЗХОЖДЕНІЕ
НАРОДА И ИМЕНИ
РОССІЙСКАГО
ВЪ ВЫСОЧАЙШЕЕ ТЕЗОИМЕНИЧЕСТВО
ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙША ДЕРЖАВНѢЙША
ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
ИМПЕРАТРИЦЫ
САМОДЕРЖИЦЫ^и ВСЕРОССІЙСКІЯ

и прочая, и прочая, и прочая.

ВСЕМИЛОСЕРДІВѢЙША НАША ГОСУДАРЫНИ

ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ

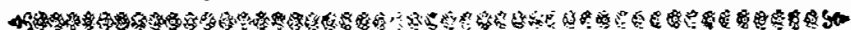
АКАДЕМІИ НАУКЪ

СЕНТЯБРЯ 6 ДНЯ 1749 ГОДА.

ИЗЪЯСНЕННОЕ.

ГЕРАРДОМЪ ФРИДРИХОМЪ МІЛЛЕРОМЪ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ ИСТОРИОГРАФОМЪ, УНИВЕРСИТЕТА РЕКТОРОМЪ
И ПРОФЕССОРОМЪ, ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
И КОРОЛЕВСКАГО АГЛИНСКАГО СЕВЕРНАГО ЧЛЕНОМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Титульный лист первого издания диссертации
Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российскаго», 1749 г.,
послужившей поводом для спора с М. В. Ломоносовым

Все это было бы просто анекдотическим личным увлечением пожилого членкора, заставившим его выйти за рамки академических критериев доказательности, не более. Ну, еще карьерным ходом. Но его антинорманизм воинствующий. Этот членкор (который, не забудем, является директором головного института истории страны!) зачисляет всех, кто не согласен с его трактовкой, в норманисты, а о норманизме выражается в следующих формулировках:

«норманизм, питаемый в основном политическими импульсами и амбициями из-за рубежа, свил себе гнездо и на русской почве», он возник «в агрессивных и экспансионистских кругах» Запада, а мнение о том, что варяги — скандинавы, «эта сторона норманизма яростно и агрессивно отстаивается в основном небольшой группой филологов», построивших свои конструкции «на глубоко тенденциозной основе»; «определенную поддержку новейшие норманисты имеют среди некоторых ученых Запада» (Сахаров 2002); «Солидарность и конъюнктурный расчет лежат в основе этого опасного единства, покрывающего душным туманом русскую науку...» о видной скандинавистке докторе наук он отзывался так: «наша историография со времени отпетых норманистов XIX в. не знала ничего подобного. Мы снова возвращаемся в эпоху норманистских мифов, затасканных клише прошлого, отсутствия научных аргументов и амбициозной наглости» (Сахаров 2003).

Какой знакомый словарь! Как быстро А. Н. Сахаров восстановил свою советскую фразеологию! (Он тогда писал о «борьбе с норманистами всех мастей».) Вот на кого ориентируются Васильева и ей подобные.

С. Иванов очень здорово подметил сходство А. Н. Сахарова с владимовским Русланом. Самое смешное, что сейчас А. Н. Сахаров видит причины успехов норманизма, «заморочившего» истинную науку, — в чем бы вы думали? — в «опоре на влиятельные партийные, государственные и научные структуры» (Сахаров 2003: 13)! Это при том, что, как всем известно, «партийно-государственные структуры» в советское время насаждали и поддерживали **антинорманизм**, его же поддерживают (сохраняя А. Н. Сахарова на посту директора института) и сейчас. Другого бы Сахарова — не сохранили.

«Тотальный норманизм, превративший историю Древнерусского государства в придаток к истории Швеции...» — подпевает А. Н. Сахарову более молодой антинорманист В. В. Фомин в статье «Кривые зеркала норманизма» (Фомин 2003: 116). Он зачисляет в норманисты даже тех, чьи вклады всегда относили к антинорманистским: Д. С. Лихачева, В. В. Мавродина, А. Н. Кирпичникова. Достаточно признать, что варяги были скандинавами, норманнами — и ты уже норманист и, безусловно, антипатриот (Фомин 2003; 2005). Всё чаще объективное исследование рискует наткнуться не просто на «непонимание» властей, на отказ в ассигнованиях, но и на крикливое шельмование в печати со стороны «ультра-патриотов», на политические обвинения.

Вот почему мне представляется, что сейчас самое время вспомнить, как мы сумели отстоять возможности заниматься объективным исследованием варяжского вопроса в условиях тоталитарного строя и идеологического пресса, когда государственно-партийной нормой было четкое рассечение на норманизм и антинорманизм, а последний был единственно допустимой позицией для отечественных историков и марксистов.

Университет я окончил с отличием у М. И. Артамонова по археологии в 1951 г., а вторым моим учителем (по филологическому факультету) был один из инициаторов структурализма В. Я. Пропп. Но в аспирантуру меня неоднократно не принимали из-за еврейского происхождения — ни в Ленинграде, ни в Москве, ни в Минске, не брали даже тогда, когда по баллам я проходил. По национальности я всегда ощущал себя русским — я русский по языку, по культуре, по интересам и связям (почти все мои друзья и ученики русские), и даже по религии я не иудей (еще мой дед был атеистом). Но в документах у меня значилось «еврей», и я никогда от этого не открещивался.

В 1957 г., после разоблачения культа личности, меня приняли в аспирантуру родного Университета. На втором же году аспирантуры я отложил свою тему диссертации по бронзовому веку и увлекся ролью варягов (норманнов) в становлении Древнерусского государства. Как я сейчас понимаю, меня побудили к этому дискуссии 1958 г. о роли варягов, проходившие в Ленинграде. У меня создалось впечатление, что роль эта сильно преуменьшена и что это можно доказать. Я стал писать книгу «Спор о варягах» и рукопись завершил в 1960 г. — как раз к окончанию аспирантуры. 26 мая 1960 г. рукопись получила отличную рекомендацию от декана В. В. Мавродина для печати. Мне было тогда почти 33 года.

В печать книгу, конечно, никто не брал, но этот текст стал основой для спецкурса, который я вскоре стал читать на кафедре археологии, и я давал этот текст читать моим студентам, заинтересовавшимся тематикой. Обсуждение его переросло в их темы курсовых работ и стало основой славяно-варяжского семинара.

Для своей книги я постарался изложить аргументы обеих сторон и взвесить их. Просмотрев рукопись, я вижу, что мое изложение перечня основных аргументов не устарело. За почти полвека многие факты умножились, другие стали лучше известны, уточнены (это можно оговорить в примечаниях), но принципиально картина не изменилась. Просто развитие проблемы пошло в других направлениях, стали ясны и интересны новые аспекты темы. Это меняет отношение к самой проблеме, но не меняет сути дискуссии. Ну а современный поворот антинорманистов к старым рубежам и вовсе снимает вопрос об актуальности старого изложения проблемы.

Я решил издавать рукопись без изменений (кое-где для сравнения привожу новую литературу — в квадратных скобках) и приложить к ней мои более поздние выступления по этой теме — в дискуссии и после нее. Почему рукопись оказалось рациональным издавать без внесения изменений и дополнений? Во-первых, их, по сути, оказывается не так уж много и нужно. Во-вторых, и моя рукопись, и выступление в дискуссии, и последующие работы являются историческими документами, которые будут, видимо, интересны для тех, кто интересуется историей науки. В-третьих, эту неизданную книгу, а затем и выступление в дискуссии можно рассматривать как наше старое оружие в идейной борьбе, которая для нас была трудна и опасна. Оружие это тоже полезно знать.

Стоявшие против нас силы пользовались поддержкой всей машины государства — консолидированной партийно-государственной администрации, гигантской идеологической машины и мощного аппарата репрессий. В том же 1960 г., когда в Ленинградском университете я написал свою книгу, в Московском университете студент исторического факультета подал курсовую работу на ту же тему и с тем же уклоном — выявить правду о варягах и их роли. Он был моментально исключен из Университета, а позже, став известным диссидентом, прошел психушку, лагеря и был выдворен из страны. Это Андрей Амальрик.

Выводы мои были теми же, что у Амальрика, но факультет был несколько либеральнее, а я был старше, опытнее. У меня за плечами было руководство в школьные годы подпольной юношеской организацией «Прометей», которую раскрыли лишь задним числом. Никто не был арестован, хоть и оказались, конечно, надолго под надзором НКВД. Было и рискованное, но успешное выступление (в студенческие годы) против марризма, который тогда еще считался «железным инвентарем марксизма».

Занявшись варягами, я понимал, на что поднимаю руку и что сразу все сказать не удастся. Что вот так вот выложить факты и дать их объективную оценку, представив полностью и откровенно свою позицию, мне просто не дадут, что нужно действовать постепенно, продвигаться поэтапно. Что придется непременно привязать свою позицию к марксизму и найти политически уязвимые места в позиции противников. Что нельзя признать позицию тех, кого трактуют как норманистов, близкой к истине, а нужно дистанцироваться от норманизма, по крайней мере от термина и по крайней мере на первых порах. Что сперва лучше всего как бы занять место над схваткой. Однако и эта позиция была запретной («буржуазный объективизм»), и нужно было поначалу хотя бы декларативно отмежевываться от нее. Словом, нужно было тщательно продумывать стратегию и тактику идейной борьбы.

На протяжении четырех десятилетий, отраженных в данном издании, моя позиция по отношению к норманизму на вид несколько изменялась. Но только на вид. На деле те мысли, которые я мог высказать полностью и откровенно в 1995 г., были с самого начала моим убеждением. Надеюсь, что многое проглядывало сквозь осторожные формулировки. Но если бы я высказал всё открыто в 1960 г., я бы разделил судьбу Амальрика, а мои соображения никто бы не узнал. А так я сумел сам изложить некоторую их часть сразу, другие — потом, всё более полно, и сохранил возможность воспитать в своем семинаре целую плеяду молодых исследователей, преданных принципам объективной науки, ученых, которые немало потрудились на этом поприще, изменив атмосферу в исследовании этой проблемы.

Моя книга и мои последующие выступления могут быть интересны как показатели развития этой борьбы, как иллюстрация методов, применявшихся на разных ее этапах. А это существенно для тех, кто займется изучением всего хода исследования норманнской проблемы в отечественной истории, а также для тех, кому, возможно, предстоит продолжить эту идейную борьбу, ибо завтрашние условия предсказать невозможно, и кто знает, быть может, наш опыт послужит нашим преемникам хорошей школой стратегии и тактики.

Я благодарен своим ученикам и коллегам, которые своим энтузиазмом сделали эту борьбу увлекательной и реальной, — Г. С. Лебедеву, В. А. Булкину, В. А. Назаренко, В. П. Петренко, Е. Н. Носову, И. В. Дубову, Е. А. Рябинину и всем другим. Должен также изъяснить свою признательность Д. Н. Верхотурову, обратившему мое внимание на активность современных антинорманистов и побудившему меня взяться за издание этой книги. Верхотуров же, С. В. Белецкий и В. С. Кулешов помогли мне в выверке ссылок.

*Л. Клейн
С.-Петербург 2008*

Спор о варягах

Часть I.

История проблемы

1. Первая схватка

Спор о варягах тянется уже давно, то затухая, то вновь разгораясь (общие обзоры его истории — см. в: Венелин 1842; Свистун 1877; Мошин 1931а; 1931б; Мавродин 1949; [Шаскольский 1965; Schmidt 1970; Rüß 1979; Алпатов 1982; Нильсен 1992; Данилевский 1998; Хлезов 1999]). Первая его вспышка окончилась ровно 200 лет тому назад, вторая взволновала русское общество ровно 100 лет назад [прошу учесть, что это написано в 1960 г.], третья горит на страницах научной литературы и прессы наших дней...

В высокие окна круглого зала Академии наук была видна темная полоса Невы, изборожденной дождем и ветром. За просторным, как плац, круглым столом, покрытым темно-вишневой бархатной скатертью, сидели профессора в шелковых камзолах и светлых париках.

Возвышаясь во весь свой огромный рост над краем стола, академик Миллер с желчной усмешкой указывал на листы с критическими замечаниями в его адрес, писанными академиком Ломоносовым, и громко говорил по-латыни:

— Удивительно, до какой степени Ломоносов презирает местные исторические свидетельства... Судите, граждане, поступает ли он так из любви к истине или, скорее, увлеченный и ослепленный жадой противоречия, издевается таким образом над своим отечеством...

С грохотом отодвинув кресло, Ломоносов вскочил и, еще более высокорослый, прокричал тоже по-латыни, глядя в упор на Миллера:

— Видя такую направленную против меня брань, считаю, что здесь нет места для доказательств и доводов!

Профессора заговорили и закричали все разом, преимущественно по-латыни. Миллер, как вспоминает впоследствии Ломоносов (1957: 726), «многих ругал и бесчестил..., на иных замахивался в собрании палкой и бил ею по столу конференцскому».

Так проходили в Академии Наук заседания специальной комиссии, учрежденной для разбора диссертации профессора Миллера.

Может быть, слова академиков звучали не совсем так — эти высказывания взяты из предварительного письменного обмена мнений (Ломоносов 1952), но характер и тон спора они передают вполне.

Обсуждение этой диссертации заняло двадцать девять заседаний и продолжалось с 23 октября 1749 г. по 8 марта 1750 г., а последнее выступление главного оппонента состоялось в 1760 г. Нынче защиты диссертаций стали куда короче и гораздо спокойнее. Но и в те времена случай был все же из ряда вон выходящий...

В чем суть дела?

Это была первая открытая схватка «норманистов» и «антинорманистов». Борясь с вековой отсталостью России, с проклятым наследием татарского ига, Петр I много уловал на иноземных мастеров и ученых и выписывал их буквально пачками. А иностранцы прибывали всякие — и дельные честные работники, и пронырливые авантюристы, любители наживы. При Анне Иоанновне в темную пору «бироновщины» земляки всесильного фаворита стали прибывать в Россию еще более густым потоком, а деловые качества уже и вовсе не принимались во внимание.

Об этом времени историк В. О. Ключевский писал:

«Немцы посыпались в Россию точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении. Этот сбродный налет состоял из “креатур” двух сильных патронов, “каналы курляндца”, умевшего только разыскивать породистых собак, как отзывались о Бироне, и другого каналы, лифляндца, подмастерья и даже конкурента Бирону в фаворе, графа Левенвольда, обершталмейстера, человека лживого, страстного игрока и взяточника. При разгульном дворе, то и дело увеселяемом блестящими празднествами, какие мастерил другой Левенвольд, обергофмаршал, перещеголявший злокачественностью и своего брата, вся эта стая кормилась досыта и веселилась до упаду на доимочные деньги, выплачиваемые из народа» (Ключевский 1989: 272).

Вот при каких обстоятельствах в открытой вскоре после смерти Петра Российской Академии Наук оказалось значительное количество немцев и других иностранцев.

Разные это были люди. Были среди них такие, как всемирно известный математик Эйлер, как благородный Рихман, друг Ломоносова, беззаветно преданный науке и с честью выполнивший свой долг перед Российским государством, своим вторым отечеством (он погиб при выполнении физического опыта). Были среди них и другие — невежда и интриган Шумахер, саксонский шпион Юнкер, домашний учитель детей Бирона Ле-Руа (этот последний прочел в Академии Наук доклад «О надгробной надписи на могиле Адама, предполагаемой на острове Цейлоне»).

Были приезжие на короткое время — для сбора материалов. Так, в 1733 г. в Петербурге побывал Эрик Юлий Бьёрнер, который в 1743 г. издал в Стокгольме на латыни книгу «Историко-географические изыскания о героических скандинавских варягах и первых русских династиях» (Björner 1743).

И наконец, были в их среде люди типа Байера, Миллера, Шлёцера. Эти приехали в Россию не тунеядствовать, а работать. Но кроме солидных знаний, добросовестности и трудолюбия они привезли с собой и свои националистические предрассудки — убеждение в превосходстве немецкого народа над другими, высокомерное пренебрежение к русским людям. Служа русскому государству, они презирали русский народ и русскую культуру. Таков был и старейший из них — Готлиб (Теофил) Зигфрид Байер, историк и знаток скандинавских, классических и восточных языков. «Только по необъяснимой случайности, — писал другой немец о Байере, — живя в России, будучи русским профессором, занимаясь русской историей, он не только не знал ни слова, но даже не хотел учиться по-русски» (Шлёцер 1875).

Нет спора, Байер, Миллер и Шлёцер имеют заслуги перед русской наукой. Они с огромным усердием и немецкой аккуратностью собрали, упорядочили и кропотливо отпрепарировали для науки множество исторических материалов — летописей, сообщений путешественников и т. п. Но их националистические предрассудки обусловили предвзятое отношение их к истории России.

С некоторым самодовольством они считали свою работу культуртрегерской, а себя — чем-то вроде христианских миссионеров в дикой и некультурной стране. Они, конечно, видели большие достижения русского государства в развитии хозяйства и мореплавания, науки и культуры, в градостроительстве и военном деле, но относили это за счет руководящей деятельности таких же, как они сами, иностранцев, приглашенных Петром и его преемниками. Одно неладно: изучая русскую историю, они приходили в недоумение. Оказывается, и в прошлом, до Петра и до иноземных учителей, у русских были значительные достижения и успехи — было создано огромное могучее государство, построены многочисленные города, одерживались победы и писались философские сочинения. Просто не верилось, чтобы сами русские люди, которых приезжим зазнайкам привычно было считать тупыми и вялыми варварами, своим умом дошли до всего этого, чтобы русский народ из своей среды породил тех энергичных героев, которые возглавили столь импозантные дела.

И вдруг пролился свет, все прояснилось, все стало на свои места. Одно сообщение древней русской летописи внезапно озарило Готлиба-Зигфрида Байера блестящей догадкой: и в древности были призваны такие же иностранцы. Они-то и возглавили туземцев, под их началом создано все на Руси!

Летопись говорила об этом совершенно недвусмысленно. Сначала славянские племена платили дань варягам — выходцам из-за моря. Потом «изгнаша» варягов за море и «почаша сами в себе володети и не бе в них правды, и вста род на род...». Не прошло и двух лет, как пришлось искать на стороне князя, который бы «володел... и судил по праву». Послали «за море и варягом, к руси». И тут же в летописи поясняется: эти варяги назывались Русью, как другие варяжские племена называются свеями (шведами), англами, готами и т. д. И вот в 862 г. славянские и другие племена этой страны заявили варягам: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И выбрали три брата Рюрик, Синеус и Трувор со своими родами и взяли с собой всю русь и пришли. «И от тех варяг прозвася Русская земля».

Через два года Синеус и Трувор умерли, а Рюрик, обосновавшись в Новгороде, рассадил по славянским городам и по городам соседних племен своих воевод. После его смерти его родственник Олег, правивший вместо малолетнего Игоря, сына Рюрика, утвердился в Киеве и сделал этот город центром огромной державы. В дальнейшем потомки Игоря, киевские князья, раздавали своим сыновьям в удельное княжение многочисленные города и городки киевского государства, и, таким образом, все знатнейшие династии русских князей, укоренившиеся в землях восточных славян, являются ответвлениями древа Рюриковичей. Вот что сообщала «Повесть временных лет».

Стало быть, Киевское государство, а вместе с тем и его культурное наследие, созданы варягами. Варягами же в Восточной Европе называли германских насельников Скандинавии, известных остальной Европе под именем «норманнов» — «северных людей».

Германцы — норманны, предки нынешних шведов, норвежцев и датчан, были близкими родственниками германских племен Центральной Европы — швабов, саксов и других, предков нынешних немцев. Германское племя франков дало имя и первую королевскую династию французскому государству. Германские племена англ и саксы, переправившись через пролив Ла-Манш, завоевали остров бриттов и создали там свое государство. Норманнские завоеватели, утвердившиеся на полуострове, получившем от них имя Нормандии, также переправились в Британию и завоевали государство англо-саксов, утвердив там свою династию. Набегам норманнов подвергалась даже Италия — крайний юг Европы. Так что освоение норманнами земли восточных славян находило себе хорошие аналогии в других эпизодах обширной и бурной завоевательной деятельности активных воинственных германских племен.

[Здесь я поддался общему у нас впечатлению, что немецкие профессора начала XVIII в. воспринимали норманнов как северных германцев. Я не учел

(и все у нас долго не учитывали), что в начале XVIII в. языковые семьи, ныне общеизвестные, не были еще четко выделены, так что особое родство немцев скандинавам еще не было таким очевидным. Немецкие профессора могли, конечно, воспринимать русское население как недостаточно цивилизованное, но ассоциировать шведских предков со своими не могли.]

К сообщению летописи о призвании варягов Байер и его последователи подобрали ряд других фактов, увязывающихся с этим сообщением в единую систему (Bayer 1735; 1741; 1770).

Так родилась «норманнская теория». Ее сторонников стали называть «норманистами».

Суть этой теории заключалась в отрицании за русским народом творческих сил вообще, в отрицании его способности к самостоятельному развитию. Конкретным воплощением этого убеждения явился тезис о том, что Древнерусское государство и его культура созданы не самими восточными славянами, а норманнами.

Впоследствии поэт А. К. Толстой в одном из своих сатирических стихотворений (Толстой 1959) следующим образом пародировал представления немецких профессоров о первых страницах русской истории:

Послушайте, ребята,	«Придите, господа!
Что вам расскажет дед.	Мы вам отсыпем злата,
Земля наша богата,	Что киевских конфет,
Порядка в ней лишь нет.	Земля у нас богата,
А эту правду, детки,	Порядка в ней лишь нет».
За тысячу уж лет	Варягам стало жутко,
Смекнули наши предки:	Но думают: «Что ж тут?
Порядка-де, вишь, нет.	Попытка ведь не шутка —
И стали все под стягом,	Пойдем, коли зовут!»
И молвят: «Как нам быть?	И вот пришли три брата,
Давай пошлем к варягам:	Варяги средних лет,
Пускай придут княжить.	Глядят — земля богата,
Ведь немцы тороваты,	Порядка ж вовсе нет.
Им ведом мрак и свет,	«Ну, — думают, — команда!
Земля у нас богата,	Здесь ногу сломит черт,
Порядка в ней лишь нет».	Es ist ja eine Schande
Посланцы скорым шагом	Wir müssen wieder fort». ¹
Отправились туда	Но братец старший Рюрик
И говорят варягам:	«Постой, — сказал другим, —

¹ Ведь это позор — мы должны убраться прочь (нем.) — Чит.: Эс ист я айнэ шандэ, вир мюсэн видэр форг.

Fortgeh'n ist ungebürlich,
 Vielleicht ist's nicht so schlimm.²
 Хотя вшивая команда,
 Почти одна лишь шваль,
 Wir bringen's schon zu Stande,
 Versuchen wir einmal».³
 И стал княжить он сильно,
 Княжил семнадцать лет,
 Земля была обильна,

Порядка ж нет как нет!
 За ним княжил князь Игорь,
 А правил им Олег,
 Das war ein grosser Krieger⁴
 и умный человек.
 Потом княжила Ольга,
 А после Святослав,
 So ging die Reihenfolge⁵
 Языческих держав.

Варяги здесь оказываются уже не древними северными германцами, а типичными полуобрусевшими немцами, каких и во времена А. К. Толстого было немало при русском императорском дворе и в государственном аппарате. Но вернемся к истории первых шагов «норманизма».

Летом 1749 г. профессор Герард-Фридрих Миллер, ректор Академического университета в Петербурге (первый ректор первого русского университета) представил в Академию Наук свою диссертацию «О происхождении народа и имени российского» (Миллер 1749), в которой славяне трактуются как пассивный объект чуждых завоеваний, порабощений и «изгнаний». Главным же двигателем, который вывел славян на широкую историческую дорогу, изображаются, в полном соответствии с Байером, скандинавы. Выше всех других источников Миллер ставил старинные скандинавские песни и сказания, несмотря на то что в них за много веков правда сильно перемешалась с вымыслом.

Август-Людвиг Шлёцер придал «норманнской теории» звучание, в котором можно было найти обертоны, оскорбительные для русского народа.

«Русская история, — писал он, — начинается от пришествия Рюрика и основания русского царства... Перед сею эпохою все покрыто мраком, как в России, так и в смежных с нею местах. Конечно, люди здесь были бог знает с которых пор и откуда сюда зашли, но люди без правления, жившие подобно зверям и птицам, не имевшие никакого сношения с другими народами, почему и не могли быть замечены ни одним просвещенным европейцем» (Шлёцер 1809: 419).

Шлёцер с упоением воспевал историческую роль германцев-норманнов:

² Уйти было бы неприлично, может быть, здесь не так уж плохо (нем.). — Чит.: Фортген ист унгебюрлих, фильяххт истс нихт зо шлим.

³ Мы как-нибудь справимся, давайте попробуем (нем.). — Чит.: Вир брингенс шон цу штандэ, ферзухен вир айнмаль.

⁴ Это был великий воин (нем.). — Чит.: Дас вар айн гросэр кригер

⁵ Такова была последовательность (нем.). — Чит.: Зо гинг ди райенfolge.

«Дикие, грубые рассеянные славяне начали делаться людьми только благодаря посредству германцев, которым назначено было судьбою рассеять в северо-западном и северо-восточном мире семена просвещения. Кто знает, сколь долго пробыли бы русские славяне в блаженной для получеловека бесчувственности, если бы не были возбуждены от этой бесчувственности нападением норманнов» (Шлёцер 1809: 178).

Разумеется, эти взгляды не могли найти сочувствия у тех русских ученых, которые гордились замечательными историческими достижениями своего народа, высоко ценили его национальную культуру и общечеловеческое достоинство, видели в нем неисчерпаемые силы и творческую одаренность, проявления которой не заметить могли только злопыхатели. Превознесение до небес исторической роли в России древних германцев-шведов особенно оскорбительно звучало для поколения, в памяти которого еще свежи были волнения побед над Карлом XII и на глазах которого Фридрих II бежал от русского штыка.

Михайло Васильевич Ломоносов первым поднял свой голос против норманистских построений (Мавродин 1946: 5; Тихомиров 1948; 1955: 191–192). Человек компанейский, но вспыльчивый и грубый, он то дружил с Миллером, то враждовал с ним. Теперь он не стеснялся в выражениях. Диссертацию, сочиненную профессором Миллером, «Происхождение имени и народа российского» он расценил как пасквиль на историю русского народа («Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера...»). Ломоносов находил оскорбительным для чести русского народа и государства это сочинение, в котором «на всякой почти странице русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают...» (Ломоносов 1952: 21). Все это Ломоносов считал продуктом разыгравшегося воображения ученого немца. «Сие так чудно, — возмущался он, — что если бы г. Миллер умел изобразить живым штилем, то он бы Россию сделал толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен» (Ломоносов 1952: 22).

О Шлёцере Ломоносов отзывался еще более резко. Приведя заявления Шлёцера, Михайло Васильевич резюмировал кратко и сочно: «...из сего заключить должно, каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная в них скотина» (Ломоносов 1956: 427).

Страстный патриот и универсальный ученый, Ломоносов не мог потерпеть такого унижения национальной гордости россиян и злоупотребления фактами из русской истории. Отложив на время колбы и реторты, линзы и камни, он, самоуверенный и азартный, сам принялся листать ветхие страницы исторических сочинений, рыться в пыльных связках полуистлевших грамот, размышлять над отрывочными и запутанными сообщениями летописцев.

Первая же проверка показала ему, что выводы Байера и Миллера (Шлёцер появился позже) построены на «зыблящихся основаниях».

В летописи нашлись также сообщения о том, что «словенский язык и русский одно есть». По летописи, славяне задолго до призвания варягов появляются на Дунае, а византийские писатели говорят о нападениях на границы Римской империи и победах племен, населявших нашу страну задолго до Рюрика. Среди этих племен есть и роксоланы — это название очень созвучно слову «россияне». Значит, были славные победы и до варягов. Наконец, самих варягов, — утверждал Ломоносов, — надо признать не скандинавами, а такими же славянами, как и те, кто их призвал, иначе от них осталось бы, как от татар, много слов в современном русском языке, а этого нет. В старинном русском сочинении «Синописис» прямо сказано: «Варяги над морем Балтийским, еже от многих нарицается Варяжское, селения своя имуще, языка славенска бяху и зело мужественны и храбры».

Ломоносов подвергает резкой критике саму технику, приемы исследований Байера и Миллера.

«Последуя своей фантазии, Байер имена великих князей российских перевертывал весьма смешным и непозволительным образом для того, чтобы из них сделать имена скандинавские; так что из Владимира вышел Валдмар, Валтмар и Валмар, из Ольги — Аллогия, из Всеволода — Визавалдур и проч... Ежели сии Бейеровы перевертки признать можно за доказательства, то и сие подобным образом заключить можно, что имя Байер происходит от российского Бурлак. Я не спорю, что некоторые имена первых владетелей российских и их знатных людей были скандинавские, однако из того отнюдь не следует, чтобы они были скандинавцы. Почти все россияне имеют ныне имена греческие и еврейские, однако следует ли из того, чтобы они были греки или евреи...» (Ломоносов 1952: 31).

Издавается Ломоносов и над Миллеровским выводением имени Холмогор из скандинавского «Гольмардия». «Имя Холмогоры, — пишет Ломоносов, — соответствует весьма положению места, для того что на островах около его лежат холмы, а на матерой земле горы». И новая издевка: «Ежели бы я захотел по примеру Байера — Миллеровскому перебрасывать литеры, как зернь, то бы я право сказал Шведам, что они свою столицу несправедливо Стокгольм называют, но должно им звать оную Стиокольной (Стекольной. — Л.К.) для того, что она так слывет у Русских» (Ломоносов 1952: 32).

Это была очень действенная критика. Ломоносову удалось убедительно доказать, что выводы Байера и Миллера построены на «зыблущихся основаниях». Но ему не удалось столь же убедительно доказать свои собственные положительные выводы по этому вопросу. Историческое образование у него было гораздо хуже физического и химического. С русскими летописями Ломоносов не работал. «Синописис», на который он опирался, был поздним и искаженным польско-украинским пересказом русских летописей. А некоторые

аргументы Ломоносова и совсем плохо вязались с фактами, даже если судить с точки зрения требований науки того времени. И Миллер умело воспользовался этим. Он указывал, что «слово "россияне" возникло и вошло в употребление слишком недавно, чтобы служить здесь доказательством. В древних книгах и письменных памятниках оно не встречается». О греческих и еврейских именах Миллер напоминал, что они принесены в Россию с христианской религией, чего нельзя сказать о скандинавских именах, их могли принести только варяги из Скандинавии. И так далее.

Особенно раздражали Миллера посягательства на авторитет Байера. «Противник, — говорил он о Ломоносове, — показывает свое остроумие, намекая на фамилию Байера, но так неудачно, что, боюсь, не заслужит одобрения у воспитанных людей. К делу этот намек не имеет ни малейшего отношения; ...верный признак отсутствия правоты, когда хотят защищать свое дело бранью и злословием» (Ломоносов 1952: 52).

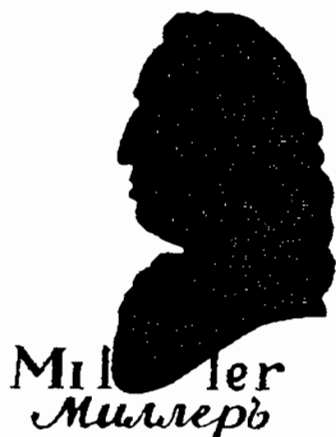
«Ecce Mullerus sibi dictat sententiam!» («Вот Миллер произносит себе приговор!») — тотчас заметил на это Ломоносов (1952: 52).

Миллер саркастически смеется над той уверенностью, которую он замечает в Ломоносове, «что будь он в то время в Академии, Байер не осмелился бы написать ничего подобного».

— О, смейтесь со мной все, знавшие Байера! — с пафосом восклицает Миллер (Ломоносов 1952: 54). — Неужели на вас, Ломоносов, и на вам подобных посмотрел бы тот, кого горячо любили за его божественный талант и редчайшую ученость первые лица в церкви и государстве? у него были другие судьи его трудов, и не вам с вашими указаниями было влиять на него...

Спор опять, как говорится, переходил на личности... «Миллер, — вспоминал потом Ломоносов, — заелся со всеми профессорами». Даже Шумахера неприятно поразила заносчивость земляка. «Дорого он заплатит за свое тщеславие!» — предсказывал Шумахер в письме к одному своему другу (Печарский 1865: 48).

Ломоносов не скрывал, что выступает не только против сомнительных научных построений, выдаваемых за непреложные истины, но и против оскорбления патриотических чувств — «как верному сыну отечества надлежит». Стремясь парализовать противников, Ломоносов использовал в борьбе не только научные опровержения, но чисто политические обвинения. Так, например, он вменяет в вину Байеру, что тот сомневался в реальности путешествия святого апостола Андрея в Россию для проповеди Евангелия, — это «всего несноснее», так как Петр I учредил орден Андрея Первозванного! и как смеет Миллер утверждать, что преподобный Нестор, признанный православной церковью святым, в ряде случаев ошибается (Ломоносов 1952: 31)!

Г. Ф. Миллер (контурный портрет) —
единственное прижизненное
изображение ученого

В результате обсуждения Миллер был лишен профессорского звания, а «диссертация» его не допущена к публикации. Он был уволен и с поста ректора. Таким образом первый ректор первого русского университета был удален со своего поста за норманизм.

Подобные аргументы наряду с неубедительностью некоторых научных доказательств явно ослабляли научные позиции Ломоносова и давали повод Миллеру выставить себя поборником подлинной объективности, защитником науки от политики, страдальцем за правду. «Всего доказательнее его злоба, — писал об этом Ломоносов (1957: 233), — что он в разных своих сочинениях вмещает свою скаредную диссертацию о российском народе по частям и, забыв свое наказание, хвастает,

что он ту диссертацию, за кою штрафован, напечатает золотыми литерами».

Таким образом, Миллер не считал битву проигранной. Да и Ломоносов не считал спор оконченным, пока не подкрепил свои краткие возражения Миллеру систематическим изложением и обоснованием своих взглядов. Не считая себя вправе оставить русскую историю в безраздельном распоряжении Миллера, он занялся сам детальным изучением материалов. Плодом его исторических разысканий явился труд «Древняя российская история», увидевший свет в 1766 г., после смерти автора (1764). Методика его, однако, осталась прежней, подбор источников скудный и неудачный. Это было скорее политическое сочинение, чем исследование. С. М. Соловьев [1995: 221–222] писал о Ломоносове, что он «не был приготовлен к занятиям русскою историей». При жизни Ломоносов успел опубликовать сокращенный вариант этого сочинения — «Краткий Российский летописец» (Ломоносов 1952). Это было первое произведение «антинорманиста». Оно было напечатано в 1760 г. — ровно 200 лет тому назад [*напоминаю, это писалось в 1960 г.*]. Первый этап спора окончился.

2. Вторая схватка

Долгое время труд Ломоносова оставался в одиночестве. Уже в 1761 г. Миллер пригласил в Россию юного Шлёцера. Тот, приехав, еще застал в живых и успел привести в негодование Ломоносова, а после его смерти завоевал непререкаемый авторитет своими выдающимися трудами (Шлёцер 1875). Шлёцер заложил в России основы критического издания источников и их внутренней критики.

Михайло Васи́льевич Ломоносов, гравюра конца XVIII века

**Актный зал Санкт-Петербургского императорского университета, 1896 г.
Фото из альбома Б. Меншуткина «Санкт-Петербургский университет. 1896–1899».
Из коллекции музея «Истории СПбГУ»**

**Круглый зал башни Кунтскамеры, где происходили заседания Российской Академии наук в XVIII веке
и где состоялся знаменитый спор Ломоносова с Миллером о варягах на Руси**

Как историк же он принадлежал к гёттигенской историко-юридической школе, приписывавшей германским народам главную роль в культурном, юридическом и политическом развитии Европы [(Schmidt 1970: 12)]. В течение примерно столетия после Ломоносова в исторической литературе господствовал норманизм. Этого течения придерживались не только немцы, но и русские историки, сторонники официально-монархического направления в исторической науке. Норманизм привлекал их резким противопоставлением господствующей верхушки, происходящей от воинственных, творчески одаренных «варягов», остальной массе населения, пассивной и неспособной, годной лишь для эксплуатации. Карамзин, воспевая царскую власть, излагал свою «Историю» в основном по Байеру и Шлёцеру. Академик Куник написал книгу о «шведских русах и славянах», которую называют «евангелием норманистов» (Kunik 1844–45). Погодин, именовавший русского крестьянина «национальным зверем нашим», особенно рьяно пропагандировал норманизм, строя по Шлёцеру свои лекции для студентов (Погодин 1846). В том же духе писали Тунман (Thunmann 1774), Круг (1819), Френ (1826; Frähn 1823, 1834), Вестберг (1903; Westberg 1898).

Но с середины XIX в. против норманизма выступает целая плеяда ученых. Отечественная война 1812 г. пробудила национальное самосознание русской интеллигенции, а вскоре в России началось широкое освободительное и революционное движение. Это побудило многих ученых — как реакционно настроенных, так и прогрессивно мыслящих — по-новому взглянуть на историю России и создало почву для возрождения антинорманизма. Некоторые реакционно-настроенные историки (Иловайский, Забелин), подходя к вопросу с позиций великодержавного шовинизма, выступали против «норманнской теории», поскольку она противоречит идее о том, что русский народ по самой природе своей призван повелевать и господствовать над другими народами (Иловайский, 1871; 1876; Забелин 1876). Историки с либеральными и демократическими убеждениями (Гедеонов, Костомаров, революционные демократы) видели в «норманнской теории» проявление немецкого шовинизма, унижение естественного чувства национального достоинства россиян и обоснование исконного неравенства знати и народных масс в России. Поэтому они также выступили против этой теории (Гедеонов 1876; [2004]; Костомаров 1860). Так получилось, что в середине XIX в. в лагере «антинорманистов» соединились представители противоположных направлений исторической науки.

Через сто лет после памятного обсуждения диссертации Миллера спор разгорелся с новой силой — в печати и устно. На полку «антинорманистской» литературы легли работы Ю. И. Венелина (1836–1842; 1848; 1870) «Скандинавизма и ее поклонники, или Столетние изыскания о варягах», «О нашествии зависянских славян на Русь до Рюриковых времен» и др., Ф. Святного (1845)

«Историко-критические исследования о варяжской Руси» и др. Хотя некоторых антинорманистов и занимал вопрос о влиянии норманнов на культуру Руси (Артемьев 1845), но тогда этот вопрос был не главным. Антинорманисты пытались доказать, что варяги не были скандинавскими германцами и что имя «Русь» не от них (Морошкин 1840–1841; Юргевич 1867, и др.).

Если за сто лет до того «борение» между Ломоносовым и Миллером, хотя и занимало образованный Петербург, все же было замкнуто в стенах Академии Наук, то в середине XIX в. публичный диспут Н. И. Костомарова с М. П. Погодиным (ПД 1860) собрал огромную аудиторию, и эхо от него прокатилось по всей России. Это было ровно сто лет тому назад — в 1860 г. Погодин отстаивал норманизм (1825; 1832; 1846; 1859а), Костомаров выступал с позиций антинорманизма (1860; 1871), Погодин опровергал его (1959б).

Непосредственным поводом для диспута послужила статья профессора Костомарова (1860а), опубликованная в «Современнике». Костомаров сразу же придал своему выступлению патриотическую направленность, но открылся от «ложного патриотизма» Ломоносова. Он писал про него, что этот

«ложный патриотизм не дал ему кончить своего вывода беспристрастно и справедливо: произведя наших князей с берегов Руси, он возвел их в славяне, и с его легкой руки в XIX в. расплодилось разнородные мнения о славянстве варяго-руси, основанные на догадках и натяжках, буквально противоречащих смыслу наших летописей. Все эти попытки не имеют чисто ученого характера и не выдерживают критики: не желание исторической беспристрастной истины руководило изыскателями: нет, как патриарх их, Ломоносов, скрывал под ученою одеждою своих исследований тайное желание поддержать честь своего отечества, так и им казалось оскорбительно, если основатели нашей державы были не славяне. Прежде чем доходили до результата, они уже решали заране, что князьям следует быть славянами».

Но далее он переходит к главному противнику и заявляет, что

«столь же не беспристрастны были попытки выводить Рюрика и его братьев из Скандинавии. Это выдумали ученые немцы. Известно, что у нас немцы, от мала до велика, и ученые, и неученые, более или менее исполнены верования о превосходстве своей породы перед славянскою, и думают, что, живучи среди нас, их задача — разливать свой свет цивилизации между нами, варварами; для подтверждения этой задушевной мысли ученые немцы выдумали призвание князей из Скандинавии; этим хотят указать, что славяне неспособны, без влияния немецкого элемента, к устройству государственной и гражданской жизни» (Костомаров 1860а: 27–28).

В этой статье Костомаров, критикуя исследования Погодина, отрицал норманнскую принадлежность варягов, древней руси. Он выводил варягов, Русь, из литовского края — из Жмуди. Там есть речка Рось, приток Немана,

такое же название носила часть течения Немана, у литовцев есть имена, очень похожие на имена летописных варягов. Литовцев же, близких по языку к славянам, Костомаров, как и многие ученые в те годы, считал попросту славянами. Но не только скандинавы — и варяги литовского происхождения не оказывали существенного влияния на общественную жизнь и культуру восточных славян, растворившись в местной среде без остатка. Недаром от них почти ничего не осталось в культуре и языке — как же им можно приписывать создание славянского государства?!

На статью Костомарова посыпались отклики. Профессор М. П. Погодин прислал ему письмо (от 19 февраля 1860 г.), написанное в развязно-игривом тоне. Погодин вышучивал своих противников, передразнивая их и нарочито юродствуя.

«...Все эти господа, — писал Погодин (ПД 1860: 257), — точно так, как теперь "Современник", думают уличить меня в уголовном преступлении, нанести личное оскорбление, приводя Русь откуда-нибудь, лишь бы вопреки моему мнению. Да помилуйте, господа, я не получал наследства не только от Рюрика, который все свое вместе с сыном вверил Олегу, но даже и от Синеуса и Тривора, которые умерли бездетными, право, для меня все равно, откуда бы не доказывалось происхождение Руси, лишь бы повернее. Я считаю Русь норманнами, а вы приводите ее из Жмуди. С богом, счастливый путь им и вам, да я-то чем виноват, что искал или думал найти ее в другом месте? "Мы из Жмуди, мы из Жмуди! Что, взял, что, взял?!" Ничего, ничего, я вас только поздравляю и готов, читая вашу рецензию, согласиться даже на происхождение от эскимосов, готентотов...»

Но, несмотря на такую готовность, Погодин тут же повторял свои доказательства норманнского происхождения Руси и старательно опровергал гипотезу Костомарова.

«...Мнения имеют жизнь... — писал он. — Они пропадают, скрываются и опять возникают, помолоделые, принаряженные. Так и ломоносовское мнение явилось теперь уже в новом костюме, во фраке и перчатках, но оно все-таки не значит ничего в сравнении с мнением о норманнском происхождении Руси» (ПД 1860: 14).

В заключении письма Погодин бросал Костомарову вызов по всем правилам светского обхождения, попутно лягнув демократических деятелей из круга Чернышевского и Добролюбова.

«Я считаю вас, — писал он Костомарову, — честным, добросовестным исследователем в куче шарлатанов, невежд, посредственностей и бездарностей, которые, пользуясь исключительным положением, присвоили себе на минуту авторитет в деле науки и приводят в заблуждение молодежь; вот почему я требую сатисфакции, то есть торжественного отступления из

Жмуди или полного отражения приведенных мною кратких доказательств, за коими я готов двинуть и тяжелую артиллерию. Иначе — бросаю вам перчатку и вызываю на дуэль, хоть в пассаже. Секундантов мне не нужно, разве тени Байера, Шлёцера и Круга, если у вас в Петербурге (Погодин жил в Москве. — Л.К.) есть вызыватели духов, а вы, для потехи, можете пригласить себе в секунданты любых рыцарей свистопляски (видимо, имелся в виду Добролюбовский «Свисток» — Л.К.). Сбор в доказательство моего беспристрастия готов уступить в пользу неимущей Жмуди.

Без шуток, приехав на неделю в Петербург, я предлагаю вам публичное рассуждение в университете, географическом обществе или в академии, в присутствии лиц, принимающих живое участие в вопросе...» (ПД 1860: 15).

Н. Г. Чернышевский, которому Костомаров показал это письмо, уговаривал его не соглашаться на участие в диспуте, опасаясь, что Погодин вызывает его «на шутовство». Погодин был известен как мастер высмеивания своих противников, да и сам тон письма наводил на такие подозрения. Все же Костомаров решился на открытое состязание. Он опубликовал в газете «Санкт-Петербургские ведомости» предложение Погодина и свой ответ:

«Я принимаю вызов М. П. Погодина... и объявляю М. П. Погодину, что он найдет меня, с оружием в руках, везде и всегда, куда только назначит явиться» (ПД 1860: 16).

Погодин впоследствии признавался, что он не ожидал такого ответа, полагаясь на силу своих доказательств. Но тот ажиотаж, который охватил петербургскую публику, был для Погодина и вовсе ошеломителен.

Встреча была назначена на 19 марта 1860 г. в Университете, вход платный, сбор — в пользу нуждающихся студентов. По живому описанию современника, «варяги занимали действительно все образованное общество наше до того, что слова “Погодин”, “Костомаров”, “дуэль” непрерывно оглашали воздух и на Невском проспекте, и на набережных Невы, и в театрах, концертах, ресторанах, и даже в каждом доме, где сходились пять-шесть человек».

По городу бродили самые нелепые слухи.

«Утверждали, что дело будет решаться всеми присутствующими, на голоса, и таким образом несомненно уже будет, кого Русь лучше хочет — норманнов или литовцев. Кроме того, рассказывали, что среди университетской залы будет устроен костер, на котором сожгут сочинения побежденной стороны... Два дня до диспута ходили на Новый год; приезшему человеку можно было подумать, что все разъезжают с визитами, а это они за билетами рыскали!» (Свисток 1860: 10–11).

Билеты продавались по неслыханно высоким ценам: в 3–5 рублей (два с полтиной в то время — это была цена овчинного полушубка или пуда осетрины), даже чтобы попасть на хоры, нужно было уплатить полтора рубля. Задолго

до диспута публика записывалась в очередь. Две тысячи билетов расхватали в несколько часов. Перед самым открытием билеты перекупались с рук за совершенно баснословную сумму — по 50 рублей за билет!

К зданию Университета Погодин и Костомаров подъехали в одном экипаже.

«Через сени, — вспоминал потом с неудовольствием Погодин, — нам понадобилось в настоящем смысле слова пробиваться. Давка была страшная. Толпы, без билетов, напрасно спрашивая позволения пройти за какую угодно цену, готовились брать приступом места. С большим трудом могли мы пройти даже по зале до кафедр (для диспута было поставлено две кафедры, одна напротив другой, — Л.К.). Народу набралось столько, что когда я сел на кафедру, я не мог буквально оборотиться, чтобы не задеть голову соседа. Духота нестерпимая!.. Непрестанно раздавались крики: садитесь, садитесь, а садиться было некуда» (Погодин 1860: 11–12).

«Словом, — иронизировал впоследствии “Свисток”, — публика была велика и обильна, а порядка в ней не было».

Как писали тогдашние газеты, в зале было много «ученых, литераторов, военных, студентов, — и даже несколько дам» (Лохвицкий 1860).

Диспут открыл ректор Университета П. Ф. Плетнев. Затем Погодин изложил доказательства норманнского происхождения Руси и критику гипотезы Костомарова. В доказательство норманнского происхождения варягов приводил свидетельства летописи о призвании из-за моря, греческую хронику о гвардии варангов, набравшихся из северян — датчан и др., арабские сочинения о нападении русов на Севилью, норманнские имена князей — Рюрик, Аскольд, Свенельд, Руальд и др., два ряда названий порогов у Константина Багрянородного — славянские и русские. Он делал упор на то, что гипотеза Костомарова построена на случайном звуковом сходстве имен и географических названий. Названий со словом Рус- или Рос- на свете сколько угодно — графство Росс в Шотландии, город Росс в Англии, залив Рос в Испании и т.д. К именам летописных варягов можно подобрать похожие не только в Литве.

Затем Костомаров подробно, по косточкам разобрал доказательства норманнского происхождения Руси, предъявленные Погодиным, и показал, что в каждом из них можно усомниться. Что же касается своих доводов, то он указал, что берет не первое, встреченное где попало, название со слогом Рос-, а название с побережья Варяжского моря. Между варяжскими и литовскими именами не созвучие, а полное совпадение — стоит только отбросить обычное литовское окончание — ас: у варягов Игорь — в Литве Игорас, у варягов — Карши, в Литве — Каршис, у русских князей Глеб — в Литве Глебас, и т.д.

После этих обстоятельных выступлений спор принял характер живого диалога. Публика бурно реагировала на аргументы противников. Симпатии

студенчества и всех собравшихся были явно на стороне Костомарова. Слова Погодина не раз прерывались обидным смехом и шиканьем, Костомарова награждали рукоплесканиями. Но были сторонники и у Погодина.

Погодин говорил:

«На каждое положение о норманнском происхождении Руси порознь можно делать возражения, но все доказательства вместе имеют особую силу и крепость... вместе они неопровержимы». Тут он напомнил притчу о старике, который, желая показать своим сыновьям силу единения, предложил им переломить веник, чего они не могли сделать, а когда он растрепал веник, то порознь прутья были «легохонько переломаны не только старшими сыновьями, но и младшими» (ПД 1860: 28).

Это оскорбительное для оппонента «младшими» было покрыто шиканьем публики.

Костомаров не потерялся.

«Когда вы в театре смотрите на сцену, — возразил он (там же), — то при хорошо устроенных декорациях леса, горы, замки кажутся вам настоящими, но подойдите поближе и осязайте, вы увидите, что они картонные» (рукоплескания).

Погодину не удалось потешить публику, выставив противника на посмешище. Костомаров умело парировал удары, используя малейшие промахи соперника, и напористо переходил в наступление:

г. Погодин: ...Вы приводите, напр., слово «Игорас», но я подаю вам не слово, а имя Игоря, этого мало, я подаю вам живого Игоря, совершенно одинакового с русскими Игорями.

г. Костомаров: Положим, я вам уступлю Игоря, уступите мне Олега.

г. Погодин: Долг платежом красен: ваш Олег крепче моего Олега (смех).

г. Костомаров: Уступите мне Ольгу. Это все равно что Александр и Александра.

г. Погодин: Вы спрашиваете уже слишком много (смех). Вспомните, как Ольга, прибыв в Константинополь, на аудиенции у императора едва склонила пред ним свою голову, когда все падали до земли. Это чистая норманка.

г. Костомаров: Чистая славянка, чистая литвинка и всякая другая (смех)! Я у вас попрошу еще Ятвяга, Алдана, Утина, Кари, Карши, Рогнеду, Рюрика... Ведь это все собственные литовские имена.

г. Погодин: Нет, уж Рюрика-то никак не отдам (смех). Вы приводите в доказательство обстоятельство, что до сих пор существует в Литве фамилия Рюриковичей. Отчего ж бы им не происходить от норманнов?

г. Костомаров: Если только вы докажете, что норманны там жили (смех и рукоплескания).

г. Погодин: Характер Рогнеды чисто норманнский.

г. Костомаров: и в Литве, и везде найду я такие же твердые характеры...» (ПД 1860: 33–34).

Спор близился к концу. Противники отыскивали точки соприкосновения своих схем и шли на перемирие, оставаясь каждый при своем убеждении в основных вопросах:

«г. Костомаров: Я допускаю возможность, что в той литовской колонии, которая к нам пришла, могло быть незначительное число норманнов.

г. Погодин: Это для меня главное — присутствие норманнского элемента. Я сделаю сравнение: капля вина сообщает вкус воде в целом стакане, эта капля — норманны...» (ПД 1860: 34–35).

Костомаров на это заметил, что не верит в гомеопатию. Турнир закончился. Обоих диспутантов вынесли из зала на руках. Все же оба остались разочарованными.

Костомаров не мог простить Погодину его манеру вышучивать противника. Он писал в «Современнике» после диспута:

«И если г. Погодину угодно было с кем-нибудь (только не со мною) шутить публичным образом о варяжском вопросе, то уместнее было бы устроить публичное рассуждение в балагене на Адмиралтейской площади или летом на Крестовском острове... Я слишком уважал тогда Погодина, чтобы допустить себе мысль о том, что он решился шутить и над наукою, и над публикою» (Костомаров 1860б).

Погодин уехал в Москву со смутным ощущением, что потерпел поражение в публичном диспуте, не сумел доказать публике свою правоту. Его переполняла горечь. Приехав домой, он тотчас садится писать «Отчет московским друзьям», в котором всячески старается доказать, что относился ко всей этой истории как к милой шутке и был захвачен врасплох неожиданно серьезным нападением противника (а ведь сам писал в своем задиристом письме: «без шуток!»). К отчету Погодин прилагает дополнительный набор доводов в пользу «норманнской теории» (обещанную ранее «тяжелую артиллерию») и заключает статью следующими словами:

«Но довольно! Мне совестно, мне стыдно распространяться так много, заниматься так долго пустым, неблагодарным вопросом. Скажу вам теперь просто, без околичностей. Мне даже стыдно за себя, за русскую науку, за наше время, за университетское образование, видеть, что общий наш уровень так низок...

Напрасно ссылаться на публику, как говорят... которой предоставил я сам право решения вопроса и которая склоняется будто на Жмудскую сторону.

Я не знаю, в какой степени это верно; но если б десять публик склонилось в сторону Жмуди, я пожалел бы об них и подал бы апелляцию к их

дочкам, внукам и правнучкам, уверенный, что та или другая правнучка возвратится к норманнам и скажет непременно с улыбкою об своей прародительнице: ах, бабушка, в какую трущобу она попала, и с чего это она туда сунулась!» (Погодин 1860).

Погодин, стало быть, обращается здесь к нам: правнуки и правнучки публики 1860 г. — это мы.

Но, не дожидаясь, пока народятся и подрастут правнуки, на диспут, апелляцию и другие статьи Погодина и Костомарова (который, кстати, тоже не угомонился — см. Костомаров 1860в) отозвались современники. После устного словопрепирательства развернулась дискуссия в печати. Многие ученые, литераторы, скромные краеведы, не соглашаясь полностью с Костомаровым, все же ставили под сомнение основные выводы Погодина и считали, говоря словами одного из журналистов, что пришла пора «начать настоящий печатный диспут, определить, что значит Русь в стакане славянской воды — каплю вина, давшего ей цвет и вкус, или порошок снега, распустившегося без следа» (Лохвицкий 1860). В эту дискуссию втянулись все «толстые» журналы России («Современник», «Отечественные записки», «Русское слово», «Русская беседа» и проч.) и многие газеты.

В «Северной пчеле» была даже помещена сатира на диспут, в которой он изображался в виде судебного следствия. Сатира называлась «Дело о Варяго-Россах», а подзаголовки гласили: «Извещение г. Костомарова. — Приступ к формальному следствию. — Допрос Рюрика. — Свидетельское показание монаха Нестора. — Очный свод и очная ставка обвинителя г. Костомарова с депутатом со стороны ведомства норманнов г. Погодиным. — Повальный обыск. — Окончательный протокол. — Представление дела на ревизию судебного места» (Дело 1860).

«Отечественные записки» поместили трезвые и холодные соображения:

«Нас особенно поразила живучесть народных предубеждений, которые едва даже костюм переменили... Нам в зале Университета припомнилось, что 120 лет назад Миллер собирался говорить речь о происхождении варягов из Швеции. Русские ученые того времени нашли такое происхождение позорным для народной чести. Подобный же мотив нельзя не видеть и в новейшем производстве варягов из Жмуди. Нам тяжела похвальба немцев, утверждающих, что без них не было бы спасения Руси, нам хотелось бы отнять у них и малейший повод к подобной похвальбе, и вот мы отправляемся снова за море искать там вчерашнего дня, то есть варягов...

...варяги, кто бы они ни были, бесследно расплылись в славянском мире, не оставив по себе даже и тончайшего вкуса, как говорил г. Погодин. Вот почему самый вопрос мы считаем праздным...

...какое, собственно, дело современному человеку до того, откуда пришли руссы...» (Литературные заметки 1860).

Чернышевский (1860) откликнулся на диспут заметкой в «Современнике». Он писал: «Кто имеет хотя малейшее понятие о сравнительной филологии и о законах исторической критики, видит совершенную нелепость доказательств, которыми старые ученые подтверждали норманнство Руси». Добролюбов в «Свистке» также откликнулся на взволновавший всех диспут. Он обращался к Погодину с такими стихами:

Умеешь ты мешать со вздором небылицы,
Смешить с ученым видом знатока.

И заключал:

Ученость дряхлую мы свистом успокоим.

(Добролюбов 1860, см. также 1858).

Действительно, «ученость дряхлая» на время успокоилась, в исторической литературе на какой-то период возобладали антинорманизм. Именно в это время и была написана стихотворная пародия А. К. Толстого.

3. Новое противостояние

Вскоре появились, можно сказать, кодексы антинорманизма: труд И. Е. Забелина «История русской жизни», сборник статей Д. И. Иловайского «Разыскания о начале Руси», два тома С. А. Гедеонова «Варяги и Русь». Все они вышли в 1876 г. — вот был поистине *год антинорманизма!* (Гедеонов 1876; Забелин 1876; Иловайский 1876). Правда, труд Гедеонова был тоже переизданием его статей, выходивших в 1862–1863 гг. Гедеонов был очень сведущ в лингвистике, и его критические замечания заставили даже лингвиста Куника поколебаться в некоторых скандинавских этимологиях.

У антинорманистов уже не было речи о жмудском происхождении варягов. Даже сам Костомаров на Тифлисском археологическом съезде в 1881 г. отказался от этой идеи. Теперь Гедеонов, Иловайский и Забелин вернулись к ломоносовской идее о том, что варяги пришли с берегов Южной Балтики, и это южнобалтийские славяне. Правда, получить князей от западных славян было тоже не очень лестно, учитывая вечные споры с поляками за первенство, но, во-первых, западные южнобалтийские славяне — не поляки, во-вторых, они почти полностью исчезли и ныне ни на что претендовать не могут, а в-третьих, все лучше, чем германцы-скандинавы!

Старик Погодин боролся «не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями» (Погодин 1864; 1874). Станным образом, теперь демократическая общественность была на его стороне. В последние десятилетия XIX в. и в начале XX в. антинорманизм в его реакционно-монархическом оформлении стал уже официальной догмой: русские школьники учились истории «по Иловайскому». И сатирики оппозиции высмеивали теперь уже верноподданных

атинорманистов. Так, например, зубоскалы из «Сатирикона» писали в своей обработке «Всеобщей истории», явно пародируя Иловайского:

«Племя Русь в первый раз появилось в России в 862 г. Откуда оно появилось — никому не было известно. Все в этом племени были беспаспортные и на расспросы летописцев давали уклончивые ответы... Жили тогда славяне, следуя строго обычаям предков, в вечной ссоре и непрерывной драке между собой... Несмотря, однако, на отчаянную отвагу, славяне всем платили дань, не желая, по-видимому, отступать от преданий седой старины... Пришедши к варягам, послы потихоньку заглянули в шпаргалки, которые на всякий случай носили в кармане, и выпалили из Иловайского:

“Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”.

За знание истории варяги поставили послам пять, а потом приступили к деловому разговору» (Всеобщая 1911/1991: 159).

Новое оживление «норманнской теории» начинается в эпоху русских революций. И снова на одной позиции оказываются представители противоположных направлений исторической науки. Опостылевшие всем официально-монархические учебники истории настолько дискредитировали антинорманизм, что наиболее серьезные и объективные ученые с особым интересом занялись фактами, говорящими в пользу «норманнской теории». Так в 1919 г. появилась книга академика А. А. Шахматова «Древнейшие судьбы русского племени», подводящая итог многолетним изысканиям академика. В ней реконструируются волны скандинавских нашествий, приведшие к созданию русского государства (Шахматов 1904; 1908; 1919). М. Н. Покровский, возглавлявший тогда историков-большевиков, увидел в «норманнской теории» одно из удобных средств борьбы против великодержавного шовинизма и также встал на позиции норманизма — в этом духе выдержан его учебник русской истории (Покровский 1933).

[Известно высказывание Покровского: «История есть политика, опрокинутая в прошлое». Ссылаются обычно на его курс истории России (Покровский 1933). На деле эта цитата там отсутствует. Лишь в его докладе 22 марта 1928 г. «Общественные науки в СССР за 10 лет» (Вестник коммунистической академии, 1928) есть похожий пассаж: «история ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет», причем речь шла о дворянско-буржуазной науке — критически. Покровский был не так глуп и циничен, чтобы откровенно объявлять эту установку своей, — он ее приписывал дворянско-буржуазной науке. Обобщил и пустил фразу в оборот от имени Покровского посмертно Н. Бухарин в написанной по поручению Сталина статье «Нужна ли нам марксистская историческая наука? (О некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах тов. М. Н. Покровского)»

(Известия, 27.01.1936). Но так или иначе, этот афоризм очень точно характеризует прежде всего именно советскую историческую науку, возглавлявшуюся Покровским. С этой позиции Покровский подходил к оценке каждого исторического явления.]

Принципы Покровского недолго господствовали в советской исторической науке. Еще до войны общие исторические схемы Покровского подверглись резкой критике за грубое упрощенчество и утратили авторитет в советской науке. В связи с этим советские историки пересмотрели и свое отношение к варяжскому вопросу. Они пришли к убеждению, что «норманнская теория» в корне враждебна марксистскому пониманию истории, так как марксизм вообще отвергает возможность создания государства волею и деятельностью отдельных героических личностей и небольших дружин, кто бы они ни были — варяги или не варяги. Советские историки — академик Б. Д. Греков, профессора С. В. Юшков, С. В. Бахрушин, В. В. Мавродин и другие — занялись детальным изучением вопроса о том, как и когда на самом деле возникла государственность на Руси.

Ну а как быть со старыми загадками? Были призваны норманны или не были, дали они что-либо славянам или не дали, от них ли название «русские» или не от них и так далее? Казалось, эти вопросы должны были бы утратить свою остроту вследствие совершенно нового подхода ко всей проблеме.

Должны были бы... Но не утратили. Сказался субъективный фактор.

Во-первых, отрицательное отношение к норманизму вообще, к его основным идеям распространилось и на все отдельные положения норманистов. Одновременно у советских историков, занимающихся этим вопросом, появилось ощущение своего рода солидарности с антинорманистами прошлого, резко повысился интерес к их построениям, в отношении к ним притупилось критическое чутье.

А во-вторых, эти старые вопросы настойчиво выдвигала другая когорта норманистов. В отличие от Покровского и его учеников, эта группа норманистов состоит из историков, не признающих марксизма. Естественно, что они упорно сворачивали спор в старое русло, а советские историки частенько в пылу полемики шли на это. Этих норманистов наши историки прозвали «неонорманистами» (т. е. новыми норманистами), а те, в свою очередь, окрестили наших историков «неоантинорманистами». «Неонорманизм», конечно, на самом деле, никакой не нео-: норманисты-то новые, да методы старые. Но надо надо признать, что и наши историки звание неоантинорманистов еще не вполне заслужили, так как не всегда оказывались в споре на должной высоте.

Кто же эти «неонорманисты»? По национальной принадлежности это большей частью скандинавские ученые, а также английские и американские историки восточноевропейского происхождения.

Русские революции и невиданно быстрое развитие Советского Союза вызвали за рубежом острый интерес к проблемам русской истории и особенно к проблеме взаимоотношений России и Запада. Привлекла внимание исследователей и варяжская проблема. Группа скандинавских исследователей подняла на щит «норманнскую теорию», так как воспоминания о великой цивилизационной роли варягов щекотали национальное самолюбие скандинавских буржуа, отгесненных в новое время на второй план и оказавшихся вне круга великих держав. Приятно было думать, что по крайней мере одна из этих держав всем своим развитием обязана скандинавам.

Провозвестником этой группы исследователей был знаменитый датский языковед профессор Вильгельм Томсен, выступивший в Оксфордском университете в 1876 г. с тремя лекциями о начале Русского государства (Thomsen 1876; Томсен 1891). Кстати, любопытно, что именно упрек в националистической профанации науки В. Томсен бросил своим противникам, заявив, что антинорманисты руководствуются в своих исследованиях не требованиями науки, а исключительно патриотизмом. Может быть, это и прозвучало бы красиво, если бы исходило от испанца, японца или папуаса, но никак не от скандинава — потомка норманнов.

Эти лекции Томсена приобретали все более широкую популярность. Выйдя из печати в Англии, они в 1879 г. были переведены на немецкий, в 1882 г. — на шведский, в 1891 и в 1919 гг. издавались в русском переводе (Томсен 1891; 1919). Томсен не ввел принципиально новых аргументов, но собрал все данные в пользу норманнской концепции и представил их в строгом и тщательно разработанном виде, по последнему слову науки. Особенно тщательно были разработаны, конечно, филологические аргументы, поскольку автор филолог. После этой книжки стало невозможно отрицать, что варяги русских летописей — это скандинавы, норманны. Небольшая книжечка Томсена стала новой «Библией норманизма», так сказать, ее евангелием. С Куником и Томсеном, да, пожалуй, и с Геденовым, центр тяжести дискуссии о варягах передвинулся из истории в филологию.

Через полвека изыскания Томсена по этому вопросу продолжил и расширил шведский археолог Туре Арне, выпустивший книги «Швеция и Восток» (1914), «Великая Швеция» (1917) и др. (Arne 1914; 1917), а следом за ним — ряд более молодых скандинавских ученых. [«Великой Швецией» Арне называл захваченные викингами территории в Восточной Европе (на манер «Великой Греции» в Италии в античное время).] До революции Арне и сам копал

в России, а после революции следил за развитием взглядов советских ученых (Arne 1930). Между прочим, на первых порах (пока господствовал марксистский норманизм Покровского) некоторые историки охотно принимали идею о норманнских форпостах на восточнославянской территории: так, С. Ф. Платонов реконструировал варяжский центр на южном берегу Ильмена, давший имя Старой Русе (Платонов 1920).

4. Археологический этап

В 1947 г. Арне выступил с интервью в шведской газете «Дагенс Нюхетер». Это был ответ на доклад В. В. Мавродина в Хельсинки. Содержание интервью видно из его названия: «Теория о том, что в России было государство еще до викингов, не имеет доказательств». Любые старания доказать наличие у восточных славян государства до 862 г., до появления Рюрика, Арне считает фантазией, обнаруживающей попытки Советов «национализировать» историю (Arne 1947).

В том же году шведский генеральный консул в Нью-Йорке Леннарт Ниландер выступил со статьей «Россия и Швеция сегодня» (Nylander 1947), в которой идиллическая картина истории шведско-русских связей рисуется в таких выражениях: «...По крайней мере за тысячу лет до Колумба шведские гребцы из района Стокгольма... и с острова Готланд... совершали торговые и грабительские рейсы в Россию, которая была в то время, так сказать, широко открытой, а также и через нее». Далее Ниландер живописует, как шведские «гребцы» во главе с Рюриком организовали «на Руси нечто вроде колонии или доминиона», а затем «ядром современной России» стал «район вокруг “шведских факторий”».

Советские историки расценили это как уже открытый вызов. С ответом в «Новом времени» выступил академик Б. А. Греков (1947). Арне отозвался новой статьей (Arne 1953)... Через сто лет после диспута Костомарова с Погодиным спор снова был перенесен из академических кабинетов и толстых книг на широкую арену массовых публичных изданий. Теперь за аргументами ученых следили уже миллионы людей. Словно нарочно через каждые сто лет спор по варяжскому вопросу разгорался с новой силой, с каждым разом перед все более обширной аудиторией, на более высоком уровне научных знаний и с новым запасом аргументов.

Выступление Арне свидетельствовало о начале нового этапа спора — теперь центр дискуссии передвинулся в археологию. Археологами были и Миллер, и Забелин, но тогда они работали не с археологическими, а с филологическими аргументами. Арне взялся за артефакты, за археологические остатки норманнской культуры в России, за материалы из раскопок

российских археологов. Причиной этого сдвига полужили два обстоятельства. С одной стороны, теперь того факта, что варяги — это норманны, скандинавские германцы, не отрицал практически никто из серьезных исследователей. С другой стороны, советские ученые встали на ту точку зрения, что государство и культура образуются в результате социально-экономического развития, а внешний фактор (в данном случае татары или варяги) не может быть определяющим.

Арне (в указанных книгах и в новых работах), а затем его ученик Хольгер Арбман (этот — в книге «Шведы в восточных походах») представили солидно обоснованные сводки скандинавских древностей, которые они усмотрели в российских археологических материалах: погребения по норманнскому обряду (сожжения в ладье, камерные могилы и т. п.) в обширном могильнике в Гнездове под Смоленском, а также в Шестовицах под Черниговом и др., культовые норманнские украшения (подвески в виде молоточков Тора), рунические надписи, европейские мечи, которых до пришествия варягов на славянской территории не было. Арне трактовал это все как свидетельства завоевания скандинавскими викингами восточнославянских земель, подобного таким же норманнским завоеваниям в Англии и других местах Европы (Arne 1931; 1939; 1952; 1953; Arbman 1955; 1960 [1962]).

Типично скандинавские фибулы (плечевые застёжки женской одежды) говорили о том, что норманны прибыли со своими знатными женщинами. Это и другие данные позволили ряду исследователей выдвинуть идею об основании норманнами факторий на славянской и финноязычной территории и о земледельческой колонизации скандинавами славянских земель. Рихард Экблом и Макс Фасмер подкрепляли это выявлением скандинавской топонимики на восточнославянской территории (Тиандер 1915; Ekblom 1915; Braun 1924; Vasmer 1931; Chadwick 1946; Cross 1946).

Советские археологи — А. В. Арциховский и его ученик Д. А. Авдусин — выступили с опровержениями, стремясь доказать, что варягов на территории Киевской Руси не было или почти не было, что русская дружина была в основном славянской (Арциховский 1939; [1966]; Авдусин 1949; 1953). А против концепции колонизации выступила филолог Е. А. Рыдзевская, ссылаясь на славянский характер Ладоги в VII–VIII вв. и данные топонимики (Рыдзевская 1934; 1945).

К скандинавским ученым, выступившим застрельщиками в новой дискуссии, присоединились многие историки Западной Европы и Северной Америки. В их писаниях апология норманнов зачастую отдает явственным душком анти-советской пропаганды. Дело в том, что отрицание творческих сил за русским народом, отрицание его способностей к самостоятельному государственному

развитию, выраженное в конкретных примерах, назойливо выдвигается как «тонкий намек» на неправомочность, непрочность современного независимого существования советского государства и его высокого авторитета в мире. В древние времена не стало в стране порядка, как только попытались обойтись своими силами, без варягов, и теперь в стране стараются строить какой-то новый лад, не следуя примеру Запада; ясно, что не будет из этого толка. Не было в стране порядка, пока не догадались призвать варягов, — и теперь, как ни кинь, а без варягов не обойтись, придется в конце-концов идти на поклон к Европе...

Вероятно, именно поэтому «норманнская теория» оказалась особенно привлекательной для историков-белоземляков и исследователей, эмигрировавших из России-СССР и стран народной демократии, — Вернадского, Васильева, Пашкевича, Таубе и др. (Vernadsky 1943; 1959; Vasilev 1946; Taube 1947; Paszkiewicz 1954 [1963]).

В этой борьбе в пылу полемического увлечения те ученые, которые выступали от имени советской исторической науки, стали огульно отрицать все положения норманистов, не задумываясь над тем, какие из этих положений действительно противоречат марксистскому пониманию истории, а какие сами по себе не являются антимарксистскими или вообще порочными и, более того, неплохо доказаны фактами. Эти историки утратили ясное видение основной линии, по которой идет борьба, забыв и о силе основного своего аргумента, который неотразимо действует на основной линии спора, хотя и не отвергает второстепенных, побочных аргументов противника.

Увлечшись борьбой против этих необязательных положений норманизма, советские историки стали некритически повторять аргументацию старых антинорманистов, которая ведь также в основном далека и от марксизма и от современной методики и техники исследования.

Норманисты не преминули использовать эти промахи.

Смещение целей и засорение методов в исследованиях советских антинорманистов произвели замешательство среди марксистских историков. К тому же расстроились казавшиеся недавно прочными представления советских историков о конкретных истоках древнерусской государственности. Очень древние племена Северного Причерноморья, обладавшие высокой культурой и зачатками государственности, ныне уже не считаются несомненными прямыми предками восточных славян Киевской поры (Артамонов 1950; Кухаренко 1955; Клейн 1955; Корзухина 1955; [также Щукин 1977]). Признание их предками восточных славян позволяло раньше рисовать наглядную картину многовекового непрерывного процесса подготовки и становления восточнославянской государственности. Теперь эта картина распалась. Конкретные

внутренние истоки древнерусской государственности нужно искать заново. Но где искать? Вопрос о происхождении восточных славян еще не решен на новой методической базе [(Клейн 1966; Мачинский 1976; Щукин 1987; Лебедев 1987)].

В результате этого ослабления позиций антинорманизма группа польских историков-марксистов выступила в 1958 г. за принятие «норманнской теории», поскольку она, по их мнению, хорошо обоснована фактами и вполне укладывается в рамки марксистской исторической науки (Ochmański 1958). В том же году собрание советских историков в Ленинграде пришло к выводу о необходимости пересмотреть прежние взгляды советской науки на варяжский вопрос, уточнить, какие положения по этому вопросу приемлемы для советской науки, какие неприемлемы, проверить фактические доказательства [здесь я хотел сослаться на отражение этого собрания в печати, но не нашел следов].

Вот почему спор все еще продолжается.

На примере истории этого спора можно видеть, что древние исторические сведения приобретают то или иное политическое звучание для потомков не сами по себе, а благодаря тому употреблению, которое из них делают историки в определенной политической обстановке.

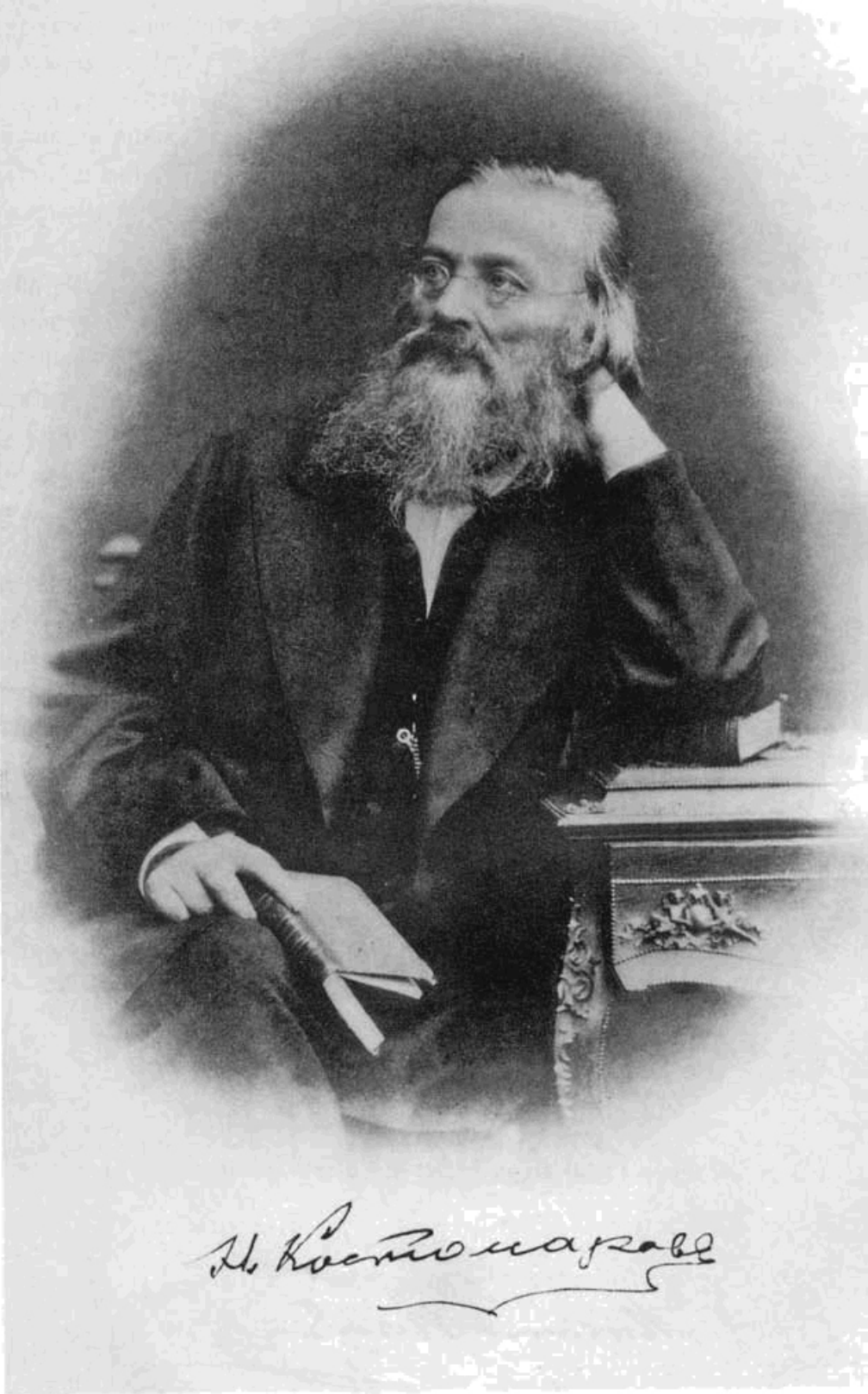
Эпизод с признанием варягов звучал вначале как лозунг борьбы за национальную независимость русского государства: в эпоху, когда летописец описывал этот эпизод, византийский престол и византийская церковь притязали на верховенство над Русью; в этих условиях заявление о том, что русская княжеская власть исходит не от византийского императора, а из иного источника, звучало гордо. А что до вывода княжеской династии из-за границы, то такая родословная была обычной для многих династий Европы: французские короли выводили свою родословную от троянцев, немцы — от римлян, и т.д.

Позже этот же эпизод получил звучание, оскорбительное для патристических чувств русских людей.

Затем он воспринимался как доказательство законности и естественности господства правящих эксплуататорских верхов в России и, соответственно, положительно оценивался реакционерами и отрицательно — прогрессивными мыслителями.

Далее он приобрел прямо противоположное значение: принимался революционерами как оружие против великодержавного шовинизма и отвергался сторонниками старого режима.

Наконец, в наше время его вновь выдвигают как довод в пользу реакционной и порочной исторической концепции... Значит ли это, что принадлежность

Николай Иванович Костомаров,
участник дискуссии 1865 г. (фото 1870-х годов)

Лит. и Печат. В. Вадковичъ въ Варшавѣ изъ фотогра. И Мечковского.

Михаилъ Петровичъ

Михаил Петрович Погодин, участник дискуссии 1865 г.,
гравюра с фотографии начала 1870-х годов

к прогрессивной исторической школе обязывает отрицать достоверность этого эпизода?

Норманисты всегда обвиняли антинорманистов в том, что те жертвуют научными принципами в угоду национальному самолюбию. В свою очередь антинорманисты предъявляли норманистам обвинение в тенденциозности и злонамеренном искажении истины. И те и другие отличались острой нетерпимостью в отстаивании занимаемых позиций, и те и другие отталкивали от себя ученого, отрицающего достоверность хоть одного какого-нибудь положения их системы, и спешили зачислить его в лагерь противника.

Конечно, и у тех и у других на их подходе к историческим материалам сказывались национальные чувства и политические симпатии, в одних случаях благородные, в других — неприглядные, у одних резко, отчетливо и намеренно проводимые, у других — слабо, подсознательно, незаметно для них самих. Несомненно, что многие ученые старались беспристрастно, непредвзято разобраться в материале, найти объективное решение — таких-то чаще всего не принимали ни в тот, ни в другой лагерь.

Но вполне очевидно, что выяснение побуждений, приведших того или иного ученого к определенному решению, хотя и помогает уяснять причины популярности той или иной теории в данной среде, но не может служить аргументом в споре, не может опровергнуть ничьих доводов, не может определить справедливости или несправедливости теорий и их доказательств. Чтобы выяснить, кто и в чем прав, надо обратиться к самим этим доказательствам.

Давайте же обратимся к доказательствам, рассмотрим утверждения и доводы обеих сторон, положим аргументы на чаши весов. Ведь Погодин обращался к нам с апелляцией, пора ее разобрать.

Часть II.

Аргументы на чашах весов

1. Суть норманизма и corpus delicti

Идея, в которой заключается дух и суть норманизма, собственно говоря, почти никогда открыто не высказывалась норманистами, не выдвигалась и не защищалась. Норманисты-ученые обычно не заявляли, что ставят себе целью доказать неспособность славян к самостоятельному историческому развитию вообще, природную тупость и пассивность народных масс России. Многие из этих ученых субъективно и не ставили себе такой цели. Они лишь провозглашали и защищали частный тезис, — но тезис, послуживший конкретным воплощением этой общей идеи, ее материальной основой, — тезис о том, что в древности славяне не сумели цивилизоваться, создать государство и высокую культуру самостоятельно, без призвания норманнов.

Неблаговидное дело возведения этого тезиса в абсолют, развития его в общую идею о природном превосходстве германцев над славянами норманисты-ученые, вне зависимости от того, придерживались они сами этой идеи или нет, обычно предоставляли политикам и журналистам. Впрочем, иной раз она проскальзывала и в ученых трудах профессоров — например, в уже приводившихся высказываниях Шлёцера. Эта идея широко известна и в другом обличье — в виде фашистской «расовой теории», учения о природном превосходстве «нордической расы», северных арийцев, над всеми прочими.

Прежде чем обратиться к проверке обоснованности главного конкретно-го тезиса норманистов, необходимо раз и навсегда уяснить себе, что на самом деле из этого частного тезиса, даже если бы он оказался верным, по здравой логике вовсе не вытекает та злокачественная общая идея природного национального неравенства, с которой этот тезис оказался тесно связанным в результате длительного совместного бытования в науке. Иначе говоря, связь между этим частным тезисом и общей идеей не логическая, а историческая.

Из того, что на каком-то отрезке времени тот или иной народ оказался позади других и, чтобы быстрее ликвидировать отставание, прибег к заимствованию культурных достижений у соседей, учился у соседей, из всего этого еще

вовсе не вытекает, что данный народ и вообще не способен к самостоятельному развитию. В наше время многие народы азиатской части СССР с братской помощью русского народа быстро ликвидировали свое отставание и ныне показывают высокие образцы творческой одаренности и общественной зрелости. [Сей аргумент несет отпечаток своего времени. Ныне, после распада СССР и после самоопределения народов Средней Азии, такого, какое получилось, я бы повторил тезис о творческой одаренности, но вот насчет общественной зрелости некоторых из них, пожалуй, воздержался бы.]

Из того, что на каком-то отрезке времени тот или иной народ не имел своей государственности, находясь под властью пришельцев-завоевателей, тоже еще вовсе не вытекает, что данный народ и вообще не способен к самостоятельному государственному строительству. На наших глазах многие народы, бывшие под пятой чужеземцев, сбросили иностранное иго и создали собственными усилиями независимые государства.

Значит, сам по себе тезис о создании Древнерусского государства норманами не может обосновать ту идею, против которой, собственно, и поднимали оружие антинорманисты, — идею о роковой природной обездоленности русского народа и о превосходстве германцев над славянами. Этими соображениями определяется и отношение советских ученых к современным норманистам. Вполне очевидно, что сторонники этой бредовой расистской идеи являются нашими политическими врагами. Что же касается ученых-норманистов, которые ясно и искренне отмежевываются от этой идеи, хотя и признают конкретный норманистский тезис в ограниченном значении для узкого исторического периода, то для советских историков-антинорманистов такие ученые являются не политическими врагами, а лишь противниками в идейном и научном споре. (Разумеется, здесь имеются в виду только взаимоотношения по рассматриваемому вопросу, тогда как на деле в каждом конкретном случае могут оказаться и другие разногласия, характер которых здесь не может быть учтен.)

Их тезис сам по себе, при всем пронорманнском звучании, ничего не доказывает.

Тогда, спрашивается, почему именно советских историков так заботит проверка обоснованности самого этого тезиса? Не все ли равно, в таком случае, окажется он правильным или нет?

А вот не все равно. Можно было бы, конечно, ответить и так, что, мол, просто надо выяснить истину в данном вопросе, как и во всяком другом, — и дело с концом. Но это было бы упрощение. Тут основания посложнее. Да, в теории, разоблачая идею о природном неравенстве народов как вредную и несостоятельную, мы делаем упор на неправомерность выведения этой общей идеи из данного частного тезиса, вне зависимости от того, прочен ли самый

тезис, — и этого по строгой логике уже достаточно для опровержения идеи. Все же, поскольку в умах людей эта идея была долго связана с данным тезисом и на практике эти субъективные нити очень трудно рвать, постольку для развенчания враждебной нам идеи может пригодиться и разрушение тезиса, служившего ей конкретной базой, — буде, конечно, этот тезис окажется на поверку непрочным.

Это, так сказать, субъективная сторона дела.

Есть и объективная. Конкретный тезис норманистов, конечно, не может обосновать их общую идею, поскольку этот тезис затрагивает лишь один отрезок истории восточных славян — период возникновения государственности, — а общая идея имеет в виду весь ход истории восточных славян. Один этот тезис — слишком узкое, недостаточное основание для столь всеобщей идеи. Но если к каждому периоду истории восточных славян подсунуть по аналогичному тезису (а такие попытки были: для периода Киевской Руси на роль норманнов выдвигались византийцы, для периода раздробленности — татары, для петровского времени — немцы, и т. д.), то, глядишь, и строится солидное наукообразное основание для опасной и порочной идеи, стоит только проявить беззаботность и благодушие в отношении к подобным тезисам вообще.

Такая беззаботность и заключается в сентенции: из одного тезиса идею не вывести, значит, он не опасен. Взятые каждый раз в отдельности, в применении к каждому отдельному тезису, эти слова звучат как будто и верно, но на самом деле они верны только в применении к отдельному тезису, абстрагированному от всей истории, а в жизни эти тезисы не существуют в таком очищенном виде. Так что если применить эту сентенцию к каждому отдельному тезису, то в результате мы окажемся перед удивительным открытием, что применили ее ко всем подобным тезисам в совокупности — и просчитались. Один краеугольный камень — не фундамент. Это верно и в применении ко второму такому же, и к третьему, и так далее. Но все вместе они составляют фундамент. Так что один краеугольный камень не фундамент — и в то же время фундамент. В том смысле, что он часть фундамента. Один тезис норманистов — не основа для общей идеи норманизма и в то же время основа для нее: он часть фундамента.

Правда, он может из безобидного камня превратиться в часть фундамента вражеской крепости только при наличии остальных частей — других подобных камней. Более того, достаточно вынуть из фундамента хоть один из них, чтобы все здание рухнуло: ведь если был хоть один период в истории, когда проявились способности данного народа, значит, невозможно приписывать ему природное отсутствие способностей. Но как определить, какой из камней надо выбить? Очевидно, только одним способом — дотошной проверкой прочности каждого из них.

Только одна оговорка. Очень может быть, что непрочными, ломкими окажутся они все. Но если и не все — ничего страшного. Кто верит в наличие творческих сил и способностей у всех народов, кого вся логика современной действительности и совокупность фактов истории убедили в справедливости этой гуманной идеи, того не смутит преобладание иноземных влияний и внешних импульсов на каком-то периоде истории данного народа. Разумеется, это не резон отмахнуться от проверки прочности того тезиса, о котором речь, в уповании на успехи такой проверки по соседству. Что будет, если и коллеги на соседних участках науки проявят такую же леность мысли? А как знать, какой участок окажется плодотворнее других? Нет, это не резон, чтобы отмахнуться. Это лишь обоснование нашей ставки на полнейшую объективность в подходе к решению вопроса, к анализу аргументов. Нам нет нужды искажать истину.

Более того, тенденциозное искажение фактов даже на узких участках науки — не в наших интересах. А что греха таить, и у нас бывало, что иные исследователи для достижения сомнительного эффекта шли на такое искажение. Между тем, какими бы благими побуждениями оно ни вызывалось, сознательное или непреднамеренное, грубое или искусное, оно способно лишь дискредитировать методы нашей исторической науки, подорвать ее престиж и ослабить силу ее основных выводов. А именно за них идет бой. За них, а не за частности.

Наконец, не стоит забывать, что далеко не все норманисты злобно подбирают аргументы, чтобы унижить славян и возвысить норманнов, многие просто сопоставляют факты, как они им видятся; и далеко не все антинорманисты отвергают доказательства значительной роли норманнов на Руси, чтобы досадить иноземцам и отстоять самобытность славян, — есть же и просто слабые места в системе доказательств. Еще эмигрант В. Мошин (1931а: 113) замечал, что нельзя сводить весь спор к борьбе объективной науки с ложно понятым патриотизмом: в антинорманистах оказываются немец Эверс и еврей Хвольсон.

Этими соображениями нам и надлежит руководствоваться, взвешивая аргументы норманистов и антинорманистов на чашах критических весов.

2. Лестница в преисподнюю норманизма и проверка ступенек на прочность

Основной тезис норманистов можно разложить на пять утверждений, объединенных в одну логическую цепь. Каждое из них обосновывается группой фактов. Вот эти пять утверждений:

1. Основателем княжеской династии Киевского государства явился варяжский вождь Рюрик, призванный восточными славянами и их соседями и приведший с собой целое племя варягов.

2. Варяги — это скандинавские германцы, норманны.
3. Пришедшее в Восточную Европу племя варягов называлось русью, и от него это название перешло на восточных славян.
4. Варяги цивилизовали славян, оказав огромное влияние на всю славянскую культуру, что отразилось в вещах и в языке.
5. Варяги создали первое восточнославянское государство.

[Остаются заключительные утверждения, как раз и выражающие суть норманизма: (6) утверждение об изначальном биологическом превосходстве северных германцев (скандинавов) над славянами как причине успешности деятельности викингов на Востоке и (7) вывод к современности. Но эти утверждения я тогда не включил в норманнскую теорию, исходя из того, что они учеными не провозглашаются, не аргументируются и остаются вне науки. А мое рассмотрение было посвящено именно научным положениям и аргументам.]

Каждому из этих положений антинорманисты противопоставили контрположение, каждой группе аргументов — контраргументы.

Рассмотрим эти аргументы и контраргументы в намеченном порядке.

ПОЛОЖЕНИЕ 1

ПРИЗВАНИЕ РЮРИКА. Основателем княжеской династии Киевского государства явился варяжский вождь Рюрик, призванный восточными славянами и их соседями и приведший с собой целое племя варягов

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

1. Выдержки из древней русской летописи («Повести временных лет»), приведенные выше и описывающие этот эпизод (Sammlung 1734; Bayer 1735; Schlözer 1908: XXVIII, 306–308).
2. Более поздние сообщения русских летописей об аналогичных случаях, когда восточнославянские правители, схватываясь в междоусобицах, призывали на помощь варягов, а также и других соседей — поляков, половцев, а потом иной раз не знали, как избавиться от званых гостей. Эти более поздние факты подтверждают реальность и объясняют характер более ранних (Миллер 1733: 83–85; 1749: 47–49; Погодин 1825: 31, 39).
3. Топонимика Северной Руси содержит много топонимов с компонентом «рус-» или «варяг-»: в окрестностях Новгорода (район радиусом в 200 км) Р. Экблом насчитал не менее 50 таких (Ekblom 1915; Vasmer 1931).
- [4. Археология подтверждает летописные сведения о призвании: в Ладого, где, по одному из вариантов сказания (по Ипатьевской летописи),

вначале обосновался Рюрик, есть много ранних следов присутствия скандинавов (Кирпичников и др. 1978; 1986; Кирпичников 1997; 1998). Да и в Новгороде, на Рюриковом городище, где Рюрик обосновался по второму варианту, таких следов достаточно (Носов 1990: 184–192).]

5. Скорее всего, в каком-то скандинавском или латинском тексте речь шла об одном Рюрике, а другие два брата появились в результате ошибки одного из передатчиков легенды, слабо знакомого со скандинавскими языками и латынью. В XIX в. полагали, что первоначальный текст был «Rurik und sine getruwen» («Рюрик и его дружина»), но И. Первольф (1877: 52) считал такое объяснение курьезным. Позже объясняли дело так: эпитеты Рюрика *sig-niötr* (верный) и *thruwar* (победоносный) были ошибочно прочтены как имена (Беляев 1929: 244–245). Очень разпространенное объяснение: в саге говорилось, что Рюрик пришел со «своим домом» (*sin hous, sine hus*) и «верной дружиной» (*trêj wory, thru varing, tru vor*), откуда и образовались Синеус и Трувор (скептически о таком мнении — Мошин 1931в: 299). В России это объяснение популяризировал известный дипломат генерал А. А. Игнатьев (1941: 121) и принял Рыбаков (1956: 52). Но оно основано на плохом знании шведского языка. По самому последнему объяснению, обычное для военно-исторических сочинений латинское выражение «*turbarum seneus*» («над толпами старейший»), поставленное после имени Рюрика, древний переводчик прочел как собственные имена — так родились Трувор и Синеус (Stender-Petersen 1934). [А Шрамм (Schramm 1980) считает, что в Древней Скандинавии были имена, близкие к именам Синеус и Трувор, и заимствование должно было произойти не позже X в., а скорее — во второй половине IX в. (см. также: Ловмянский 1985: 275).]

ВОЗРАЖЕНИЯ АНТИНОРМАНИСТОВ

1. Летописец представляет нам Игоря сыном Рюрика, но между смертью Рюрика и периодом активной деятельности Игоря слишком большой разрыв во времени, даже если принять вместе с летописцем, что по смерти Рюрика Игорь остался младенцем («бе бо детеск вельми»). В самом деле, Рюрик умер в 879 г., Игорь женился на Ольге в 903 г., а их сын Святослав родился в 942 г., то есть после сорокалетней брачной жизни, когда Игорю было уже 70 лет. К этому же времени относятся и походы на древлян, в которых «старый Игорь проявляет необыкновенную прыть» и в которых ему пришлось сложить голову. Жизнь Игоря явно искусственно растянута летописцем для того, чтобы сомкнуть его биографию с биографией Рюрика (Тихомиров 1940).

2. Кроме «Повести временных лет» ни одно литературное произведение Киевской Руси не знает Рюрика как основателя княжеского рода. Другие важнейшие исторические сочинения раннекиевской поры («Слово о законе и благодати» Иллариона и «Память и похвала князю русскому Володимеру») возводят начало династии русских князей к Игорю, имя его «Старым» (Лихачев 1950).
3. Иноземные писатели также не знают такого русского князя — Рюрика, хотя и упоминают двух следующих князей — Олега и Игоря (Лихачев 1950).
4. Русским князьям обычно имена давались в честь предков. Между тем, вплоть до конца XI в., среди русских княжеских имен нет имени Рюрика, зато Олегов и Игорей в княжеской среде сколько угодно (Лихачев 1950).
5. «Повесть временных лет», как установлено остроумными и скрупулезными исследованиями ряда ученых, особенно ак. А. А. Шахматова, убежденного норманиста, не была написана одним автором и, что называется, в один присест. Она создавалась постепенно, в течение жизни нескольких поколений, и каждый летописец не только продолжал погодные записи своего предшественника, но и, бывало, переписывал заново весь труд, внося множество исправлений и добавлений в прежний текст. Первоначальный текст киевской летописи, который удастся предположительно проследить, относится к середине XI в., последняя редакция — к началу XII в. Нет никакой уверенности в том, что рассказ о призвании варягов дошел до нас в первоначальном виде (Пресняков 1938: 260–268, глава «Русь и варяги»).
6. В летописи немало противоречий, а разные ее списки иной раз излагают одно и то же событие по-разному, с диаметрально противоположной окраской. Это говорит о том, что авторы летописи не были отрешенными от мира иссохшими старцами, что они заботились не только о запечатлении на века событий и дел своего времени, не писали, «добру и злу внимая равнодушно». Как заметил А. А. Шахматов (1916: I: XVI), «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы». Поэтому нет уверенности в том, что рассказ о призвании варягов является точным изложением действительных событий, а не тенденциозным сочинением, долженствующим иллюстрировать ту или иную идею летописца и сильно искажившим первоначальное ядро легенды (Пресняков 1938; Кузьмин 1967).
7. Даже первоначальное ядро летописи отделено от событий, описываемых в рассказе о призвании варягов, почти двумя столетиями, то есть

- пятью-шестью поколениями. А первые местные письменные произведения появились не более, чем за век до летописи. Значит, сведения, легшие в основу летописного рассказа, могли дойти до летописца лишь через устное предание и, быть может, из иноязычных письменных источников, не дошедших до нас (Ламбин 1874). Правильно понять и истолковать лаконичные сочинения иностранных авторов того времени нелегко и современным ученым, а восстановить исторические события IX в. по устным легендам летописцу было труднее, чем нам по народным песням, сказкам и анекдотам о Петре Первом восстановить действительную историю его царствования — ведь в новое время фантазия сказателей несколько сдерживается параллельным существованием письменной истории, а тогда и этого не было (Лихачев 1945; 1950).
8. Основание династии старшим из трех братьев — сюжет, который нередко встречается в генеалогических легендах. В той же летописи говорится о Кие, Щеке и Хориве, старший из которых построил Киев. Призвание князей для наведения порядка также находит себе аналогии в других легендах: Видукинд из Корве излагает легенду о призвании бриттами саксов Хенгиста и Хорста, причем бритты характеризуют свою землю почти теми же словами, что и славяне: «terra lata et spatiosa» («земля обширна и раздольна») (Замечания 1864: 63; Томсен 1891: 92). Значит, в основе предания лежит обычный сказочный сюжет, часто применявшийся в разных местах. Как же восстанавливать из туманных легенд действительную историю (Греков 1939, ссылающийся на исследования А. Стендер-Петерсена — Stender-Petersen 1934, 1953; Пархоменко 1938а; Лихачев 1950)?
9. Ранние антинорманисты предпочитали верить в реальность всех трех братьев, только не признавать их норманнами. Имя Синеус как раз помогало объявлять их славянами (есть же славянские прозвища Черноус, Сивоус и т. п. — Венелин 2003: 47) наряду со сближением имени Рюрик с западнославянским названием сокола (рарог, ререг — Классен 1854). Позже критический анализ легенды подорвал доверие антинорманистов и к этому имени.

КОНТРПОЛОЖЕНИЕ АНТИНОРМАНИСТОВ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Историческим фактом IX в. было прибытие какого-то варяжского предводителя Рюрика в Новгород в качестве приглашенного князя или вождя наемной дружины. По летописи, Рюрик умер в Новгороде, и в самих событиях видны новгородские порядки — новгородцы и позже не имели наследственных князей, а «призывали» каждый раз нового князя, рядились с князьями об

условиях княжения (Иловайский 1871; 1876). Наем дружины и приглашение временного правителя могли впоследствии быть переосмыслены в призвание мудрых властителей (в этом антинорманисты используют гипотезу В. О. Ключевского). Призвание варягов, скорее всего, было, но не на княжение, а для помощи в войне, однако призванные узурпировали власть. Вскоре славяне восстали во главе с Вадимом Храбрым и перебили варягов [(Фроянов 1991)]. Долгое время память о Рюрике только в Новгороде и теплилась — там сохранилось Рюриково городище. В начале XI в., когда Ярослав Мудрый, правивший в Новгороде, призвал на помощь варягов, новгородцы некоторое время терпели бесчинства распоясавшихся «находников», а затем напали на варягов и перебили их.

Эта история очень напоминает летописный рассказ о приходе варягов в XI в., только конец несколько отличается: там у славян начались усобицы «и не бе в них правды» — пришлось призвать варяжского князя, чтобы «рядил... по праву», а здесь Ярослав дал новгородцам «Правду», то есть закон. Сходство обеих историй подозрительно. Но поскольку запись событий осуществлялась в XI в., а не в IX, можно полагать, что поздние события повлияли на изложение ранних. Сюжет, дошедший от IX в., был осовременен и детализирован в духе событий XI в. (Черепнин 1848: 247–249). Для новгородцев рассказ о событиях IX в. был ценен как исторический прецедент, как опора для традиции «рядиться» с приглашаемыми князьями. В виде устного предания этот рассказ еще в XI в. попал в Киев, где и был подключен искусственно к родословной правившего княжеского рода. Летописцу это пришлось по душе, так как обосновывало независимое от Византии происхождение русской государственной власти и подводило под идею о политическом братстве князей Русской земли реальную основу их кровного братства (Лихачев 1950 [Лихачев 1970; Likhachev 1970]). В начале XII в. очередной летописец, редактируя предшествующие записи, особенно подчеркнул момент «призвания», чтобы освятить традицией современные ему события — призвание Владимира Мономаха в Киев в нарушение законных прав других князей (Мавродин 1945).

ВОЗРАЖЕНИЯ НОРМАНИСТОВ

Все это только предположения, а не факты. В древнеславянском мире не было традиции выводить свои династии от знатных иностранцев. Летописцев интересовали не политические вопросы, а моральные проблемы (Paszkievicz 1954) и т. д.

[Что касается отсутствия имени Рюрик в агиографических сочинениях Киевской Руси, то Фомин (2005: 313–322) несколько ослабил значимость этого факта: при именовании князя традиция требовала только называть его отца

и деда, а не основателя династии. А долгому отсутствию его в именослове Фомин привел параллель: у Михаила Романова тезка появился только через три века — в конце династии].

ВЗВЕСИМ ПОЛОЖЕНИЯ И ДОВОДЫ ОБЕИХ СТОРОН

Трактовка эпизода призвания все время колебалась, с перевесом то в одну, то в другую сторону (Нильсен 1992), и в конце концов обе крайности дискредитированы.

История, построенная антинорманистами, действительно, хотя и правдоподобна, но не доказана. Однако для сути спора это и не важно. Важно другое: достоверность норманистской версии рассказа весьма подточена. Нельзя сегодня говорить с уверенностью ни о Рюрике как родоначальнике династии князей Киевской Руси, ни о двух его братьях, ни об их благотворительной и спасительной миссии наведения порядка на Руси. Ведь это все детали позднего рассказа о давних событиях. И у нас нет оснований верить в хорошую сохранность сведений, дошедших до рассказчиков через многие руки, нет оснований верить в древность этих деталей и, наоборот, есть основания возводить эти детали к поздним обстоятельствам.

С другой стороны, кое-что от фактов, отстаивавшихся норманистами, все-таки остается. [Остается соглашение между славянами и варяжским князем о его правлении по договору — по «ряду». Это очень важная традиция в севернорусских городах (Пашуто 1874; Мельникова и Петрухин 1994).] Остается имя знатного варяга Рюрика, княжившего в Новгороде в IX в. Остается варяжское происхождение киевских князей Олега и Игоря и многих их дружинников — их имена действительно не славянские (по-славянски они ничего не означают — в отличие, скажем, от имен Святослав или Всеволод). Варяги и позже не раз приходили на берега Днепра и Волхова. Это остается.

А это уже много. Вспомним, что Погодин многое соглашался отдать Костомарову, но не хотел отдать Рюрика, Игоря и Олега... Это много — но лишь при условии, что уцелеют следующие звенья в цепи положений норманизма. А как обстоит дело с ними?

ПОЛОЖЕНИЕ 2

ВАРЯГИ = НОРМАННЫ. Варяги — это скандинавские германцы, норманны

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

1. В летописи указано, что варяги пришли из Заморья, а в другом месте перечислены народы, живущие на берегах моря Варяжского, и, судя по перечню, имеется в виду Балтика. Значит, варяги пришли из-за

Балтийского моря, т. е. из Скандинавии (Kunik 1844–1845, Thomsen 1877; Томсен 1891).

2. Имена летописных варягов — князей и их дружинников — это не очень даже исковерканные в иноязычной передаче северные германские имена. Рюрик — это Хрё(д)рик, Игорь — Ингвар, Олег — Хелгу, есть еще Дир, Аскольд, Руальд, Свенельд, Инегельд, Фарлаф, Карлы и др. (Байер 1735; Погодин 1825 и др.).

[Примечание: долго считалось, что для Трувора и особенно Синеуса не удастся подыскать удовлетворительные аналогии в скандинавском наборе имен, но потом и им нашлись вполне сносные скандинавские аналогии (Ловмянский 1985: 275).]

3. В VIII–XII вв. норманны совершали набеги на различные области Европы — от Англии до Италии, достигали Византии. Во многих местах им удавалось утвердиться надолго и стоять во главе государств. Естественно полагать, что и Восточная Европа не избежала этой участи. Странно было бы предполагать противоположное (Погодин 1846, 1859а).
4. В Скандинавии в древнем героическом эпосе (сагах) сохранились песни о походах норманнских конунгов (королей) в славянские земли, в Новгород и Киев. Земли восточных славян называются в этих песнях Страной Городов (Гардарики), Новгород — Хольмгарддром, по-видимому, по имени Славенского Холма, а Киев — Кенугарддром и Острогарддром, т. е. Восточным Городом (Байер 1735).
5. В Ютландии и Фрисландии именно в IX в. подвизался норманнский вождь Хрёрик (Рорик), который вроде бы ходил и на Восток. Хрёрик вполне закономерно должен был в славянской речи превратиться в Рюрика ([Голман 1819:] Крузе 1836а; 1836б; Беляев 1930; [Касиков и Касиков 1990; Свердлов 1995]).
6. Само слово «варяг» по происхождению связано с северными германцами. Буква «я» в современном написании этого слова заменила древнерусскую букву «юс», которая читалась близко к «ин», так что в древности это слово звучало примерно как «варинги», сами скандинавы произносили это слово «верингр». «Варангами» византийцы называли гвардию императора, набиравшуюся из северных иноземцев, в основном германского происхождения — скандинавов, готов, англов, датчан и др. Эти наемники служили императору по договору, они клялись соблюдать ему верность.

Наиболее правдоподобное объяснение византийско-греческого слова «варангос» производит его от готского или герульского «варанг» «союзник» (Kunik 1844–45); иное объяснение такое: скандинавское «верингр»

- происходит от северогерманского корня «вер» — «клятва», родственного русскому слову «вера» (Томсен 1877 [Мельникова и Петрухин 1994]).
7. Сама реконструкция внедрения именно скандинавов в восточнославянские пределы вполне соответствует движению по «пути из варяг в греки» (Брим 1931; [Лебедев 1975]), описанному летописью (именно из варяг в греки, а не из грек в варяги) [и археологически прослеженному экспедицией Лебедева и Жвиташвили (Лебедев 1987; 1988; 1994; Лебедев и Жвиташвили 1999; Лебедев и др. 1975). Когда Исторический Музей в Москве устроил выставку археологических материалов этого пути, то она была озаглавлена «Путь из варяг в греки и из грек...» (1996) — и фраза была оборвана, поставлено многоточие, потому что путь из греков не вел «в варяги»].
8. Позже, в X–XI вв., уже вполне достоверные варяги прибывали на Русь из Скандинавии, в основном Швеции, а русские князья женились на скандинавских королевнах (например, Ярослав на Ингигерд). В скандинавских погребальных надписях есть сведения о приключениях викингов в славянских землях и Византии (Свердлов 1974), [а на арабских монетах из разных местностей «пути из варяг в греки» встречаются процарапанные рунические надписи и рисунки скандинавских кораблей (Добровольский, Дубов и Кузьменко 1991)].
9. Во многих местах восточнославянской земли найдены археологические следы пребывания норманнов. Это прежде всего поселения и могильники со специфическими чертами культуры, сближающими эти центры с раскопанными в Скандинавии и доказывающими их норманнскую принадлежность. В Бирке (Швеция) раскопаны могилы знатных норманнов, покойники лежали там внутри срубов, и вот богатые срубные погребения той эпохи обнаружены также в Киеве и Чернигове. У скандинавов был обычай погребать воинов в ладье — и под Смоленском, в Гнездове обнаружены такие погребения. Хороня своих воинов, норманны ломали их оружие и клали в таком виде в могилу — сломанные мечи обнаружены и в Гнездовских погребениях. В Швеции эпохи викингов хоронили под высокими куполообразными курганами — они отличались от низких полусферических курганов славян этого времени. Сам обычай насыпать полусферические курганы возник под скандинавским влиянием, до того славяне хоронили своих покойников под длинными валообразными курганами или вовсе без насыпей (Arne 1952; Abtman 1955; [Клейн и др. 1970; Кочуркина 1973; Лебедев 1985; Носов 1990; Стальсберг 1994; 1998; Жарнов 1992; Богуславский 1997; Андрощук 1999; Пушкина 1999; Седых 2003]).

10. При раскопках этих поселений и могильников Киевской Руси встречается множество предметов скандинавского производства или подражающих скандинавским изделиям. Таковы длинные железные мечи, черепаховидные фибулы (овальные броши-застежки в виде щитка черепахи), обручи с подвешенными к ним маленькими молоточками — изображениями атрибута Тора (бога северных германцев), на ряде вещей орнамент скандинавского происхождения в стиле «борре» и в стиле «Йеллинг», и т. п. (Арне 1912; [Корзухина 1964; 1966; Корзухина и Давидан 1969; Клейн и др. 1970; Дубов 1970; Кирпичников 1977; Лебедев 1985; Стальсберг 1987; Жарнов 1992]).

ВОЗРАЖЕНИЯ АНТИНОРМАНИСТОВ

1. В самой летописи не указана именно Скандинавия, «из заморья» — не обязательно должно означать «с противоположного берега моря» (Н. И. Костомаров 1860; Немиров 1898; [Фомин 2003]). Издавна анти-норманисты не ограничивали варягов Скандинавией — считали, что вся Европа может трактоваться как исходный очаг (Васильев 1858: 56).
2. Имена, очень близкие к летописным варяжским, есть не только в Скандинавии, но и в Юго-Восточной Прибалтике (Ломоносов 1876; 1952; ПД 1860) (примеры Костомарова приведены выше). У западных славян-вендов сокол называется Рарог, Ререг, Рурк — отсюда и имя Рюрик (Класен 1854; Шелухин 1929; [Никитин 1989; 1991]).
3. Имя Рюрик отсутствует в именослове самих шведов, а имена Олег, Ольга там поздние, со времени христианства, ибо слово *helig* означают 'святой' (Грот 1997).
4. Хрёрик, или Рорик Ютландский или Фрисландский, не может иметь отношения к летописному Рюрику, потому что хронология их жизни не совпадает: в 870-е гг. Рорик был еще на Западе, а по летописи в 860–862 гг. он должен был оказаться уже в Ладоге и Новгороде (Ловмянский 1963; Яманов 2001).
5. Саги не знают «пути из варяг в греки» по Днепру, молчат о порогах. Если бы норманны IX–X вв. были варягами русских летописей, то они бы отразили это в своих сагах (Юргевич 1867: 48; Иловайский 1876: 227, 316–317; [Фомин 2005: 381–382]).
6. Из всей массы предметов, найденных в Гнездовском могильнике и других подобных «факториях», лишь некоторые (черепаховидные фибулы, обручи с молотками Тора, вещи с орнаментами «борре» и «йеллинг» и т. п.) действительно представляют собой скандинавские изделия или сделаны под варяжским влиянием. Подавляющее

- большинство найденных здесь вещей на самом деле местного, славянского образца или завезено из других стран Европы. Длинные мечи, известные по всей Европе под наименованием мечей каролингского типа, изготавливались франками, от которых попадали и в Швецию, и к славянам. Наконечники стрел в Скандинавии преобладали ланцетовидные, а в Гнездове, как и везде у восточных славян, — ромбические. Копья у норманнов встречаются часто, в Гнездове — изредка. Шлемы у норманнов конические, в Гнездове, как и везде на Руси, — шишак, высокий, острый (Арциховский 1939; [1966]). Боевые топоры — характерное оружие норманнов. Но в раскопанных Гнездовских курганах (более 650) попался только один топор скандинавского типа, остальные 11 — другого облика, схожи с южными образцами. Горшки во всех гнездовских курганах чисто славянские. На одном сосуде даже процарапана славянская надпись. Правда, этот сосуд привозной с юга, но надпись процарапана не по сырой глине до обжига, а по обожженной поверхности. Норманнские же вещи — это большей частью не оружие и не хозяйственная утварь, а главным образом предметы личного убора, женские украшения, которые были обычной статьей торговли (Авдусин 1949; 1953). Итак, норманнских вещей здесь не так уж и много, да к тому же из них не каждая является, так сказать, норманнским паспортом покойника — часть вещей могла прибыть из Скандинавии в результате торговых связей и оказаться в славянских могилах. Между тем норманистам (Т. Арне и др.) достаточно было одной вещицы, чтобы окрестить весь комплекс, в котором она находилась, скандинавским. Но даже курганов с таким недостоверным норманнским паспортом в Гнездове не больше, чем явно славянских или неизвестной принадлежности, а курганов с целым комплексом скандинавских вещей — ничтожная доля.
7. Правда, в чужой стране норманны могли пользоваться местными вещами, но они не могли, оставаясь норманнами, отказаться от своих обычаев, погребальных обрядов. Как обстоит дело с этим в Гнездове и других подобных местах? Лишь некоторые курганы Гнездовского могильника действительно очень похожи на мелларские курганы Швеции, а большинство по типу местные, славянские (Арциховский 1939). Такие курганы возводились и у нас, да и не только у нас, в таких местах, где варягов вовсе не было. С другой стороны, в Бирке (Швеция) не все курганы высоки и куполообразны, есть там и низкие, полусферические. Порча оружия при похоронах и погребение в ладье встречаются у разных народов, не только у норманнов. Эти обычаи могли быть и у славян (Авдусин 1949; 1953).

Погребения в срубах по составу инвентаря и всем прочим признакам ничем не отличаются от столь же богатых погребений с кремацией покойника. Наличие сруба отличает богатые дружинные погребения от бедных. Точно также, как в могилах рядового славянского населения покоятся скелеты, то прах от сожжения, так и в богатых дружинных могилах славян жили оба этих обряда. Только при кремации сруб не сохранился (Блифельд 1954). Стало быть, и следы обычаев тоже подтверждают, что норманские воины здесь были, но не жили компактными группами. Нет у нас целых чисто норманских поселений и могильников. И даже в тех могильниках, где норманны обнаружены, они не составляют большинства.

8. В Швеции зарегистрировано более 2000 рунических (норманнских) надписей IX-XI вв., а на территории СССР — только несколько, в частности, одна на острове Березани в устье Днепра, две в Старой Ладогге, две в Новгороде. [Приводившиеся Б. А. Рыбаковым цифры здесь изменены в соответствии с новыми данными.] Сопоставляя этот факт с приведенной оценкой количества скандинавских вещей и комплексов, приходится заключить, что варягов было очень немного в славянской земле (Рыбаков 1962: 37; 1966; 1982: 489).

КОНТРПОЛОЖЕНИЕ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА АНТИНОРМАНИСТОВ

Варяги — это славянское племя с юго-восточного побережья Балтики, близко родственное литовцам и латышам, которые, собственно, те же славяне (Ломоносов 1766; Н. И. Костомаров 1860), или тождественное западно-славянскому племени вагров (Забелин 1876; Гедеонов 1876; Первольф 1876; 1877).

Высказывавшиеся по этому вопросу ВОЗРАЖЕНИЯ НОРМАНИСТОВ (о том, что все варианты этой гипотезы очень произвольны, о том, что имена варягов — это слова со скандинавскими корнями, а в других языках это чуждые слова, о том, что они не могли заимствоваться без причины и т. д.) были учтены современными антинорманистами, и ныне почти все антинорманисты признают варягов норманнами.

[Когда в 1960 г. я писал о том, что «почти все» антинорманисты отказались от идеи отождествлять варягов с западными славянами, я учитывал позицию В. Б. Вилинбахова и В. В. Похлёбкина, которые именно в 1960 г. высказались за эту архаичную идею. В основном Вилинбахов развивал эту идею в своих последующих статьях первой половины 1960-х и напомнил о себе в 1980-м. К этому времени за его идею ухватились новейшие антинорманисты А. Г. Кузьмин (работы 1970–2003 гг.) и его липецкий ученик В. В. Фомин (с 1990-х гг.) с некоторыми товарищами. Их считанные единицы, и в основном это историки.

ДИСПУТЪ

О ТОМЪ, КТО БЫЛИ ПЕРВЫЕ ПРИЗВАНЫ КЪ НАМЪ ВАРЯГИ — ЛЯТЫНЬИ ИЛИ НОРМАННЫ.

Настоящие родины Варяго-Руссы, Рюрики, Свенгусъ и Труворъ съ дружиною, сидятъ на скамьяхъ и ждутъ престола.

Однако жъ сужд. Поставъ лодкою и безполезного плаванья по морю Варяжскому, мы бросили шпротъ и объяснили, что, не стараясь извѣстнаго происхожденія вѣщаго князя Рюрика, Свенгуса и Трувора, мы обнаруживаемъ извѣстныя притчи и притчи извѣстныя вѣща и побѣды, удостоившаго насъ своимъ посещеніемъ. Можете ли выслушать окончательнаго престола, въ ту же минуту, разло черезъ 1000 лѣтъ, отъ извѣстнаго дня.

Диспутъ между Н.И. Костомаровымъ и М.П. Погодинымъ о происхожденіи Руси.
Карикатура изъ журнала Изъ коллекции музея «Истории СПбГУ»

НАЧАЛО РУСИ.

И. И. КОСТОМАРОВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ПЕЧАТНІИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1859

Титульный лист монографии
Н. И. Костомарова «Начало Руси»,
1859 г.

ОТЧЕТЪ О ДИСПУТѢ

ПОГОДИНА И КОСТОМАРОВА,

19-го марта 1860 года.

Стеченіе публики огромно. Вся большая зала университета наполнена; многіе не могутъ отыскать своихъ мѣстъ и стоять посерединѣ залы. Предъ началомъ диспута, громкіе крики: *сѣсть! сѣсть!* едва заставляютъ стоящихъ посерединѣ кое-какъ размѣститься.

Г. Погодинъ занимаетъ кафедру у лѣваго ряда колоннъ (если стать лицомъ къ входнымъ дверямъ), г. Костомаровъ у праваго ряда.

Ректоръ университета, г. *Плетневъ*, открываетъ засѣданіе краткой рѣчью, въ которой замѣчаетъ, что это первая попытка ускорить изустнымъ объясненіемъ разрѣшеніе спорныхъ ученыхъ вопросовъ.

Г. Погодинъ. Милостивые государи! Первое слово—благодарность обществу за то вниманіе, которымъ угодно было насъ удостоить! Въ спѣшномъ предстоящемъ, мы должны заимствовать тѣлства изъ источниковъ, покрытыхъ тлѣніемъ. Общество, являясь на этотъ тапкъмъ рвеніемъ, какъ-будто для эстет

Статья «Отчѣтъ о диспутѣ гг. Погодина и Костомарова
19-го марта 1860 года»
в газетѣ «Санкт-Петербургскіе ведомости»
за 1860 год (№ 67)

Титульный лист монографии М. П. Погодина
«Норманскій періодъ русской исторіи»,
1859 г.

НОРМАНСКІЙ ПЕРІОДЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

М. ПОГОДИНА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ПЕЧАТНІИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ
1859

Лингвистов и археологов среди них нет. Они опираются на некоторые высказывания археологов, в частности на работы немецкого археолога Хермана (1986), где показаны связи западных славян со скандинавами.]

ВЗВЕСИМ ПОЛОЖЕНИЯ И ДОВОДЫ СТОРОН

В аргументации обеих сторон важное место занимает рассмотрение курганных раскопок, особенно одного могильника, Гнездовского близ Смоленска. Представители обеих сторон допустили в пылу спора ряд ошибок и преувеличений.

Т. Арне объявил оружие из Гнездовских курганов скандинавским, тогда как стрелы и боевые топоры там славянские, а мечи широко распространены по всей Европе, изготавливались наверняка у франков, вероятно, также и в Швеции (их там найдено несколько тысяч), может быть, также и в России, правда, их здесь найдено менее сотни, но у некоторых по крайней мере рукоятка несомненно сделана славянскими мастерами, а анализ металла клинков позволяет допустить и их изготовление из местных руд. Но даже если они и привозные, то откуда они попали сюда — непосредственно с Рейна или через Скандинавию, — неизвестно.

С другой стороны, Д. А. Авдусин считает, что нашел славянскую разновидность поясов с молотком Тора — Арне указал пять таких в Бирке. Л. А. Голубева трактовала черепаховидные фибулы из киевских погребений как местное украшение, а Б. А. Рыбаков — как импортные вещи, принадлежавшие, однако, местным дружинникам. Арне в ответ напомнил, что эти фибулы в стиле “борре”, встречающиеся в могилах, как правило, служили застегками скандинавских женских одежд и, следовательно, не могли являться ни украшением дружинников, ни, по мнению Арне, даже предметами импорта: им нечего скреплять в одеяниях славянок — у них нет плащей, верхняя одежда другая.

Т. Арне по находке одной скандинавской вещицы в могиле готов объявить погребенного скандинавом, а по небольшой серии скандинавских вещиц, собранных из разных могил, и по следам скандинавских обрядов в некоторых курганах счесть весь могильник норманнским.

С другой стороны, Д. А. Авдусин по одной-двум славянским вещцам (височное кольцо, амфора с процарапанной славянской надписью) не только считает весь комплекс славянским, но и встреченные в нем скандинавские признаки (например, поломка меча) на этом основании отказывается считать скандинавскими. Д. А. Авдусин даже выдвинул своеобразную презумпцию славянской принадлежности неопределенных погребений. Согласно этой презумпции, на славянской территории все погребения, не обладающие ясно выраженными признаками принадлежности к славянам, норманнам или еще кому-либо,

должны считаться славянскими. Иными словами, по Авдусину, на славянской земле всякий беспаспортный незнакомец должен быть принят за славянина.

Обе позиции не обеспечивают объективного решения вопроса. Если придерживаться строгой научности и объективности, то придется отказаться как от выводов Т. Арне, так и от выводов Д. А. Авдусина в оценке Гнездовского могильника и аналогичных древних курганных полей.

В основном подавляющее большинство раскопанных курганов Гнездовского могильника — многие сотни — оказались без вещей и без каких-либо примечательных следов специфических обрядов. Эти небогатые курганы мы не в состоянии отличить ни от таких же шведских, норманнских, ни от местных, содержащих захоронения славянского рядового населения. Среди же богатых курганов, давших ученым обильный материал, только некоторые совпадают по всем своим признакам — и по обрядности, и по инвентарю — со шведскими и являются несомненными гробницами чистых норманнов. Но и таких, которые проявляли бы близкое сходство по всему облику, инвентарю и устройству с местными достоверно славянскими курганами того же времени или предшествующей поры, прямо скажем, немного.

В основном же Гнездовские курганы с погребениями состоятельных дружинников дают (в устройстве, следах обряда и вещах) разнообразные сочетания скандинавских признаков со славянскими, при явном преобладании славянских. Многие признаки вообще были общими для норманнов и славян: насыпание курганов, сосуществование вытянутого на спине захоронения трупа и кремации, и т. п. Подсыпка песка или пепла под тело, помещение урна в насыпи — славянские особенности; глиняная посуда — славянская; вооружение воинов — почти все славянское. Многие детали женской одежды и некоторые предметы вооружения воинов — скандинавские. Захоронение в ладье, порча оружия, помещаемого в могиле, а на юге, быть может, и идея сооружения срубов — скандинавский вклад.

Нельзя забывать, что мы имеем здесь дело не с крестьянским миром, сравнительно более замкнутым и, так сказать, настоящим на вековых традициях, а с дружинным окружением князей: здесь много оружия и богатых украшений, а височных колец, обычных для древнерусских крестьянок, почти нет. Эта среда была очень подвижна, восприимчива к новшествам и иноземным приобретениям. Она вобрала в себя и быстро ассимилировала варяжские отряды, несомненно, освоив при этом и кое-какие скандинавские элементы культуры. Эти скандинавские узоры были нашиты на славянскую основу. Вот почему так трудно разобраться в национальной принадлежности покойников из Гнездовских курганов, вот почему так трудно найти там и "чистых" норманнов, и "чистых" славян.

Таким образом, на этих материалах нельзя ни доказать наводнение восточнославянской земли скандинавами, как у Арне, ни свести число пришельцев к считаным единицам, как это стремится сделать Д. А. Авдусин. Но что даже в дружинной среде варяжский элемент, хотя и был весьма заметен, все же не преобладал над славянским, в этом материалы раскопок вполне позволяют убедиться.

Если, однако, вернуться к основному вопросу этой ступени спора — норманны ли варяги, имелись ли варяги на землях восточных славян, — то взвешивать утверждения сторон в этом вопросе просто даже не имеет смысла. Ясное дело, чаша норманистов камнем полетит вниз: чаша антинорманистов пуста.

[Отвержение шведского происхождения имени Рюрика не столь важно, как это представляется антинорманистам. Откуда бы ни происходили корни этого имени (пусть от кельтов или от названия реки), оно употреблялось у норманнов — хорошо известны исторические Рёрики Ютландии и других норманнских очагов. Что же касается Рёрика Ютландско-Фрисландского, то, во-первых, в его ютландско-фрисландской биографии есть лакуна для длительного пребывания на Востоке как раз в начале 60-х гг., а во-вторых, точность летописной хронологии сами же антинорманисты (да и не только они) поставили под сомнение.

А если слово «*helig*» с христианского времени означало в шведском 'святой', это вовсе не значит, что оно вообще не употреблялось до того в каком-то схожем значении — 'счастливый', 'блаженный', ср. эпитет Олега «Вещий».

Что касается молчания саг о ранних событиях проникновения норманнов в земли восточных славян, то мало ли по каким причинам ранние саги не отразили этих событий. Саги не энциклопедия и не географический справочник, а из ранних саг до нас дошли немногие. В скандинавской эпиграфике упоминания о приключениях викингов в восточнославянских землях (Гардарике) и Византии есть.

Так что спор на этой ступени антинорманистам не удалось выиграть, тут у норманистов перевес.]

Но сохранение этого звена "теории" необходимо норманистам лишь для удержания последующих звеньев, ибо само по себе оно не имеет существенного значения. Ну, были здесь поляки, французы, немцы, татары, воевали, даже иногда завоевывали, и все же нет такого ажиотажа. Были шведы — и ничего. А вот их предки норманны — из-за этих весь сыр-бор. Потому что от их пребывания предполагаются существенные последствия. Посмотрим же, как обстоит дело с последующими звеньями.

ПОЛОЖЕНИЕ 3

ЭТНОНИМ РУСЬ. Пришедшее в Восточную Европу племя варягов называлось Русью, и от него это название перешло на восточных славян

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

1. Недвусмысленное сообщение летописца: варяги, «зовомая Русь», и «от тех варяг... прозвася Русская земля» (Bayer 1735).
2. В византийской хронике Константина Багрянородного перечисляется два ряда названий днепровских порогов — один, слышанный от славян, другой — от Росов. Всего порогов семь, парные названия приведены для пяти. Славянские названия, хоть и несколько испорчены в иноязычной передаче, все же звучат действительно по-славянски: Эссупи (византиец переводит на греческий «не спи»), Островунипрах (островной порог), Неасит, т. е. Неясыть (он и в новое время называется Ненасытец), Вульнипрах (Волновой порог — он и позже назывался Волниг), Веруци («вручий» в древнерусском языке означало «бурлящий» — так это слово и переведено на греческий: «бурление воды»), Напрези (анализ этого ряда надписей — G. Y. Shevelov 1955). А вот их «росские» названия: Улворси, Аифор, Варуфорос, Леанти, Струкун... Это явно не славянские, скорее искаженные греческой передачей скандинавские имена. В самом деле, три из шести «росских» названий порогов оканчиваются на -ворси, -форос, -фор («fors» на древнесканд. значит 'порог'), еще два по грамматической структуре являются древнескандинавскими причастиями. Конкретнее, Улворси — это скандинавское Холмфорс, «островной порог»; Аифор — это скандинавское «Айрфор», «ненасытный порог»; Варуфорос — это скандинавское «Варуфорс», «каменистый порог»; Леанти — это скандинавское «Леанти», «Бурлящий» (Байер 1735; Thunmann 1772: 386-390; 1774; Karlgren 1947; Vasmer 1959; [Толкачев 1962]). Как видим, по смыслу те же названия, что и славянские. «Праг» вместо «порог» и южное «х» вместо «г» побуждают исследователей думать, что славянским осведомителем Константина был кто-то из южных славян (болгарин?). Фальк счел славянские названия уже украинскими (Falk 1951), что раскритиковано другими (Shevelov 1955; [Толкачев 1962; Sahlgren 1964: 77 — 86]).
3. Одна из западноевропейских хроник (Бертинские анналы) упоминает о прибытии к французскому королю Людовику Благочестивому в 837 г. каких-то подозрительных «послов». Путь их во Францию лежал через

- Византию. Называли они себя подданными «хакана Рос» (Rhos). Титул кагана и позже (еще в XI в.) применялся к киевскому князю. Французы опасались, не шпионы ли это страшных норманнов. И действительно, по исследованию оказалось, что они «из рода шведов» (Bayer 1735).
4. Еще один западноевропейский источник (сочинение Лиутпранда, епископа Кремонского) дает следующее перечисление народов, живущих к северу от Константинополя (с востока на запад): венгры, печенеги, хазары, «русь, которых мы называем норманнами», болгары, и т.д. (Bayer 1735).
  5. Арабский писатель начала X в. Ибн-Руста рисует родину русов как большой остров с лесами и болотами. Оттуда русы на кораблях прибывают в землю славян, грабят их и продают в рабство хазарам. Сведения об острове могут относиться к полуострову Скандинавии или острову Готланд (Fraen 1832).
  6. Арабский писатель конца X в. Аль-Якуба говорит о нападении руссов на Севилью в 844 г. По другим источникам известно, что в 844 г. на Севилью напали норманны (Westberg 1898; Вестберг 1903). Славяне же никогда на Севилью походом через всю Европу не ходили.
  7. Еврей, которого араб Аль-Бакры называет на арабский манер Ибрагимом ибн Якубом (что, очевидно, передает имя Авраама бен Иакова), был в 973 г. при дворе Оттона I в Мерзебурге и получил там любопытные сведения о русах. Русы приходили туда, как и славяне, с востока, но они же грабили население Юго-Восточной Прибалтики, появляясь в ладьях с запада. Это может относиться к норманнам (Куник и Розен 1878).
  8. Финны до сих пор называют русскими (часть финнов произносит «руотси», часть — «руосси») не восточных славян, а шведов (Г.-Ф. Миллер 1749; 1788; Thunmann 1774: 366–368). [И уже в VIII в. так называли (Falk 1981).] в Швеции есть местность, называемая Рослаген, т. е. «русские селения» (Schlözer 1774; А.-Л. Шлөцер 1809).
  9. Словом «родс» на древнешведском языке назывались гребцы, а ведь норманны как раз и известны прежде всего как морские разбойники. Окончание множественного числа -R, по скандинавским фонетическим законам, очень рано, еще до выделения шведского языка, превращалось в -z (Ekbo 1958; 1981), а звук «д» перед свистящими в шведском языке легко ассимилируется, так что наряду с «Родс» должно было появиться и «Росс». Но шведское долгое «о» звучало близко к нашему «у» и при переходе слова в финский язык должно было дать «уо», а в славянском — «у» (Kalima 1955: 42).

Сравни: греч.	шведск.	финск.	восточнослав.
δομος, дом	dom	tuomio	(у восточных славян «дом», а не «дум», т. к. слово это непосредственно взято у византийцев)
	stol	tuolio	стул
	loka	luokka	лук
	Suomi	Сумь	

Поэтому вполне закономерно:

Рѣс ← rods, ross → Ruotsi, Ruossi → Русь

Иными словами, как шведскому «стол» соответствует финское «туоли» и наше «стул», как финское самоназвание «Суоми» превратилось у нас в Сумь (это обычное у нас оформление народных имен севера — Весь, Чудь, Водь и т. п.), точно так шведское «Росс» должно было превратиться в финское «Руосси», а финское «Руосси» — в наше «Русь». Значит, дело было, очевидно, так: норманны продвигаясь на восток, отрекомендовались там как «гребцы» — «Росс» (каковыми они и были). Под этим именем и прослыли у финнов все норманны. От финнов это их название усвоили восточные славяне, а впоследствии, получив от Руси княжескую династию, и сами приняли это имя (Bayer 1735: 276–279, 295–297; Г. Ф. Миллер 1749; Kunik 1844; Куник 1875; Я. Грот 1860; Крон 1871; Thomsen 1877; Томсен 1891; Куник и В. Розен 1878; А. А. Шахматов 1908; 1919; Погодин 1925; Vernadsky 1956).

ВОЗРАЖЕНИЯ АНТИНОРМАНИСТОВ

1. Назывались ли норманны исконно «русами»? Ведь известно, что варяжские наемники служили в дружинах киевских князей. Будучи киевскими послами, защищая интересы Киевского государства, варяжские дружинники, естественно, объявляли себя при иностранных дворах представителями славянского народа, чье имя было «русские». Настойчиво твердя, что они «от рода русского», эти варяги и ввели в заблуждение византийских писателей. То же происходило и в Западной Европе, а в случае с послами «кагана Рос» придворные Людовика, быть может, и не ошиблись: это могли быть попросту норманнские шпионы, выдававшие себя за киевских послов (В. Пархоменко 1938; С. В. Юшков 1940; М. Н. Тихомиров 1947).
2. Некоторые упоминания иностранных писателей (те же Бертинские анналы, беседа византийского патриарха Фотия) о росах на юге относятся ко времени до 862 г., то есть до летописной даты прибытия Рюрика. Значит, в них не имеются в виду варяги (В. И. Ламанский 1859).
3. Несколько указаний летописи, отождествляющих Русь с варягами, являются, судя по стилю и сличению разных списков летописи, поздними

- вставками — их не было в первоначальном тексте летописи. Например, выражение «к варягам, к Руси» звучит неловко, неуклюже. Естественнее сказать просто «к варягам» или только «к Руси». Факты подобного рода собраны А. А. Шахматовым (1908; 1916), хотя он и был норманистом, а также учеником Шахматова М. Д. Приселковым (1940).
4. Некоторые иноземные писатели с конца IX в. и позже (анонимный «Баварский географ», араб Ибн-Хордадбе и др.) недвусмысленно называют руссами славян (Хвольсон 1869; М. Н. Тихомиров 1947).
  5. Почему бы это славянам не напасть в 844 г. на Севилью?! Этот подвиг вполне был им по силам (Крузе 1839).
  6. Из летописи видно, что во времена ее написания русью назывались не какие-либо варяги, а восточные славяне, прежде всего Киевской земли. Более 270 раз упоминается слово «Русь» в «Повести временных лет», из них примерно 260 раз это наверняка не варяги. Время, когда варяги появились в Восточной Европе, было для летописцев далеким прошлым, а сведения, сохранившиеся с той поры, — весьма туманными преданиями, которые надо было сопоставлять и объяснять. Так что летописцы писали свое сочинение (исключая последние записи) не как репортаж о свежих событиях, а как ученый труд по истории. Поэтому летописное сообщение о происхождении слова «Русь» является для нас не свидетельством очевидца, а гипотезой ученого того времени, которую еще надо доказать. Летописец и редактор летописи Нестор, увлекавшийся поисками происхождения племен и племенных названий, имел перед собой легенду о призвании варягов и византийские хроники, в которых норманны именовались русскими. Из сличения этих данных и родилась его гипотеза, а Нестор стал, по выражению М. Д. Приселкова, первым русским «ультранорманистом», опередив Байера. «Это утверждение летописца — чистый домысел, трафарет исторического мышления летописца, его гипотеза, с которой пора перестать считаться» (Лихачев 1950).
  - [7. Финское Ruotsi при переходе в славянский по всем законам сравнительной фонетики должно было дать «Ручь» или «Рущь», а не «Русь» (Черных 1956: 100; Sørensen 1968: 147–148; Горский 1989).]

КОНТРПОЛОЖЕНИЕ АНТИНОРМАНИСТОВ

«Русь» — исконное самоназвание восточных славян. Во всяком случае, название не скандинавское, а южное (Федотов 1837; Пархоменко 1923; 1924; Тихомиров 1947; Рыбаков 1953; Thulin 1981).

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

1. В очень древних сочинениях иноземных авторов, за многие сотни лет до варягов, упоминаются народы Северного Причерноморья, названия которых звучат близко к слову «Рос» — аорсы, роксаланы, росомоны и др. Это прямые предки восточных славян (Ломоносов 1749/1952; 1760/1952; 1766; Ewers 1814; Венелин 1836–1839?/2003: 29; Гедеонов 1876; Падалка 1914; 1915; Сюсюмов 1940; Рыбаков 1953).
2. Слово это отложилось во многих местных названиях Восточной Европы от Ладожского озера до Поднепровья: Раха, Раса — название Волги, речка Рось — приток Днепра, речка Рось — приток Немана, речка Руса и город Старая Русса, и т. д. (Иловайский 1876; Кнауэр 1899). Прежние старания антинорманистов отстоять южное происхождение самого этноса вместе с этнонимом «русь» и доказать, что никаких норманнов тут не бывало, остались историографическим эпизодом. Спор теперь идет только об имени. [Это писалось в 1960 г. и было еще так в 1967-м, когда вопрос обобщил Шаскольский (1967). Новейшие антинорманисты снова вернулись к отброшенному положению о том, что росами-русами назывались не норманны.]
3. Уже до призвания варягов и прихода Рюрика в Киев росы известны в Византии, стало быть, это славяне. Византийцы различали росов и варягов и никогда не смешивали этих понятий. Если норманны включались в варяжскую гвардию императора, то кто же росы-русь? Никак не норманны, а славяне (Васильевский 1874 — 1875).
4. Даже сам термин иногда принимается за исконно русский, т. е. восточнославянский — из корней «руд-» (рудой, т. е. рыжий, русский!), «рушить» (польское «ruszyć» — ‘идти’, ‘двигаться’, ср. «русло»), с этим, мол, связаны Старая Руса, Порусье (Otrębski 1960; [Rospond 1977; Роспонд 1979]). Но так как логика такого выведения этнонима неясна, то попытка реализовать эту идею возникла весьма поздно и повисла в воздухе. Впрочем, другой вариант этой идеи, но исходящий не от внешности, а от символики, привлек сторонников. Имеется в виду противопоставление красного другим цветам в символизации этносов (Завитневич 1892; [Паранин 1990; Шарымов 2004]).
5. Антинорманисты XIX в. воодушевились идеей вывести этноним от западных славян побережья Балтийского моря — рутенов, ругов и проч. (Венелин 1848; Гедеонов 1876) [что подхватили современные антинорманисты (Кузьмин 1970). Но так как руги все-таки (по крайней мере, по происхождению) германцы, а этимология этнонима рутены неясна,

пришлось подумать и о кельтском происхождении названия, предложенном вне антинорманизма (Unbegaun 1969; Pritsak 1986) — идею принял Кузьмин (1974 и др.).

6. Местные древние названия территории нашей страны с этим корнем тоже постепенно пришлось признать неславянскими. Антинорманисты готовы были принять иранское (скифо-сарсмитское) происхождение этнонима: руks, рохs, рош и т. п. — «светлый» (Толстов 1947; Vernadsky 1956; [Вернадский 1986: 268, 286, 289; Седов 1982: 111–112] или индоарийское (Трубачев 1977), лишь бы не скандинавское. В связи с этим стоят и предложения истолковать названия порогов с осетинского, т. е. иранского языка (Брайчевский 1985)].
7. Скандинавскому названию противостояла также и одна гипотеза, выдвинутая не антинорманистами, — о готском происхождении этнонима, но от *hrods* «слава» (Куник 1875; Будилович 1890[; Söderlind 1978]). Однако в готском языке согласные не могли пережить такие превращения — отпадение *h* и превращение *d* в русское *сь* (Браун 1892). [Большей частью все формы с «рос» имеют в древнем виде не «о», а ер («ъ»). А в русском языке этот звук в «у» не переходил (Назаренко 1980; Schramm 1982; Константин 1989: 301).] Поэтому готская гипотеза не принята ни норманистами, ни антинорманистами.

ВОЗРАЖЕНИЯ НОРМАНИСТОВ

1. Примерно то же, что выдвинуто против готской гипотезы, может быть предъявлено и всем антинорманистским гипотезам. Древний термин «Рос» нельзя связывать со словом «Россия»: в восточнославянской терминологии оно появилось лишь в московское время, да и то под влиянием греческой и латинской литературы. А там этот термин либо обозначал тех же скандинавских пришельцев, либо был отражением библейского «Рош» (у греков, не умевших произносить «ш», это звучало «Рос»), а термин этот в Библии обозначал предводителя гибельных племен Го́г и Маго́г (Флоровский 1925; Сюзюмов 1940).
2. Местные этнонимы подобного звучания широко распространены по всему миру. В Киевское же время самоназванием служило только слово «Русь». Названия древних народов и по звучанию весьма далеки от слова «Русь», а сами эти народы не являются родственными славянам по происхождению.
3. Конкретные пути превращения этих названий в слово «Русь» невозможно увидеть — нет таких закономерных звуковых соответствий между языками, которые позволили бы предположить такое превращение. Как же термин

«Рос» превратился в «Русь»? Первое объяснение: под влиянием польского языка — ср. наши «бог», «мой», «король», «толстый» и польские: «буг», «муй», «круль», «тлусты» (Ломоносов 1952: 33). Второе объяснение: сказался приход в Поднепровье масс северорусского населения, которое в некоторых именах «о» произносило как «у», поэтому на юге речка Рось, Россава, на севере — Старая Русса; южные соседи греки писали «росы», арабы же, заходившие далеко на север, — «русы»; на севере Булгар, на юге — болгары; у автора VI в. — Боз, у автора XII в. — Бус (Рыбаков 1953: 100). Но поляки в Киевской Руси никогда не имели существенного влияния, а второе объяснение (ак. Рыбакова) чересчур гипотетично, чтобы служить доказательством. Да и какое северное нашествие славян предполагается на раннюю Киевскую Русь?

4. Норманны-послы «хакана Рос» не были самозванцами. В 871 г. король Людовик Немецкий в письме к византийскому императору Василию I Македонянину писал, что титул кагана (*сaganum*) носят правители авар, хазар, болгар и норманнов (*normannorum*). Хазарский каганат известен, авары и болгары — тоже кочевники, а норманнов приходится отнести к «хакану Рос», каковым титулом именовали себя киевские князья.
5. Выявленное В. Г. Васильевским византийское различие варягов и росов относится к позднему периоду — начиная с XI в. (Васильевский и сам строго соблюдал этот временной предел). В IX в., когда русь нападала на византийские города, как и на западноевропейские города (Севилью!), термин «варанг» в Византии еще не применялся, различия еще не было, и росы могли быть только норманнами. Кстати, только от них греки и могли получить термин «рос». Славяне ведь произносили этот термин «русь». К XI же в. (время Ярослава) термин «русь» уже ассоциировался с Киевским государством и его населением (принявшим этот этноним от своего верхнего слоя), варяги в Киеве — со скандинавами, а в Византии — с европейскими воинами разного происхождения — англами, скандинавами и другими.
6. Что же касается выведения слова «русь» из славянских корней с «ру-» («русый», «русло» и проч.), то созвучий можно найти сколько угодно, но конкретные пути превращения этих слов в этноним не засвидетельствованы, а главное — тогда необъяснимы все приведенные выше противопоставления русских (норманнских) и славянских этнических словоупотреблений.
7. Трудности же выведения термина «Русь» из *Ruotsi* отпадают, поскольку переход *-ts-* в *-ss-* произошел еще в финноязычной среде — там произносилось и *Ruossi*].

[7. Взгляните еще раз на пары названий Днепровских порогов у Константина Багрянородного (греческая передача славянских и русских имен и перевод):

слав. Островунирах — русск. Улворси=сканд. Хольмфорс (островной порог)

Неясыть — Аифор Айрфор (ненасытный порог)

Веруци (вручий) — Леанти Леонти (бурлящий)...

Перед лицом такого соответствия попытки истолковать «росские» названия как скифские (Брайчевский 1985) или во всяком случае оспорить их скандинавское звучание (Тимофеев 1999) выглядят безнадежными — итог подведен в подробных комментариях к изданию Константина Багрянородного коллективом под руководством Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева (Константин 1989: 318 — 326)].

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КОНТРПОЛОЖЕНИЯ АНТИНОРМАНИСТОВ

1. Русь — вообще не этнический термин, а социальный: название княжеской дружины и знати, военного сословия, верхнего слоя общества, потом распространившееся на весь народ (Соловьев 1858; Падалка 1914; Юшков 1940: 37–59; Тивериадский 1942; Юшков 1949: 57–63; [Акопов 1967]).
2. Высказывалось еще компромиссное предположение: оба утверждения справедливы, было название Русь или, точнее, Рос на юге до варягов, но Русью назывались и варяги, пришедшие с севера, оба эти названия слились в одно (Брим 1923 и др.).

ВОЗРАЖЕНИЯ НОРМАНИСТОВ

1. Социальное значение термин «русь», несомненно, имел — и на раннем этапе своего существования, и на позднем, его никто не отрицает. Но это значение не противоречит этнической окраске. Вопрос же стоит о происхождении и этническом характере термина при попадании в славянскую среду, о его приходе из Скандинавии (Smał-Stocky 1949; [Хабургаев 1979: 215–220; Лебедев 1985: 241–249; Мельникова и Петрухин 1989; Stang 1996]).
2. Что же касается компромисса со слиянием южного и северного терминов, то, как отмечает Д. С. Лихачев, «так можно предполагать разве только с отчаяния перед сложностью проблемы» (1950: 241). Это не совсем так. Термины встречались, существование одного влияло на другой, люди связывали живые и близкие им термины с новыми и чужими. Но это не отменяет вопроса об их происхождении и доминировании.

Реально у нас остаются только два взаимоисключающих положения. Впрочем, даже если не считать их взаимоисключающими, это еще не делает их равнозначными по убедительности.

ВЗВЕСИМ ПОЛОЖЕНИЯ И ДОВОДЫ СТОРОН

При сравнении обоих положений и их доказательств бросается в глаза, что положение, выдвинутое норманистами, значительно прочнее обосновано, чем противоположное. Возражения антинорманистов лишь ставят под сомнение некоторые доводы (например, происхождение «Росс», «Русь» от *rods* — 'гребцы'), но не разрушают всю систему доказательств. Неважно, что на самом деле означало на севере *Ross* (смысл названий этносов чаще всего утерян), важно, кого оно обозначало. А оно у финнов означало шведов, и это непреложный факт, снимающий любые возражения. Да и не все эти возражения убедительны. Трудно представить, чтобы варяги могли ввести в заблуждение византийских писателей, назвав себя чужим именем, именем, взятым у славян, когда византийцам были хорошо знакомы и те и другие, причем варягов они узнали гораздо позже, чем славян, и первоначально из других источников — с Запада.

Упоминания о росах на юге до 862 г. можно было бы считать веским возражением против отождествления их с варягами, если бы дата прибытия Рюрика считалась абсолютно достоверной и если бы можно было оставаться в уверенности, что до Рюрика варяги не показывались в славянских землях. Если бы...

Но это не так — ни то, ни другое. Все этапы путешествия слова «Русь» из Скандинавии прекрасно прослеживаются в языках живых народов. Изменения этого слова в дороге имеют не случайный характер, а подчиняются всем законам словотворчества, всем правилам общения между конкретными языками. Стало быть, если бы даже признать, что утверждение летописца — гипотеза, а не факт (что само по себе тоже гипотетично), то надо признать также и то, что это хорошо обоснованная, очень правдоподобная гипотеза, имеющая на своей стороне веские аргументы.

Иначе обстоит дело с противоположным утверждением. Его аргументы несостоятельны. Возражения, предъявленные со стороны норманизма, снимают их целиком и полностью. От них не остается ничего, кроме благих пожеланий. Лингвистическое построение Б. А. Рыбакова не может избежать общей участи других доказательств этого ряда. Его сопоставления натянуты.

Византийцы слышали впервые слово «Росс» у себя на родине от самих норманнов, которые его произносили через «о» (да и аллюзии с библейским «Рош» действовали), арабы же узнали это слово в славянских землях,

очевидно, сначала от славян, которые, согласно звуковому закону, изложенному выше, произносили это слово через «у». Имя Боз взято у германского автора (Иордан), Бус — у славянского («Слово о полку Игореве»). «Булгар» — самоназвание тюркского племени, воспринятое в такой форме многими славянскими языками (в том числе южными — напр. хорватским), а восточные славяне не произносили это слово через «у» ни на севере, ни на юге.

Неманская Рось находится на той же широте, что и Старая Русса; оба эти места из древних славянских племен первыми узнали кривичей — отнюдь не южное племя. Стало быть, на этих нескольких сопоставлениях, большей частью отражающих произношение неславянских народов, реконструировать двойное произношение внутри восточнославянского языка никак нельзя, ставить ли это раздвоение в зависимость от территории (север-юг) или от времени (сер. I тыс. — конец I тыс.). Если корень Рос-, встречаемый в некоторых географических названиях Среднего Поднепровья, был связан с названием народа, то отчего же он не изменился в Русь вместе с этим названием, подчиняясь тому же звуковому закону? Остается заключить, что этот корень, как и трезвучие «Рос», вылуциваемое из названий некоторых народов Северного Причерноморья, очевидно неславянских, никак не связаны с названием Киевской Руси.

Этот пункт спора вызывал и отчасти еще продолжает вызывать особенно бурное кипение страстей. Между тем, если трезво поразмыслить, вопрос того не заслуживает. В чем причина особого упорства антинорманистов в этом вопросе? Несомненно, здесь сказалось чувство патриотизма — но патриотизма ложно понимаемого. Антинорманистам казалось зазорным носить национальное имя чужеземное, заимствованное у скандинавов. Да и не только антинорманистам — даже такой яркий норманист, как Погодин, понимал дело точно так же. «Я долго боролся с самим собою относительно норманнского происхождения руси, — говорил он, — мне трудно было верить, что русь были не славяне...»

Да полноте, зазорно ли это? Ведь речь идет о чисто лингвистическом происхождении имени, о термине, о слове, а не о его реальном значении. Звучанию имени народного придают красоту и особую, волнующую силу не грамматические элементы слова, не происхождение его составных частей, а славные дела народа, его роль в истории, его место в современном мире. Не в духе передовой отечественной науки да и не к лицу любому культурному человеку кичиться знатностью предков или чистотой рода.

Но причем здесь происхождение этнического термина «Русь»!

В 1917 г. в пророческих стихах изливал свое чувство любви к Родине Андрей Белый:

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня:
Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня!

Что для этого живого чувства грамматическая история слова «Россия»?

И позже Маяковский гремит во весь голос:

Я русский бы
выучил
только за то,
Что им
разговаривал
Ленин.

А не за то, что слово «русский» по происхождению исконно славянское.

И откуда бы ни пришло тысячу лет тому назад слово «Русь», по каким бы причинам ни приобрело свое позднейшее значение — все так же нежно и победно будут звучать слова и мелодия чудесной песни:

Россия, Россия,
Россия — Родина моя!

Известно, что личные имена, издавна живущие в русском народе, в большинстве заимствованы, как и имена остальных европейцев, из нескольких источников. Значительная часть их (такие как Иван, Михаил, Гавриил, Даниил, Семен, Яков, Иосиф, Илья, Анна, Мария и др.) взята из Библии, то есть из древнееврейского языка. Другая часть, которая из Евангелия и Миней (Александр, Алексей, Леонид, Николай, Георгий, Федор, Василий, Андрей, Антон, Петр, Степан, Дмитрий, Ирина, Настасья, Елизавета, Екатерина, Елена, Софья и др.), — из греческого. Есть еще группа имен (оттуда же) латинского происхождения (Валерий, Виталий, Виктор, Павел, Максим, Галина и др.). Есть имена скандинавские (Игорь, Ольга, Олег, Рюрик), английские (Артур), болгарские (Борис), грузинские (Тамара, Нина), немецкие (Эдуард, Герман, Роберт), польские (Станислав), татарские (Тимур) и проч.

Имя Руслан только кажется русским — по созвучию. Оно поступило от татар. На деле это переделка тюркского Арслан — «Лев». Имя Лев — вроде бы русское, но так как львов на Руси не было, то и оно заимствовано — из греческого Леон (сначала русские, не любившие зияния гласных, произносили Левон, как до сих пор в белорусском, потом сократили до Лев). Владимир тоже звучит по-русски, но, очевидно, это «народная этимология», т. е. подлаживание к русским корням чуждого имени, видимо, германского (а по более глубокому происхождению — кельтского) Вольдемар. Ведь древнерусское звучание — «Володимир», а не «Володимир».

Лишь очень немного имен исконного восточнославянского происхождения живут у нас по сей день (Ярослав, Святослав, Вячеслав, Всеволод, Вера, Надежда, Любовь, новообразованное Светлана). И дивное дело — никому все это не кажется зазорным.

Французы справедливо гордятся своим народным именем, им приятен звук слова «Франция», хотя в далеком прошлом страна и ее нынешнее население получили это имя от германского племени франков. Болгары, народ славянский, получили свое название от тюркского племени булгар, пришедших на Дунай с Волги и утвердивших в славянской стране свою династию. Многие названия современных народов обязаны своим происхождением случаю, происхождение большинства вообще неизвестно, теряется в потемках...

Не пора ли сказать норманистам: «Да, в этом вопросе вы правы. Ну и что из того?» Не пора ли перестать спорить по пустякам и сконцентрировать внимание на более существенных вопросах?

Обратимся и мы к ним.

ПОЛОЖЕНИЕ 4

КОЛОНИЗАТОРЫ И КУЛЬТУРТРЕГЕРЫ. Варяги колонизировали и цивилизовали славян, оказав огромное влияние на всю славянскую культуру, что отразилось в вещах и в языке

Вот это уже вопрос существенный! Ну-ка, доказательства сюда!

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

1. С IX в. резко меняется весь облик культуры и быта восточных славян, замечен крутой подъем во всех сторонах народной жизни, появляются города, а ведь именно в IX в. прибыли варяги (Шлёцер 1773; 1809; Paszkiewicz 1954).
2. По всей Киевской Руси имеется значительное количество крупных варяжских колоний, бывших центрами цивилизации, — они сразу выделяются своим богатством и более высокой культурой по сравнению с туземной средой. Таковы поселение Старая Ладога, Гнездовские поселение и могильник под Смоленском (несколько тысяч курганов), Черниговские курганы и пр. (Спицын 1899, Арне 1914; 1952). От мест обитания славян эти колонии отличаются именно богатством и высоким культурным уровнем. Как уже было указано, в Бирке (Швеция) раскопаны могилы знатных норманнов, где покойники лежали внутри срубов, и вот такие же срубные погребения той эпохи обнаружены также в Киеве и Чернигове, именно богатые.

3. Свидетельства варяжского культурного влияния сохранились и в нашем языке. До сих пор мы называем теплые рукавицы варежками, очевидно, в память того, что этот вид рукавиц занесли к нам варяги. Из языка северных германцев заимствованы слова: «ларь», «лавка», «ящик», «стул», «скиба», «кнут», «скот», «шнека» («корабль»), «якорь», «стяг» и др. В. Томсен (1891) насчитывал таких заимствованных слов 27, новейшая исследовательница Тёрнквист (Thörnquist 1948) — около 150 (включая даже «щи»), из них надежно установлено около 30.

ВОЗРАЖЕНИЯ АНТИНОРМАНИСТОВ

1. В IX в. действительно чувствуется значительный сдвиг в общественно-экономическом развитии славянских народов, но совпадение во времени — еще не доказательство причинной связи.
- Кроме того, этот сдвиг начался определенно раньше прихода варягов. И летописец указывает, что варяги, придя в Восточную Европу, стали оседать в городах, где уже до их прихода жили кривичи, и весь, и меря, и другие местные племена. Оседать в городах, а не строить города. И древние песни самих норманнов показывают, что страна славян поразила северных пришельцев своим богатством, обилием городов. Да и название ее в скандинавском эпосе — Гардар, позже — Гардарики, «страна городов» (Доленга-Ходаковский 1837; Самоквасов 1873: 91; Ключевский 1904: 155; Мавродин 1945).
2. Богатые центры времен начала Киевской Руси, выдаваемые норманистами за норманнские «колонии» или «фактории», на самом деле не являются таковыми. Они резко отличаются от поселений и могильников Скандинавии и не отличаются по культуре от остальных славянских мест обитания и захоронения. За варяжские они были приняты именно потому, что выделялись своим богатством. Здесь порочный ход рассуждений: высокоразвитые — значит варяжские. Иными словами, в доказательство было превращено как раз то, что еще требуется доказать. Да и культура Скандинавии того времени не является более высокой, чем славянская, а скорее наоборот — более низкой, что показывают не только песни норманнов, но и раскопанные поселения и могильники (Мавродин 1945; Греков 1953: 77; Авдусин 1949).
3. Достоверно норманнские курганы оказались в Гнездове как раз не самыми богатыми. Наиболее выдающийся из курганов с норманнскими признаками оказался в Гнездове только на третьем месте по величине и богатству. Значит, привилегированное положение норманнов по отношению к славянской массе не подтверждается, кроме, разумеется,

самых первых князей. Знатными дружинниками были и норманны, и славяне, точно так же, как и рядовыми (Арциховский 1939).

4. Далеко не все скандинавские заимствования в русском языке, установленные северными учеными, достоверны. Но даже если их и счесть достоверными — хоть все 150! — они не составляют сплошного массива терминологии ни в одной важной отрасли культуры и народной жизни, а представляют собой отдельные разбросанные словечки, главным образом обозначения некоторых бытовых предметов. Даже в области военного дела и мореходства — этих, можно сказать, специальностей варягов — скандинавская лексика в русском языке очень незначительна. В целом скандинавский пласт в русском словаре куда тоньше татарского или греческого. Словарь, таким образом, не подтверждает цивилизаторской роли варягов в стране восточных славян (Обнорский 1946; Филин 1949; Булаховский 1950: 24–25 и др).

[Современные антинорманисты (Фомин 2005: 392) сводят его к нулю.]

Итак, норманнов было немного в нашей стране, а их культурное влияние неощутительно.

КОНТРПОЛОЖЕНИЕ АНТИНОРМАНИСТОВ

Появление высокой и богатой древнерусской культуры Киевской Руси IX–XIII вв. было вызвано к жизни становлением нового общественного строя — феодализма. Этот общественный сдвиг был закономерным результатом длительного экономического развития славянства. И культура Киевской Руси, будучи в содержании своей вызвана к жизни новыми общественными силами, не создавалась на пустом месте и из ничего, а также подготовлена в своих формах и материалах всем многовековым культурным развитием славянства, она построена из материала культурных достижений, накопленных славянством за много веков, продолжает древние славянские культурные традиции. Кроме того, она вобрала в себя и различные инородные влияния, наслонившиеся на славянскую основу, — византийское, иранское, финно угорское и др., в том числе и варяжское. Варяги, как и другие носители этих внешних влияний, не явились создателями древнерусской культуры, и не эти влияния обусловили ее основные черты.

Итак, древнерусская культура была вызвана к жизни внутренними причинами, а не внедрением варяжского элемента в славянскую среду.

Наоборот, сами варяги приняли славянскую культуру и через несколько поколений совершенно ассимилировались, ославянились. Более того, даже население самой Скандинавии кое-что заимствовало у славян, так что влияние не было сугубо односторонним.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

1. Успехи развития хозяйства (пашенное земледелие, стойловое скотоводство, высокий уровень ремесел), на основе которых стала возможной феодальная эксплуатация и соответствующая организация общества, не появились в IX в. внезапно, а постепенно, медленно накапливались и росли в течение многих веков на землях восточных славян и их финноязычных соседей — это хорошо прослеживается по материалам многочисленных раскопок. Чем ближе к эпохе Киевской Руси, тем совершеннее изделия первобытных кузнецов, разнообразнее хозяйственный инвентарь поселений; уже за несколько веков до прихода варягов появляется железный наральник — предок плужного лемеха (Третьяков 1932; Артамонов 1935; Арциховский 1939; и др.).
2. В культуре Киевской Руси основу составляют не заимствования, а древние традиции — самобытные, восточнославянские. К ним примешались и традиции местного неславянского населения, ассимилированного славянами или длительное время жившего в соседстве и контакте с ним (финноязычные, ираноязычные и тюркоязычные племена). На развитии и продолжении всех этих традиций построены основные элементы культуры: устройство жилища (срубная изба на севере и полуземлянка на юге), характер домашней утвари (в частности — тип глиняной посуды), набор орудий труда, способ погребения мертвых, облик одежды и проч. Даже византийское влияние по сравнению с этим мощным наслоением вековых наследственных культурных богатств, постоянно приумножаемых, выглядит тонкой поверхностной прослойкой. А ведь это Византия, от нее христианство и грамота! Что уж говорить о варяжских заимствованиях. Даже если бы многие из вещей, на которые претендуют норманисты, оказались подлинно скандинавскими, все же в киевскую пору на огромной глыбе векового культурного наследия славянства они должны были выглядеть отдельными занесенными с севера камнями, разбросанными там и сям (Мавродин 1945; 1949).
3. Поселившись среди славян, варяги смешались со славянами и через несколько поколений стали разговаривать по-славянски и давать детям славянские имена. И действительно, уже сын Игоря и Ольги носит чисто славянское имя Святослав, а дети и внуки Святослава называются Святополк, Ярополк, Владимир, Изяслав, Мстислав, Ярослав, Всеволод, Вышеслав, Позвизд, Судислав, Переслава, Доброгнева. Все это имена чисто славянские, и только Олег и Глеб в их числе звучат по-варяжски (Мавродин 1945).
4. В самой Швеции встречены восточнославянские изделия (несколько киевских поливных глиняных яиц), на шведских глиняных горшках — типичный

славянский орнамент волнообразными линиями ([Седов 1995]), а в шведском языке — слова, заимствованные из древнерусского: имя Гюрги (Георгий — Юрий) — «гардр» (восточнославянский город), «торг», «толк» (перевод), «палаты», «лодья» и др. (Рыдзевская 1934).

ВОЗРАЖЕНИЯ НОРМАНИСТОВ

Термин «гардр» означал в Скандинавии не 'город' (для этого у скандинавов были термины «бю», «стадр», «борг»), а 'огороженный двор', т. е. 'усадьбу', 'небольшое укрепленное поселение', княжий или епископский двор. Русские города норманны так называли потому, что укрепления этих городов были деревянными и походили на скандинавские дворы, а не города (Томсен 1891: 73–74; Мельникова 1977а).

[Но Рыдзевская возражает, что скандинавские города не отличались по типам укрепления от восточнославянских, а термином «гардр» варяги называли все города на востоке по созвучию своего «гардр» с восточнославянским «город» (Вгауп 1924; Рыдзевская 1978)].

Подготовка и становление культуры Киевской Руси прослежены советскими учеными внутри территориальных границ Киевской Руси. Это было основано на убеждении в автохтонности, т. е. исконном проживании восточных славян на почти всех этих землях. Однако ныне этого убеждения придерживаются далеко не все советские ученые, да и те, кто склонен к нему, признают его гипотетичность. На значительной части земель Киевской Руси славяне оказались, несомненно, незадолго до IX в. — это признают все. Но и на небольшой территории в юго-западном углу позднейшей Киевской Руси они, вполне возможно, появились хотя и раньше, но тоже на несколько веков, а не на несколько тысячелетий.

Стало быть, все факты, которыми доказывалось длительное предварительное развитие экономической основы Киевской Руси и древнерусской культуры, могут оказаться взятыми из истории других народностей, не славян. Значит, эти факты, возможно, и не относятся к делу, ими ничего доказать нельзя. Славянский же вклад в культуру Швеции реконструирован из слишком незначительных фактов. К тому же эти элементы могли попасть в Швецию не в результате торговых связей, а явиться добычей воинов, и не только из земли восточных славян, но и из славянских поселений балтийского Поморья.

ВЗВЕСИМ ПОЛОЖЕНИЯ И ДОВОДЫ СТОРОН

Всемерное увеличение количества варягов в Древней Руси важно для норманистов не само по себе, а как повод к заключению о могучем и всеобъемлющем влиянии варягов на русскую культуру вообще, о цивилизаторской

и культуртрегерской роли варягов. А именно те доводы, которые развивали мысль норманистов в этом направлении, оказались разбиты. Чаша антинорманистов перевесила.

Правда, в числе собственных доказательств антинорманистов одно очень важное для прочности их контрположение, в настоящее время действительно не выглядит хорошо реализованным на конкретном материале (хоть многим оно и казалось таким еще совсем недавно): связи культуры Киевской Руси с культурами предшествующей поры прослеживаются очень плохо в силу плохой освещенности предкиевского периода истории восточных славян. Это придает положению весов в данном вопросе, в общем благоприятному для антинорманистов характер некоторой неустойчивости.

Многое зависит от решения последнего, самого важного пункта спора. Посмотрим же, каким получается это решение.

ПОЛОЖЕНИЕ 5

СОЗДАТЕЛИ ГОСУДАРСТВА. Варяги создали первое восточнославянское государство

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

1. До сложения Киевской Руси у восточных славян не было государства (Schlözer 1774; Шлецер 1908).
2. Первыми новгородскими и киевскими князьями были варяги Рюрик, Олег, Игорь и их преемники, они-то и создали Киевское государство (А. А. Куник 1845; Thomsen 1877; Томсен 1891).
3. Древнерусские князья были скандинавами, шведами, не только по своему национальному происхождению, но и по своей политической принадлежности: Рюрик оставался в подданстве у шведского короля Олафа, так что Новгородско-Киевская Русь представляла тогда провинцию шведского государства — «Великую Швецию». Позже русское государство является производным, дочерним по отношению к шведскому (Arne 1912, Nermann 1929, Таубе 1947). [Династия Рюриковичей является боковой ветвью более древней (с VI в.) скандинавской династии Скъёлдунгов (Пчелов 2001).]
4. Варяжское воздействие ощущается в русском государственном устройстве. Восточнославянское «полюдь», «кормление» повторяет скандинавскую вейцлу, типично норманнский способ сбора дани, когда князь со своей дружиной периодически кормится у того или иного вассала, в том или ином поселении. «Почетен пир» князя дружине и родичам также устраивался по образцу пиров конунга (Погодин 1846; 1859а).

5. Одна из важнейших сторон государственной жизни Киевской Руси — русское право — выводится из скандинавско-германских источников. Именно там мы находим в предшествующее время характерные особенности русского права: кровную месть, изменение виры в зависимости от сословия, суд двенадцати, испытание железом и судебный поединок, уплата виры округой за убийство на ее территории. Оттуда же пришел закон о езде на чужом коне, оттуда и размер пени: в Русской Правде — 3 гривны, в Дании — 3 марки. Вообще числа 3, 6, 12 и 40 типичны для Русской Правды и северных законов (Schlözer 1774; Strube de Pyrmont 1785; Погодин 1946, т. III; Norrback 1943).
6. Хотя норманнских заимствований в древнерусском языке и немного, но это большей частью слова, относящиеся к одной узкой области — к терминологии государственного устройства: обозначения важнейших понятий власти, названия государственных органов и т. п. Например, в слове «князь» первоначально на месте «я» стояла буква «юс», произносившаяся как гласная с призвуком звука «н»; буква «з» появилась в результате смягчения первоначального «г», сохранившегося в слове «княгиня»; после «к» стояла гласная «ъ», впоследствии ставшая непронизносимой (иногда в древних рукописях встречалось и «конязь»). Итак, «князь» в древности звучало близко к «конинг». Норманисты производят это слово из скандинавского древнегерманского «конунг» («король»). Подобным же образом из Скандинавии выводятся древнерусские: «вितязь» («вождь», «герой» — от «викинг»), «вира» («штраф»), «вервь» («община»), «гридь» («воин») и др. (Томсен 1891).

ВОЗРАЖЕНИЯ АНТИНОРМАНИСТОВ

1. Олег и Игорь не были первыми киевскими князьями: первыми из варягов, судя по летописи и арабским сообщениям, в Киеве утвердились Аскольд и Дир. Но это лишь маловажное уточнение. Существенное другое — что и вообще до скандинавских пришельцев в Киеве уже сидели местные, славянские князья. Конечно, есть возможность предполагать, что Кий, Щек и Хорив, упоминаемые летописцем, — это просто родовые божества — предки, личности мифические, но самый факт трактовки одного из них как первого киевского князя говорит о том, что древнейшая литературная традиция не считала варягов первыми киевскими князьями, что в памяти народной хранились какие-то смутные предания о древнейших местных, славянских владыках Киева, о князьях, власть которых была узурпирована варягами. У древлян был свой

князь — Мал, у новгородцев — Гостомысл (Добролюбов 1858, Бахрушин 1938; Греков 1939, радикальнее в изд. 1949).

2. Киевская Русь не была первым восточнославянским государством. В «Повести временных лет» есть воспоминания о временах, когда центр восточного славянства был на Дунае. Арабский писатель Масуди (X в.) сообщает, что волыняне некогда стояли во главе других славянских племен и что царю волынян повиновались все прочие князья славян (Греков 1939).
3. Самое главное: государство не может быть создано волей, желанием и действиями отдельных личностей — князей, царей и героев. Государство возникает на основе делений общества на классы, в ходе классовой борьбы, как орудие обеспечения интересов класса, господствующего экономически. Это закономерный итог длительного хозяйственного и общественного развития. Отдельные личности или группы могут принять то или иное участие в этом процессе, но не в силах ни вызвать его, ни остановить, ни повернуть вспять. Это давно доказано марксистской наукой на обширном материале, и здесь нет надобности повторять эти доказательства. Труды Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Сталина и других теоретиков марксизма, относящихся к данному вопросу, общеизвестны. Это понимают и признают не только марксисты.

Как пишет Б. Д. Греков (1953: 12),

«решение этого большого вопроса в духе возможности основания государства отдельными героями (Ромул и Рем, Гёнгист, Полель и Пяст, Рюрик с братьями и другие) и в какой-либо определенный год решительно перестало удовлетворять исследователей. Казалось бы, успехи теоретической мысли, археологии, лингвистики и истории должны гарантировать науку от возврата к наивным представлениям наших предков... Сейчас как будто для всех стало ясно, что образование государства есть не внезапное происшествие, а процесс, причем процесс длительный. Этот процесс заключается в образовании наиболее сильного экономически и политически класса, который берет в свои руки власть над массой населения, организует эту массу».

Но если возникновение древнерусского государства нельзя рассматривать как внезапное и неожиданное происшествие, если оно является закономерным этапом длительного процесса экономического и политического развития страны, то как можно приписывать это дело недавним пришельцам — варягам! Это столь же разумно, как приписывать первой ласточке (и даже не первой, а второй или третьей) рождение весны... Наоборот, именно накопление богатства, появление разветвленной организации по выкачиванию этих богатств у населения и сосредоточение этих богатств в народившихся организационных центрах должно было привлечь охочих до легкой добычи норманнов в эти центры.

Даже если варяжские князья действительно оказались первыми в Киеве и если бы Киевская Русь оказалась первым восточнославянским государством, иными словами, если бы все остальные возражения антинорманистов по этому вопросу утратили силу (чего, однако, нет), то одного лишь этого соображения было бы достаточно для марксиста, чтобы отвергнуть мысль о норманнском происхождении восточнославянской государственности. Правда, тогда следовало бы все же отвести норманнам внешне более видное, более заметное место в истории нашей страны, но от этого характер и существо их роли совершенно не изменились бы.

Здесь, а не в чем либо ином, корень разногласий.

4. И действительно, это теоретическое положение подтверждается конкретными материалами в данном случае. Появление имущественного неравенства на базе накопления излишков продукции, начало расслоения общества на классы можно увидеть на наших землях на много веков раньше прихода варягов.

Три тысячи лет тому назад поднялись в наших лесах земляные валы первых укреплений — почти за две тысячи лет до того, как в этих лесах зазвучали имена первых варягов. Еще Ходаковский смущал Калайдовича трудными вопросами: если наши городища — это остатки укрепленных поселков, то почему их сохранилось такое множество, почему они располагаются не полосами (по границам стран), а сплошь по всей стране? Ходаковский делал из этого вывод, что на площадках за валами не было жилищ, а были места жертвоприношений. Но раскопки опровергли это мнение. Они показали, что городища — действительно остатки укрепленных поселков, зародыши городов. Значит, не только в пограничных районах были частные вооруженные столкновения, было что охранять и было от кого охранять. Значит, каждому поселку грозила опасность не только от иноземцев, но и от ближайших соседей. Это как раз та картина, которую первые европейцы застали у многих индейских племен Северной Америки — военные походы удалцов на соседние поселки, одобряемый общественной моралью разбой на дорогах и ограбление соседей, осторожные торговые операции на рубежах — с товарами в одной руке и оружием в другой, бесчисленные мелкие войны — род на род — и кровная месть. Все это первые проявления пробуждающегося чувства собственности, первые ростки стяжательства, первые — еще очень скромные — результаты начавшегося процесса накопления имущества...

Когда варяги подошли к славянским рубежам, прикидывая, далек ли путь «в греки», этот процесс уже имел за плечами солидную историю, многие укрепленные поселки уже давно превратились в покинутые

городища, валы их расплылись и поросли лесом, а другие разрослись и превратились в настоящие города с княжескими резиденциями и ремесленными посадами. На это ссылается и Б. Д. Греков (1939).

Таким образом, городища оказались важным аргументом в споре, может быть, даже решающим.

5. Везде, где этот процесс шел и где он подходил к определенному рубежу, достигал определенной ступени накопления хозяйственных достижений, определенного уровня общественного развития, неминуемо наступал тот же этап, который у нас выразился в образовании Киевской Руси — замки и укрепленные поселки превращались в крупные ремесленно-торговые города, возникала феодальная организация общества, складывалась из накопленных культурных элементов новая, феодальная культура, возникали феодальные государства. Это происходило везде, вне зависимости от того приходили туда к этому моменту норманны или нет.

Значит, и у нас все шло бы тем же ходом, если бы варягов и вовсе не было. Варяги оказываются здесь ни при чем.

6. Русское право не имеет норманнского облика и происхождения, оно выработалось независимо и самостоятельно — это положение выдвинул немец, дерптский (юрьевский) профессор Эверс (Ewers 1826; Артемьев 1845).

Из особенностей русского права лишь кое-что взято, быть может, у варягов — да оно и естественно, поскольку князья оказались варягами. Но лишь кое-что, далеко не все, что похоже на скандинавское. Сходства объясняются не только заимствованиями, но и общим источником — единым наследством от общих индоевропейских предков, а также сходными условиями существования и одинаковым уровнем общественного развития. Наконец, кроме элементов, схожих со скандинавскими, в русском праве есть много своеобразного: вече, свидетели, свод, наследство, пограничные знаки и пр. Все это регулируется собственными, исконно славянскими правилами. Призывая варяжских князей, славяне ждали от них не введения права, а защиты и укрепления существовавшего у славян права (Chodakowski 1818, Доленга-Ходаковский 1819; Rakowiecki 1820–22; 1833; Surowiecki 1824).

7. Некоторые дополнительные доводы дает анализ скандинавских заимствований в древнерусском языке. Часть слов, использованных норманистами, не представляют собой бесспорные заимствования — они могли попасть в оба языка из какого-либо третьего источника или войти из древнейшего общего германо-балтославянского языкового фонда. Таково, например, слово «князь», которое есть и в литовском

языке (кнингас), и в языках тех славянских народов, которые не имели контакта с норманнами.

Какая-то часть этих слов действительно попала к нам от варягов, но для объяснения этого факта вполне достаточно признать скандинавское происхождение княжеской династии и какой-то части дружинников. Естественно, приноравливаясь к терминологии князей, высшие слои древнерусского общества усвоили несколько скандинавских названий для понятий, связанных с деятельностью государственного аппарата, и некоторые из этих новых терминов прижились рядом со старыми или вытеснили их. Скандинавских заимствований в нашем языке гораздо меньше, чем татарских, хотя в русских городах не сидели, подобно варяжским князьям, татарские ханы, а только временами появлялись их баскаки.

Значит, воздействие варягов на славян было гораздо слабее татарского, а ведь татарам не приписывалась такая роль в России, какую норманисты отводили варягам (Треков 1939).

Место этих заимствованных терминов в русском языке, и, в частности, в русской государственной терминологии, очень невелико. Множество основных терминов этого назначения осталось славянскими: власть, государство, право, закон, вина, суд, воин, рать, дань, стол (престол) и проч. Наоборот, в язык древних скандинавских германцев вошли русские слова «торг», «толк» (перевод), «ладья» и другие, обозначающие важные понятия цивилизации.

Совсем иную картину представляло норманнское вторжение в Англию. Офранцузенные массы норманнов, хлынув из Франции в страну англосаксов за Вильгельмом Завоевателем, внесли в английский язык столько французских слов, что современный английский словарь состоит, пожалуй, наполовину из исконной для англосаксов германской лексики, а наполовину — из французской. По сравнению с этой массой группа — несколько десятков, от силы полторы сотни — скандинавских слов в русском языке выглядит жалко и убого.

8. Домыслы о зависимости первых русских князей от шведского короля опираются лишь на устные народные сказания скандинавов и на косвенные заключения: они не подтверждаются ни летописями, ни записями путешественников, ни дипломатическими договорами. Масуди прямо говорит, что русы не подчиняются ни «царю», ни законам.

КОНТРПОЛОЖЕНИЕ АНТИНОРМАНИСТОВ

Вооруженные варяжские отряды, придя в Восточную Европу, заставили здесь давно возникшие государственные образования, возглавляемые

местными властителями, варяжские предводители сумели утвердиться на вершинах этих образований, но... не смогли остаться варягами.

Академик Б. Д. Греков в следующих словах сформулировал историю варяжского «призвания» в славянские земли:

«Скандинавские саги утверждают о том, что русские князья нанимают на время варяжские дружины. Это — вспомогательное войско. Но оно в то же время и притязательное войско. Владимир чуть было не поплатился властью, когда варяги заявили свои претензии на Киев. Того, что счастливо избежал Владимир, очевидно, не удалось Гостомыслу и его сторонникам. После длительной борьбы власть оказалась в руках Рюрика, который, конечно, никакого государства не организовывал. Он укреплял лишь свою власть в стране, уже давно знавшей государственную власть и ее аппарат.

Варяжская дружина очень хорошо поняла, что необходимо для удержания в своих руках захваченной власти, и варяги заговорили на русском языке, стали молиться славянским богам, называть своих детей славянскими именами и выполнять задачи, давно поставленные перед русским государством всем ходом предшествующей истории.

Объединение Новгорода и Киева... освобождение из-под власти хазар славянской территории, проникновение к Дунаю и к Черному морю, установление ранее неустойчивой западной государственной границы — таково в самых общих чертах эти задачи».

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

1. Аналогии с позднейшими эпизодами варяжско-славянских отношений.
2. Аналогии с положением варяжских наемников в Византии в качестве гвардии императора.
3. Свидетельства собственных древних сказаний скандинавов.
4. Договоры киевских князей с византийцами. В этих договорах «слы» (послы) носят большей частью скандинавские имена (Ивор, Вуефаст, Искусев, Слуды, Улеб), а вот князья, от имени которых они выступают, носят в большинстве уже имена славянские (Святослав, Владислав, Передслава). Любопытно, что у болгар неславянские родовые имена царей господствовали в течение двух веков (Тихомиров 1947).

А главные доказательства — те, что приведены выше как возражения на доводы норманистов.

ВОЗРАЖЕНИЯ НОРМАНИСТОВ

Данные возражения тоже направлены главным образом не на доказательства служебного, зависимого положения варягов в землях восточных славян, а на концепцию докиевской государственности славян.

Арне напоминает, что хоть Киев и существовал до прихода варягов, но представлял собой, судя по раскопкам советского профессора М. К. Каргера, три небольших разрозненных поселка. Объединение их и превращение в крупный город состоялось уже при князьях-варягах.

Арне также не преминул указать на то, что городища славян предкиевской поры еще не удалось определить с должной достоверностью, что поиски ближайших предков киевских славян еще не увенчались успехом, что все построения ученых по этому вопросу весьма гипотетичны. Где же те конкретные материалы, которые должны подтвердить наличие государственности у предков киевских славян до варягов?

ВЗВЕСИМ ПОСЛЕДНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ДОВОДЫ СТОРОН

Вся система доказательств норманистов опрокинута и разрушена уничтожительной критикой со стороны антинорманистов. Уже непосредственно в этой критике заключено не только отрицающее начало, но и положительное, созидающее: из нее естественно вырастает контрположение антинорманистов, опровергающие возражения превращаются в положительные доказательства; к ним добавлено еще несколько, и все вместе они создают очень внушительную основу для построения антинорманистов.

Самое слабое звено в этой системе подметил старый и опытный норманист Арне — это недостаточная изученность конкретных славянских обиталищ предкиевской поры. Уверенность, которую проявили еще недавно с территории Украины на роль остатков докиевской славянской культуры, сегодня представляется в глазах советских ученых неосновательной.

Но во-первых, от выпадения этого доказательства не рухнет вся система, хотя она, конечно, и теряет какую-то долю убедительности.

А во-вторых, здесь перед нами как раз тот случай, когда ослабевшее или выпавшее доказательство может быть тут же безболезненно заменено равноценным и равнозначным. Пусть мы не уверены в том, что древнейшими славянскими являлись как раз те городища, которые до сих пор считались таковыми. Но ведь аналогичные укрепленные поселки были в одно и то же время распространены по всей Восточной и Центральной Европе, а из Азии ныне славян уже никто не выводит: при современном уровне наших знаний о древностях Азии для предков славян там мест нет.

Пусть мы не уверены в том, что остатки земледельческой культуры, которые до сих пор считались славянскими, на самом деле принадлежали славянам. Остатки культуры того же примерно уровня (чуть развитее, богаче или чуть примитивнее, беднее — нюансы здесь не важны) откапываются учеными на обширной территории вокруг облюбованных ранее антинорманистами

очагов. Какие бы из них ни оказались, по тщательном исследовании, подлинно праславянскими, это не изменит прочности всей системы доказательств контрположений антинорманистов.

Таким образом, в этом вопросе поле битвы остается за антинорманистами.

3. Итог спора

Итак, в чем же состоит достоверная историческая роль варягов на Руси?

Достаточно даже не очень детального знакомства с выводами современных антинорманистов по этому вопросу, чтобы увидеть, насколько объективнее подходят советские антинорманисты к решению вопроса (несмотря на все увлечения борьбы и спора), чем современные норманисты. *[Это мое утверждение было явным преувеличением — уступкой в декларациях для возможности высказать конкретную критику антинорманизма.]*

Глава и учитель школы советских антинорманистов Б. Д. Греков (1947: 15) писал: «Роль варягов в Европе IX в. хорошо известна. Ее отрицать никто не собирается. Новгородская Русь их знает прекрасно. Но от этого признания далеко до утверждения будто Рюрик в 862 г. создал русское государство».

Один из наиболее активных советских антинорманистов проф. В. В. Мавродин также признает за варягами достаточно видную роль в истории Восточной Европы. Варяги, по В. В. Мавродину (1945: 385),

«делают торной дорогу из Новгорода в Киев, а следовательно, и из "варяг в греки" и объединяют бесчисленных "светлых и великих" князьков русских и нерусских племен Восточной Европы, всю эту племенную, родовую и общинную знать... Войдя в состав славянской верхушки и растворяясь в ее среде, они выступают в роли катализаторов и предстают под своими норманскими именами в источниках Киевской поры как "слы" (послы. Л.К.), "гости" (купцы. Л.К.), "дружинники"».

И далее (Мавродин 1945: 386):

«Не они вызвали условия, породившие государство... Норманны только определили время и географический абрис древнерусского государства, связав, и то не самостоятельно, а в составе русской верхушки и знати финно угорских и литовских племен, русифицирующейся и сливающейся со славянской, отдельные политические варварские предгосударственные образования, земли, области, города и бесчисленные верви, миры, веси и погосты в нечто единое, чему было имя — Русское государство».

В противоположность Д. А. Авдусину В. В. Мавродин (1945: 388) заявляет:

«...мы не собираемся отрицать того, что в составе "русов" было большое число норманнов. Более того, я считаю возможным говорить, что

"находники-варяги" в известных случаях среди "русов" играли первенствующую роль. Они были тем элементом, который, если и не вызвал на Руси процесса образования государства, то во всяком случае влился в этот процесс и способствовал его ускорению.

Свойственное скандинавам эпохи викингов вечное стремление к походам, вечная тяга к передвижениям, к смелым поездкам с целями войны и торговли, грабежа и найма на службу к иноземным правителям и т.п. — все это делало норманнов на службе у русских князей Гардарик наиболее непосредливым, подвижным элементом, а их прирожденные способности мореходов и опыт делали их наиболее удачными кандидатами в роли "слов", "гостей", наиболее приспособленными для всяких набегов, вторжений и т. п.».

Профессор С. В. Юшков (1940) также признает, что варяги были поставщиками наемной военной силы (часть дружины) славянскому классу господ и вследствие этого по нормам того времени сами вошли как составная часть в этот класс. К этому остается добавить немного. Возможно, что варяги привезли с собой звучание слова «Русь», но не они наполнили его тем содержанием, которым оно в течение многих веков волнует сердца. Варяги «осчастливили» славян княжеской династией и одарили некоторыми полезными вещами, каковы, например, vareжки и ци.

Еще одна оговорка: лишь знатнейшие варяги — дружинники стали действительно большими господами на Руси, вроде Свенельда в Киеве. Рядовые же воины промышляли некоторое время мелкой торговлей заморскими женскими украшениями. Недаром большинство скандинавских вещей в Гнездовских курганах — это именно женские украшения, а не оружие. А в живых русских говорах сохранилось слово «варяг» в значении, отнюдь не соответствующем провозглашенной норманистами высокой цивилизаторской и организующей миссии норманнов. В северорусских деревнях «варяг» значит: «мелкий торговец галантерейным товаром вразнос, офеня, коробейник». Такими запомнил русский народ варягов.

Порой историк вводит в заблуждение,

Но песнь народная звучит в сердцах людей.

(Байрон)

Вот все, что можно сказать о подлинной роли варягов в истории нашей страны. Это вывод из объективного анализа аргументации норманистов и антинорманистов.

Я оставил в стороне целый ряд проблем, связанных с рассмотрением этого вопроса, прослеживал только основные линии спора. Мне хотелось удерживать внимание и непрофессионального читателя.

Пять раз мы приводили движение чаши весов. Пять раз коромысло крепилось в ту или другую сторону. С каждым разом выяснялось, что хоть и виден

перевес одной из чаш, общий вес груза все еще недостаточен, чтобы подводить итог. Измерение по первой догме норманизма оставило неопределенность. Второй и третий тезисы норманизма, безусловно, оказались прочными. Антинорманизм здесь потерпел поражение, и это вряд ли подлежит изменению. В четвертом измерении чаша начала склоняться на сторону антинорманизма. При последнем, пятом измерении на чаши легли с обеих сторон самые тяжелые гири, определившие окончательный результат. Чаша антинорманизма перевесила, и весы застыли намертво в этом положении.

Антинорманисты могут примириться со своим поражением по второму и третьему тезисам. Правда, именно по первым трем пунктам шли сражения в первых двух диспутах. Если назревает третий, а это, вероятно, так (100 лет прошло со второго), то спор пойдет главным образом по двум последним пунктам концепции норманизма. А может быть, и об историографическом содержании самих понятий «норманизм» и «антинорманизм».

[Ведь и скандинавские ученые, аттестуемые как норманисты, пришли к более сдержанным и самокритичным заключениям. Видный датский славист Ад. Стендер-Петерсен, отстаивая создание на восточнославянской территории норманнских государств, отвергает теорию Станислава Рожнецкого о скандинавском происхождении русских былин и идею о скандинавском происхождении устных источников преданий русской летописи. Он полагает, что культурные влияния шли не с севера на юг, а в противоположном направлении — из Византии через Киевскую Русь в Скандинавию. Другой крупнейший скандинавист, шведский археолог Хольгер Арбман, обратил внимание на то, что в России многие древности носят «гибридный» характер и не являются ни чисто скандинавскими, ни чисто славянскими. Что в Киеве и Новгороде северных древностей очень мало, так что нет оснований говорить о скандинавских колониях. Хотя в Гнездове есть явно скандинавские предметы и обряды, но шлемы и одежда непохожи на скандинавские, и в Скандинавии не было обычая умерщвлять женщину при погребении вождя — как описано у Ибн-Фадлана. Арбман считает, что нет оснований говорить о норманнском создании Древнерусского государства (Schmidt 1970: 19).

В обсуждении доклада Шаскольского в Дании шведский археолог Мортен Стенбергер сказал: «Вряд ли хоть один шведский археолог станет утверждать, что викинги основали Русское государство». А на его указание, что процент скандинавских погребений в Гнездове очень мал, датский археолог Ханс-Христиан Сёренсен заметил: «Значит, нет расхождения в этом пункте между советскими и шведскими археологами» (Discussion 1970: 46–47).

С другой стороны, Стендер-Петерсен отвергает советское толкование марксистского тезиса о возникновении государства в ходе социально-

экономического развития общества. Советские ученые грековской школы считали, что это означает развитие из сугубо местных корней и позволяет отвести внешний фактор типа завоевания. Стендер-Петерсен думает иначе. Он не верил, что

«сдвиги социального порядка внутри племенных образований или племенных союзов достаточны для того, чтобы создать государственное устройство. Исторический опыт учит нас, что необходимо внешнее воздействие или импульсы того или иного рода, чтобы примитивный, разделенный на племена народ организовался в государство, которое базируется на экономических различиях между разными слоями населения и объединяет военный аппарат насилия в руках одного повелителя, который может опереться на группу людей или слой, так или иначе заинтересованный в осуществлении власти» (Steinder-Petersen 1955: 168).

Самое интересное, что это представление о роли внешнего фактора было в наличии уже у классиков марксизма, осознавалось в трудах советских историков (Цвибак 1933: 508–509; Бахрушин 1938; Мавродин 1945: 210, 220) и, отвергнутое марристами и грековской школой (Пархоменко 1939: 146; Греков 1949: 448, изд. 1953: 453; Рыбаков 1966: 491; 1982: 177, 258, 293–294, 298, 313–315; 1984: 45–52, 66–68), было в умеренном виде восстановлено Пашуто и его школой (Пашуто 1968; 1968: 21–30; 1970; 1974; Джаксон и Плимак 1988: 44–45, 47–49, 51–55).

С одной стороны, все это вроде бы поддерживает суть антинорманистской традиции, с другой — выбивает почву из-под противопоставления норманизм/антинорманизм в современной науке.]

Воплощая критический анализ в образе весов для проверки аргументов, я вовсе не имел намерения представить дело так, будто я стараюсь подняться над обеими спорящими сторонами, отрешиться от крайностей обеих враждующих теорий и найти некую «золотую середину». Надеюсь, из тона и итога изложения читателю ясно видно, что автор в изучении каждого пункта склоняется на сторону одной из сторон. Я не старался скрыть от читателя свою позицию.

Весы — это, конечно, всего лишь литературный прием, помогающий более убедительно уяснить читателю, на чьей стороне правда, прием, позволяющий показать, что именно объективный анализ фактов приводит к выводу о том, что норманисты правы в одних вопросах и не правы в других. При использовании этого приема читателю особенно легко убедиться, что автор не пытается подменить логику и факты эмоциями, не превращает национальные чувства и политические симпатии или антипатии в доказательства. Образно говоря, читателю при таком положении должно быть лучше видно, что автор нигде не пытается тайком надавить пальцем на чашу весов, любезную его сердцу, не

заменяет весомость доказательств тяжестью авторитетов, не использует аргументов *ad hominem* и т. п. А ведь все это случилось в споре о варягах и двести, и сто лет тому назад, и совсем недавно.

Наше рассмотрение спора о варягах подошло к концу. Но самый спор не окончен. Я не говорю здесь о тех политических деятелях от науки, которым вообще дела нет до научной истины и которые не изменили бы своих взглядов, даже если бы сам Рюрик явился с того света засвидетельствовать (на древнешведском языке), что застал у славян развитое государство. Я имею в виду ученых, которые стараются быть объективными. Для ученых спор о варягах, как и всякий научный спор, решается не большинством голосов или влиянием авторитетов, а большинством и весом аргументов. Собранные здесь аргументы против норманизма, конечно, известны ученым-норманистам, а факты, которые не вяжутся с антинорманистской позицией, — известны антинорманистам. Тем не менее они не отказываются от своих взглядов. Многие из них не согласились бы с предложенной здесь оценкой некоторых аргументов — они, вероятно, готовы предъявить свои соображения на сей счет.

Иные, быть может, надеются найти какие-то новые, еще не известные науке, решающие аргументы. Что ж, в деталях многое еще неясно. Но именно в деталях. Основные аргументы, предъявленные в настоящее время антинорманистами, если отбросить полемические увлечения и возможные неточности, представляют собой факты такого характера, что их значения не смогут отвести, ни изменить в главном никакие уточнения и изменения деталей.

В этом смысле спор о варягах на сегодня решен. Решен с позиций объективного анализа фактов. По каким-то вопросам решен в пользу норманизма, по другим, более важным, — не в пользу норманизма. Однако проблема ждет дальнейшего исследования. Раскопки принесут новые открытия, обработка материалов выявит новые факты, грядущие исследования филологов откроют не известные ранее связи, а каждый новый этап развития истории дает новое содержание понятиям и новую постановку самой проблемы. Вероятно, в споре о варягах нас ждет еще много нового.

Послесловие 2008 г.

Прошло почти полвека с тех пор, как я написал эту книгу. Как я теперь смотрю на ее текст?

Прежде всего я рад, что я тогда ее написал. Я переворотил гору литературы, сделал кучи выписок, посещал доклады историков, источниковедов, археологов, лингвистов; ходил к русистам, скандинавистам, германистам, классицистам, востоковедам. Я выуживал убежденных (но тогда обычно тайных) норманистов и заядлых антинорманистов, тех и других не только выслушивал, но старался вызвать на споры, искал истину.

Я понимал, что на стороне норманнской гипотезы факты несравненно более весомые и что большая часть обвинений в адрес норманистов надумана. Более того, не формулируя тогда еще для себя это четко, я подсознательно уже чувствовал, что само обозначение «норманизм» — такое же клише советской пропаганды, как и «безродный космополитизм», «морганизм-вейсманизм» и прочие наши -измы, бывшие тогда в ходу. Но я считался с этой реальностью как с неизбежными факторами нашей жизни. Так что я понимал, что, если я хочу выступить с этой книгой и добиться какого-то сдвига проблемы, придется как можно более подчеркнуто осуждать пробелы и ошибки норманизма (а они действительно у норманнского объяснения варягов есть) и с максимальной (для меня) силой выявлять благотворные вклады антинорманизма (а они тоже имеются).

Эта двойственность — заданная близость к официальной доктрине и выпирающая изнутри приверженность к объективной оценке фактов, к непредвзятому выбору, а он чаще всего оказывается «норманистским», — чувствуется с самого начала, с изложения споров Ломоносов — Миллер, Костомаров — Погодин. Я с иронией описываю потуги Миллера и критикую их за вполне вероятную психологическую подоплеку — национальную спесь, но отмечаю его приверженность фактам. Я с симпатией излагаю крикливые ультрапатриотические эскапады Ломоносова, но отмечаю их безосновательность. То же и с отношением к Погодину и Костомарову.

Я прекрасно понимал, что любые мои подвиги в сторону признания фактов, т. е. скандинавского участия, будут расценены как норманизм. При

тогдашнем господстве идеологического догматизма никакого шанса на успех такие действия иметь не могли. Нельзя было объявить себя с ходу норманистом. Моей важнейшей находкой, я считаю, была идея изменить понятие норманизма, сузив его и перенеся в нем акцент на те качества, которые были действительно, бесспорно одиозными, но чрезвычайно мало распространенными в науке. Тогда можно будет говорить многое, ранее считавшееся норманизмом, но это уже не будет норманизм. То есть так сузить это понятие, чтобы оно не налезало на нас — на меня и других исследователей, желающих свободно и объективно трактовать факты.

Второй своей удачной находкой той поры я считаю построение концепции норманизма по «лестнице одиозности», то есть по степени приближения к одиозным выводам. Это позволяло отвести антинорманистские обвинения от многих научных положений, а кроме того, давало возможность структурно организовать концепцию, называемую норманистской, связать ее положения воедино, представить как целое.

Третья находка уже просто напрашивалась — оставалось расположить по каждому пункту (на каждой ступеньке лестницы) аргументы в защиту концепции и аргументы антинорманистов в ее опровержение, указать контрположения антинорманистов и их аргументы за и против, чтобы вся структура спора приобрела характер матрицы, в которой можно найти место для каждого факта, для каждого рассуждения, для каждого открытия. Это очень удобно для упорядочения дискуссии и для оценки роли и значения каждого ее элемента.

Пожалуй, жаль, что эта книга так долго оставалась неопубликованной.

Ну а что касается уступок антинорманизму, то ведь они строго ограничены, а я и не задавался целью непременно дать во всем выигрыш норманизму. Кстати, я и сейчас, в новых антинорманистских работах (если отбросить их предвзятость, шовинистическую ангажированность и критиканскую фразеологию), нахожу некоторые ценные вклады. В историографической части — это открытие до-байеровского норманизма у шведов (хотя оно и сильно преувеличено), в части объяснительной — открытие значения кельтского субстрата у варягов, западнославянского компонента в культуре Северной Руси и др.

Определив понятие норманизма, я тогда оставил понятие антинорманизма неопределенным. Потому что надо было сказать, что это искусственное, надуманное течение, созданное с ненаучными целями — чисто политическими и националистическими. Более того, даже в этом плане — необязательными.

Ведь странное дело. В то же самое время, когда норманны участвовали в создании русского государства, посадив своих конунгов князьями в Новгороде и Киеве, норманнами была завоевана значительная часть Англии и часть Северной Франции (Нормандия). Так же, как на нашей территории, они там

быстро ассимилировались, в Нормандии — офранцузились, и когда Вильгельм Завоеватель со своими нормандскими рыцарями высадился в Англии, они привезли туда не норманнскую речь, а французскую, от которой и происходит французский компонент нынешнего английского языка. Но ни в Англии, ни во Франции своего антинорманизма нет! Все ученые там норманисты (по критериям наших антинорманистов). Антинорманизм — сугубая специфика России.

Я считаю это обстоятельство печальным свидетельством того комплекса неполноценности, который является истинной основой распространенных у нас ксенофобии, мании видеть в наших бедах руку врага, заговоры, мнительно подозревать извечную ненависть к нам. Комплекс же этот основан на наших реальных недостатках, с которыми нам бы самим разобраться. Что нам нужнее всего — это самокритичный анализ ситуации.

А для этого необходимо как воздуж объективное исследование отечественной истории, изучение наших традиций, как плодотворных, так и дурных. Исследование, не скованное априорными положениями, заранее заданными линиями — какое нам бы хотелось иметь прошлое. Нам нужно знать прошлое — такое, каким оно было.

Все это я уже тогда понимал, и если определять в книге, что такое антинорманизм, то все это нужно было сказать, а сказать это было нельзя. Антинорманизм был священной коровой советской идеологии, и трогать его не дозволялось. Ну, что ж. Я и без того сказал немало того, что подрывало смысл антинорманизма.

Эта работа окрылила моих первых учеников и ориентировала их. Жаль, конечно, что я не напечатал ее сразу, но прошу учесть, что мне тогда напечатать книгу, да еще на такую тему, было почти недоступно. К этому времени у меня была всего одна печатная работа — статья в «Советской археологии» (1955), правда очень громкая. Следующие статьи пошли тонкой струйкой именно с 1960 г. Первая книга выйдет через 18 лет и еще 13 лет будет оставаться единственной моей книгой на родине.

Между тем, в 1981-1982 гг. когда я был арестован и оказался в тюрьме, рукопись «Спора о варягах» исчезла. Тексты, ходившие по рукам, затерялись все до одного. А научный аппарат (система ссылок) был у меня подготовлен отдельно, на карточках. Вместе со всей моей картотекой (180 тыс. карточек) он был увезен моими друзьями за границу (в убеждении, что мне предстоит неминуемый отъезд после освобождения). Так что когда я вышел, от книги не оставалось ничего. Через несколько лет мне сообщили, что один экземпляр текста нашелся у какого-то физика в Новосибирске. Картотека же моя побывала в Германии, Австрии и Венгрии, где было отдано распоряжение сжечь

ее (в 1989 г. хранители опасались, что новые власти обвинят их в симпатиях Советскому Союзу), но, по счастью, это распоряжение не было выполнено (рядовые исполнители заподозрили свое начальство в том, что это шпионские документы). Словом, через 10 лет из Европы по частям вернулась и моя карто-тека. Поистине, рукописи не горят!

Только с 90-х годов, после падения советской власти, мои книги стали выходить обильно. Но тут меня остановила иллюзия, что спор о варягах уже закончился. Ан, нет!

Вот я и опубликовал свой «Спор о варягах».

Но и оставаясь неопубликованной, книга поработала в науке. Уже через пять лет вызванное ею брожение побудило партбюро истфака Ленинградского университета организовать дискуссию, которой суждено было стать третьим этапом многовекового спора о варягах.

**II. Выступление на дискуссии
о современном состоянии
«норманнского вопроса»
24 декабря 1965 г.
на историческом факультете
Ленинградского университета**

Вступительные замечания к публикации

Не без колебаний решился я на публикацию этого текста. С одной стороны, я рад, что мне довелось участвовать в одном из существенных эпизодов истории отечественной исторической науки и, более того, внести некоторый вклад в изменение атмосферы, царившей тогда в нашей науке. Видимо, мой вклад способствовал выведению вопроса о «призвании варягов» (со всеми связанными вопросами) из-под гнета политической поляризации, которая обязывала всё рассматривать как борьбу патристически одухотворенного антинорманизма против черных сил зловердного норманизма. Сколько-нибудь объективное исследование истории становилось при таких обстоятельствах невозможным, и если мне удалось что-то сделать для изменения этого состояния, то мне бы следовало этим гордиться.

С другой стороны, мне стыдно за то, что при этом приходилось прибегать к аргументам, которые в настоящей науке не применяются, которые аргументами были только для моих противников, в рамках советской идеологии. Мне приходилось говорить на языке советской исторической науки — на ее привычном, политизированном, подцензурном, ортодоксальном языке, обставляясь цитатами из классиков марксизма, как шипами. В своих рассуждениях требовалось принять за исходный принцип существование и непримиримую идейную враждебность двух наук — марксистской и всей прочей, при святой истинности марксизма (в его советском толковании) и еретичности всего остального. Точно как в средние века — принимать основные догматы официальной церкви. Только на этих условиях можно было рассчитывать на допущение к аудитории, на опубликование, на то, что ты будешь услышан.

Некоторые историки умудрялись, не участвуя в основных дискуссиях, избегать этого «новояза», но при этом им приходилось замыкаться в частностях, в сугубо эмпирических исследованиях, оставляя арену обсуждения важнейших исторических вопросов полностью за проводниками партийной идеологии. Другие (и я принадлежал к их числу) прибегали к эзопову языку, чтобы сказать нечто, представлявшееся важным. Мы отработали много хитроумных способов обходить цензуру, начальственный досмотр и идеологическую

критику, способов чтения (и писания) между строк (см. главу «Чтение между строк» в моей книге «Феномен советской археологии» — Клейн 1993: 81–89).

Но иногда эти способы не помогали, противостояние становилось открытым, и нужно было вести спор лицом к лицу. Это было невероятно трудно. Нужно было вести научный спор с могучим и властным противником, который языка подлинной науки не понимал и не хотел понимать. Нужно было вести спор на предписанном им языке, пользоваться значимыми для него аргументами — и при этом добиваться своих целей. Можно ли было выиграть такой спор? На что можно было в нем опереться?

Во-первых, на то, что, в отличие от ранних советских времен, противник при этом старался соблюсти видимость академичности. Либо идеологи сами стремились выглядеть настоящими учеными, либо выпускали вперед интеллигентных прислужников, стеснявшихся очень уж политизировать свои рассуждения и то и дело шедших на те или иные уступки.

Во-вторых, опереться можно было на свои знания марксизма. Нужно было владеть знанием основ идеологии противника лучше его самого, чтобы находить в них противоречия, слабые места, зацепки для своих взглядов. Это было возможно, потому что идеологические кадры противника попадали на свои посты не за таланты, а по другим основаниям.

В-третьих, можно было опереться на свою ориентированность в международной обстановке. Нужно было знать современную ситуацию идеологической борьбы полнее своего противника, ориентироваться в ней лучше его — чтобы уметь избежать политических обвинений. И это было возможно, потому что, как правило, его кадры языками не владели, иностранную литературу не читали.

В-четвертых, безусловно, опираться на свое безукоризненное владение собственным предметом и большой труд — чтобы у противника не было возможности противопоставить тебе другого специалиста по твоему предмету, твоего конкурента, обменяв его согласие громить тебя на поблажки в карьерном продвижении.

Так что возможности были, но это все же было очень трудное и рискованное дело. Рискованность состояла не только в том, что можно было потерпеть поражение в этом деле, а это могло привести к увольнению или к тюрьме. Риск был и в случае победы — за твоей вынужденной фразеологией, по необходимости громкой, остальные историки могли не понять твоих истинных позиций и устремлений. Спасением от этого было четкое представление своих основных целей, чтобы всем было ясно, что в результате схватки произойдет, что изменится. Но чем четче цели, тем рискованнее все дело в первом плане.

Чтобы современному читателю было ясно, чего мы добивались, расскажу предысторию «норманнской баталии». Я уже вкратце рассказывал ее в своей книге «Перевернутый мир» (Самойлов 1993: 15–16). Здесь я представлю эти воспоминания в несколько развернутом виде.

Книга «Перевернутый мир» сначала выходила в журнальном варианте под прозрачным псевдонимом Лев Самойлов в 1988–1991 гг., потом вышла (под тем же псевдонимом) в археологическом издательстве «Фарн» (1993). Фамилии основных участников событий были в ней изменены. Теперь можно открыть лица основных участников.

Книга была посвящена в основном моему аресту 1981 г., последовавшим тюрьме и лагерю, и, разумеется, были рассмотрены обстоятельства, постепенно приведшие к этому событию, — мои неоднократные столкновения с властями придерживающими и господствующей идеологией, в результате которых я смолоду попал под надзор КГБ. К таким «подготовительным» обстоятельствам могли принадлежать и мои научные интересы и увлечения, в их числе, конечно, норманнская проблема.

В предисловии к тексту книги «Спор о варягах» я уже рассказывал о том, какие обстоятельства привели к ее написанию во время моей аспирантуры в Ленинградском университете. Завершил книгу я как раз к окончанию аспирантуры — в 1960 г.

С 1960 г. я стал преподавать бесплатно, потом, с 1962 г. в качестве штатного ассистента, обзавелся учениками. Еще будучи в аспирантуре (1957–1960) создал при кафедре кружок школьников. Из школьников выросли студенты, которые увлекались моими темами и писали по ним курсовые работы. Мои студенты. Их становилось все больше. В 1962–1963 гг. я стал читать им спецкурс «Варяги и археология» на основе своей книги, давал им читать машинопись и, как мои бывшие студенты сейчас вспоминают, водил их на дискуссии историков по варяжской проблеме. В 1964 г. организовал Проблемный семинар из активных и способных студентов, увлекшихся наукой всерьез (ныне это профессора и доценты, доктора и кандидаты наук).

Слухи о наших занятиях обеспокоили идеологическое начальство: тогда «норманнская теория» считалась чуть ли не фашизмом. Между тем хрущевская оттепель отошла в прошлое. На идеологическом небе возшла тусклая звезда Суслова. Мороз догматизма крепчал. Однако партийному руководству посещать лекции для идеологического контроля у нас в Университете было не принято. Решено было спровоцировать меня на публичное выступление по норманнской проблеме. Если я выскажусь откровенно и в том духе, в котором, по слухам, высказывался на лекциях, то тут меня и прихлопнут. Поступят, как обычно поступают с «идеологическими диверсиями»: примут соответствующее

постановление партбюро и т. д. Если же я струхну и заговорю, как положено, т. е. антинорманистски, то с каким лицом я завтра выступлю перед студентами? Популярность моя резко упадет, и можно будет закрыть эту тему.

В конце 1965 г. на факультете по инициативе партбюро была запланирована публичная дискуссия по варяжскому вопросу. Наш семинар обязали представить докладчиков — с тем, чтобы мы подставились под удар. Против нас должен был выступить известный специалист по этой теме из Института истории Академии наук СССР И. П. Шаскольский. Только что вышла его книга «Норманнская теория в современной буржуазной науке» (Шаскольский 1965). Я был с ним знаком, мы не раз сталкивались в дискуссиях по норманнскому вопросу.

Мои студенты загорелись азартом: «Мы их фактами закидаем!», у нас было собрано уже немало фактов. «А вам, — возражал я, — ответят, что вы неправильно интерпретируете факты». Я понимал, что с идеологами спорить, опираясь на факты, совершенно бесполезно. Ведь для них значение будет иметь не то, насколько норманнская теория обоснована фактами, а насколько она соответствует методологическим критериям и насколько вписывается в современную идеологическую борьбу. Если удастся обосновать ее допустимость в этом плане, а еще лучше — если удастся показать, что и антинорманизм не лучше норманизма по своим идейным связям, вот это уже был бы весомый для этой дискуссии аргумент. Только на его фоне факты могли бы получить значение.

Я хорошо помнил, что Маркс был точно не таким антинорманистом, каким его представляли наши учебники, что цитаты из него приводятся в урезанном виде. В это время из армии вернулся мой ученик, прежний мой школьник, а затем студент Глеб Лебедев — почти к самой дискуссии. Еще в 1962 г. он писал у меня курсовую работу о роли варягов в образовании Древнерусского государства, формальным руководителем которой был декан и завкафедры отечественной истории В. В. Мавродин. Но затем Глеба забрали с первого курса в армию на три года. Мы все это время переписывались. Я сразу же поручил вернувшемуся Глебу раздобыть «Секретную дипломатию» Маркса (она тогда не была переведена на русский и не вошла в многотомную классику — «Сочинения М. и Э.») и проработать ее для выступления на дискуссии (теперь-то она известна в своем полном виде — см. Плимак 1966; Джаксон и Плимак 1988).

На себя я взял разработку мировой историографии. Нужно сделать главный упор на изменения в политической ориентации норманистов и антинорманистов: в расстановке сил они не раз менялись местами. Изменилась и ситуация в зарубежной науке — наши доморожденные блюстители догм наверняка этого не знают. Вот после этого предъявим и факты. Володя Назаренко

заявлял археологическим материалом. Кроме того, мы попросили поддержки у наших союзников из ИИМК — пригласили Галю Федоровну Корзухину, известную солидным обоснованием аналогичных взглядов (подтянули «тяжелую артиллерию»).

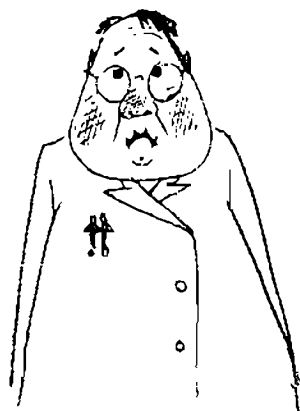
Незадолго до дискуссии я зашел к декану Владимиру Васильевичу Мавродину. Низенький и круглый, он сидел в своем кресле, посверкивая живыми глазками из-под наплывших век. Я попросил оказать нам содействие, ведь это же и для факультета важно. «Нет, я не стану вам помогать, — взметнулся В. В., — они заручились санкциями обкома, и ваша песенка спета». Я сказал:

«Вы меня не поняли, я не прошу Вас выступить в поддержку, а только поставить наши выступления, как нам удобнее: мое — вторым, как ответ на Шаскольского, Лебедева или Назаренко — сразу за мной, чтобы закрепить воздействие, а еще кого-нибудь из наших — через одного». «Это я могу», — отвечал декан.

«Они» — это было партбюро и те историки, которые группировались вокруг него. Возглавлял партбюро тогда краснощекий Иван Васильевич Степанов. И. П. Шаскольский никакого отношения к этой компании не имел. У меня даже было подозрение, что он прекрасно понимал истинную весомость «норманистских» фактов и легковесность «антинорманистских», но, не желая ссориться с начальством, писал «как надо». Но

старался, чтобы было не очень уж грубо, более приемлемо, что ли. Недавний (ныне покойный) патриарх антинорманистского движения А. Г. Кузьмин (2003: 220) назвал Шаскольского «стыдливым норманистом», коль скоро он признавал, что варяги это норманны. На деле Шаскольский был «стыдливым антинорманистом». Он был глубоко интеллигентным человеком, и ему было мучительно стыдно за то, что он оказался в такой компании.

Перед дискуссией он подошел ко мне и, держа меня за пуговицу, застенчиво сказал: «По-видимому, вы будете

Профессор Иван Васильевич Степанов,
секретарь партбюро истфака ЛГУ
времен «норманской баталии»

Портрет И. П. Шаскольского

моим главным противником, но, надеюсь, вы понимаете, что не я буду вашим главным противником». О, да, мы это понимали. Как сообщал декан, подлинным «главным противником» уже были получены санкции на ликвидацию семинара и на мое увольнение, а за увольнением могли последовать и более жесткие меры. «Я постараюсь, — сказал наш оппонент, — выступать так, чтобы не навлечь на вас политических обвинений». «От вас мы их и не ожидаем, — ответил я любезностью на любезность. — Но вы не беспокойтесь. Излагайте ваши научные взгляды без оглядки. За себя мы сами постоим».

В статье о современном норманизме А. Г. Кузьмин (2003: 220) пишет, что, якобы по моему рассказу, «перед началом дискуссии Игорь Павлович согласовал» со мною свое выступление (хотя другого «согласования», чем вышеуказанная готовность, не было). Более того, якобы, по моим словам, И. П. Шаскольский, признавая, что варяги — это норманны, «просил не завышать процент их в Восточной Европе, дабы не поставить под удар марксистскую концепцию возникновения государства». Это абсолютная выдумка, и откуда это А. Г. Кузьмин взял, сейчас узнать невозможно, так как его уже нет. Во всяком случае не из моих слов — я нигде такой чуши не писал. Щепетильный Игорь Павлович и не мог обращаться ко мне с такой просьбой, поскольку ни себя, ни меня не мыслил подтасовщиками и фабрикаторами. Воинствующим анти-норманистам вольно мыслить иначе, но надо же приводить источники. В тех текстах, на которые А. Г. Кузьмин ссылается, ничего подобного нет.

Заседание планировалось 22 декабря 1965 г. в небольшой ауд. 58, но затем под него отвели знаменитую большую 70-ю аудиторию (все важные заседания истфака происходили там). Никаких объявлений о дискуссии развешано не было — только к дверям кафедры был припилен простой лист бумаги, на котором синим карандашом было объявлено о предстоящем заседании двух кафедр по «т. н. норманнскому вопросу» и сообщались фамилии ожидаемых диспутантов — в таком порядке: «ЛС Клейн, ВВ Мавродин, ИП Шаскольский и др.». Бумагу писали студенты (она, представьте, сохранилась!). Из того, что молодой ассистент без степени был объявлен впереди декана и впереди автора обсуждаемой книги, можно заключить, что истинная подоплека предстоящего заседания была ясна всем. Других объявлений нигде не было. Но тогда ведь главным радио были слухи. Уже за час до дискуссии в аудиторию набилось огромное количество народа, люди набежали с других факультетов, толпились у входа. В аудитории было неимоверно душно. Бедную Гали Федоровну, пожилую и тучную, пришлось силой протаскивать к первому ряду через длинный средний проход: ее тянули спереди и подталкивали сзади.

Вот в этой обстановке выступили И. П. Шаскольский с резюме своей книги и я. Шаскольский выступал вяло и без всякого энтузиазма. Я, естественно,

очень эмоционально. Но начал я с совершенно искренней похвалы в адрес автора обсуждавшейся книги.

Далее следуют три текста:

- а) Набросок доклада И. П. Шаскольского — рукопись обнаружена в его архиве после его кончины и предоставлена для публикации его дочерью.
- б) Мое выступление дословно — я понимал, что это будет ответственное выступление, поэтому я написал его заранее полностью; правда, реальная речь несколько отходила от бумажной, но здесь публикуется текст, выверенный по записям события, с пометками реакции публики;
- в) Конспективные записи И. П. Шаскольским выступлений прочих участников дискуссии.

Набросок доклада И. П. Шаскольского

Норманская теория имеет свою богатую ... историю, ... своего сущ-я вызвала постоянно острые дискуссии между ее противниками и сторонниками. Много раз она обсуждалась, была предметом дискуссии и в стенах П/Ун-та в 1860 — Костомаров и Погодин.

Надо сначала условиться — что такое норманнская теория?

Теория о создании норманами Древнерусского гос-ва.

Теория о реш. роли норманнов в созд. Р. гос-ва и р. Культуры.

Как надо относиться к норм. теории с позиций советской и шире — марксистской науки (т. е. и науки др. соц. стран).

Напомню, что определенная дост. обособленная позиция маркс. науки по отн. к норм. теории выработалась не сразу, а лишь через 20 лет после Октября.

В 1920-е гг., когда в р. науке по др. Руси еще госп. ученые старой школы норм. теория польз. полным признанием. Ю. В. Готье в 1930 г. «спор решен в пользу норманнов».

В I ½ 30-х гг. — тоже.

Покровский признавал норм. завоевание.

Греков — тоже до 1938–1939 гг.

Лишь в сер. 30-х гг. Греков и др. выработ. маркс. концепцию о создании Древнер. гос-ва как результате внутр. процесса развития, концепцию, нанесшую осн. удар норм. теории.

Только с этого времени б-во ученых... прочно встало на позиции отрицания норм. теории и [на позиции] ее критики.

С этого времени, со II ½ 30-х гг., стала развертываться критика норм. теории сов. учеными.

— *Нужно
принять мнение...*

Шарж на И. П. Шаскольского

Причем эта критика не сразу нашла правильный тон, правильную направленность.

В гг. войны и I послев. годы полемика с норманизмом пошла по пути не научной, а политич. полемики.

Норманизм стали рассматривать как порождение нем.-фаш. и ам. имп. пропаганды, как прямое орудие антисов. борьбы, как прямую фальсификацию истории н/Родины.

А раз это не наука, а просто фальсификация, то и бороться с ней стали не научными, а кавалерийскими методами.

Особенно усердствовали некот. археологи (Авдусин и др.).

Некот. авторы стали на позиции огульного отрицания какой-либо роли норманнов в ист. Древней Руси, огульного отрицания даже самого пребывания норманнов на р. территории. Статьи Авдусина о Гнездове...

Подобная позиция ошибочна и порочна. Прежде всего норм. теория — это не просто выдумка соврем. фальсификаторов, она возникла уже 230 лет назад. Это научная теория, созданная и развитая двор.-бурж. наукой. Она лишь используется антисов. пропагандой.

Правда, с нашей точки зрения, она не дает правильного освещения... но ведь с нашей точки зрения...

В рамках соврем. бурж. науки — это научная теория, притом опирающаяся на огр. научную традицию, накопившая большой арсенал аргументов.

Кавалерийскими методами ... казака Козьмы Крючкова с этой теорией воевать бесполезно.

И ненаучные методы полемики с норманизмом нанесли большой ущерб нашей науке, нанесли большой вред междун. престижу сов. историографии.

В ходе подобной полемики, не изучив как следует материал, эти авторы легко и просто опровергали норм. теорию.

Но их аргументация оказывалась несерьезной, была мимо цели.

И бурж. ученые легко и с нескрываемым удовольствием разбивали эту аргументацию

Стыдно было читать, как Арне ..., как....

Подобный облегченный подход к решению сложнейшей научной проблемы был связан с сущ. в то время (40-е гг. и нач. 50-х гг.) облегченными представлениями вообще об общем ходе развития вост. славянства и Др. Руси.

Напомню, что тогда поцесс развития вост. славянства казался нам простым и ясным — прямым, как Невский проспект: от Триполья и скифов прямая линия вела через поля погр. к востсл. плем. IX в. и Киевск. гос-ву.

Жизнь зло посмеялась над нами.

В середине 1950-х гг. эта красивая схема, в кот. так верил покойный Б. Д. Греков, эта легкая и красивая схема рухнула.

Оказалось, что процесс истории вост. славян шел несравненно более сложными путями.

Заслуга установления истины прин... Ляпушкин, Артамонов, Корзухина, Тиханова.

Сейчас, через 10 лет, можно лишь сказать, что процесс развития вост. славянства в I т. н. э. требует еще длит. изучения, и сейчас нам многое еще совсем неясно.

Также и процесс формирования Древнер. гос-ва, и вопрос о роли варягов в этом процессе нельзя считать уже изученным, здесь множество темных и неясных вопросов, эти проблемы требуют длит., упорного, глубокого исследования.

Нам ясно здесь лишь главное — что Древнер. гос-во создано в результате внутр. процесса соц.-эк. развития на колосс. территории вост.-слав. земель.

Но каково было конкретное участие норманнов в этом процессе, какую роль сыграли норманны — эти вопросы требуют еще дальнейшего, все более углубл. изучения.

Отрицать участие норманнов в этом процессе мы не можем — есть много свидет-в, источников.

Правда, было бы неверно говорить, что н/полемика с норм. теорией носила только несерьезный, вульгариз. характер.

За время с конца 1930-х гг. нашими учеными, особенно 3 наиболее крупными иссл.-ми Грековым, Юшковым, ~~Пархоменко~~, Насоновым, В. В. Мавродиным, Рыбаковым и др. был сделан с марксистских позиций довольно значит. положит. вклад в изучение разл. сторон норм. вопроса.

Но сделанного совсем недостаточно.

Еще никто в сов. науке не попытался охватить и изучить всю совокупность норманистской аргументации, всю оч. широкую совокупность доказательств, приводимых в пользу норм. теории.

Такая задача стоит. Ее решать надо и скорее всего — по частям.

Отдельно — вост. источники.

Отдельно — филол. источники.

Для изучения норм. вопроса все большую роль приобретает археология.

Письм. источники ... исчерпаны.

Археол. источники растут с каждым годом.

Арциховский: Норм. вопрос ... все больше становится археологическим вопросом.

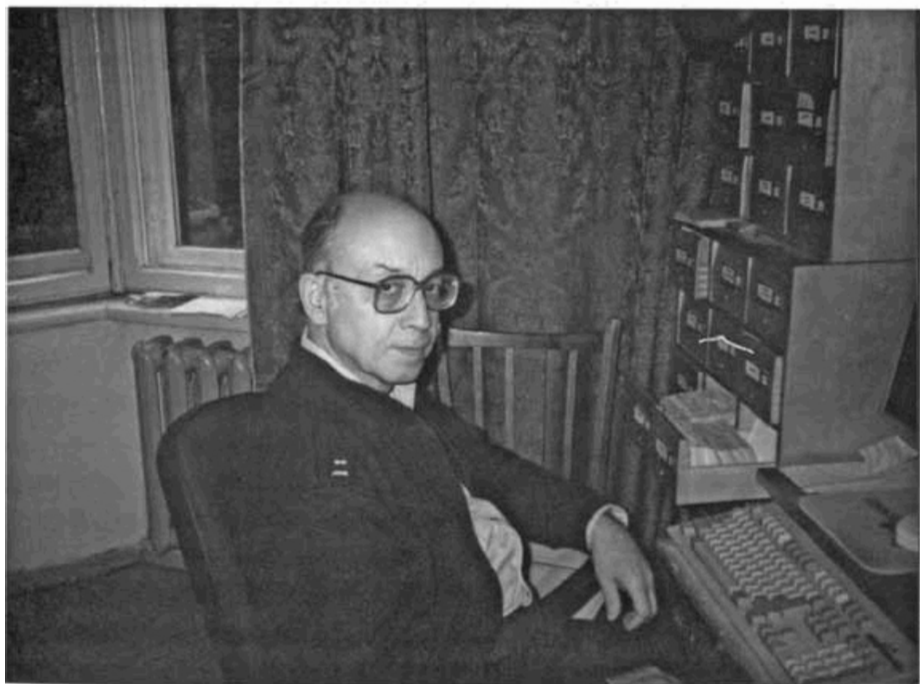
Объявление об обсуждении книги Шаскольского на дверях аудитории 70.
 фотография

Аудитория 70 на истфаке ЛГУ – место начала
 дискуссии И. П. Шаскольского с Л. С. Клейном

Автор «Спора о варягах» и участник «норманской баталии» 1965 г. Л. С. Клейн
(портрет времен «норманской баталии»)

Профессор Лев Самуилович Клейн, доктор исторических наук
(портрет времени 30-летнего юбилея «норманской баталии»)

Старая сводка археол. данных — 1944 г. книга Арне — давно устарела, накопилось огр. колич-во новых данных за сов. годы, надо изучать, обобщать.

Теперь надо поставить? Должна ли быть выработана по данной проблеме одна-единств. концепция? Или же допустимо существование разных точек зрения?

Покойный Бор. Дм. Греков (он был вполне человеком своей эпохи — времени 30-х — 40-х гг.) считал, что на норм. и вообще на проблему возникн. Древнер. г-ва может существовать только одна точка зрения — его собственная, только она — марксистская, ост. — нет.

Думаю, что нам надо признать право на существование разных точек зрения в рамках сов. науки по данному вопросу, лишь бы эти точки зрения исходили из марксистских позиций.

Проблемы истории этого периода столь сложны, источники столь бедны, что нам трудно выраб. единую концепцию.

Ведь, напр., по близкому по времени вопросу — по вопросу о происх. вост. славян — уже сущ. сейчас разные точки зрения: Ляпушкин, Рыбаков и москвичи, украинцы.

Неск. слов о соврем. состоянии самой норм. теории.

Накопился большой арсенал доказательств, некот. — весьма серьезные, с ними трудно полемизировать.

Но в целом норм. теория нах. сейчас в условиях кризиса.

- 1) Главный удар — концепция о внутреннем происх. Р. гос-ва в рез. внутр. процесса соц.-эк. разв. вост. слав-ва.
- 2) Норманны в результате завоевания не могли создать классовое о-во и гос-во на Руси.

Аналогия — норм. завоевания в Зап. Европе: в Нормандии, Ирландии, Сицилии.

Но там уже было классовое о-во, завоевание не влекло за собой коренных изменений, просто смена власти в уже сущ. гос-ве.

Там норманны действ. на неб. террит.

Здесь — колюс. пространство Вост. Европы.

- 3) Хронол. несовпадение.

Не сход. концы с концами.

По письм. источн.: если считать, что Русь = норманны, тогда гос-во Руси уже сущ. в Поднепровье в I ½ IX в.

Набеги на Сурож и Амастриду.

гос-во Рос. Берг. анналов.

набег 860 г. на Царьград.

Но по археол. данным норманны появл. на Днепре лишь с начала X в.

Для IX в. — в Поднепровье нет археол. следов норманнов.

(я задал ? Арбману, он ...)

4) Имя Русь.

Если считать, что Русь = Руотси, происх. с севера от назв. норманнов...

Как объяснить следы сущ-я этого имени на юге в VII–VIII вв.?

Как объяснить появление гос. образования с именем Русь в I ½ IX в., тогда как норманны по археол. данным еще не проникли на юг, тогда как по археол. данным норманны только начали в нач. IX в. появляться в Приладожье (и только тогда у сев.-вост. славян могло появиться имя Русь для норманнов).

5) Лингвистическая концепция шв. происх. имени Русь запуталась, зашла в тупик, нет такого шв. слова.

6) Осн. источник — рассказ о призвании варягов — недостоверен... Норманисты — не признают, наши авторы — большие роялисты...

Таковы гл. слабые стороны норм. теории, гл. уязвимые места.

Чем дальше вглубь идет наша наука, тем больше у норм. теории не сходятся концы с концами.

Задача — дальнейшее все более углубл. изучение, углубл. научная полемика.

Запись текста выступления Л. С. Клейна

І. Новейший труд по «норманнскому вопросу»

Всего несколько месяцев тому назад вышла книга И. П. Шаскольского, полностью отвечающая теме сегодняшней дискуссии. Книга эта представляется мне чрезвычайно ценным вкладом в нашу научную литературу — не потому, что книга эта свободна от недостатков: я сравниваю ее не с мыслимым идеалом книги на такую тему, а с работами других авторов и вижу, что книга И. П. Шаскольского является значительным шагом вперед.

Впервые вместо коротких бранных отписок и окриков, составлявших нашу критическую литературу по данной теме, на стол положен серьезный, солидный разбор взглядов и доказательств. Вместо доступного любому неучу, желающему защитить диссертацию, критического обзора норманистских работ прошлого и запрошлого веков (да еще желательно на одном лишь русском языке), — а таких было немало — капитальный (несмотря на малый объем) труд, основанный на огромной эрудиции и великолепной осведомленности в современной зарубежной литературе. Вместо критики теней — критика живых. Наконец, вместо выхватывания мелочей и набрасывания на второстепенных лиц, на каких-нибудь заштатных популяризаторов (чем грешили нередко наши корифеи) — критика лиц, трудов и концепций.

Очень правильным представляется мне отрицательное отношение автора книги к недостаточно подготовленным выходам отдельных наших борцов на мировую арену, когда одним гипотезам противопоставлялись другие гипотезы, не более убедительные (он имел в виду В. В. Похлебкина и В. В. Вилинбахова, но можно было бы добавить и другие примеры).

Положительным представляется мне то, что в книге не только резко осуждаются политические манипуляции ряда норманистов с историческим материалом, но и отвергаются ненужные увлечения в полемических выпадах проф. Д. А. Авдусина и некоторых других советских ученых с позиции крайнего антинорманизма, очень уязвимые для критики (например, идея о том, что славяне были выше норманнов, заимствованная у Н. П. Кондакова; огульное

отрицание почти всяких следов викингов в восточнославянских землях). Здравая оценка этих увлечений давно уже требовалась.

Все это можно только приветствовать.

Книга И. П. Шаскольского, когда готовилась, несколько раз обсуждалась по частям; я тоже в этом участвовал. Шел спор о понимании разных проблем, позиции сторон спора давно определились, и то, что я буду сегодня говорить, в основном, будет повторением и лишь некоторым развитием (дальнейшим уточнением формулировок) того, что я уже выдвигал прежде (я из любопытства просмотрел свои записи прошлых дискуссий). Мои взгляды остались прежними.

Но наши позиции сблизилась, ибо взгляды Игоря Павловича претерпели некоторое изменение. (*Оживление в зале, смех.*)

Это я могу только приветствовать. Лышу себя мыслью, что в какой-то мере здесь повлияла коллективная критика, в которой и я принимал посильное участие. Но я боюсь преувеличивать роль этого влияния: преувеличение влияний — вообще штука нехорошая.

Во всяком случае, в книге И. Я. Шаскольского появились важные новые положения, которых не было ни в нашей исторической литературе последних десятилетий, ни, кажется, в прежних выступлениях Игоря Павловича.

II. Отношение к норманнской теории

И. П. Шаскольский теперь признает, что так называемая норманнская теория не является просто **фальсификацией истории** в политических целях, как это утверждалось прежде, а представляет собой **течение в буржуазной науке**. Это очень важный шаг: именно та старая оценка создавала базу для облегченной критики норманизма, неэффективность которой неоднократно отмечается в книге И. П. Шаскольского, и без этой новой оценки само появление труда И. П. Шаскольского выглядело бы менее мотивированным.

Старая оценка держалась долго и прочно. Норманнская теория никогда не имела «научного значения», — утверждалось в учебнике «История СССР» Тихомирова (1947: 74). Д. А. Авдусин в 1953 г. трактовал работу Т. Арне как «выпад против русского народа, не имеющий ничего общего с наукой» (статья «Неонорманистские измышления буржуазных историков» — Авдусин 1953: 120). Б. А. Рыбаков в том же году отметил, что «после того, как многие доводы норманистов были опровергнуты, норманнская теория осталась где-то на грани между консервативной ученостью и политическим памфлетом» (Рыбаков 1953: 27). В. П. Шушарин еще в 1964 г. пишет: «...из гипотезы (была, значит, все-таки когда-то гипотеза! — Л. К.) норманнская теория превратилась в средство фальсификации истории» (Шушарин 1964: 236–237). И еще: «...современный

норманизм — во всех его формах... — полностью утратил характер научной гипотезы, превратившись в средство пропаганды идеи о неспособности восточнославянских народов к самостоятельному научному творчеству» (там же, 288). Тут единственное проявление некоторого отхода от крайности — признание, что взгляды норманистов были когда-то в прошлом научной гипотезой. Еще один автор давал в свое время такую оценку: «Лживая тенденциозная квазинаучная норманнская теория» [(Мавродин 1949: 20)]!

По сравнению с этим формулировка И. П. Шаскольского (*течение в рамках буржуазной науки*) представляет собой большой прогресс. Но она неточна, ибо — и в рамках марксистской науки, и притом с самого ее начала (К. Маркс) — и до современности (вспомним выступление познанских историков против ак. Ловмянского в 1958 г.). И в рамках марксистской советской науки — и тоже с самого ее начала (Покровский!). Было ведь это, никак этого не вычеркнуть, было!

Поэтому трудно принять оговорку И. П. Шаскольского: «правда, с марксистской точки зрения эта теория дает неверное, ошибочное освещение рассматриваемых проблем, т. е. не является научной». Это трудно принять, несмотря на расширительную поправку: как и «вся буржуазная историческая наука в целом» (стр. 6). Надо бы уточнить: что в этой теории (точнее, в том, что под ней обычно сейчас понимают) не является научным с марксистской точки зрения, а что, может быть, и допустимо признать научным.

III. Отношение к антинорманизму

Второе важное положение книги И. П. Шаскольского касается **отношения к антинорманизму**.

До недавнего времени обстановка характеризовалась так: советские ученые являются воинствующими антинорманистами — продолжателями традиций дореволюционных антинорманистов, хотя и на новой, высшей ступени. И. П. Шаскольский отказался от этой упрощенной альтернативы (либо норманист, либо антинорманист, *tertium non datur*). По его новой трактовке, есть норманисты, есть антинорманисты, а есть позиция советских ученых: ни норманизм, ни антинорманизм, а нечто третье.

Прямо это у него нигде не сказано, но последовательно выдержано во всей книге. О дореволюционных антинорманистах говорится, что они, как и норманисты, тоже стояли на «ошибочных методологических позициях», исходили из идеалистических представлений о процессе формирования государства» (стр. 10). И еще более определенно: «Антинорманизм как течение русской буржуазной историографии (кстати, надо бы: исторической науки. — Л. К.) просуществовал до самой революции и в послереволюционные годы вместе с эпигонами буржуазной науки переместился в зарубежные страны и умер

естественной смертью в 1930-х гг.» (стр.11). (Попутно вопрос: почему именно в 1930-х? А как быть с антинорманистскими работами русских эмигрантов более позднего времени? То ли они уже не русские, то ли уже не буржуазные? Кстати, как видно будет из дальнейшего, это вопрос не праздный.) и так как позиция советских ученых ни разу в книге не названа антинорманистской, то для читателя совершенно ясно, что эта позиция антинорманистской не является, а является чем-то третьим.

Ну что же, такая постановка вопроса вполне правомерна, ибо отвечает ленинскому пониманию партийности советской науки: «Материалист... последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм», и в то же время «материализм включает в себя, так сказать, партийность» (В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 380–391). Называя буржуазных профессоров «приказчиками буржуазии», В. И. Ленин указывал: «Задача марксистов... суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими приказчиками... и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов» (Там же).

Но всегда ли мы умеем вести *свою* линию, бороться со *всею* линией враждебных сил?

Хоть в книге И. П. Шаскольского декларируется третья позиция, и обе концепции (как норманистская, так и антинорманистская) определяются как не наши, борьба идет только с одной из них. Вторая не просто оставлена без внимания — нет, к ней вообще явно другое отношение: она, конечно, тоже ошибается, но все же какая милая! Какие у нее наивные и трогательные ошибки!

Это пронизывает всю книгу, проявляется в тоне, в содержании, в положениях, в аргументации.

Если говорится о норманистах, то сколь бы солидны ни были их труды, это «штудии» (в кавычках), «объемистые сочинения», авторы которых «стараятся во что бы то ни стало доказать», «пытаются объяснить», «стремятся отстоять хотя бы», предпринимают «попытки спасти свое построение», «оголуют обьявляют», «создают у читателя впечатление о... серьезном научном подходе», «вынуждены признать» и в лучшем случае «сохраняют известную долю объективности» (стр. 10, 51, 59, 69, 102, 120, 146, 164, 173).

Если же речь идет об антинорманистах, то стиль иной: они «подвергли резкой критике», «дали серьезную и основательную критику главных положений норманнской теории», вели «полемическую деятельность», выступали с «конкретной источниковедческой критикой», которая «сохранила в ряде случаев свое значение до наших дней», хотя и «не смогли противопоставить отвергаемой ими норманнской теории сколько-нибудь убедительное положительное построение» (стр. 11).

Из главных положений защищаемой И. П. Шаскольским концепции, по существу, новым, марксистским, является только одно положение — о классовых, социально-экономических корнях Древнерусского государства. Остальные заимствованы у антинорманистов в достаточно полном объеме (и о ничтожности варяжского элемента в культуре восточных славян, и о южном происхождении термина «Русь», и др.). И лишь немногие из старых антинорманистских положений не повторяются в этой концепции — те, от которых давно отказались и дореволюционные антинорманисты.

В этом вопросе произошло какое-то смещение позиций: третий лагерь передвинулся на место второго и стал в значительной мере перенимать его черты. И вот снова два лагеря. Где третья позиция? Ее плохо видно. На месте бывшей второй — какой-то слав третьего лагеря со старым вторым. Борьба со всей линией, со всем фронтом враждебных сил и традиций (от Погодина до Иловайского) не получается.

Вы скажете, это естественно: второй лагерь умер, что с ним бороться? Что его опасаться?

Но, во-первых, Шульгин был тоже «за подъем России», как и большевики, но с распадом его лагеря мы не заняли его позицию и не заимствовали его аргументацию, а продолжаем четко ограничивать свои позиции от его.

Во-вторых, когда о таких различиях забываешь, то появляется опасность в чем-то утратить свое лицо и скатиться на позиции покойника. Намеки на это можно увидеть в применяемых И. П. Шаскольским приемах аргументации. В систему аргументации И. П. Шаскольского иной раз включаются явные методические анахронизмы: топо- и этнонимические операции с термином «Русь», слегка завуалированные ссылки на устаревшие определения археологов (дореволюционных и советских), в настоящее время археологами не поддерживаемые (стр. 127–138).

И. П. Шаскольский осуждает антинорманистские крайности Д. А. Авдусина как необъективные и ...принимает его конкретную аргументацию. В частности И. П. Шаскольский принимает выдвинутую Д. А. Авдусиным (употребляю здесь юридический термин) «презумпцию» славянской принадлежности неопределенных курганов. Т. Арне был готов всякий курган, в котором найдена скандинавская вещь, объявить варяжским, а славянских не видел вообще — это, конечно, нельзя признать строго научным подходом. Д. А. Авдусин противопоставил этому другую крайность: по одной славянской находке он весь курган объявляет славянским, а достоверные скандинавские вещи славянскими. Это столь же неубедительно. И. П. Шаскольский это отвергает.

Но Д. А. Авдусин пошел еще дальше: по его мнению, не только те курганы, в которых найден хотя бы малейший славянский элемент, но все

неопределенные курганы, в которых ничего вообще не найдено, надо зачислить в славянские, поскольку они найдены на славянской территории и не имеют опознавательных признаков *иной* принадлежности. Т. е. если не доказано, что курган иной, значит, он славянский. И, как это ни странно, И. П. Шаскольский принимает этот принцип, считая его правильным. Но ведь с таких позиций любой беспаспортный незнакомец, задержанный на русской земле, должен быть признан русским! Не ясно ли, что, поскольку письменные источники знают о проживании на этих землях не одних лишь славян, этническую принадлежность курганов позволительно определять только по достоверным признакам: курган с безусловно скандинавскими признаками — варяжский, с безусловно славянскими — славянский, а без четких признаков — неизвестно чей и в расчет этнического состава населения приниматься не должен.

Вот это был бы объективный подход.

Необъективность проявляется и у самого И. П. Шаскольского в том, например, что один и тот же факт оценивается по-разному, когда речь о нем идет при проверке положений норманистов и при проверке положений антинорманистов. Так, дата прибытия варягов, сообщенная летописью (860–862 гг.), когда речь идет о призвании варягов (норманистское положение), признается недостоверной как и весь эпизод призвания, а когда речь заходит о доваряжских находках в государстве Руси (положение антинорманистов), то эта дата принимается за достоверную: по ней именно определяется, до какого времени продолжается доваряжский период.

Вот что получается, когда в пылу борьбы против одного лагеря забывают о неприемлемости для нас второго лагеря, даже если он умер. Это во-вторых.

И в-третьих. Неверно, что прежний антинорманизм в чистом виде умер. Просто в силу сплавленности третьего лагеря со вторым мы его перестали замечать. Есть лишь небольшая группка антинорманистов, оставшаяся вне сплава, но по ее позиции можно судить о том, каково же истинное лицо современного антинорманизма. В чистом виде. Я еще буду об этом говорить.

IV. Социальные силы за обоими течениями в динамике

По-новому поставлен в книге И. П. Шаскольского вопрос о соотношении обоих течений — норманизма и антинорманизма — с политическими силами.

Считается, что норманизм создали реакционные немецкие ученые, пребывавшие на русской службе (Байер, Миллер, Шлёцер), и он с самого начала был направлен против славян. И. П. Шаскольский напоминает, что создали норманнскую теорию, в сущности, сами славяне, ибо, как писал еще Пресняков, первым

норманистом, собственно говоря, был Нестор-летописец, а немцы-академики только использовали и модернизировали эту теорию (стр. 9). В дальнейшем, по И. П. Шаскольскому, тоже не было постоянной и прямолинейной связи: норманизма — с реакционными силами, антинорманизма — с прогрессивными, не говоря уже о национальном разделении (ибо вплоть до начала XX в. вся борьба обоих течений развивалась почти исключительно внутри русской науки, а участие в этой борьбе выходцев из Германии было лишь преходящим эпизодом).

И. П. Шаскольский отвергает

«распространенное в недавнее время в наших историографических работах утверждение о том, что важную и чуть ли не главную роль в борьбе против норманистов играли представители революционного лагеря — декабристы и революционные демократы (Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов) и что норманнскую теорию отстаивали реакционеры, а боролись с ней революционеры. В действительности же отдельные высказывания декабристов и революционных демократов против норманистов не сыграли серьезной роли в полемике профессиональных историков по норманнскому вопросу. А по своим политическим воззрениям главные деятели норманизма и антинорманизма стояли на одной и той же монархической платформе. Так, убежденными сторонниками самодержавия были не только норманисты М. П. Погодин и А. А. Куник, но и антинорманисты Д. И. Иловайский и С. А. Геденов, последний притом был не только историком, но и одним из главных чиновников Министерства императорского двора» (стр. 11, прим. 6).

Легко заметить, что автор книги рассматривает это явление только как путаницу, чересполосицу, результат вмешательства субъективного фактора, усложнившего основную картину реакционности норманистской концепции: в антинорманистах оказываются и реакционеры, и прогрессивные люди, но в норманистах — только реакционеры.

Думаю, что это можно не только уточнить и детализировать. Распределение сил не было столь односторонним и столь беспорядочным, если рассматривать его в динамике.

1. Эпизод с призыванием варягов звучал вначале как лозунг борьбы за национальную независимость молодого русского государства. В эпоху, когда летописец излагал этот эпизод, византийский престол и византийская церковь то и дело притязали на «игемонию» над росами (ср. сообщение Кедрина). В этих условиях заявление о том, что русская княжеская власть исходит не от византийского императора, а из иного источника, звучало гордо.

А что до вывода местной династии от «знатных предков» из-за границы (что представляется унижительным на взгляд современного националиста), то такая родословная была тогда обычным способом утверждения

знатности во многих династиях: французские короли выводили свой род от троянцев, немецкие властители — от римлян, и т. д. Если первоначальные мотивы летописца могли корениться в ином (в чистой ли фактологии или в соображениях узкой новгородско-киевской политической конкуренции), то широкой популярностью в древнерусском обществе этот мотив, несомненно, обязан такому его звучанию.

2. Позже этот эпизод был использован для оправдания шовинистических предрассудков и спеси некоторых иноземных ученых на русской службе, вряд ли, однако, Байера, скорее Миллера и особенно Шлёцера [*Однако ныне есть мнение, что Байер, Миллер и Шлёцер исповедовали «умеренный норманизм», не имеющий антирусской подоплеки, тогда как был и есть еще «крайний антинорманизм» — см. Котляров 1992.*], в этой форме эпизод получил звучание, оскорбительное для патриотических чувств русских людей. Соответственно и новое деление: норманисты — хулители русского народа, антинорманисты — патриоты.
3. Затем, с угасанием немецко-русской борьбы в верхах российского общества и пробуждением революционных настроений, этот эпизод воспринимался уже иначе — как доказательство законности и естественности господства правящих эксплуататорских верхов в России и, соответственно, положительно оценивался реакционерами (Карамзин, Погодин) и отрицательно — прогрессивными мыслителями (декабристы, Чернышевский, Костомаров).
4. Далее, с выдвижением шовинизма в качестве одной из главных сил на идеологическом вооружении реакции (уваровская формула самодержавия — православия — народности) и соединением надвигавшейся революции с национально-освободительными движениями, этот эпизод приобрел прямо противоположное значение. Реакционеры, побуждаемые шовинистическими чувствами, конечно, отшатнулись от него, и теперь этот эпизод принимался революционными и демократическими кругами как оружие в борьбе против великодержавного шовинизма (возможно, Ключевский, наверняка М. Н. Покровский) и отвергался сторонниками старого режима (от Иловайского и Гедеонова до эмигрантов Кондакова и Рязановского-старшего).

Когда в середине 30-х гг. XX в. одновременно вышли книги М. Н. Покровского (посмертное издание) в СССР, а Ф. В. Тарановского и Д. М. Оди́нца — за границей, то в первой пропагандировалась норманнская теория, а в тех — антинорманизм. И, пожалуй, тогда, выступив в СССР против норманистского норматива, историк рисковал оказаться в большом подозрении относительно политической лояльности.

5. Наконец, четверть века назад — полная перемена фронта: в советской науке единственным направлением стало отрицание норманизма и борьба против него с позиций, которые я уже охарактеризовал как соединение старого антинорманизма со стремлением к новой концепции, а в зарубежной буржуазной науке норманизм укрепился как господствующее течение.

Норманисты не раз выступали с обвинениями, что эта перемена была вызвана конъюнктурными соображениями и что поэтому советские ученые а priori не правы в своих научных утверждениях. В ответ можно было бы указать, что любые историки, сознают они это или нет, никогда не свободны ни от веяний времени, ни от влияния среды, что это не освобождает противника от анализа предъявляемых аргументов, и т. п. Многое можно было бы возразить...

Но когда нас в ответ хотят уверить (стр. 13–14, 16–18), что перемена фронта на 180° была вызвана простым внедрением подлинно марксистских взглядов (почему-то бывших в полном забвении до того) или простой переоценкой фактов (почему-то внезапно поумневшими историками), то за кого нас принимают? За несмышленных детей или наивных идеалистов? Верить в такие случайности, не видеть под сменой научных идей общественные сдвиги — ведь это была бы не марксистская историография, а идеалистическая историография!

Кто же усомнится в том, что такой поворот был связан (и это естественно) с событиями Второй мировой и Великой Отечественной войны и предшествовавшим приходом фашистской власти в Германии, когда норманизм был взят на вооружение германскими агрессорами как одно из обоснований претензий на господство над славянами! Секретная инструкция, разосланная германским чиновникам за 3 недели до нападения на СССР, ссылаясь на летописный эпизод призвания:

«Русские всегда хотят оставаться массой, которой управляют. В этом смысле они воспримут и немецкое вторжение. Ибо это будет осуществлением их желания: "Приходите и владейте нами!" Поэтому у русских не должно оставаться впечатления, что вы в чем-то колеблетесь. Вы должны быть людьми дела, которые без лишних слов, без долгих разговоров и без философствования четко и твердо выполняют то, что необходимо. Тогда русские будут вам услужливо подчиняться» (цит. по Шушарину 1964: 244–245).

Но основные идеи этой секретной инструкции уже задолго до нападения перестали быть секретами. И естественной реакцией советских ученых был отпор наглому обоснованию претензий на господство над славянами, отпор всем связанным с этим тенденциям в науке. Это и вызвало огульную борьбу против норманнской теории в целом: некогда было разбирать, что там

зловредно, а что — безвредно. Непродуманность, перегибы все равно, конечно, достойны сожаления (ошибки есть ошибки), но в таких условиях, в общем-то, были закономерны и по-человечески понятны и первая антинорманистская статья Д. А. Авдусина (1953) и брошюра В. В. Мавродина (1949).

Но из этого вытекает, что для правильного определения собственных позиций в политическом аспекте и тенденций дальнейшего развития борьбы по этому вопросу в исторической науке надо бы определить, сохранились или изменились общественные условия, вызвавшие к жизни эти интересы и настроения и определившие эту увлеченность, несомненно, искреннюю, но не во всем достаточно объективную. Вправе ли мы, советские ученые, и сегодня поддаваться этим настроениям, проявлять и сегодня по инерции ту же односторонность, которую проявляли тогда? Не наносит ли это ущерба советской науке?

6. Думаю, что обстановка изменилась. Положение Советского Союза и русского народа в мире не то, что было четверть века назад. Претензии на роль варягов ныне гораздо более абсурдны, чем тогда, а наши враги отнюдь не хотят быть смешными. И если теперь еще проскальзывает нечто подобное в их вылазках, то по той же инерции. Враждебные нам силы все больше обращаются к другому идеологическому оружию.

В связи с этим мне представляется не совсем точной та расстановка сил норманистов и антинорманистов в современной зарубежной науке, которую изобразил И. П. Шаскольский (не говоря уже о В. П. Шушарине). У И. П. Шаскольского (а особенно у других) получается так, что современные западные норманисты — все реакционеры, шовинисты, заклятые враги советского народа, и если даже это солидные ученые, то значит попросту лишь очень высоко квалифицированные фальсификаторы. А если и попадутся один-два объективных и дружелюбно к нам настроенных ученых, то они, конечно, оказываются антинорманистами.

Однако картина не совсем такова.

В Западной Германии есть лишь один заметный исследователь, разрабатывающий норманнскую теорию, — это Петер Паульсен, действительно фигура темная: бывший фашист, грабивший музеи Восточной Европы, хотя и, надо признать, квалифицированный археолог. Остальные норманистские высказывания историков Западной Германии принадлежат авторам общих курсов, популярных работ и т. п. и большей частью не связаны со специальной интенсивной разработкой соответствующих материалов.

Две главные группы современных исследователей-норманистов — англосаксонская (в основном историки и в значительной части из русских белоэмигрантов) и скандинавская (в основном археологи). Из трех наиболее заметных деятелей этих двух групп Г. Пашкевич эмигрант из Польши, разумеется,

не имеет оснований питать к нам нежные чувства и невольно проявляет свою ненависть, несмотря на желание сохранить академический тон. Швед Х. Арбман — очень серьезный археолог, весьма осторожный в своих заключениях и, помимо норманнской теории, кажется, ничем перед нами не грешен. Датчанин А. Стендер-Петерсен известен как активный сторонник культурных связей и дружбы с советским народом, имеет большие заслуги в исследовании и популяризации древнерусской и русской классической литературы. И если он (вместе с такими, как он), несмотря на свои интересы, принимает и развивает норманнскую теорию, то явно не по злобе, а по иным причинам.

Обратимся теперь к западным антинорманистам. Хотя их и мало, но среди них тоже есть разные люди, а ведущими оказываются прелюбопытнейшие фигуры.

Особые симпатии наших историков и историографов вызывают Рязановский-младший и А. В. Соловьев. Их часто упоминают, обильно цитируют, ссылаются на их работы как на объективные и показательные, хвалят и радуются. Что же это за исследователи? и главное — кто и где их поддерживает?

Это белоземгранты (ну, это дело старое и само по себе сейчас уже не столь важно): В. А. Рязановский — второго поколения (сейчас профессор Пенсильванского университета в США), А. В. Соловьев — первого поколения (из Ростовского университета, переместился в Белградский), сейчас проживает в Швейцарии.

Так вот где же печатают их антинорманистские сочинения? В изданиях страны, где, как отмечает и И. П. Шаскольский, норманистских исследований почти нет, — в Западной Германии. Какие именно издания их печатают? «Jahrbuch für Geschichte Osteuropas», «Studien zur ältesten Geschichte Osteuropas», «Die Welt der Slawen». Но ведь это все журналы системы «Остфоршунг» — базы самого оголтелого реваншизма! Первый из этих журналов — орган Мюнхенского института Восточной Европы, тесно связанного с белогвардейским Институтом по изучению истории и культуры СССР. Советский автор М. Р. Тульчинский, упоминая в книге «Адвокаты реванша» другие издания этого Института (например, «Настольную книгу о Советском Союзе»), отмечает: «особенно отчетливо антисоветский характер Института проявился в издаваемом им с 1953 г. ежеквартальном историческом журнале "Ежегодник по истории Восточной Европы" ("Jahrbuch für Geschichte Osteuropas")».

Кто печатает и редактирует А. В. Соловьева? Директор института и первый редактор журнала проф. Ганс Кох — личность хорошо известная. Он же по совместительству профессор Высшей политической школы в Мюнхене, председатель Немецко-Украинского общества им. Гердера, куда входят бандеровцы.

Биография его более чем красноречива и не без значения для нашего вопроса. Офицер контрразведки Австро-венгерской империи, руководивший расстрелами на Украине в годы Гражданской войны, в чине капитана Генштаба австро-венгерской армии он действовал затем в частях Петлюры. Попав в плен к красноармейцам, был отпущен на родину по окончании Гражданской войны. После этого он последовательно занимал посты директора Кенигсбергского, Бреслауского и Венского институтов по изучению Восточной Европы, последним из них он руководил в 1940–1945 гг. и в порядке «изучения» вместе с батальоном «Нахтигаль», состоявшим из украинских националистов-предателей, занимался расстрелами жителей Львова. После войны связался с разведкой Гелена, а в последнее время был советником канцлера Аденауэра по русским делам и сопровождал его в поездку в Москву в 1955 г. Это он, Кох, переиздал в том же году вышедшую в военные (!) годы книгу розенберговского сотрудника Гертле «Марксизм, ленинизм, сталинизм — духовное наступление Востока», что вызвало скандал даже в Западной Германии...

Ганс Кох умер в 1959 г., и Рязановского-младшего издавал уже новый директор и редактор Г. Штадтмюллер — бывший сотрудник Бреслауского института, ныне видный член чисто политической организации — Западной академии в Мюнхене. В числе его коллег по руководству академий — Отто фон Габсбург, Хассо фон Мантейфель, фон Брентано, Оберлендер, а официальная цель академии — возродить «священную империю германской нации».

Вот кто поддерживает в руках Рязановского и Соловьева знамя антинорманизма!

С чего бы это такие люди — и вдруг утратили политическое чутье и бдительность? А они и не утратили! Их журналы: каждый номер — это обойма, каждая статья — пуля, там нет пустых патронов! (Я читал эти журналы, хоть добраться до них нелегко: они же в спецхране, вместе с фашистской литературой.)

Это чрезвычайно опытные политики, достаточно умные, чтобы понимать, что лозунг нового варяжского завоевания устарел и не способен увлечь ни народные массы Западной Европы, ни, конечно, самих славян (а ведь это тоже было бы важно!). Россия — не та, что в 20-е гг. — нет ни разрухи, ни голода, ни беспорядков. И Европа не та — не тот запал!

И они сменили оружие.

Теперь главное в их пропаганде — не идея бессилия славянства и его вечной зависимости от Запада, а попытки противопоставить славянский мир как жуткую азиатскую угрозу всей остальной Европе и попытки сыграть на противоречиях между народами Восточной Европы. Это выражается в попытках разжигать национализм различных народов Восточной Европы, каждого по отдельности, с намерением раздуть шовинизм, направить против других, вызвать

взаимное раздражение и озлобление. В попытках противопоставить националистические традиции («посконную самобытность») «европейским чуждым влияниям» от варяжского до петровского и от робеспьеровского до марксистского — все это, де, чуждо Востоку, не воспринимается, не оставляет следа, ибо оно ненормально для Востока... Это выражается также в попытках противопоставить исторические пути и судьбы западно- и центральноевропейских народов путям и судьбам народов Восточной Европы. Там, на Западе, в культуре до сих пор чувствуется могучая база римской цивилизации, а здесь — совсем иная история, иные традиции, чуждые, азиатские, опасные для Европы.

Новая (и обновленная старая) терминология отражает новые установки. «Различие между западной и азиатской оценками человека», «западная солидарность»... Остфоршер Ф. Тисс пишет: «Когда мы в настоящее время говорим о Западе, то мы думаем не о современной коалиции, а об исторических и религиозных предпосылках, из которых выросло это общество» («Исторические основы противостояния Востока и Западу»). Другой остфоршер, Эм. Францель:

«Восточная Европа полностью усвоила азиатский характер, и... в это расплывчатое пространство все сильнее проникают восточные принципы азиатского деспотизма и азиатский образ жизни. И если эти азиатские тенденции вторглись в самый центр Германии, то это не в последней степени зависит от истории России».

Тот же Ганс Кох пугал европейцев угрозой с Востока: «Сильнейшая военная сухопутная держава в истории, объединившись с наиболее населенным государством земного шара, представляет собой физическую угрозу для остального мира».

Это концепция раскола, концепция изоляции славянства, концепция «отпора извечной агрессии с Востока».

К этой новой концепции норманнская теория, которая воспекает агрессию в противоположном направлении и, главное, слишком уподобляет историю Восточной Европы истории Западной Европы, уже плохо подходит. Вот почему они сделали ставку на антинорманизм. Конечно, и норманизм сохранился в их арсенале, но его значение идет на убыль. Он еще по инерции пропагандируется в популярных книгах и учебниках, но творческие поиски и усилия направляются в противоположную сторону.

Немалую роль, возможно, играет и желание остфоршеров помешать укреплению культурных связей СССР со скандинавскими странами, которое весьма беспокоит западногерманских политиков. Антинорманизм привлекает их как своим полным отрицанием древних влияний и родственных традиций у народов Скандинавии и Восточной Европы, так и возможностью играть на конфликтах научных взглядов, на провоцировании национальных противоречий в науке

и культурной жизни. Поэтому, как можно заметить, их особенно привлекает возможность стимулировать антинорманизм в работах русских авторов (хотя бы и эмигрантов) при поддержке норманизма в работах скандинавов.

В этом свете понятно, что когда сотрудничавший с фашистскими оккупантами профессор биологии Харьковского университета Парамонов, бежавший с гитлеровскими войсками, а теперь вынырнувший в Австралии, издал под именем Сергея Лесного «Историю "русов" в неизвращенном виде» (1954), то эта «неизвращенная» под пером гитлеровского недобитка история оказалась антинорманистской. Именно поэтому, если религиозная фанатичка Наталья Ильина издает в Париже книгу «Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки» (1955), то надо трижды подумать, прежде чем бросаться со всех ног выполнять эту задачу. (Я, конечно, не имею в виду, что на наших исследователей повлияла Н. Ильина — это был бы абсурд так думать, — но осмотреться надо было бы!)

(После этих слов проф. И. В. Степанов, М. Н. Кузьмин и другие члены партбюро потянулись к выходу в коридор, чтобы посоветоваться.)

Только странным ослеплением некоторых наших научных лидеров можно объяснить тот удивительный факт, что незамеченным оставалось, как иные статьи А. В. Соловьева (1947; 1957; Soloviev 1956; 1959) появлялись в двух вариантах (почти под одним и тем же названием): в «Jahrbuch für Geschichte Osteuropas» (Мюнхен) и в «Вопросах истории» (Москва), в «Studien zur älteren Geschichte Osteuropas» (Грац — Кёльн) и в «Византийском временнике» (Москва). **(Оживление в зале.)**

Так что кому надо прочесть их, если неохота возиться, пробиваться в спецхран, — не надо, возьмите «Вопросы истории»! **(Смех.)**

Значит ли это, что я призываю теперь метнуться в другую сторону, снова в норманизм? Ни в коем случае! Я вообще не сторонник шатания, уклонов в крайности. И дело вовсе не в том, чтобы найти арифметическую среднюю, «золотую середину». Надо уметь гнуть свою линию! Но для этого прежде всего нужна полная ясность, твердость исходных принципов и понятий.

V. Что есть норманизм?

Такому ненормальному положению — чуть было не сказал «ненормальному положению», — словом, смещению акцентов, неразборчивости в выборе союзников и т. п., в немалой мере способствовало отсутствие ясности в оценке и определении основных историографических понятий в этом вопросе.

И здесь И. П. Шаскольский предложил определение норманизма, которое несколько продвинуло нас вперед в решении этой задачи и отличается новизной, к сожалению, недостаточной.

Лекторий истфака ЛГУ – место завершения дискуссии.

Профессор Игорь Павлович Шаскольский
в поездке по Скандинавии (1970)

Игорь Павлович Шаскольский,
участник «норманской баталии». 1965 г.

Термины «норманизм», «антинорманизм» и все производные настолько поизносились да затрепались за 200 лет спора, что превратились в стертые монеты, на которых уже не разобрать, что там было вначале написано, и чтобы теперь определить их истинное достоинство, их надо расчистить и попробовать на зуб (а спор зашел так далеко, что теперь для этого надо иметь очень крепкие зубы!).

Термином «норманизм» в разные эпохи покрывались разные понятия.

Конечно, если бы норманнская теория состояла из одного четкого положения, то дело было бы просто: кто его признает — норманист, кто против — не норманист.

Но норманнская теория — непростая конструкция. За долгие годы первоначально простая схема обросла множеством пристроек и надстроек. Наоборот, некоторые части первоначального здания отрезаны и удалены. Основной же вопрос в следующем: что из них — норманизм, а что само по себе — не норманизм и лишь используется норманистами?

Если взять только самые основные положения норманнской теории (как она складывалась в течение веков), лежащие на генеральной линии норманизма, то получим следующую цепь суждений и умозаключений:

1. Упоминаемые летописью варяги — это скандинавские германцы, норманны.
2. Основателями княжеской династии Киевского государства явились варяжские вожди Рюрик и другие, призванные восточными славянами и их соседями или, может быть, насильственно вторгшиеся.
3. Они привели с собой целое племя варягов, называемое Русью, и от них это название перешло на восточных славян.
4. Варяги оказали огромное влияние на всю славянскую культуру, что отразилось в вещах и в языке, [ввели государственность].
5. Причиной важной роли, которую норманны сыграли в Восточной Европе (как и везде), является их природное превосходство над другими народами, в первую очередь над славянами, которые неспособны к самостоятельному творчеству.
6. Политический вывод к современности: опыт истории учит тому, что и впредь германцам суждено повелевать, а славянам — повиноваться.

Легко заметить, что чем дальше по цепочке, тем удаленнее от простой фактологии и ближе к политике, накал возрастает. Получается как бы лестница в преисподнюю норманизма. Сами по себе не все звенья в цепи имеют одиозное звучание. Однако в этой цепочке последующие звенья немыслимы без предыдущих, ибо они из предыдущих выводятся. Но значит ли это, что предыдущие немыслимы без последующих? Значит ли это, что и на них мы

вправе перенести ту отвергающую неприязнь, которую справедливо вызывают к себе последующие?

Иными словами, верно ли, что всякий, кто сделал шаг-два по этой лестнице, неминуемо скатится вниз? Если верно, тогда то одиозное, что мы обозначаем термином «норманизм», начинается с самого верха, с самого первого шага.

Но верно ли?

Действительно ли норманисты всю лестницу построили из недоброкачественного материала, и она во всей своей длине может быть использована только для их отвратительных выводов, а для других исторических исследований послужить не может? Всякий ли, кто стоит на любой ступеньке этой лестницы, норманист?

Антинорманисты решали вопрос именно так, и схватки вспыхивали на каждой ступеньке лестницы. И можно заметить, что понятие норманизма сужалось: главный очаг борьбы спускался все ниже — от дальних подступов к основным вопросам.

Начать борьбу с дальних подступов не всегда выгодно, если в перспективе вероятно отступление, ибо на плечах отступающего противнику легче ворваться в цитадель. Особенно плохо, когда, увлекшись дальними подступами, забывают о необходимости укрепления основных позиций. Не лучше ли было бы прочнее закрепиться на главных позициях?

А антинорманизм именно отступал — это отмечает и И. П. Шаскольский:

«С конца XIX в. полемическая деятельность антинорманистов стала ослабевать, а количество норманистских сочинений не уменьшалось, и в предреволюционное время создалось впечатление, что, в общем, в русской историографии последних десятилетий последователи норманизма одержали верх» (стр. 11–12).

О том, что такое положение сохранялось и в первые послереволюционные десятилетия, причем как в эмигрантской литературе, так и в советской, свидетельствуют приводимые автором книги высказывания Ф. А. Брауна («Дни варягоборчества, к счастью, прошли»), и Ю. В. Готье о том, что спор уже «решен в пользу норманнов» (стр. 12).

Антинорманисты давно полностью сдали первую позицию — ту, на которой бой шел первые сто с лишним лет: кем были варяги — норманнами (скандинавскими германцами) или нет? Кто только ни выдвигался на роль варягов — от западных славян и литовцев («жмудинов») до иранцев и даже евреев. Все это выдвигали антинорманисты, те же, кто признавал норманнскую принадлежность варягов были норманисты. А все прочее считалось несущественным.

Кто сейчас отрицает, что варяги — норманны?

Странно и смешно подумать, но факт: с точки зрения всех антинорманистов прошлых двух веков, от Ломоносова до Костомарова, Геденова и Забелина, все историки, сидящие в этом зале, — норманисты... за исключением В. Б. Вилинбахова, если он здесь. **(Общий смех.)** *[Тогда из ленинградцев только В. Б. Вилинбахов в своих работах придерживался архаичного мнения, что варяги — не скандинавы, а балтийские славяне; то же мнение отстаивали москвичи А. Г. Кузьмин и В. В. Похлебкин; остальные антинорманисты поголовно признавали варягов норманнами.]*

Борьба была перенесена на другие ступени.

Долгое время острые споры шли по вопросам № 2 и 3: 2) об эпизоде прибытия — призвание, завоевание или поиски службы, и 3) о термине «Русь» — северного он происхождения или южного.

И снова противники норманизма жестко отмежевались: кто признает, что варяги нанялись на службу к славянам, тот наш, а кто признает призвание или (того хуже!) завоевание, — норманист! Кто считает термин «Русь» скандинавским, северным — и подавно норманист!

Но с недавнего времени к советским исследователям стали закрадываться сомнения. Эпизод прибытия уже не толкуется в курсах лекций столь уничижительным для варягов образом: каким бы способом они ни проникли, но оказались здесь с оружием в руках, далеко не всегда держались в рамках, приличных для служебного персонала — так или иначе, но почти все главные князья оказались варягами.

Самые мощные доказательства южного происхождения термина «Русь» были марровскими, остальные очень шатки. А марровские рушились! Одни исследователи, пойдя на компромисс, признали, что термин имел двойное происхождение — южное и северное (но какое странное совпадение — надо же! — с двух сторон сошлись и встретились два термина одного звучания и даже одного значения!). Другие заколебались: то ли с севера пришло это слово, то ли с юга... А третьи стали склоняться на сторону северного происхождения: пусть грамматические перипетии путешествия термина с севера на юг не вполне ясны, но, как бы там ни было, а все-таки финны до сих пор зовут русами шведов, а славян — веня (венетами), и антинорманисты никак объяснить этого не могут.

В 1949 г. В. В. Мавродин еще считал эти два вопроса (вторую и третью ступеньки) основными в споре, определяющими деление на норманистов и антинорманистов. В. П. Шушарин в своей книге прошлого года еще твердо стоит на старых позициях, хотя и не считает эти вопросы главными. А вот И. П. Шаскольский в своей книге эти два положения уже не включил в корпус

delicti (состав преступления) норманизма! в его формулировку, определяющую, что такое норманизм, они уже не входят.

Но это только теоретически, декларативно.

Практически же И. П. Шаскольский продолжает решительно воевать с теми, кто признает «призвание», «завоевание» или скандинавскую Русь, и зачисляет их в норманисты. Правда, он нигде не указывает, что южное происхождение термина «Русь» твердо доказано, а только что «наиболее вероятным представляется мнение» сторонников южных корней (стр. 54). Т. е., по признанию автора книги, остается все же возможность (пусть даже менее вероятная), что термин «Русь» пришел с севера, но сторонники этого мнения уже заранее зачислены в норманисты!

Создается впечатление, что автором книги, как и многими другими исследователями, движет в этом деле тайный страх перед теми ужасными последствиями, которые разразятся, если (не дай бог!) окажется, что термин «Русь» — северного происхождения. Т. е. если северного, ну, тогда... Ну, тогда уже ничего не остается, как идти на поклон к шведскому королю, чтобы принял нашу худую землишку под свою могучую державу! (Смех.).

Иными словами, молчаливо подразумевается, что дальнейшая цепочка построена норманистами правильно, прочно, и из этого звена уже с необходимостью вытекают все последующие — что и надо нашим действительным противникам в этом вопросе! Так упрямое цепляние за невыгодные позиции приводит к ослаблению более важных.

В борьбе за термин «Русь» сказались и этот страх и опасения за урон национального достоинства: зазорно носить чужое имя. А не зазорно носить людям личные имена Петр и Георгий (греческие), Иван, Марья, Михаил (древнееврейские), Игорь и Ольга (варяжские)? Откуда приходят имена — дело случайное. Переселения и завоевания тоже зависели от множества конкретных обстоятельств истории и происходили в разных направлениях. Привязывать судьбу спора к исходу установления таких конкретных событий — значит ставить решение важных вопросы истории в зависимость от выяснения случайных обстоятельств — и с весьма рискованным результатом!

Основные бои идут теперь на четвертой ступеньке.

VI. Археология на чаше весов

Количество варягов, их вклад и влияние в русской культуре — вот главные вопросы современного спора, по которым определяют сейчас, кто норманист, кто — нет. Признание «сколько-нибудь значительного воздействия» (стр. 4–5) варягов в этом вопросе И. П. Шаскольский уже и в формулировку ввел, определяющую принадлежность к норманизму. Впрочем, он

колеблется в определении размеров воздействия, признание которых является криминалом:

«Норманизм, — пишет он двумя строчками ниже, — мы считаем все теории и концепции, приписывающие скандинавам-норманнам наиболее важную или решающую роль в коренных событиях истории нашей страны IX–XI вв.», как то: «формирование классового общества, образование Древнерусского государства, начало развития феодальных отношений, формирование русской народности и ее материальной и духовной культуры» (стр. 5).

И тут же И. П. Шаскольский добавляет: «Норманизм — это преувеличение роли норманнов...» (стр. 5). Но если норманизм — это преувеличение, то какова же норма? А норма-то, выходит, как следует и не определена!

Все резкие заявления об отсутствии сколько-нибудь значительных вражеских элементов в наших курганах основаны главным образом на статьях Д. А. Авдусина, которые сам же И. П. Шаскольский признает несолидными, необъективными. И. П. Шаскольский пишет:

«При внимательном ознакомлении с содержащейся в этих работах полемикой по вопросу о Гнездовском могильнике становится очевидно, что обе стороны слишком увлеклись в своем споре. Арне и Арбман заметно преувеличивают роль норманнов в Гнездове, объявляя весь могильник в основном норманнским; но вряд ли прав и Авдусин, доказывая почти полное отсутствие в Гнездове погребений скандинавов» (стр. 117).

У читателя создается впечатление, что истинное количество норманнов в Гнездове, по мнению И. П. Шаскольского, посередине между крайними определениями Арне и Авдусина.

Арне считал, что в Гнездове не менее 25 скандинавских комплексов. Авдусин только 2 кургана признал скандинавскими.

Какова же «золотая середина» Шаскольского? Пересчитав со всей строгостью (с достаточным пристрастием) все гнездовские комплексы, которые неизбежно придется «отдать» скандинавам, И. П. Шаскольский включил в это число не менее 12 женских погребений и около 18 мужских, т. е. минимум около 30 комплексов! Остается обратиться к лучшему среди нас знатоку математики Александру Ивановичу Попову с просьбой выяснить, есть ли хоть какие-нибудь математические возможности признания цифры 30 средней между 2 и 25! (Проф. А. И. Попов с места: «Никаких!» — Общий хохот.)

Правда, И. П. Шаскольский добавляет: все равно это мизерная цифра по отношению к 700 раскопанным курганам Гнездовского могильника. Да, мизерная. А вот какова будет по отношению к *достоверно славянским* из этих 700? Громадное большинство-то ведь в Гнездове вовсе неопределимы! Кстати,

Арне в своем ответе Авдусину указал на это последнее обстоятельство и вообще, надо признать, с блеском разбил доводы Авдусина (Arne 1952; ср. Шаскольский 1965: 117). Это та самая статья Арне, которая осталась без ответа. Ни Д. А. Авдусин, ни другие советские археологи ничего не противопоставили ей. Вот печальный итог запальчивого спора с негодными средствами.

Все признают, что на данном этапе весь спор перенесен в основном в сферу археологии. В этом согласны и норманисты, и их противники. Т. Арне пишет: «Без археологического материала было бы невозможно получить какие-нибудь заключения о жизни славян VII–VIII вв., т. е. тех веков, которые непосредственно предшествуют выступлению варягов» (Arne 1952: 139). А. В. Арциховский считает: «с течением времени варяжский вопрос все более и более становится археологическим вопросом» (Artsikhovsky 1962: 9).

Воистину! Но из этого вытекают очень важные выводы. Сам же И. П. Шаскольский с сочувствием передает слова А. В. Арциховского, что

«круг письменных источников по этой проблеме ограничен, и многие поколения историков бьются над интерпретацией одних и тех же памятников; напротив, археологический материал растет с каждым годом и дает все больше данных для решения многих проблем, которые ранее казались неразрешимыми, в том числе и для решения норманнской проблемы» (Шаскольский 1965: 107).

Считается, что за каждые 30 лет материал возрастает вдвое. Еще более существенно то, что тот материал, который накоплен и уже послужил для ответственных выводов, изучен чрезвычайно слабо — все археологи это знают. Так что его надо еще только исследовать по-настоящему, а на предварительные выводы, часто крайне поспешные, не очень-то полагаться! Ближайшие годы могут дать самые неожиданные результаты.

Возьмем, например, созвездие могильников Ярославского Поволжья — единственное полностью раскопанное, в большей (сохранившейся) части обработанное и полностью в этом виде опубликованное (Ярославское 1963). Еще недавно одни объявляли все созвездие целиком норманнским, другие с первого же взгляда — чисто славянским. А что оказалось на деле?

В самом большом и лучше всего изданном из всех трех могильников Тимеревском, по строгим подсчетам автора публикации, 38% погребений оказались финскими [принадлежащими финно-угорским народностям Поволжья], 15% — славянскими и 4% скандинавскими. И. П. Шаскольский приводит эти цифры, особо отмечая: «Лишь 4%!» (стр. 157, прим. 249). Но ведь 43% погребений Тимеревского могильника остались без определения. А если пересчитать проценты по отношению к количеству определенных погребений, то цифры получатся соответственно 67, 26 и 7.

Но и это еще не отражает реального содержания варяжского элемента в этническом составе населения окрестностей Ярославля во время деятельности здесь варягов, так как при таком подсчете смешаны в кучу погребения всех веков — включая то время, когда варягов здесь уже вовсе не было. Если же пересчитать процентные отношения по векам (таблицы, приложенные к публикации, позволяют это сделать очень легко), то получим, что для X в. на 75% финнов и 12% славян приходится 13% скандинавов (14 погребений из 107). Значит, в то время каждый восьмой житель окрестностей Ярославля оказывался варягом, а славян было меньше, чем варягов. (Уже в конце X — начале XI вв. на 72,5% финнов и 24% славян приходится только 3,5% скандинавов, а позже начала XI в. варягов в могильнике нет.)

Вот какие неожиданности нас еще ждут! А бывают и сюрпризы противоположного характера. Мечи вначале считались сплошь норманнскими, потом их признали франкскими [т. е. они попадали к норманнам из Центральной Европы], и действительно, на них большей частью оказываются подписи рейнских мастеров. Но вот А. Н. Кирпичников [(1965)] на одном мече обнаружил чисто славянскую подпись мастера! Значит, было, оказывается и местное производство мечей, хотя и меньшее по объему продукции.

Значит, опять заранее утверждать возможность только одного решения крайне опасно.

Конечно, исследователь может держаться той или иной скороспелой гипотезы и с азартом ждать, как она оправдается при настоящей проверке материалами. И тогда подтвердят его факты или опровергнут — его личное торжество или посрамление. Но определять свою позицию как единственно марксистскую, а противоположную — как норманистскую, антимарксистскую, т. е. связывать с этим риском победу или поражение советской науки, ее методологии, — мне представляется непозволительной авантюрой.

А между тем наши ученые не раз оказывались не в силах устоять перед искушением монополизировать за своей гипотезой исключительное право представлять марксизм. И давали подчас возможность нашим противникам злорадствовать. И все же это снова повторяется...

Каждое утверждение ученого, а тем более целой научной школы, — это вексель, по которому рано или поздно придется платить, и тот, кто не сумеет этого сделать в момент учета векселей, становится банкротом.

Банкротом оказался профессор Д. А. Авдусин.

Банкротами оказались Д. Б. Вилинбахов вкупе с В. В. Похлебкиным.

Но так как первый объявлял свои позиции единственно марксистскими (и тогда это не отрицалось в печати никем из советских ученых), а вторых

обстоятельства их выступления поставили в такую позицию (полемика в иностранном журнале — Вилинбахов 1962), то в глазах мировой научной общественности это могло быть равносильно банкротству советской исторической науки в данном вопросе. И теперь предстоит здорово поработать, чтобы рассеять это впечатление. Зачем же снова выдавать векселя, которые еще не имеют за собой надежного материального обеспечения?

У экономистов вексель подобного рода называется «бронзовым».

Смелая гипотеза, высказанная без претензий, — это гипотеза.

Смелая гипотеза, объявленная единственной представительницей советской науки в данном вопросе, — это «бронзовый вексель».

Книга И. П. Шаскольского в известном смысле — тоже «бронзовый» вексель. Правда, это вексель на меньшую сумму, чем векселя его предшественников. Он имеет за собой частичное обеспечение, а в значительной части он выдан другими исследователями и лишь акцептирован (снабжен передаточной подписью) И. П. Шаскольским (но это, как известно, не освобождает от ответственности).

И. П. Шаскольский признает, что «даже с позиций буржуазной филологической науки вопрос о названиях днепровских порогов все еще требует значительно более основательного изучения» (стр. 181). «Даже...» означает, очевидно, что уж с марксистских позиций тем более не может считаться решенным. Но одно из альтернативных решений уже заранее осуждено как «преувеличение», а те, кому оно представляется более перспективным, уже заранее объявлены норманистами.

И. П. Шаскольский констатирует, что «советские археологи в последние годы не раз пытались выяснить происхождение погребений в срубах, но пока еще не нашли удовлетворительного решения, вопрос этот, безусловно, требует еще дальнейшего исследования» (стр. 179). Но если «удовлетворительного решения» еще нет, значит, нельзя одно из двух возможных определений признать доказанным, а другое — ошибочным: оно вполне может оказаться правильным. А ведь это признание сделано сразу же после того, как сторонники одной из этих трактовок уже зачислены в норманисты.

И. П. Шаскольский понимает: «следует согласиться с мнением ряда зарубежных археологов, что норманнская проблема как археологическая проблема требует значительно более основательного изучения» (стр. 181). Но так как все, кто с ныне Вами, Игорь Павлович, защищаемым решением этой проблемы не согласны, заклеены Вами же как норманисты, то, признавая, что это решение зиждется на недостаточно основательном изучении и, следовательно, что «более основательное изучение» может привести к другому исходу, Вы и сами, Игорь Павлович, попадаете в норманисты!

Позволю себе сослаться на изречение Соломона Мудрого (из Библии) — тем более что он лицо объективное: не норманист и не антинорманист (Смех.):

«Сеть для человека необдуманно признавать святынею, а после обетов исследовать» (Притчи Соломона, гл. 20, ст. 25).

А у нас так: сначала признаём святыней, затем (не отступать же!) надаём страшных обетов о борьбе с этими положениями как норманистскими, враждебными, антимарксистскими, и лишь потом приступаем к исследованию. Мудрено ли, что исследование движется с трудом, а итог его не всегда приносит радость, которую мы были бы вправе получить?

VII. Вопрос о происхождении государства

Ну, а как быть со следующей ступенькой — с вопросом о том, кто создал Древнерусское государство?

Прежде всего, я считаю, что в такой форме вопрос поставлен неточно, несвоевременно. В нем подразумевается, что государство создают отдельные личности (Рюрик с братьями, Попель и Пяст, Хенгист и Хорс). Но ведь от такой постановки вопроса отказались не только марксисты. Вопреки ходячему мнению, серьезные норманисты тоже (и, видимо, не без влияния советской науки) приобрели в этом вопросе более широкие и более современные интересы.

Вот Арне указывал, что вопрос о роли норманнов в создании славянского государства должны в значительной мере решить археологические материалы VII–VIII вв. — доваряжского времени (Arne 1952: 139). Арбману на дискуссии (в этом году в Ленинграде) я задал вопрос:

- Какие археологические исследования на нашей территории Вы считаете на данном этапе решающими для норманнской проблемы?

Он долго думал, а потом ответил:

- Die Zeitstellung der Burgwällen (Датировка городищ)!

Чувствуете? в корень смотрел: городища — это классообразование!

Стало быть, современная, правильная постановка вопроса такова: как и на какой основе возникало Древнерусское государство? Кто участвовал в этом процессе и какую роль сыграл? в частности: какую роль сыграли варяги? Никакой? Или совсем незначительную? Или заметную, видную. И т. д.

Если мы так поставим вопрос, то тем самым направим решение в марксистское русло — и тогда станет ясно, что в рамках марксистского решения всего вопроса решение частного вопроса о роли варягов может быть различным, и что это зависит от многих конкретных обстоятельств: много ли пришло варягов, как они распределились по слоям населения и по территориям, в какой момент процесса

образования классов и государства прибыли, какой социально-экономический багаж принесли с собой и т. п. То есть что это зависит от фактического материала, то или иное решение марксистской теорией не определяется.

Марксистская теория обязывает исследователя определять экономические и классовые корни государства, искать их в экономике и классовом составе общества, а были ли отдельные части и слои этого общества местными или пришлыми, одной народности или разных — марксистская теория принципиально не предусматривает. По-разному может быть. Это зависит от фактического конкретного положения в данной стране.

Но марксистская теория безусловно отвергает поиски корней государства в личных действиях и особенностях вождей-«основателей» (это волюнтаристический идеализм) или в природных национальных или расовых особенностях тех или иных групп населения — местных или пришлых (это биологический детерминизм, расизм).

Те фактические материалы, которые нужны для решения названных вопросов о роли варягов в сложении Древнерусского государства, должна дать главным образом археология. Конечно, не только археология: историкам предстоит еще уточнить многие понятия социально-экономического анализа раннефеодального общества и государства: классовая структура, дань как форма эксплуатации и многое другое. Но археологические источники будут главными.

И соответственно, на эту ступеньку распространяется то, что связано с предыдущей (стоюлишь оговоркой, что возможность различных решений предусматривается нами, естественно, в рамках историко-материалистического решения всей проблемы о происхождении Древнерусского государства). Многие из необходимых исследований археологических памятников варяжского и предваряжского времени еще не проделаны, а то и не начаты.

Прежняя уверенность в том, что полное и окончательное решение по этой линии уже достигнуто (уверенность, еще живущая в грудах наших историографов как рудимент), базировалась на трудах ак. Б. Д. Грекова, а у того стройная и многоэтажная конструкция государствообразования на юге Восточной Европы была построена на поспешной и ненадежной субструкции — на концепции абсолютно автохтонного этногенеза восточных славян. Согласно этой концепции многие памятники Восточной Европы, начиная с Триполья, были объявлены славянскими и выстроены в непрерывную эволюционную цепь прогресса, включающую скифов и поля погребений и увенчанную Киевской Русью.

С падением теории ак. Марра это построение распалось, а новое, более надежное и объективное, создается нашими археологами только сейчас, с большим трудом, в спорах и частых перестройках. Пока здесь нет ни постоянства, ни единодушия. Какие памятники до VI в. н. э. — славянские,

какие — нет, все спорно. Более надежные определения начинаются только за три века до Киевской Руси (Артамонов 1956; Ляпушкин 1956; 1958; [1966]) см. также Клейн 1955). Но, увлекшись более ранними периодами, наша наука на эти более доступные три века как раз долго не обращала внимания и мало о них узнала. Проследивать такую длинную предысторию Древнерусского государства, которая бы измерялась тысячелетиями, пока не на чем, и даже более короткую — трехвековую — чрезвычайно трудно.

Наиболее важный из уже сделанных вкладов — это капитальное исследование роменско-боршевских поселений И. И. Ляпушкиным, дающее объективное представление о высокой пашенно-земледельческой культуре восточных славян до варягов и без варягов. Но это не может рассматриваться как полное отрицание роли варягов в других сферах. Утверждение, что в IX–X вв. не появилось ничего принципиально нового по сравнению с предшествующим периодом, неосмотрительно: а города, новшества в ремеслах, новые торговые пути и проч.?!

Очень важны археологические исследования антского общества VI–VII вв., но материалы еще недостаточно и неполно опубликованы, а построения ак. Б. А. Рыбакова (1953) другим археологам представляются интересными, но поспешными и сугубо гипотетичными (а историографы уже используют их в борьбе против норманизма! — см. Шушарин 1964: 235; Шаскольский 1965: 54).

Возможно, что многое требует пересмотра.

И, собственно, если почитать даже не самую современную книгу такого видного, скажем мягко, ненорманиста, как В. В. Мавродин (1945), то роль варягов в построении Древнерусского государства характеризуется там словами, которые иному ревнителю «ненорманного» положения покажутся норманистскими: и «ускорили», и «оформили», и «объединили», и «направили внешнюю политику»... А в чем, собственно, еще может выражаться деятельность верхних классов по участию в создании государства? Много ли возможностей остается?

Пожалуй, не так далек от истины А. Стендер-Петерсен, когда говорит, что между норманистами и антинорманистами «провести точную, однозначную грань... теперь уже не так легко, как это было в старину» (Stender-Petersen 1953: 241). С ним можно было бы согласиться, если понимать термин «норманизм» в том расширительном толковании, в котором он у нас обычно применяется.

VIII. Норманизм в остатке

Но резкая грань есть, и я с ним не согласен. Потому что я не могу согласиться с таким расширительным пониманием термина «норманизм». Не могут быть признаны ни марксистскими, ни вообще научными оба последних, «итоговых» (и главных!) положения норманизма: о природном превосходстве

норманнов над другими народами и о политических выводах к современности. Они не подтверждаются и не имеют никаких перспектив подтвердиться научными доказательствами, объективным анализом материала, ибо противоречат всему ходу истории, всем общим законам развития человечества, многократно проверенным и подтвержденным. Они стоят вне науки.

Но их стараются подтвердить! Вот где стык науки с политикой — и злойредной политикой! Эти попытки сейчас уже не единственное идеологическое оружие реакции в данном вопросе, может быть, уже даже не главное, но они еще живут. И с ними надо бороться.

Не в вопросе о происхождении Древнерусского государства центр тяжести норманизма. Действительным врагам нашего народа и государства норманнская характеристика Древнерусского государства сама по себе не важна — им важна возможность сделать из этого выводы о непрочности современного нашего государства и творческой неспособности народа. Но для этого древние успехи варягов (действительные или мнимые) ничего не дают, кроме сладких воспоминаний: мало ли у какого народа ни было в прошлом дальних походов и побед! Необходим тезис о том, что древними успехами своими варяги обязаны своим северогерманским природным качествам, расовому превосходству — только на этом можно строить выводы о современных потенциалах.

Поэтому для действительно успешной борьбы против настоящего, злокачественного норманизма необходимо выяснить подлинные причины варяжских походов и их успешности во многих странах. Будучи марксистами, мы не можем не сомневаться, что эти причины надо искать не в расовых особенностях, а в социально-экономической обстановке в Скандинавии и остальной Европе. Но эта чрезвычайно важная работа как раз пребывает в зародышевом состоянии: почти нет таких исследований в марксистской литературе, ибо настолько увлеклись схватками по более эффективным, на первый взгляд, вопросам, что не до нее было.

И вот действительный ущерб делу борьбы с норманизмом.

Норманизм, с моей точки зрения, — это утверждение природного превосходства норманнов (северных германцев) над другими народами и объяснение этим превосходством исторических достижений этого народа — как мнимых, так и действительных. Это разновидность биологического детерминизма в истории (расизма). Это не научное течение вообще. Впрочем, такая оценка не означает, что само оно и его псевдонаучные доводы должны быть оставлены без научного анализа — нужны их разбор и опровержения, а не только политическое разоблачение.

А что же все остальные положения, принимаемые за норманизм, остальные ступеньки лестницы?

А это не норманизм.

Даже если они решают вопрос «в пользу норманнов», может быть, их можно называть «норманнской гипотезой» — и такие гипотезы правомерны. Нельзя заранее априорно, закрыть возможности таких решений. «Журналист не должен торопиться порицать гипотезы, — писал в свое время не кто иной, как М. В. Ломоносов. — Оные... единственный путь, которым величайшие люди успели открыть истины самые важные». Не будем же «торопиться порицать» и норманнскую гипотезу.

А может быть, и таким названием незачем эти положения торопиться окрестить, а считать, что это просто обычный фактологический анализ материала. Этот анализ могут, конечно, использовать норманисты, но *abusus politit usum* (злоупотребление не исключает употребления). Сами по себе эти положения злокачественными не являются и могут послужить фактологической базой для объективного выяснения подлинной исторической картины. То есть могут пригодиться для выявления исторических закономерностей, в чем и заключается главная задача историка.

И даже в работах одного и того же исследователя, даже действительно реакционного, даже подлинного норманиста, надо различать норманизм и то, что норманизмом не является и может быть использовано нами — «уметь отсечь реакционную тенденцию» (В. И. Ленин).

Ну, а если так поставить вопрос, то окажется, что норманистов не так уж и много в серьезной мировой науке, и не так страшен этот черт, как его размазывали наши историографы. С их точки зрения, куда ни глянь — всё враги, всё норманисты, всё фальсификаторы, всё хриstopродавцы! Только и есть две-три светлые личности, что Рязановский да Соловьев! (Смех.).

Странное дело, по каждому вопросу истории в мировой науке всегда в наше время оказывается очень широкий диапазон взглядов — от них до нас, — очень большое разнообразие, много наших союзников и попутчиков, много средних позиций, постепенные переходы. Только по двум вопросам было такое поразительно единодушное отшатывание от нашей науки — по марровской теории (считанные единицы признавали) и по лысенковской антигенетике. И вот по норманской проблеме то же самое — такая изоляция, что бросились на шею Рязановскому и Соловьеву.

Что это означало в вопросах о Марре и Лысенко, мне незачем напоминать. А не перегнули ли мы палку и в нашем вопросе?

Случайно ли, что в дореволюционной и в ранней советской, как и во всей мировой науке в конце XIX и начале XX вв. почти прекратились антинорманистские сочинения, и все ученые (многие серьезные, объективные и передовые) в той или иной мере занимали позиции норманизма (в его расширительном

толковании)? Может быть, они все и во всем ошибались (что маловероятно), но не по реакционности!

А если провести пересчет по новому, предлагаемому мной, определению норманизма, то очень многие как прежние, так и современные «норманисты» окажутся вовсе не норманистами. Некоторые из них и сами это утверждают. Стендер-Петерсен руками и ногами упирается — не хочет в норманизм: я друг ваш, я не норманист, я даже, может быть, вообще не буржуазный ученый! Дрейер уверяет: я друг советскому народу. А мы отталкиваем: свят, свят, свят — норманист!

А, может, и в самом деле не норманист?

Не теряем ли мы друзей и союзников там, где незачем их терять, как роняем престиж, когда могли бы его не ронять?

Я уж не говорю о том, что упрямое повторение старых антинорманистских догм и применение натяжек в полемике наносит нам куда больше ущерба, чем признание некоторых фактов, может быть, действительно имеющих неприятный оттенок (а что, татарское иго приятно? А ведь не отрицаем!).

Исходные соображения и стимулы таких уверток от неприятных фактов понятны, но не заслуживают оправдания. Напомню слова замечательного русского революционного демократа В. Г. Белинского, которого никто не обвинит в отсутствии патриотизма:

«Бедна та национальность, которая трепещет за свою самостоятельность при всяком соприкосновении с другою народностью... Наши самозванные патриоты не видят в простоте ума и сердца своего, что, беспрестанно боясь за русскую национальность, они тем самым жестоко оскорбляют ее... Естественное ли дело, чтобы русский народ... мог утратить свою национальную самостоятельность? ...Да это нелепость нелепостей! Хуже этого ничего нельзя придумать!»

В мире идет напряженная борьба за умы мыслящих людей (а мыслящих становится все больше!). И в этой борьбе побеждает не тот, кто займет наиболее гордую или, может быть, лучше сказать, чванливую позицию, а тот, кто проявит наибольшую честность, объективность (наш «объективизм» — это термин Ленина!) и смелость в признании правды, кто сумеет показать превосходство своего философского и научного метода в ее раскрытии, кто сумеет занять такую позицию, что железные факты всегда будут оставаться на его стороне.

Спор о варягах — это не только борьба с норманизмом. Это также борьба за честь, престиж и мировое значение нашей исторической науки. **(Бурные продолжительные аплодисменты.)**

Законспектированные И. П. Шаскольским выступления в дискуссии

[Конспект выступления Л. С. Клейна опускается, поскольку текст выступления приведен выше полностью.]

В. НАЗАРЕНКО.

О книге Арне.

В каком состоянии находятся источники?

В Приладожье раскопано... курганов, опубликовано ... очень мало. В Ладоге ... В Гнездове... в Яросл. курганах ... в Чернигове...

Раскопано 2700 к. в Приладожье

Опублик. 1200 к. из 280 погр. 22 — норманнские.

Разобрано 200 к.

КОРЗУХИНА

Заседание будет полезным.

Многие стороны р-ск. отн. остаются нерешенными и сегодня.

Археология выходит на I план.

Письм. источники отн., как правило, в более позднему времени.

Археол. источники прямо отн. к тому времени.

Письм. источники тенденциозны.

Археол. источники объективнее.

Для изучения археол. источников они д. б. хорошо источниковедчески проработаны.

Мы плохо опубликовали материал, он плохо изучен.

Для изучения археол. источников по норм. надо хорошо знать памятники обеих сторон.

3.-евр. археологи, вырывая отд. памятники из контекста, их подали по-своему.

Спорить с ними мы можем, лишь изучив хорошо весь материал.

Неудачные результаты из-за неизученности.

Какие страсти бушевали вокруг Ладоги — а материал почти не изучен, лишь сняты сливки.

Находка рунич. палочки. Считали, что она VIII в. единств. в этом слое. Ладожская надпись — самая древняя находка с поэтич. текстом.

Уточнена датировка древнейшего слоя — VIII в. и не самое начало, соответственно, и слой Е2 — IX в. (и палочка — IX в.).

Сканд. вещи есть и в древнейшем слое, потому находка не случайна.

Большой дом, где найдена палочка, распадется на отд. дома.

В горизонте Е есть не только большие, но и малые дома, и с печью в углу.

ФРОЯНОВ

Критика норманизма у сов. историков:

Греков: «под норманизмом мы понимаем...»

Греков — ... вар. легенда использ. фальсификаторами.

Допускал факт найма вар. отряда — но это совсем не призвание

Тезис об отсталости варягов по сравн. со славянами.

Она стала наиболее слабым местом в его построении.

Юшков: рассказ о призв. варягов с начала до конца — легенда.

Мавродин: мы не намерены заниматься варягоборчеством... Слишком явные следы пребывания норманнов ... Но нельзя гов. о завоевании Руси норманнами или о норм. колонизации.

Мы не можем считать норманнов ...

Рыбаков... признает норм. период — Олег и его княжение, ист. роль варягов ничтожна.

Шушарин: норманизм утратил характер научной гипотезы.

Шаскольский

В учебниках по-прежнему подчеркивается ненаучность норманизма и т. п.

ЛЕБЕДЕВ (СТУДЕНТ)

Цитаты из «Секретной дипломатии» (написана в 1853–1856 гг.)!!

«Военный быт и х-р завоевания I рюриковичей ничем не отличает это завоевание от др. норм. завоеваний».

Маркс был первым марксистом-норманистом.

Использовать его положения сейчас будет откровенной демагогией.

2 стороны бурж. норманизма.

Участие норманнов в создании гос-ва.

Интерпретация этого факта.

Утверждение, что марксистский подход = антинорманисты преждевременно!

Энгельс гос-во у герм. племен возникает в результате завоевания обширных территорий.

Марксистское учение о происх. гос-ва дает основание и для норманистского, и для антинорманистского решения проблемы происх. Древнер. гос-ва, и то, и др. правомерно.

А. Л. ШАПИРО

У Клейна, — бесспорно, правильное положение: нужно различать науку от лженауки. Если есть фальсификаторы — это не значит, что...

Норманизм как политич. теория о неполноценности вост. славян и т. д. ненаучен.

Вопрос о происх. имени «Русь» — совсем второстеп. и малозначит[елен].

Археол. материал еще плохо разработан, дает много нового — но он вряд ли спасет положение; все это очень важно, но нельзя отказываться от опред. концепции, пока археол. материал не будет изучен.

Ист. источники дают немало необх. сведений.

Доклад Л. С. нас устроить не может: кроме призыва к ожиданию он ничего не дал.

О культ. влиянии норманнов: в р. языке норм. слов ничтожно мало.

Это факт — нельзя не считаться.

Олег, будучи норманном, клялся Перуном и Волосом.

Святослав — уже славянин.

Эти факты позволяют судить о степени норм. культ. влияния.

Центр. для нас проблема — проблема образования гос-ва.

У нас есть изв. противоречие.

1-я тенденция — отрицать всякую роль пришлого норм. элемента.

2-я тенденция — очень рано начинать феод. отношения.

Противоречат друг другу.

Если феод. отн. уже в VIII в. — непонятны фигуры князей воинов Святослава и т. п.

Если отказаться от норм. завоевания, надо отказаться от слишком раннего начала феод. отношений.

Бродячая многонац. дружина, собирающая дань.

Эти проблемы можно серьезно решать, без излишней крикливости и без навешивания ярлыков.

В. В. МАВРОДИН

Тема не устарела до сих пор — свидет. большое число пришедших студентов.

Не согласен с А. Л. Шапиро — археология скажет еще много интересного, хотя последнего слова не скажет — но кто скажет посл[еднее] слово?

3 вопроса: были или не были норманны:
были ли они создателями государства?
о происх[ождении] слова «Русь»?
о книге И. П. Шаскольского?

В своей книге 1945 г. я был прав и ни от 1 [одного] слова не могу отказываться, нельзя с водой выплескивать и ребенка.

Гос-ва возникают тогда, когда возникают условия для их возникновения.

Городище Новотроицкое — вот условия, в кот. возникло государство.

«Секр. дипломатия» — инт[ересная]. статья, но чем располагал Маркс, на какой базе сведений.

Нет лисьм. источников, в кот. был бы показан «Дранг», поход завоевателей-норманнов.

В форме узурпации власти — это могло происходить.

Затем — процес обрусения.

Б. А. Рыбаков в двух местах говорит о норм. периоде и норм. завоевании.

Норманны акляучались в процесс, хозяином кот. была слав. феодализирующаяся верхушка.

Послесловие 2008 г.

После моего выступления заседание пришлось прервать. Все, красные и распаренные, вывалили в коридор, и решено было перенести заседание в гораздо более крупную аудиторию, самую крупную на истфаке: Лекторий истфака, спускающийся амфитеатром к подиуму с кафедрой и вмещающий несколько сот человек. Там и состоялись остальные выступления. Но их оказалось меньше, чем ожидали.

Успешно выступил Глеб Лебедев (он тогда возглавлял факультетское СНО). В своем выступлении он напомнил аудитории популярную в учебниках цитату из Маркса о роли норманнов — конечно, мизерной (прибывшие норманны «быстро ославянились, что видно из их браков и имен»). Это, объяснил Глеб, цитата из неопубликованной на русском языке работы Маркса, не вошедшей в собрание сочинений. Но ведь Маркс не в спецхране, а на английском тоже читать можно! Мы прочли. Цитату в общем приводят правильно, без искажений, признал Глеб. Но у Маркса перед ней стоят еще четыре слова, а именно: «Мне могут возразить, что...». Эти слова в учебниках отсекают, и смысл меняется на противоположный. Аудитория забурилась. Послышались возгласы: «Какой позор!» А Глеб, изложив взгляды Маркса, завершил: таким образом, первым норманистом в марксистской традиции был не М. Н. Покровский, а Карл Маркс.

Сразу же после наших выступлений в президиум поступили бумажки от запланированных ораторов (из наших противников) с уведомлением, что они снимают свои выступления. Естественно: запланированы были выступления, рассчитанные на наше «самораскрытие» и на разгром антимарксистов, с соответствующей аттестацией и осуждением, а теперь это было бы, как выражаются мои студенты, совсем «не в жилу». Выступавший от противной стороны Фроянов делал большие паузы, явно пропуская целые куски из написанной заранее речи. Осторожные историографы Шапиро и Пештич выступали с соображениями о трудности источниковедческой работы, хотя Шапиро явно стремился показать свою приверженность антинорманизму.

С нашей стороны выступали еще Володя Назаренко (рассказывал о курганах, но его мало кто слушал) и Галя Федоровна (мы все-таки выпустили «тяжелую артиллерию», но это было уже без необходимости: поле боя было явно за нами).

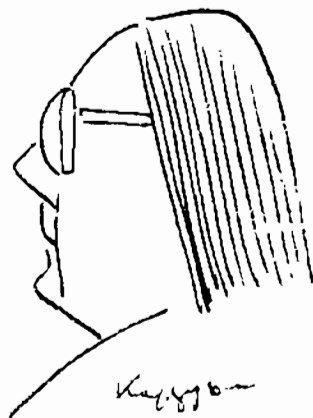
Михаил Илларионович Артамонов, которому декан поручил щекотливую задачу председательствовать на этом заседании и подводить итог, избежал неприятной обязанности сформулировать поражение антинорманистов. Он закрыл заседание, широко улыбаясь и разводя руками: «Ну что тут подводить итог? — сказал он. — Всем все ясно».

Через несколько дней мы отмечали 60-летие Гали Федоровны Корзухиной. Сохранилось стихотворное послание семинара ей, построенное как описание ее участия в Норманнской битве и пародирующее пушкинскую «Полтаву» (к сожалению, чернильный текст частично размыт шампанским).

Раздайся, музыка тимпанов!
 То роковой, девятый вал,
 Иван Васильевич Степанов
 На эту битву всех созвал.
 Чуть утро — серый, невесомый,
 С огнем авдусинским в груди,
 Спокойно шведами *несомый*,¹
 Явился Игорь впереди.
 Все стихло. Выдержанный, скользкий,
 Все взоры приковал Шаскольский.
 Вдруг слабым манием руки
 Поправил на носу очки.
 И грянул бой, норманнский бой!
 Доклад невнятно был прочитан
 Тем, кто под грековской трубой
 Был вскормлен, вспоен и воспитан.

И так далее — описывается поведение каждого, отражается занятая позиция. Конспектируя выступления в дискуссии, И. П. Шаскольский не записывал ответные слова свои и мои, пропустил выступления Пештича. Но оно имело место, и это отражено в строфах «Норманнской битвы»:

Еще за чару Лев не брался,
 Еще от боя не остыл,

Шарж на Г. Ф. Корзухину

¹Т. е. Шведы его критиковали. — Л.К.

А уж Шапиро расстарался
 Ему на миг подставить тыл.
 Вид брани Клейну слаще пира —
 «Силен бродяга, ах, силен!»¹
 И в часть филейную Шапиро
 Был им немедля уязвлен.
 Рванулся Пештич на подмогу,
 Но как ни бился, не помог.
 О том, о сем попел немного
 И лучше выдумать не мог.
 Но, отступая, Льва лягнул:
 Мол, в чем-то где-то Лев загнул.
 Поздненько Пештич спохватился,
 За что жестоко поплатился!
 Какие боги помогали
 Варягам, придавая сил?
 Присутствие отважной Гали,
 Могучей Федоровны пыл.

Шарж на Л. С. Клейна

Многие строфы сопровождаются моими дружескими шаржами. Сейчас мне жаль, что изображения наших оппонентов были не очень дружескими. В частности, были злорадно гиперболизированы черты внешности Игоря Павловича (у него был большой хрящеватый нос с горбинкой, изогнутый еще и вбок). Но Шаскольского я еще рисовал уважительно. Другие рисунки (профессора Шапиро, например) и приводить не стоит. Наше тогдашнее отношение к В. В. Мавродину видно из строфы о нем:

Но, мудр и опытен премного,
 Владимир Старый ждал итога,
 Чтобы с дороги не свернуть
 И к победителям примкнуть.

Победителями были мы. Санкции остались нереализованными, а нас долго звали «декабристами» (дискуссия была в декабре). Мы отстояли на ряд лет возможность продолжать работу семинара. Студенты писали у меня курсовые работы по варягам, Глеб был прямо с четвертого курса принят на кафедру ассистентом, а на следующий год из семинара в штат кафедры был зачислен Василий Булкин, еще через несколько лет — Игорь Дубов. Другие члены семинара поступали на работу в ИИМК и Эрмитаж.

Для подведения итогов дискуссии с большого расстояния я приведу

¹ Г. Ф. Корзухина — из устных высказываний.

РЕДАКЦИОННОЕ ВВЕДЕНИЕ ЖУРНАЛА «СТРАТУМ-ПЛЮС» К ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ ПО 30-ЛЕТИЮ ДИСКУССИИ

35 лет тому назад в Ленинграде развернулась «варяжская баталия», которая была событием, быть может, не столько в истории российской науки, сколько в истории русской культуры. Это был эпизод в трехвековом споре. Этот спор трижды за три века приводил к острым публичным состязаниям норманистов с антинорманистами, каждый раз во второй половине века. По напряжению, пожалуй, последняя схватка была самой острой.

Все участники спора прекрасно понимали, что речь шла о возможности заниматься наукой и даже вообще о свободе в буквальном смысле слова. Что побежденным не миновать разгона, а кое-кому тюрем и лагерей. Вот если выстоять, то дело кончится... тем же, но несколько позже. Но свободу действий удалось отстоять еще на ряд лет. И не только для себя. В атмосфере свободы для занятий норманнским вопросом выросли многие из следующего поколения исследователей.

Некоторым кажется, что теперь-то дискуссии в старом ключе положен конец. Думается, что это лишь иллюзия. Стимулы для обострения спора всегда шли извне, из не-науки. Питательная почва для этого остается, пока на Востоке Европы сохраняются противоречия между реальной ситуацией и национальными амбициями. Эти противоречия порождают уязвленное национальное самолюбие, комплекс неполноценности и страсть к переделке истории. Чтобы история была не такой, какой она была, а такой, какой она должна была быть. Чтобы она питала новый национальный миф.

Однако, помимо эмоций и политических коннотаций, в этой дискуссии есть и чисто научные аспекты. И сегодня, к счастью, мы можем заняться именно ими (Стратум-плюс 1999, 5: 91).

Фактические свои аргументы мы изложили в большой совместной работе трех участников дискуссии, и у нас ее взял для публикации Игорь Павлович Шаскольский. Это, конечно, свидетельствует о том, что его восприимчивость к критике, отмеченная мною в выступлении, продолжала сказываться и дальше. Не забудем также, что в сущности важные шаги в *критике* норманистских взглядов были сделаны именно в книге И. П. Шаскольского, и я это использовал в своем выступлении как трамплин. Не забудем также, что и в моем выступлении не все точки над «і» были расставлены — это было и невозможно. Просто мы решились на более смелое продвижение. Но начат был этот путь к более объективному исследованию именно Шаскольским. Чтобы подтвердить свою объективность, в дальнейшем он выступил с критикой **антинорманизма** (Шаскольский 1983), что немало рассердило воинствующих антинорманистов. Работа же над томом, в котором оказалась наша статья, затянулась на несколько лет, но в 1970 г. он вышел (Клейн, Лебедев и Назаренко 1970). Об этом — следующий раздел книги.

**III. Обзор археологических
материалов**

**Л. С. КЛЕЙН, Г. С. ЛЕБЕДЕВ,
В. А. НАЗАРЕНКО**

Предварительные замечания

Здесь публикуется совместная статья трех авторов с анализом исследованности материальных следов норманнов на восточнославянских землях. Статья публикуется в том виде, в котором она вошла в том 1970 г. «Исторические связи Скандинавии и России» под редакцией Н. Е. Носова (тогда директора Ленинградского отделения Института истории АН СССР) и И. П. Шаскольского. Кроме перестройки системы сносок (с постраничной на списочную) я позволил себе только одно изменение: разбивку текста на разделы и их оглавление для более легкого восприятия.

Трудно размежевать участие соавторов, но в основном мне принадлежали общий замысел работы и методика, а также конечный текст, Г. С. Лебедеву — сопоставление скандинавского материала с местным, а В. А. Назаренко — учет раскопанных памятников, и он же рисовал все иллюстрации. Разумеется, все вносили свои вклады и коррективы в текст.

НОРМАННСКИЕ ДРЕВНОСТИ КИЕВСКОЙ РУСИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ¹

Норманнские древности Киевской Руси, т. е. памятники материальной культуры норманнов в Восточной Европе, давно привлекают внимание исследователей. Значение их не исчерпывается изучением культурных связей, анализ характера взаимоотношений материальной культуры Восточной Европы и Скандинавии ведет к постановке более широких вопросов. Дело в том, что развитие спора о варягах привело к выдвиганию на первый план сюжетов (процессы образования классов и государства, торговые и культурные связи, процессы колонизации территории и т. д.), в исследовании которых по самой их природе археологические данные чрезвычайно важны, а при сугубой скудости письменных источников являются решающими. Кроме того, интенсивность многолетних штудий привела к тому, что имеющиеся письменные источники практически оказались исчерпанными, а перспективы их пополнения почти что равны нулю, тогда как археология непрерывно обогащается новыми важными фактами и за каждые три десятилетия удваивает количество своих источников.

Возможности археологии в решении задач, составляющих проблему определения места норманнских древностей в истории Восточной Европы, велики, но не беспредельны. Их границы обусловлены двумя факторами — принципиально-методическим (познавательной ценностью археологических материалов применительно к задачам подобного рода вообще) и фактологическим (степенью изученности необходимых для этой работы конкретных фактических материалов в нашей стране). В частности, именно по археологическим данным естественно было бы определить: а) время появления скандинавских древностей в Восточной Европе и установления первых контактов славян с норманнами; б) сферы социально-экономической деятельности,

---

¹ Данная работа выполнена в Проблемном археологическом семинаре при кафедре археологии ЛГУ, которым руководит один из авторов, и обсуждалась на заседаниях славяно-варяжской секции семинара.

в которых развивались славяно-скандинавские отношения; в) вклад норманнов в материальную культуру населения Восточной Европы в IX—XI вв.

Однако для получения ответов на эти вопросы необходимо достаточное (для картографической, статистической и сравнительно-типологической обработки с последующим социально-историческим анализом) количество материалов соответствующего времени разных категорий (поселения, могильники и пр.) с обширной территории от Поднепровья до Скандинавии включительно. Материалов, добытых и препарированных в соответствии с требованиями современной археологической науки, т. е. входящих в достоверные, неразрозненные и неперемешанные комплексы, происходящие из раскопок, в которых зафиксированы все детали. Нужно также, чтобы указанная полная обработка материалов была проделана, а результаты ее опубликованы вместе с самими материалами, что сделало бы доступной каждому исследователю проверку этих результатов, не говоря уже о дальнейшем сравнительном изучении самих материалов.

Каково же нынешнее состояние изученности интересующих нас археологических материалов?

1. Состояние изученности

А. Могильники

Большей частью данные материалы происходят из курганных могильников Юго-Восточного Приладожья, Ярославского Поволжья, Гнездова, Чернигова и Киева. Археологическое изучение этих могильников началось во второй половине XIX в. В настоящее время в них насчитывается более двух тысяч раскопанных насыпей. К сожалению, большая часть курганов, подвергавшихся исследованию в конце XIX в., не имеет достаточной документации, находки же после длительного хранения их в музеях почти полностью депаспортизированы. Так, например, из 750 курганов, раскопанных в Юго-Восточном Приладожье (Raudonikis 1929: 214–228; 1930: 19), лишь около 600 имеют документацию, из которых материалы 400 курганов (раскопки А. М. Линевского) не опубликованы (Линевский 1949; 1951). Более 700 курганов раскопано в Гнездове, однако только 370 комплексов опубликованы, большей частью в описаниях (Кусцинский 1881: 4–6; Сизов 1902; Спицын 1905б: 67; 1906; Авдусин 1951; 1952а; 1952б: 30–34; 1954; 1957).

Из 789 раскопанных курганов в трех могильниках Ярославского Поволжья документация сохранилась лишь на 610 (Фехнер 1963в: 5; 1963б: 20; Недошина 1963: 24). Киевский некрополь представлен 125 погребениями, материалы которых были опубликованы М. К. Каргером (1958: 127–230) в описаниях.

В окрестностях Чернигова было раскопано не менее 250 насыпей, документация сохранилась только на 100 курганов, в литературе же опубликованы описания лишь 10 из них (Самоковасов 1916: 6; 1908: 195–201; 1947: 4–50; Рыбаков 1949: 7–53; Верзилів 1928: 69; Смолічев 1926: 178–180; Блифельд 1952).

Подведем итог общей изученности всех этих крупнейших могильников и курганных серий: раскопано более 2850 курганов, из которых лишь от 1800 сохранились документация и инвентарь, материалы только 1300 сравнительно полно опубликованы и не более 670 подверглись детальному рассмотрению в печатных работах современных археологов. Надо отметить, что в этот обзор не включены такие фактически погибшие для науки памятники, как Владимирские курганы (7729 насыпей), материалы которых составили основу коллекции П. С. Уваровой (Спицын 1905а), после 1917 г. поступившей в Государственный исторический музей. До сих пор не подвергались анализу материалы 5575 курганов, раскопанных в западных уездах бывшей Петербургской губернии Л. К. Ивановским (Спицын 1899). Состояние документации этих материалов также весьма плачевно. Раскопки погребальных памятников VIII—XI вв. на остальной территории Восточной Европы велись разрозненно и фрагментарно. Вместо широкого исследования крупных курганных серий производились работы эпизодического характера, которые лишь в отдельных случаях дали небольшое количество интересного для нашей темы материала (Шмидт 1963: 114–128; Корзухина 1964: 297–312). Таково состояние изученности погребальных комплексов.

(В настоящее время наш семинар работает над составлением подробной картотеки погребальных памятников VIII—XIII вв. на восточнославянских землях и смежных территориях. Кроме авторов данной статьи в этой работе принимают участие В. А. Булкин, В. А. Кольчатова, В. П. Петренко, И. В. Дубов, Е. Н. Носов, Е. А. Рябинин и др. За три года учтено и разработано 2750 погребальных комплексов; собранные данные частично использованы для настоящей статьи).

Б. Поселения

Поселения, важные для изучения отношений славян с варягами, пока исследованы значительно слабее, чем могильники.

Сравнительно полно изучен только Киев, результаты изучения обобщены в двухтомной монографии М. К. Каргера. Однако лишь немногие и небольшие по своей площади участки вскрытого культурного слоя сохранились от второй половины X в., не говоря уже о IX в.

Раскопки древнего Новгорода, проводимые А. В. Арциховским и его учениками, дали богатейший материал для характеристики жизни горожан

в XI—XV вв., но лишь некоторые сооружения (святилище в Перыни) относятся к более раннему времени (Труды Новгородской археологической экспедиции, т. I, МИА, № 55, 1956, т. III, МИА, № 65, 1959; т. III, МИА, № 117, 1963). Из новгородских материалов XI в. некоторые, видимо, могли бы быть сопоставлены со скандинавскими, но в этом плане еще никем не изучались.

Результаты раскопок на Староладожском городище освещались во многих статьях (Репников [без года]; 1945; 1948; Равдоникас 1945; 1951; Лаушкин 1960: 101–102; Гроздилов 1950; 1960). Однако большинство исследователей сконцентрировало свое внимание на изучении отдельных категорий вещей (Гуревич 1950; Орлов 1954; Станкевич 1950; Штакельберг 1962; Давидан 1962а; 1962б), а труда, который бы обобщил результаты многолетних работ, пока нет.

Раскопки двух Гнездовских городищ носили разведочный характер, и лишь в 1967 г. начались работы по исследованию большого Гнездовского поселения (раскопки экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством И. И. Ляпушкина в 1967–1968 гг.). Археологическое изучение таких древнейших летописных центров, связанных с легендами о варягах, как Изборск (Гроздилов 1965), Белоозеро (Голубева 1965; 1967), Полоцк (Ляуданскі 1930; Штыхов 1965), находится в зачаточном состоянии. До сих пор не опубликованы полностью материалы археологического изучения Пскова (Гроздилов 1962).

В. Итог

Таким образом, археологические источники, относящиеся к периоду образования Древнерусского государства и предшествующему времени, изучены с точки зрения интересующего нас вопроса весьма неполно и к тому же чрезвычайно неравномерно: если поселения и могильники лесостепной полосы Восточной Европы исследовались в течение нескольких десятилетий, и ныне мы имеем представление о материальной культуре славян VIII—X вв. на этой территории (Ляпушкин 1949; 1958; 1961), то для памятников лесной зоны до сих пор не составлена даже сводная археологическая карта, которая позволила бы разобраться в соотношении финских, балтских и славянских культур, понять характер освоения славянами этой территории, взаимодействия их с теми или иными местными и пришлыми, в том числе и скандинавскими элементами. Работа Станкевич (1960), несмотря на ценность собранного археологического материала, во многом устарела, так как в этническом определении ряда памятников Я. В. Станкевич исходила из отвергнутых ныне автохтонистских концепций (см. Ляпушкин 1966: 126).

Односторонний подход (как со стороны буржуазных археологов, так и со стороны борющихся с их концепциями некоторых советских ученых),

концентрация усилий на исследовании памятников, имевших лишь непосредственное отношение к варяжскому вопросу, привели к тому, что сейчас мы располагаем материалами нескольких относительно хорошо изученных центров, истолкование которых на далеко не ясном историческом фоне не может быть достоверным и окончательным. Представляя характер значительной части погребений больших, так называемых «дружинных» могильников, мы не можем сопоставить их с массовым материалом рядовых курганных могильников лесной полосы. Те из раскопанных поселений, на которых археологически засвидетельствовано присутствие скандинавов, невозможно в лесной полосе сравнить с достоверно славянскими поселениями: последние изучены недостаточно (Ляпушкин 1966 128, 132).

2. Сравнительные материалы

Археологические памятники эпохи викингов и предшествующей поры в Швеции изучены значительно шире. Так, достаточно отчетливое представление о погребальном обряде различных социальных групп шведского общества мы можем составить по публикациям таких крупных могильников, насчитывающих от нескольких сот до 1000 раскопанных погребений, как Бирка, Кварн-баккен на Аландских островах, Ирефельтет на Готланде (Arbman 1939; 1940–43; Kivikoski 1963; Stenberger 1942–1944). Погребения знати VI—VIII вв. представлены в родовых кладбищах Венделя, Туны, Вальсгерды (Stolpe & Arne 1912; Arne 1934; Arwidsson 1942; 1952). Исследованы и полно опубликованы различные типы скандинавских поселений — от хуторов в Швеции, Исландии и Гренландии (Stenberger 1940; 1941; 1945) до больших торговых городов (Holmqvist 1961; Jankhn 1943) и военных лагере (Norlund 1948).

Достаточно полной и четко систематизированной библиографической и историографической разработкой археологических источников по варяжскому вопросу мы обязаны недавно вышедшему труду И. П. Шаскольского (1965). Этот труд стал необходимым подспорьем даже для тех исследователей, которые не разделяют в полной мере историографических и исторических выводов автора.

Такова в целом та материальная база, на которой мы можем работать, те источники, которые мы можем использовать для решения поставленных вопросов. Эта база, конечно, недостаточно широка и прочна и не на все вопросы позволяет ответить полно и уверенно, но, с другой стороны, она не так уж и незначительна. Есть хорошо раскопанные погребальные комплексы и культурные слои, есть репрезентативные выборки для статистической обработки, есть данные для достоверных и надежных, хотя и ограниченных (иногда условных), заключений.

3. Выделение норманнских древностей на территории Киевской Руси

Выделение среди археологических материалов Восточной Европы норманнских древностей, раскрывающих характер славяно-скандинавских отношений на этой территории в IX—XI вв., можно условно разделить на два этапа: 1) выделение отдельных вещей скандинавских типов, позволяющих судить о времени установления связей между Скандинавией и Восточной Европой, их длительности и отчасти характере; 2) выделение скандинавских комплексов, свидетельствующих о том, что какое-то количество норманнов находилось в Восточной Европе и, очевидно, принимало участие в происходивших здесь событиях.

А. Этническое определение вещей

Определение скандинавского происхождения многих категорий вещей в настоящее время не представляет собой трудности. Более того, удалось установить, что некоторые из этих вещей являются надежным признаком этнической принадлежности погребения, если они найдены в достоверном, хорошо документированном комплексе. Так, набор женских украшений из двух черепаховидных (скорлупообразных) фибул, соединенных цепочкой или ожерельем, иногда с трехлепестковой или круглой ажурной фибулой на груди, являющийся специфической принадлежностью норманнского женского костюма (Geijer 1938: 139, 153–155, Abb. 49–50), можно с уверенностью считать этнографическим признаком скандинавских погребений (Шаскольский 1965: 120). То же относится к железным шейным гривнам с подвесками — «молоточками Тора», — найденным во многих погребениях как Скандинавии, так и Восточной Европы. Только норманнам могли принадлежать и магические палочки или кости с руническими надписями.

Некоторые типы украшений, характерных для Скандинавии IX—XI вв., распространены и в Восточной Европе. Это, помимо уже упоминавшихся наборов скорлупообразных, трехлепестковых, круглых ажурных и равноплечных фибул, подковообразные фибулы с навершиями в виде звериных головок, массивные литые выпуклые браслеты с S-видным орнаментом, булавы, подвески, поясные бляшки с орнаментами в стиле Борре и Йеллинге, оправы ножей и рогов с городчатым орнаментом. Начиная с IX в. в Восточной Европе распространяются типы оружия, широко применявшиеся в эту эпоху скандинавами: каролингские мечи, изготовлявшиеся во франкских землях по Рейну и попадавшие на нашу территорию, очевидно, через Скандинавию, ланцетовидные копьё и стрелы (среди них особо следует отметить украшенные

стрельчатым орнаментом, характерным для Скандинавии IX в.), боевые топоры-секиры (формы изображенных на ковре из Байе), длинные кинжалы для левой руки (скрамасаксы), щиты с железными умбонами.

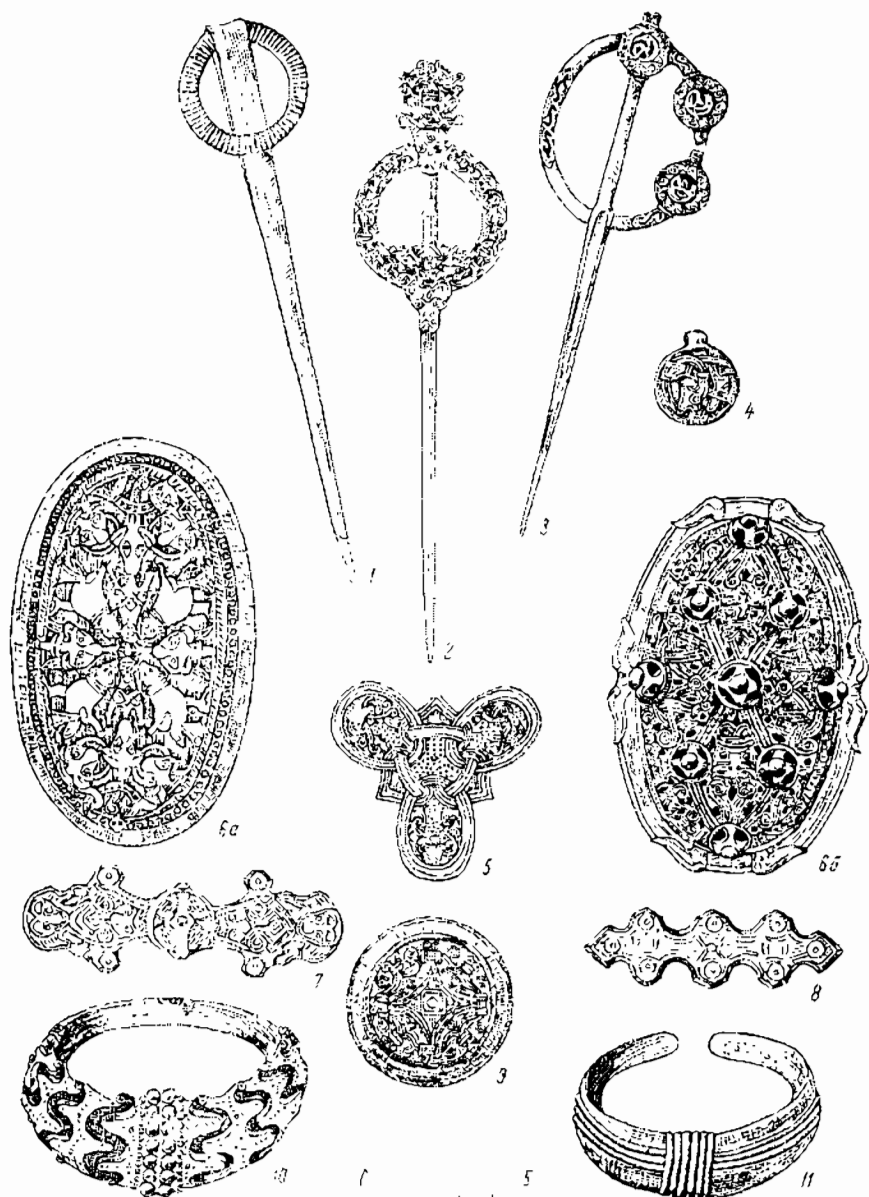
Наряду с оружием и украшениями в восточноевропейских памятниках IX–X вв. известны находки и некоторых категорий бытовых вещей, пришедших к нам из Скандинавии: костяные гребни (односторонние, простые и составные, особенно с футлярами, бронзовыми заклепками и геометрическим орнаментом), стеклянные шахматные фигурки (фишки) (Корзухина 1963), так называемые шпорцы (ледоходные шипы, известные в Скандинавии еще в VII–VIII вв.). Наряду с этнически выразительными вещами и в Восточной Европе, и в Скандинавии есть вещи, распространенные очень широко и в настоящее время этническому определению не поддающиеся: ножи, замки, калачевидные кресала, большая часть орудий и т. п.

Б. Этническое определение обрядов

Если отдельные категории скандинавских вещей могут быть использованы для определения этнической принадлежности комплексов (наборы черепашковидных фибул, шейные гривны с «молоточками Тора»), то в громадном большинстве случаев сами по себе находки украшений, оружия и других предметов скандинавского происхождения не влекут за собой с необходимостью ничего сверх констатации экономических связей со Скандинавией; для того чтобы определить этническую принадлежность комплекса, в котором эти вещи найдены, необходим анализ погребального обряда, т. е. устройства погребального сооружения, состояния останков, способа их захоронения, характера и размещения погребального инвентаря.

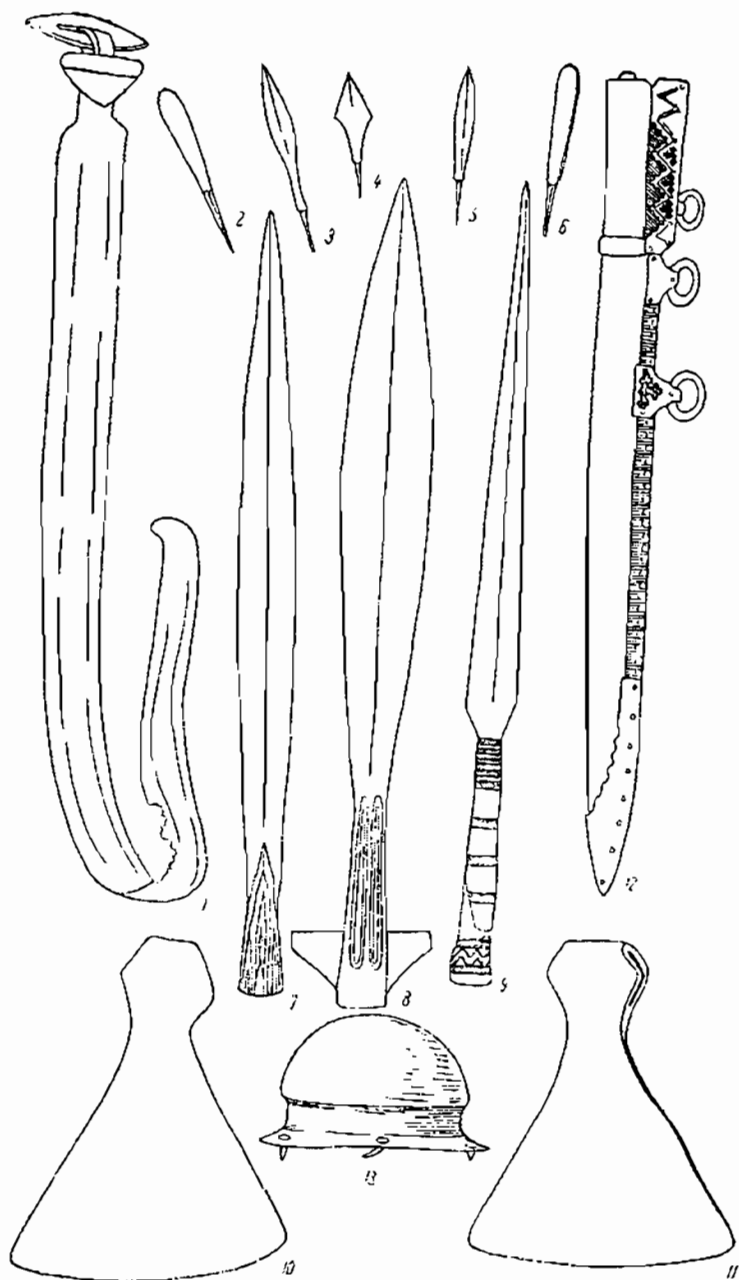
Скандинавские, в частности шведские, погребальные обычаи изучены достаточно полно как в Скандинавии, так и в Восточной Европе. Не вызывает сомнений норманнская принадлежность сожжений в ладье (Шаскольский 1965: 118–119), сожжений с захоронением в урне, поставленной на глиняную или каменную вымостку (Авдусин 1967: 238), сожжений под курганом, окруженным кольцевидной каменной кладкой, сожжений с кострищем треугольной формы (Фехнер 1963в: 15). Сложнее обстоит дело с этническим определением погребений в камерах (срубах).

Погребения такого рода, известные в Киевском некрополе, к сожалению, были обнаружены при земляных работах, поэтому в большинстве случаев в нашем распоряжении есть лишь плохо сохранившиеся комплексы. Однако даже те скудные сведения, которыми мы обладаем, позволяют отметить сходство не только в устройстве камер в Киеве и в Бирке, но и в ориентировке на север, северо-запад и юго-запад (Arbman 1940, №№ 607, 752, 983, 985, 986; Каргер

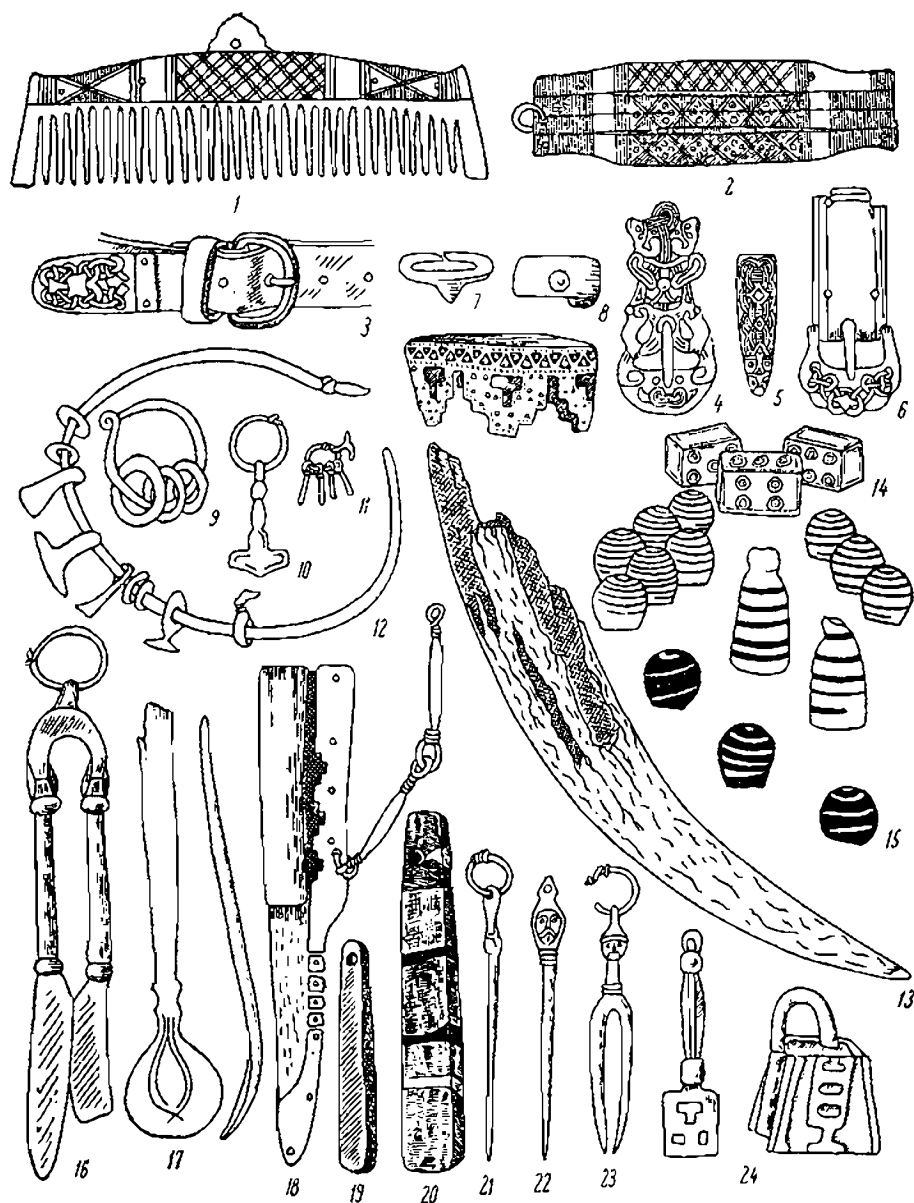
Скандинавские украшения IX–XI вв. (из находок в Скандинавии и Восточной Европе)

1 — железная кольцевая фибула, Михайловский могильник, кург. III; 2 — бронзовая кольцевая фибула, Киевский некрополь, погр. 116; 3 — серебряная кольцевая фибула, украшенная чернью, Северные древности Королевского музея в Копенгагене, № 410; 4 — подвеска со звериным орнаментом, там же, № 414; 5 — трехлопастная фибула, там же, № 115; 5а — скорлупообразная фибула, Бирка, погр. 825; 5б — скорлупообразная фибула, Южное Приладожье, д. Заозерье, кург. 6, компл. 8; 7 — равноплечная фибула, Тимеревский могильник, кург. 75; 8 — равноплечная фибула, Тимеревский могильник, кург. 277; 9 — круглая фибула, там же; 10, 11 — литые браслеты, Южное Приладожье.

Скандинавское оружие IX-XI вв. (из могильника Бирки)

1 — каролингский меч, погр. 426. 2-6 — наконечники стрел, погр. 906, 678, 1053, 1030, 7-9 — наконечники копий, погр. 560, 850, 708; 10, 11 — боевые секиры, погр. 750, 495; 12 — скрамасакс — нож для левой руки, погр. 581; 13 — умбон щита, погр. 1098.

Вещи ритуального и бытового назначения IX–XI вв., найденные в Скандинавии (могильник Бирка).

1 — конский гребень, погр. 644; 2 — гребень в футляре, погр. 496; 3–6 — поясные пряжки и наконечники пояса, погр. 1076, 456, 369; 7, 8 — ледоходные шипы, погр. 323, 1032; 9–12 — подвески-символы бога Тора, погр. 1099, 750, 60; 12 — железная шейная гривна с подвесками «молоточками Тора», погр. 985; 13 — рог для питья с оковкой рога с городчатым орнаментом, погр. 523, 544; 14, 15 — игральные кости и стеклянные шашки, погр. 710, 644; 16 — ножницы, погр. 464; 17 — костяная ложка, погр. 823; 18 — нож в ножнах, погр. 151; 19 — оселок с отверстием, погр. 674; 20 — оселок из цветного шифера с отверстием, погр. 56; 21–23 — бронзовые булавы и пинцет, погр. 513–946; 24 — замок и ключ к нему, погр. 644.

1958, т. I, №№ 108, 110, 111, 112, 124, 125). Погребальный инвентарь в киевских могилах, как правило, далеко не полный, также находит много аналогий в Бирке (оружие, конская упряжь, фибулы, игральные фишки, ларцы). И в Бирке, и в Киеве эти погребения характеризуют высший слой дружинной или торговой знати (Lecsejewicz 1956; Каргер 1958, т. I: 212–230). В пользу мнения Т. Арне и Х. Арбмана об этнической принадлежности этого погребального обряда говорит и наличие подобного типа памятников в двух крупных политических центрах Древней Руси (Киеве и Чернигове), для которых наличие в составе военно-дружинной знати некоторого числа норманнов засвидетельствовано письменными источниками.

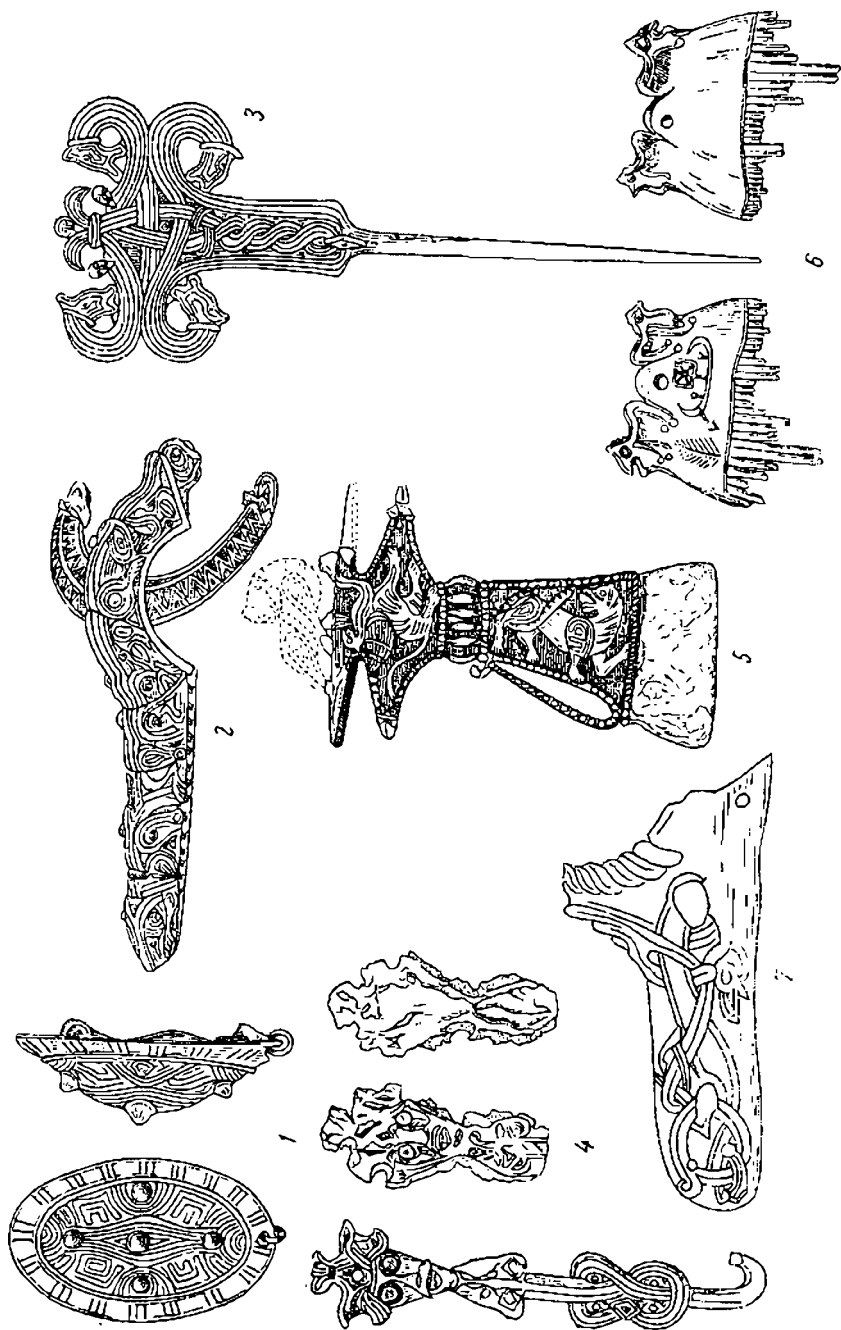
И. П. Шаскольский пришел к выводу о том, что в Бирке обряд погребения в камерных могилах является одним из нескольких обрядов, притом не самым распространенным. Он полагает, что можно говорить о ненорманнском происхождении этого обряда. Но в Бирке найдено более 100 (94 бесспорных и около 10 сомнительных) погребений в камерных могилах. Для сравнения можно указать, что сожжение в ладье (обряд погребения, норманнское происхождение которого не вызывает сомнений) в Бирке представлено в 96 могилах (Gräslund 1981). При этом нужно указать, что в Бирке камерные гробницы принадлежат представителям относительно узкого слоя военно-торговой знати, и, естественно, количество их погребений должно быть значительно меньше количества могил простых горожан: они составляют около 10% раскопанных комплексов могильника. Правильнее поэтому будет сказать, что в Бирке этот обряд является характерным признаком социальной группы, норманнская этническая принадлежность которой бесспорна (ср. Шаскольский 1965:178).

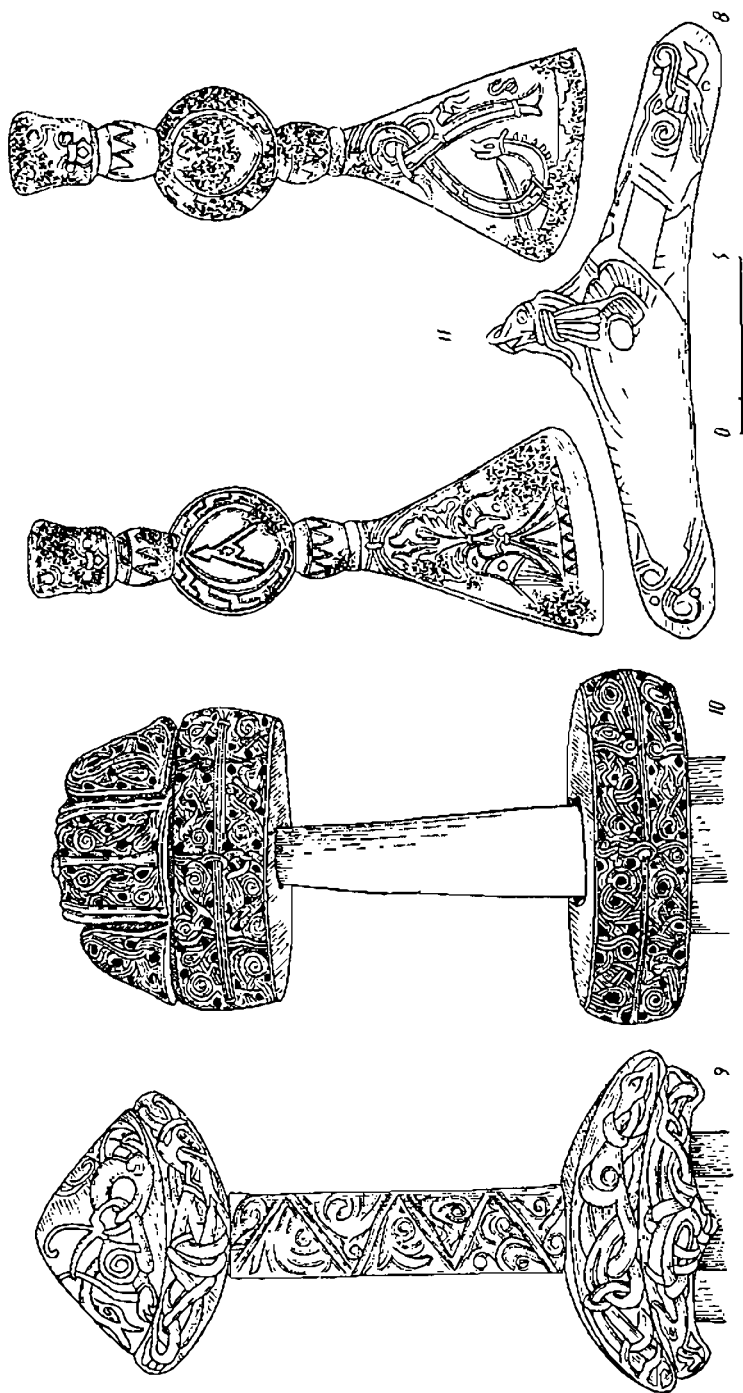
Однако так же, как и некоторые категории вещей, далеко не всегда погребальный обряд может служить надежным этническим определителем. Так, нельзя говорить об этнической принадлежности погребений по обряду трупоположения с западной ориентировкой, если в нашем распоряжении нет дополнительных данных, так как это христианский обряд, характеризующий не этническую, а религиозную принадлежность погребенного. В настоящей работе в качестве скандинавских рассматриваются только те погребения, в которых то или иное количество скандинавских вещей сочетается с бесспорно норманнским погребальным обрядом.

В. «Гибридные» вещи

Заканчивая общую характеристику этнически определимых категорий и типов погребального обряда и вещей, характеризующих норманнские древности Восточной Европы, следует особо остановиться на находках вещей,

которые могли быть изготовлены на нашей территории, но скандинавскими ремесленниками или местными мастерами, находившимися под сильным влиянием скандинавского ремесла.

Сюда следует прежде всего отнести полуфабрикаты (заготовки костяных гребней в Старой Ладоге (Давидан 1962а), незаконченную фибулу — литейный брак — с Рюрикова городища (Корзухина 1965).

Затем местные изделия, подражания скандинавским образцам. Это

- а) браслет из кургана № 6 раскопок Н. Е. Бранденбурга (1895: 104) в Приладожье, где «плетеный» скандинавский орнамент не понят местным мастером;
- б) малые скорлупообразные фибулы, найденные в Латвии (Мугуревич 1965: 83, табл. XX, 4; XXI, 3), Юго-Восточном Приладожье (Бранденбург 1895, № 117), на Карельском перешейке (Schwindt 1893).

Наконец, чрезвычайный интерес представляют находки скандинавских вещей, приобретающих местные черты. Это

- а) рукоять меча из кургана Ц-2 в Гнездове, раскопки Д. А. Авдусина 1950 г. (Авдусин 1954: 94, рис. 1);
- б) ладожский топорик (Корзухина 1966б: 94–95).

Есть еще вещи, местные по форме, но украшенные типично скандинавским орнаментом:

- а) булавка из Люцинского могильника (Спицын 1983, рис. 36);
- б) фибула, найденная в районе г. Гробини Латв. ССР (Уртан и др. 1967: 282), гребень из Камно).

Все эти находки позволяют предположить (Arbman 1960: 132–134), что экономические связи со Скандинавией не ограничивались ввозом готовых изделий, вызывавших местные подражания, но, возможно, некоторые скандинавские ремесленники работали и в Восточной Европе, испытывая несомненное воздействие местных художественных традиций.

Г. Хронология

Говоря о датировке появления норманнских древностей на землях Киевской Руси, мы имеем в виду, собственно, три аспекта этого вопроса:

- а) появление скандинавских вещей,
- б) появление скандинавских погребений и
- в) появление признаков обитания скандинавов на поселениях.

Систематическое изучение материала, позволяющее судить о времени первого появления скандинавов, проведено пока лишь в отношении Старой Ладоги. В последнее время было высказано мнение о возможности датировать горизонт Е Староладожского городища концом VIII—IX в.; с этим горизонтом

связываются бесспорно скандинавские погребения из курганов в урочище Плакун (в том числе и женское), что позволяет предположить появление скандинавов в составе постоянного населения Старой Ладogi уже в IX в. (Корзухина 1966а: 61–63).

Материалы, позволяющие судить о появлении варягов в составе постоянного населения на других поселениях, нам пока неизвестны. Так, несмотря на большие масштабы многолетних раскопок А. В. Арциховского, В. А. Колчина, В. Л. Янина, А. Ф. Медведева, в Новгороде до сих пор не удалось найти слои, характеризующие события, синхронные событиям, описанным в летописи под 859–862 гг. Наиболее ранние массовые материалы датируются пока лишь серединой X в. (Труды Новгородской экспедиции, т. II. МИА, № 65, 1959, стр. 5).

Среди вещей, найденных в Новгороде в слоях X–XI вв., можно назвать некоторые, типологически близкие скандинавским и относящиеся к кругу норманнских древностей Восточной Европы. Среди них

- а) костяная пластинка с рунической надписью XI в. (Макаев 1962) — вторая после известной ладожской находка рунической надписи в наших поселениях;
- б) черепаховидная фибула;
- в) подковообразные пряжки с фацетированными головками;
- г) литые выпуклые браслеты;
- д) металлические витые браслеты;
- е) ланцетовидные стрелы — по определению А. Н. Кирпичникова (1966: 12), ведущий скандинавский тип;
- ж) орнаментированный боевой топор;
- з) некоторые типы бытовых вещей: ледоходные шипы, замки, ключи, кресала, также широко распространенные в Скандинавии, но встречающиеся и на территории Восточной Европы (Труды Новгородской экспедиции, т. II, стр. 79–115, 133 (рис. 5), 152–1531 (рис. 13), 242 (рис. 6, 3, 16, 21), 246 (рис. 8, 3, 7, 10), 251 (рис. 9, 4, 9, 24, 26).

В конце XI — начале XII в. типологически близкие скандинавским вещи в Новгороде исчезают: вырабатываются многие новые формы оружия, украшений, бытовых вещей. Однако для X–XI вв. в свете вышеизложенного можно говорить о довольно развитых связях Новгорода со Скандинавией. IX–X вв. — время появления в Северной Европе крупных торговых городов, таких как Бирка в Швеции, Хедебю в Дании, Волин в Поморье, Даугмале в Прибалтике. Появление в материальной культуре этих городов общих, в том числе скандинавских, черт закономерно.

4. Количественная оценка норманнского компонента

Основным археологическим источником по интересующей нас проблеме остаются пока могильники. Среди этой категории памятников можно выделить некоторые скандинавские комплексы, датировка которых IX столетием (на основании вещевых аналогий) принята большинством исследователей.

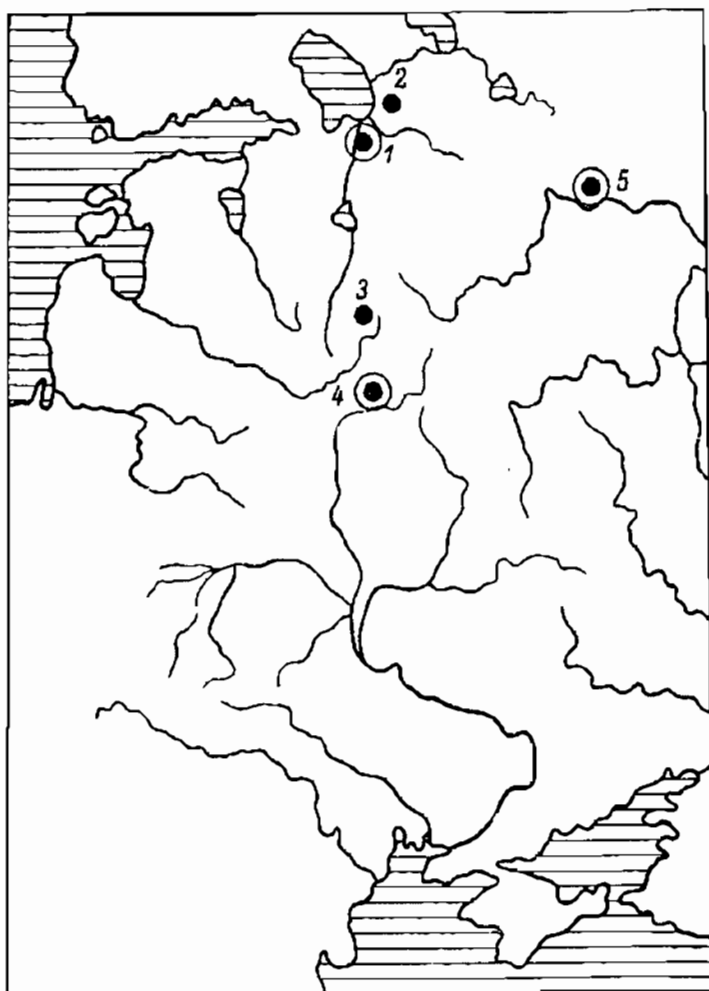
В Приладжье к таким погребениям относится, помимо упоминавшихся курганов в урочище Плакун, женское погребение в кургане № 95 у д. Костино на р. Паше с набором скандинавских фибул и браслетами IX в. (Корзухина 1964: 302).

На Смоленщине у д. Новоселки, недалеко от Гнездова, раскопан курганный могильник, в котором особо выделяется курган № 5 — богатое погребение с мечом (тип Н) и другими хорошо датированными скандинавскими вещами IX в., с трупосожжением по скандинавскому обряду (Шмидт 1963: 114–128). К этому же времени относится курган № 15/10 из раскопок М. Ф. Кусцинского в Гнездове — комплекс (с оружием и шейной гривной с «молоточком Тора»), который А. Н. Кирпичников датирует концом IX в. (Кирпичников 1966: 29–30).

В Тимеревском могильнике (Ярославское Поволжье) известно по крайней мере одно погребение с набором ранних скорлупообразных фибул, которое М. В. Фехнер определяет как скандинавское и датирует концом IX в. (Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. Сводная таблица. Тимеревский могильник, № 53). Надо отметить также, что по крайней мере в четырех курганах Петровского и Тимеревского могильников найдены такие же ранние типы скандинавских фибул, хотя норманнская принадлежность этих комплексов вызывает у автора публикации сомнения (Фехнер 1963а: 80–81).

Аналогичные находки скандинавских вещей IX в. в местных или трудноопределимых погребениях известны и на Смоленщине (Шмидт 1963: 120–127), а также в верхнем течении Зап. Двины, в районе г. Торопца. Последняя находка особенно интересна, так как указывает на то, что водные торговые пути Восточной Европы уже в IX в. были достаточно развитыми, и вещи с севера попадают в районы, удаленные от узловых центров волжского и днепровского путей (Корзухина 1964: 312).

Имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы нельзя признать исчерпывающими, а решение связанных с ними проблем — окончательным. Пока мы можем констатировать, что в IX в. отдельные скандинавские погребения появляются в некоторых районах основных восточноевропейских водных путей, в тех же местах, где в X в. нам известны уже группы, серии скандинавских погребений (Приладжье, район Смоленска, Ярославское Поволжье).

Археологические памятники Восточной Европы, в которых найдены скандинавские комплексы IX в.

1 — Старая Ладога и могильник в урочище Плакун; 2 — курган № 95 у д. Костино из раскопок Н. Е. Бранденбурга; 3 — курганный могильник близ г. Торопец; 4 — Гнездовский могильник и курганы у д. Новоселки; 5 — Тимеревский, Михайловский и Петровский могильники близ Ярославля. 1, 4, 5 — комплексы; 2, 3 — единичные находки.

Можно полагать, что уже в IX в. Старая Ладога была известна норманнам в качестве важного пункта на речном пути, и некоторое число скандинавов входило в состав ее постоянного населения. Появление скандинавских вещей в местных погребениях в отдаленных районах Восточной Европы (Верхнее Подвинье) говорит о том, что в «восточной торговле» эти районы имели не только транзитное значение. Очевидно, именно к IX в. относится установление первых связей некоторых восточноевропейских племен со скандинавами.

Выяснение характера этих связей, участия норманнов в историческом процессе, проходившем на просторах Восточной Европы, требует более глубокого изучения археологических материалов. При этом необходимы строгие методологические критерии, учет всех компонентов погребальных комплексов — нашего основного источника — вещей (при этом в первую очередь этнографически выразительных) и погребального обряда, также с учетом его источниковедческой ценности.

Если исходить из объективного и всестороннего анализа указанных выше компонентов погребального комплекса, то в итоге индивидуальное определение этнической принадлежности комплексов даст в составе древностей нашей страны абсолютное число достоверно варяжских погребений. Это число будет, безусловно, меньше общего количества скандинавских вещей (т. е. меньше, чем число, теоретически вытекающее из положения Т. Арне), но в то же время больше, чем число комплексов, в которых с варяжскими вещами не сочетается ни одна славянская вещь (а только такие комплексы соглашается считать варяжскими Д. А. Авдусин — 1949а: 7–8).

На практике, однако, новые числа не всегда оказываются средними. Так, в Гнездовском могильнике Т. Арне насчитывал не менее 25 варяжских погребений (Арне 1914: 18–62), Д. А. Авдусин (1949а: 7–8) — только 2. И. П. Шаскольский (1965: 111–123), ныне несомненный лидер в отстаивании антинорманистской концепции, признал необходимым зачислить в норманнские погребения в ладье и погребения с гривнами с «молоточками Тора» (в Гнездове, по указанию Т. Арне, известно 18 таких погребений) и не менее 12 погребений с фибулами (24 скорлупообразных фибулы, их носили попарно, но, возможно, не все наборы сохранились полностью). Итого около 30 погребений, т. е. больше, чем находил Т. Арне!

Главный акцент в критике шведского ученого И. П. Шаскольский перенес с определения абсолютного количества варяжских комплексов на определение относительного их количества среди славянских древностей, соотнося при этом количество скандинавских погребений с общим числом раскопанных курганов. Скандинавские погребения Гнездовского могильника при такой системе подсчета составляют 4% от общего количества исследованных комплексов (30 из 700 раскопанных); в Тимеревском могильнике этнически определимые комплексы распределяются следующим образом: 38% от общего количества погребений — погребения местного, финского населения, 15% — славян и снова лишь 4% — скандинавов. Исходя из незначительного относительного количества норманнских погребений в обоих указанных памятниках, И. П. Шаскольский (1965: 125, 158) приходит к выводу, что «... нет оснований говорить о сколько-нибудь

серьезной роли норманнов в жизни Смоленской земли X в.», так же как и Ярославского Поволжья.

Сама по себе приведенная система подсчетов, однако, вряд ли может служить достаточным основанием для столь категорических утверждений. При объективных подсчетах число достоверно варяжских комплексов следует соотносить не с числом всех раскопанных курганов могильника (не говоря уже о всех зафиксированных в нем курганах), а лишь с числом этнически определяемых и сравнивать его надо с числом достоверно славянских комплексов. Правда, это усложняет сами подсчеты: выделение достоверно славянских комплексов Гнездовского могильника до сих пор не осуществлено; И. И. Ляпушкин, обращаясь к материалам этого памятника, считает возможным 10–15% погребений Гнездова (безынвентарные комплексы и комплексы с немногочисленным инвентарем) связать по характеру обряда со славянскими полушарическими курганами с захоронением остатков трупосожжения в верхней части насыпи. К этому количеству И. И. Ляпушкин (1966: 134) прибавляет и пустые курганы, составляющие 25% всех раскопанных погребений, однако из их числа следует вычесть 13% так называемых кенотафов, т. е. меморативных насыпей (работа по выделению меморативных погребений проделана участником нашего семинара В. А. Булкиным). Таким образом, общее количество курганов Гнездовского могильника, которые можно считать славянскими, пока не превышает 27%, т. е. этнически определяемыми в этом могильнике оказались не свыше 31% раскопанных погребений, при этом 30 скандинавских составляют не менее 13% этнически определяемых комплексов Гнездовского могильника. В Тимеревском могильнике, если вести подсчеты относительного количества погребений разных этнических групп, отбросив 43% неопределимых комплексов, а также погребения XII в., в X в. 75% комплексов принадлежит местному финскому населению, 12% — славянам и 13% — скандинавам. Уже в начале XI в. картина меняется: 72,5% финских погребений, 24% славянских и всего 3,5% скандинавских. Среди более поздних погребений скандинавских вообще нет (Ярославское Поволжье X—XI вв. Сводная таблица, Тимеревский могильник).

Труднее установить относительное количество скандинавских погребений в Киевском некрополе. Из 125 комплексов IX—X вв., опубликованных М. К. Каргером, 70 не могут пока быть определены вследствие бедности и разрозненности инвентаря и невыразительности погребального обряда. В таких условиях даже небольшое количество скандинавских погребений (в Киевском некрополе мы можем насчитать их не более 10 — Каргер 1958, т. 1, №№ 24, 25, 105, 108, 110, 111, 112, 114, 124, 125.) составит весьма значительный процент (18–20%). Было бы методически неверным на основании этих данных

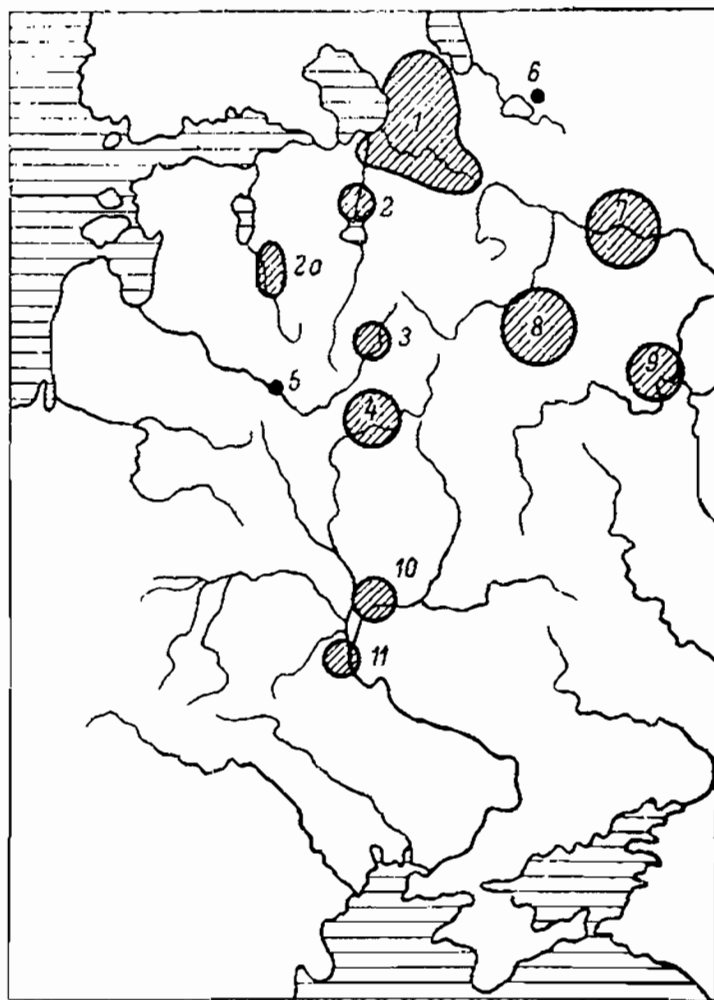
судить об относительном количестве варягов в Киеве и делать какие-либо исторические выводы. Надо отметить, однако, что большинство погребений, которые можно признать скандинавскими, относится к категории погребений в камерных могилах (они составляют 36% погребений этой группы), т. е. норманны, несомненно, входили в состав социальной верхушки Киевской Руси. Однако глубокая разработка этого вопроса, так же как окончательное выяснение роли скандинавов и других этнических групп в формировании раннефеодальной киевской знати, несомненно, требует более значительных и хорошо документированных материалов.

В какой-то мере основанием для ошибочной системы подсчетов относительных величин служит один из принципов индивидуального определения этнической принадлежности каждого отдельного комплекса, выдвинутый авторами, применявшими указанную систему подсчетов. Как быть, если в кургане нет достоверных норманнских или славянских опознавательных признаков? в этом случае, полагает Д. А. Авдусин (1949а: 3–14), курган надо признать славянским, поскольку он помещается на славянской территории. Правильнее думать, что если четких опознавательных признаков этноса нет, то такой комплекс нельзя включать ни в славянские, ни в норманнские, а надо оставить вне рассмотрения, пока исследование ограничивается индивидуальным определением этнической принадлежности каждого комплекса в отдельности.

Если же мы вместо выборочного рассмотрения нескольких десятков ярких комплексов возьмемся за полную публикацию и статистическую обработку всех материалов, за выделение больших серий (типологических групп) комплексов на основе корреляции признаков, то затем мы сможем приступить и к этническому определению уже не отдельных могил, а целых серий. Только при соблюдении этих условий применение статистических методов, в том числе и установления относительного количества погребений разных этнических групп, позволит понять те или иные стороны исторического процесса.

При этом, однако, необходим дифференцированный подход к анализу этнического состава отдельных памятников или больших территорий, на которых этот процесс разворачивался. Если допустить, как предполагают некоторые авторы, возможность существования особых скандинавских поселков под Киевом, Новгородом, Смоленском (История 1966: 489), не говоря уже о Старой Ладогe, то можно ожидать, что прилегающие к ним курганные могильники окажутся не на 13, и даже не на 18, а на все 100% скандинавскими. Примером этому может служить скандинавский могильник в урочище Плакун близ Старой Ладоги.

Поэтому для того, чтобы от огульного отрицания норманнского компонента не перейти к другой крайности — преувеличению количества

Археологические памятники Восточной Европы, в которых найдены скандинавские комплексы X–XI вв. и скандинавские вещи в культурном слое поселений X–XI вв.

1 — Старая Ладога и Юго-Восточное Приладожье; 2 — Новгород и его окрестности; 2a — Псков и его окрестности; 3 — верховья р. Зап. Двины; 4 — Гнездовский могильник; 5 — Полоцк; 6 — район Белого озера; 7 — могильники Ярославского Поволжья; 8, 9 — Владимирское и Суздальское ополье; 10 — Чернигов и его окрестности; 11 — Киевский некрополь.

варягов в Восточной Европе, необходимо помнить, что в этих случаях перед нами только выборка из всей массы древностей того времени, и при этом выборка не репрезентативная по отношению ко всей массе. Нельзя ограничиваться материалом нескольких, пусть крупнейших, могильников. Надо рассматривать норманнские древности на фоне широкого изучения восточноевропейских памятников, массовый анализ которых позволит составить полное

представление о характере социального и экономического развития восточных славян в IX—X вв., а также об относительном количестве и скандинавов, и славян в составе населения тех или иных районов Восточной Европы. Такое исследование еще предстоит осуществить.

Пока же, на современной стадии изучения археологических материалов, мы лишь вправе отметить, что на тех участках Волжского и Днепровского торговых путей, где в IX в. мы находим отдельные норманнские погребения, в X в. варяги составляли не менее 13% населения отдельных местностей; при этом в Ярославском Поволжье численность варягов была равна численности славян, если не превышала ее, в других же районах сравнения со славянами провести не удалось.

Предложенные здесь числа мы приводим не в качестве окончательных (следовательно, они не могут служить достаточным основанием для исторических выводов), а лишь как предварительные результаты исправления методов подсчета, применявшихся другими исследователями, у которых получались другие числа (Д. А. Авдусин, М. В. Фехнер, И. П. Шаскольский). В книге «Археология СССР» Д. А. Авдусин (1967: 239) указывает, что «в Гнездове раскопано 800 курганов, из них менее двадцати, т. е. 2,5%, содержат погребения скандинавов». Да ведь как считать...

5. Социальный состав пришельцев

Понять характер культурных или иных взаимоотношений восточных славян и скандинавов невозможно без анализа характера тех социальных групп и слоев и скандинавского, и восточноевропейского общества IX—X вв., которые осуществляли эти взаимоотношения. Между тем представление о социальном составе попадавших в Восточную Европу норманнов до сих пор базируется главным образом на анализе некоторых богатых, так называемых «дружинных» погребений. Именно как погребения дружинников характеризует наиболее выразительные скандинавские комплексы Д. А. Авдусин (1967: 231–239). М. К. Каргер (1958, т. I: 212–230), оставляя в стороне вопрос об этнической принадлежности погребений в камерных могилах Киева, связывает их с представителями высшего слоя киевской знати. Бесспорно, какое-то количество варягов, занимавших высокое положение в дружинной среде, представлено в погребениях обоих этих могильников. В Ярославском Поволжье, напротив, М. В. Фехнер (1963в: 15) подчеркивает исключительную бедность скандинавских погребений, считая, что ни одно из них нельзя отнести к дружинным. Это мнение, возможно справедливое, по отношению к Тимеревскому могильнику, вряд ли можно распространить на другие (в частности, Петровский), но само по себе наблюдение М. В. Фехнер представляется чрезвычайно

ценным, так как обращает внимание на социальную неоднородность пришельцев из Скандинавии.

К сожалению, связать те или иные многочисленные варианты скандинавского погребального обряда конкретно с определенными социальными группами пока не представляется возможным. Однако провести разграничение погребений богатых норманнов — знатных дружинников, воинов-купцов, их жен — и погребений рядового скандинавского населения — могил простых воинов, ремесленников, может быть, крестьян (М. В. Фехнер подчеркивает сельский характер Тимеревского могильника — 1963в: 17) — мы в состоянии уже на имеющемся археологическом материале.

Для богатых скандинавских погребений IX—XI вв., независимо от того, будут ли это сожжения в ладье, в урне, безурновые (с костями, лежащими на кострище), характерен устойчивый набор погребального инвентаря. В мужских погребениях это оружие (каролингские мечи, копья, стрелы, боевые топоры, иногда щиты), в женских — наборы черепаховидных фибул. Кроме того, в таких комплексах, как правило, есть костяные орнаментированные гребни (появляются в северогерманских погребениях еще в первые века н. э.), богато украшенные пряжки, фибулы, булавки. Часто в погребениях по скандинавскому обряду встречаются находки гирь и весов, несколько реже — стеклянных игральнх фишек. Специфическим признаком богатых погребений являются остатки ларцов — железные оковки, гвозди, навесные и иные замки. Важно также отметить остатки погребальных тризн или жертвоприношений — зарытые в насыпи кости животных и птиц.

Комплексы X в. с аналогичным набором инвентаря и скандинавским погребальным обрядом известны в уже рассматривавшихся нами крупных памятниках на Волжском и Днепровском путях. Это погребения в кургане № 6 у д. Заозерье (Raudonikas 1930: 27–38), №№ 10, 45, 60 и др. из раскопок Н. Е. Бранденбурга в Приладожье (1895, дневник раскопок), в Ярославском Поволжье — №№ 53, 394, 85 Тимеревского могильника (Ярославское Поволжье X—XI вв. Сводная таблица. Тимеревский могильник), № 38 Петровского могильника — М. В. Фехнер (Петровский могильник, стр. 22, 23) относит этот комплекс к славянским, несмотря на то что это безурновое сожжение на месте с захоронением в насыпи остатков погребальной тризны и полным набором инвентаря богатого скандинавского погребения содержит также лепную керамику, что, по мнению А. В. Арциховского (1966: 38–39), является характерной чертой скандинавских могильников X в.

К этой же группе относится погребение IX в. в кургане № 5 у д. Новоселки (Шмидт 1963: 114–128) и курганы № 74 из раскопок С. И. Сергеева, № 59 из раскопок В. Д. Соколова, № 15 из раскопок Ф. М. Кусцинского, №№ 13, 35 из

раскопок Д. А. Авдусина 1949 г. и № 47 из его же раскопок 1950 г. в Гнездове на Смоленщине (Шаскольский 1965: 123). Выше уже говорилось о социальной принадлежности киевских погребений в камерных могилах, среди которых, возможно, также есть норманнские.

Труднее выделить рядовые скандинавские погребения. При исключительной бедности погребального инвентаря лишь некоторые детали обряда (каменная оградка вокруг кургана, треугольное кострище, находки в кострище обрядового печения, урна, поставленная на глиняную или каменную вымостку, шейная гривна с «молоточками Тора», надета на урну или уложенная в нее (Фехнер 1963в: 15; Авдусин 1967: 239), костяные орнаментированные гребни, положенные в урну или рядом с ней (в 400 трупосожжениях Бирки найдено 200 гребней; из 200 погребений с захоронением остатков сожжения в урне гребни найдены в 105), имеют существенное значение для определения этнической принадлежности комплекса.

Подробнее обряд рядовых скандинавских погребений рассматривается в работе одного из авторов этой статьи (см. Лебедев 1970)¹.

К погребениям с набором специфических признаков погребального обряда, тождественных признакам обряда рядовых слоев населения в Скандинавии, на нашей территории могут быть отнесены, помимо скандинавских комплексов Тимеревского могильника, упомянутых М. В. Фехнер (1963в: 14–15), и некоторых из 18 погребений с «молоточками Тора» в Гнездовском могильнике (Шаскольский 1965: 123), также некоторые курганы Михайловского могильника из раскопок Я. В. Станкевич (1941: 84–89. Примером комплексов с указанными признаками обряда в Михайловском могильнике могут быть курганы с трупосожжениями, при которых находились костяные орнаментированные гребни, сложенные и положенные в могилу уже после сожжения: курганы №№ 1 (компл. 2), 5 (компл. 2), 6 (компл. 1) раскопок 1938 г., курганы №№ 8, 11, 39 раскопок 1898 г.) и отдельные комплексы из раскопок Д. А. Авдусина 1949 г. в Гнездове (Авдусин 1952б) — отмеченные нами признаки содержат погребения в курганах №№ 4, 7, 20, 23, 30, 35.

Впрочем, их этническое определение выходит за пределы задач нашей статьи, поэтому ограничимся лишь указанием, что и в Гнездовском могильнике,

¹ От редакции (первой публикации данной статьи, т. е. конкретно это замечание И. П. Шаскольского): следует иметь в виду возможность и другой трактовки данной группы погребальных памятников с бедным инвентарем, имеющих в похоронном обряде и в устройстве надмогильных сооружений черты, сходные с погребальными памятниками Скандинавии. Видный шведский археолог Биргер Нерман, касаясь аналогичных погребальных памятников IX–X вв. с бедным инвентарем (или совсем без инвентаря) в крупнейшем шведском могильнике Бирки, высказал мнение, что эти памятники отражают не социальное положение погребенных, а влияние христианской религии (особенно когда это погребение с трупосожжением с ориентацией головой на запад); см. Nerman 1945: 53–54.

и в Ярославском Поволжье возможно выделение серий погребальных комплексов, аналогичных массовому материалу Бирки и других скандинавских могильников и принадлежавших, очевидно, рядовому скандинавскому населению. Некоторые погребения из этих серий уже сейчас в советской археологической литературе рассматриваются как скандинавские. Дальнейшее их исследование — дело ближайшего будущего.

Пока же, опираясь на археологические материалы, мы вправе отбросить представление о «вокняжении» на Руси варяжской династии — другими словами, о завоевании неожиданно высокого положения представителями чуждой, пришедшей знати, не имевшими никакой социальной опоры в восточноевропейской среде, а как правило, погребения этой знати привлекаются до сих пор в качестве археологического источника по «варяжскому вопросу», из-за них ломают копья археологи и историки. Судя по имеющимся источникам, славяно-варяжские отношения в IX—X вв. были значительно более сложными и охватывали различные стороны жизни восточноевропейских племен: торговля с Востоком и Западом, совместные военные походы, развитие ремесла — появляются местные варианты скандинавских типов вещей, «гибриды» (Arbman 1960: 134), внутренняя торговля (изделия скандинавских и подражающих им местных ремесленников попадают в финские, балтские, славянские могилы).

Изучение в первую очередь этих отношений позволит по-настоящему понять важные процессы, связанные с образованием Древнерусского государства. Более детальная разработка этих проблем, к сожалению, упирается в недостаточную изученность археологического материала.

6. Перспективы исторической оценки

Касаясь вклада скандинавов в материальную культуру Киевской Руси, прежде всего нужно указать на роль норманнов в формировании русского дружинного вооружения: в IX—XI вв. здесь распространяются принесенные скандинавами каролингские мечи, боевые топоры, ланцетовидные копья и стрелы, щиты с железными умбонами. Некоторое влияние, как отмечает А. В. Арциховский, оказало скандинавское ремесло на развитие ювелирного дела в Древней Руси (1966: 39). Однако не только украшения, но и многие бытовые вещи — замки, ключи, кресала, ледоходные шипы, гребни, орудия труда — древнерусские ремесленники Северо-Запада изготавливали по тем же образцам, что и скандинавы. Материальная культура торговых городов Европейского Севера начала складываться одновременно, под действием одних и тех же факторов, в их числе — восточная торговля викингов, их торговые и военные походы, появление скандинавов в укрепленных

поселениях. В результате в Восточной и Северной Европе распространялись сходные типы вещей. Лишь в XII в., когда прекращаются сношения скандинавов с Востоком и заканчивается «эпоха викингов», пути развития материальной культуры Киевской Руси и Скандинавских стран расходятся. Однако тем важнее выяснить подлинный характер отношений скандинавов и восточных славян в IX—X вв.

Послесловие 2008 г.

Выход этой статьи в сборнике под непосредственной редакцией нашего главного и гласного оппонента в дискуссии 1965 г. И. П. Шаскольского, несомненно, свидетельствовал о его высокой интеллигентности и о том, что научное сотрудничество он ставил выше личных амбиций. Он вообще был очень знающим и доброжелательным человеком.

Эта статья была первой объективной сводкой по норманнским древностям Киевской Руси на послевоенном уровне. Ее появление приветствовалось во многих обзорах, как отечественных (Мавродин и Фроянов 1971: 14; Кан и Хорошкевич 1971: 190; Загоровский и Никитин 1972: 130 и др.), так и зарубежных (Porre 1972: 736; Łowmiański 1973: 164; Rüß 1977; Dejevski 1977 и др.). «Ценный вклад», «позитивная работа», «первая сводка данных» — это писали не только сторонники, но и антинорманисты (ср. также Шаскольский 1978). Очень высокую оценку наша работа получила в годы горбачевской перестройки (Джаксон и Плимак 1988: 45–47). В этом московском обзоре указано: «Авторами выработана строго научная и логически последовательная методика определения этнической принадлежности комплексов и объективная система подсчета “достоверно варяжских комплексов”» (Ibid., 46). В выступлении по телевидению в 2001 г. (в передаче Гордона) Т. Джаксон сказала: «Эта статья впервые в отечественной науке детально осветила характер “норманнских древностей” на древнерусской территории».

Мы отстояли не только свое существование, но и возможности для всех работать более свободно. В ведущем советском историческом журнале «Вопросы истории» появилось высказывание, подписанное замредактора Кузьминым [одним из ведущих антинорманистов], о «современном научном норманизме»: «Для многих зарубежных, да и советских ученых это — добросовестное научное убеждение... Ленинградские археологи Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко ни в коем случае не отходят от марксизма, признавая преобладание норманнов в господствующей прослойке на Руси» (Кузьмин 1971: 187). То есть стало возможно считать гипотезу о преобладании норманнов в верхнем слое древнерусского общества «добросовестным научным убеждением», а не происками внешних врагов, и даже исходить из того, что это не противоречит марксизму.

В 1974 г. А. Г. Кузьмин пошел еще дальше. Он писал:

«Сложившиеся представления о соотношении автохтонного и привнесенного начала в последнее время серьезно пошатнулись. В археологической литературе все более широкое обоснование получает тезис, что удельный вес норманно-варягов был намного значительней, чем это предполагалось некоторое время назад. С норманнами теперь связывается подавляющая часть социальной верхушки Древнерусского государства. На Белое озеро и Верхнюю Волгу, согласно новым представлениям, варяги-норманны проникают примерно на столетие раньше славян» (Кузьмин 1974: 55).

Следует ссылка на нашу коллективную работу и на книгу С. И. Кочуркиной (1973). Однако, по нынешнему мнению Кузьмина (2003: 221),

«новый материал неизбежно порождает старые вопросы. Снова возникает потребность объяснить, почему на территории, где соприкасаются варяги и угро-финны, распространяется славянский язык, почему нет сколько-нибудь заметных проявлений германских верований, почему так быстро исчезают варяжские имена, причем в княжеской династии раньше, чем у рядовых дружинников (опечатка: дружинников. — Л. К.). На все эти «почему» норманизм, очевидно, не в состоянии дать ответ».

Ну, норманизм, может, и «не в состоянии», а мы в состоянии. И ответ этот вовсе не в предполагаемом отказе от норманнской принадлежности варягов. Где пришлые варяги соприкасались с угро-финнами, массами расселялись и славяне, становясь коренным населением, а везде, где среди пришельцев преобладают мужчины, язык их уступает местному, потому что дети усваивают язык в основном от матери. Известно ли было Кузьмину поверье норманнов, что на чужих землях правят местные боги? Поэтому, приставая к чужим берегам, они прятали своих богов в трюмы кораблей и поклонялись местным богам. Все находит свои объяснения. Захват норманнами Нормандии на французской территории несомненен. Между тем уже через несколько поколений нормандцы говорили исключительно на французском языке (как русские варяги на славянском) и при Вильгельме Завоевателе французский (а не норвежский или датский) привезли в Англию. Однако никто же на этом основании не заключал, что Нормандия основана не норманнами, а французами, похожими на норманнов. Просто потом норманны стали французами, как в России они стали славянами.

Но вернемся к нашей публикации в сборнике Шаскольского.

За этой работой последовали более подробная книга трех участников семинара в соавторстве (Булкин, Лебедев и Дубов 1978) и несколько коллективных обобщающих статей, сделанных в основном участниками моего семинара, с привлечением специалиста по древним мечам А. Н. Кирпичникова, заведующего сектором славяно-русской археологии Института истории материальной

культуры АН (Кирпичников и др. 1978; 1981; 1986). Эти были менее подробными и менее задиристыми. Чувствовалась редакторская рука заведующего сектором.

К этому времени члены семинара, оканчивая Университет, устраивались на работу в славяно-русский сектор ИИМК. Сотрудниками сектора стали Назаренко, Петренко, Рябинин, Носов. Но в соавторстве с Кирпичниковым оказались и университетские преподаватели Лебедев, Булкин и Дубов.

А. Н. Кирпичников, лучший специалист по древнерусскому оружию, прославился тем, что, протравливая лезвия мечей, нашел на них кириллические надписи, а это означало, что по крайней мере некоторая часть мечей проходила через местные мастерские в Древней Руси. Это не меняло общей картины соотношения компонентов в местной культуре (мечи всё равно не скандинавские, а франкские), но усиливало значение славянского компонента. Поэтому Кирпичникова воспринимали тогда как сторонника скорее антинорманистской позиции, и кто-то мог подумать, что выстраивание семинара в шеренгу за ним сигнализирует об отходе «отряда» от прежних позиций.

Это не так. Ребята, конечно, искали союза с администрацией ИИМК, чтобы обеспечить себе прочные позиции хотя бы в Ленинграде — для борьбы с антинорманизмом, тогда насаждавшимся из Москвы, где царствовал Рыбаков и где Авдусин имел прочные позиции. Но это не означало идейных уступок по существу.

Наиболее склонен к идейному компромиссу был И. В. Дубов, который быстро продвигался по партийной карьере (стал секретарем парткома Университета!) и тяготился ореолом научного диссидентства, писал ультрапатриотические книги в соавторстве со своим другом, секретарем обкома. Но Дубов и поддерживал тесные связи со своими товарищами по семинару, особенно с Лебедевым. Более того, он открыл новый вид источников, рассказывающий о норманнах на славянских землях (граффити с рунами на арабских дирхемах). Г. С. Лебедев продолжал заниматься норманнской культурой Скандинавии для лучшего определения норманнских элементов на Руси и в 1885 г. выпустил монографию (свою кандидатскую диссертацию) на эту тему. В. П. Петренко занимался норманнскими древностями Прибалтики и написал шуточный «Гимн оголтелого норманизма», который распевали во многих экспедициях. Жесткие столкновения с антинорманистами (прежде всего с Д. А. Авдусиным) шли на скандинавистских конференциях и на страницах отечественных и зарубежных журналов. Наиболее острая схватка происходила как раз в 1978 г.

Более того, можно скорее уловить сдвиги в позиции самого А. Н. Кирпичникова. Он отверг старую установку считать призвание варягов вымыслом,

даже выдвинул вместе с Лебедевым и Дубовым новую идею о реальной основе легенды о призвании — Старой Ладоге как первой столице Рюрика. Во всяком случае, теперь раздражение антинорманистов обрушилось и на него. Кроме того, ребята из семинара завели дружбу с молодыми участниками Авдусинских экспедиций и активно склоняли тех на свою сторону. В конечном счете, на позициях, близких к славяно-варяжскому семинару, оказались москвичи Петрухин, Пушкина и другие. Особенно тесная дружба завязалась с учениками московского историка В. Т. Пашуто, развивавшего идеи многоэтнической основы древнерусской государственности. Отношения же Глеба Лебедева с Кирпичниковым развивались двояко: с одной стороны, сотрудничество, с другой — соперничество в борьбе за руководство раскопками Ладоги (первенство осталось за Кирпичниковым).

Я в это время занялся другими темами и другой частью моего Проблемного семинара (энеолит, бронзовый век, скифы и теоретическая археология), а руководство славяно-варяжским семинаром переняли Г. С. Лебедев, затем (во второй половине 70-х) В. А. Булкин и позже снова Г. С. Лебедев. В 1995 г. по инициативе Лебедева тридцатилетие дискуссии 1965 г. было торжественно отмечено юбилейной сессией в Университете, материалы которой были опубликованы в журнале «Стратум-плюс».

IV. Норманистский выпад и асимметричный ответ

Спор четырех А и четверо из семинара

В 1960-е и почти все 1970-е гг. кафедру археологии Московского университета еще возглавлял А. В. Арциховский. Из его учеников выделялся проф. Д. А. Авдусин — археолог с медальным профилем и большими организаторскими способностями, человек интересный и по-своему обаятельный. Он перенял у своего учителя его подчеркнута патриотическую позицию по варяжскому вопросу и довел ее до крайности, выдвинув радикальные решения. Во главе экспедиции Московского Университета он раскапывал важнейший памятник древнерусской дружинной культуры Гнездовский могильник под Смоленском, уже давший ранее богатые комплексы с вещами скандинавского характера и скандинавские по обряду.

В 1968 г. проф. Авдусин посетил в Норвегии Осло и Берген и выступил с докладом о Гнездовском могильнике и проблеме варягов. Этот доклад лег в основу статьи, опубликованной на английском в ведущем теоретическом журнале норвежской археологии, выходящем на английском языке, «Норуиджиан Аркеолоджикал Ривью» в 1969 г. С откликами в следующем году выступили норвежский археолог Шарлотта Блиндхейм и финский Элла Кивикоски, а в 1971 г. — Йохан Кальмер из Швеции. В 1972 г. редакция журнала обратилась к нашему семинару с предложением включиться в дискуссию. Мы не могли отказаться от такой возможности и представили сразу три статьи четырех авторов, опубликованные в 1973 г.

Я выступил с общей критикой Авдусина по вопросам историографии и методики. Глеб Лебедев и Володя Назаренко («Связи между русскими и скандинавами в IX—XI вв.») очертили по археологическим данным сложную картину проникновения норманнов на земли будущей России, проникновения, имевшего разный характер в разные периоды и в разных районах. Впоследствии это положение подхватил, со ссылками на работы Лебедева и его соавторов, американец Томас Нунан и сделал это основой своей концепции норманнов на Востоке (Noonan 1986; 1991 и др.). Василий Булкин («О классификации и интерпретации археологических материалов из Гнездовского могильника») кратко рассмотрел данные о соотношении славян с норманнами

в Гнездовском могильнике и еще в одном памятнике. Дело в том, что Авдусин не заметил рядом с могильником относящееся к нему поселение. Это поселение открыл и начал раскапывать замечательный ленинградский археолог Иван Иванович Ляпушкин, ученик Артамонова, и Булкин участвовал в его раскопах (после смерти Ляпушкина Авдусин прибрал раскопки этого памятника к своим рукам).

Ниже следует текст моей статьи.

Советская археология и роль викингов в ранней истории славян.

Отклик на «Смоленск и варяги по археологическим данным» Даниила Авдусина¹

Представляется вполне естественным, что журнал «Норуиджиан Археолоджикал Ривью» начал обсуждать значение викингов в ранней истории славян со статьи профессора Авдусина. Профессор Авдусин хорошо известен своим крупным вкладом в изучение Гнездовского могильника, важнейшего памятника по этой теме, и своей радикальной позицией в споре. Однако не стоит забывать о своеобразии такого начала.

Во-первых, полной публикации раскопанной части Гнездовского могильника нет. Мнения профессора Авдусина, хотя и являются сведениями из первых рук [редакция почему-то заменила этот оборот на: «хотя на первый взгляд и разумные». — Л. К.], тем не менее субъективны и не могут заменить факты; базой для спора могут служить только те сведения, которые можно проверить по опубликованным материалам. Но ни эта статья, ни другие статьи профессора Авдусина не содержат содержательного и детального анализа, основанного на полной информации. Хронологические утверждения профессора Авдусина нуждаются в лучшем обосновании, а частная аргументация, предложенная им в других статьях, не выдержала критической проверки, проделанной Булкиным и Назаренко (1971).

Во-вторых, не следует упускать из виду, что позиция профессора Авдусина в споре о месте викингов в истории славян близка к крайней. Есть опасение, что она может быть принята его иностранными оппонентами за общую позицию советских ученых. Ведь ни в статье профессора Авдусина, ни в предшествующих (нашим) откликах его оппонентов (Blindheim 1970; Kivikoski

¹ L. S. Klejn. 1973. Soviet archaeology and the role of the Vikings in the early history of the Slavs. Comment on Daniil Avdusin, Smolensk and the Varangians according to the archaeological data. — Norwegian Archaeological Review, vol. 6, no. 1: 1–4. >

1970) нет оговорок по этому поводу и никаких указаний на противоположное понимание. Скорее наоборот.

Между тем, и среди дореволюционных российских и среди советских ученых всегда был и существует сейчас широкий диапазон мнений о месте и роли викингов в Древней Руси, пожалуй, более широкий, чем среди скандинавских ученых.

В своей книге, посвященной главным образом критике теории норманистов, др. Шаскольский (1965), разбирая спор четырех А (Арне и Арбмана против Арциховского и, особенно, Авдусина), говорит: «обе стороны слишком увлеклись в своем споре. Арне и Арбман заметно преувеличивают роль норманнов в Гнездове, объявляя весь могильник в основном норманнским; но вряд ли прав и Авдусин, доказывая почти полное отсутствие в Гнездове скандинавских погребений» (1965: 117). Далее др. Шаскольский подробно отмечает ошибочные, по его мнению, положения у Авдусина, особенно в методике определения этнической принадлежности погребений (1965: 118–124). Примечательно, что в то время как Авдусин относил только 2 гнездовских кургана к скандинавам, а Арне не менее 25, Шаскольский признает, что им принадлежат не менее 30 могил, т. е. на 5 больше, чем у Арне (с. 111, 123)! Уже у Шаскольского мы находим и возражение, ныне высказанное Кивикоски (1970), относительно возможности импортирования франкских мечей на Русь через Скандинавию.

Недавно профессор Артамонов (пятое А) охарактеризовал «норманнскую проблему» как «не столько сложную, сколько запутанную» (Артамонов 1967: 66). Подытоживая новые заключения советских археологов (особенно д-ра Ляпушкина и Г. Ф. Корзухиной) о позднем (IX–X вв.) появлении славян в лесной зоне их нынешнего ареала, профессор Артамонов пишет: «новая хронология славянского заселения Северо-Западного региона побуждает нас пересмотреть прежние мнения о славянско-варяжских (-норманнских) отношениях» (там же, 68).

В ведущем советском историческом журнале «Вопросы истории» замредактора др. Кузьмин (1970: 48) пишет:

«По существу, все советские ученые-антинорманисты признают ту или иную степень участия скандинавов в экономической и политической жизни Древнерусского государства... в последнее время появился ряд работ, уже прямо смыкающихся с построениями норманистов. Особенно эта "неонорманистская" струя ощущается в археологии...»

Здесь Кузьмин ссылается на работы Тухтиной, Кочкуркиной и группы ленинградских археологов, включая автора этих строк (Клейн и др. 1970).

В другой заметке в том же журнале (1971: 177—178) Кузьмин, возражая болгарину Михайлову, характеризует позиции советских ученых по норманнскому вопросу следующим образом: по его мнению, академик Рыбаков, пожалуй, не «крайний антинорманист», поскольку академик Тихомиров был более радикален в своих решениях. Академика Грекова Кузьмин считает «объективным антинорманистом», а взгляды профессора Мавродина и А. Гуревича вообще вряд ли могут быть причислены к «антинорманистским», ибо «у этих ученых прослеживается тенденция решить многолетний спор норманистов и антинорманистов своего рода компромиссом». Переходя к современным советским «норманистам», Кузьмин признает:

«Современный научный норманизм, как справедливо отмечалось в советской литературе, нельзя отождествлять с примитивными схемами Байера и Шлёцера или с расистской стряпней фашистских идеологов. Для многих зарубежных, да и советских ученых это — добросовестное научное убеждение, вытекающее из определенного взгляда на предмет... Ленинградские археологи Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев и В. А. Назаренко ни в коем случае не отходят от принципов марксизма, признавая преобладание норманнов в господствующей прослойке на Руси. Однако их концепция вызывает сомнения и возражения в конкретно-историческом плане».

Это высказывание тем более примечательно, что принадлежит исследователю, занимающему еще более крайнюю позицию, чем Авдусин. Кузьмин видит в варягах не норманнов, а западных славян, имевших тесные контакты со Скандинавией.

Чтобы показать, что такое холодное отношение к спору ныне характеризует не только лично д-ра Кузьмина, можно было бы сослаться на рецензию в журнале «История СССР», где Кан и Хорошкевич (1971: 190) положительно оценивают нашу статью как «первую в советской литературе обобщающую сводку данных о скандинавских древностях на русской территории», хотя рецензенты отмечают, что с некоторыми положениями не могут согласиться.

Можно также добавить, что ни я, ни мои соавторы вообще не считаем нашу позицию норманистской, но чтобы обосновать это замечание, мне бы нужно было разъяснить понятие «норманизм», что вряд ли уместно в данном контексте. Моя цель была всего лишь показать размах диапазона трактовок в советской науке. Главная особенность, отличающая всех советских ученых от большинства северных и западных, это марксистские убеждения первых в происхождении государства из социально-экономического процесса эволюции и классовой дифференциации; именно это убеждение, а не то или иное этническое определение верхнего слоя.

Многие из критических и конструктивных предложений, исходящих от советских ученых, были предложены задолго до обсуждения в НАР. Жаль, что оппоненты профессора Авдусина, живущие в соседних странах (Blindhelm 1970; Kivikoski 1970), не обратили внимания на эти предложения. Это могло бы избавить от необходимости повторять там, где достаточно было бы ссылки. Чтобы не заслужить тот же упрек, я отмечу здесь лишь два расхождения с профессором Авдусиным в методике исследования.

Первое приходится отметить повторно по той простой причине, что оно встретило возражение в упомянутой рецензии на нашу работу. Речь идет вот о чем: как мы можем опознать этнически неопределимые погребения, т. е. не содержащие очевидных этнических показателей. Авдусин и другие наши критики полагают, что в славянской стране такие погребения должны быть признаны славянскими памятниками, если не доказано противоположное. По нашему же мнению этот принцип (а) был бы вполне основателен, если было бы гарантировано, что по этой земле никогда не ступали чужеземцы, (б) мог бы по крайней мере быть приложен с некоторой вероятностью, если бы было неясно, бывали тут чужеземцы или нет, но на деле (в) приложение его сугубо сомнительно, коль скоро известно с точностью (как из летописей, так и по археологическим данным), что иностранцы на этой земле наверняка бывали. В таких условиях презумпция славянской принадлежности неверна, и у нас нет права считать каждого «беспаспортного» незнакомца славянином только потому, что он задержан на славянской земле. К тому же насколько полно эта лесная страна была освоена славянами к IX веку? Даже для самого Авдусина это остается неясным.

Второе расхождение касается подхода к этническому определению. Авдусин, как и многие исследователи, опирается только на индивидуальную атрибуцию комплексов, одного за другим. Этот же путь считает нормальным Э. Кивикоски (Kivikoski, 1970). Разногласия между Авдусиным, с одной стороны, и Арбманом и Шаскольским — с другой, сводятся к различной оценке этнического значения элементов инвентаря и ритуала. При таком подходе слишком много комплексов должно попасть в класс «неопределимых».

По нашему мнению, можно добиться большей определенности, лучшего разграничения, если по сочетанию и корреляции различных признаков разбить весь могильник на четко очерченные группы, а затем рассмотреть распределение этнических показателей по этим группам. При таком подходе возможна этническая атрибуция целых групп, включая и те погребения, которые в отдельности не имеют четких этнических показателей. Этот подход избран для работ нашего проблемного семинара.

Отрадно, что профессор Авдусин прислушивается к критике, и ныне его позиция кое в чем отличается от его позиции 1940-х и 1950-х. Он теперь несколько ближе к позициям его советских оппонентов. Профессор Авдусин ныне раскапывает Гнездовское поселение, открытое покойным д-ром Ляпушкиным, и будет интересно узнать позицию проф. Авдусина в 1980-х.

Асимметричный ответ

В западных журналах серии откликов в обсуждении статьи принято завершать ответом автора статьи. Но в журнале проф. Авдусин не ответил на наши статьи. Он был в это время занят пробиванием в Министерстве очередного издания своего учебника основ археологии. Для обсуждения текст прибыл и на нашу кафедру, и после публичного обсуждения кафедра отправила в Министерство весьма критичный отзыв, где были собраны все замечания сотрудников кафедры по многим сторонам этого учебника. Кафедра находила его неудовлетворительным как по общей структуре (это был перечень изучаемых эпох и культур вместо характеристики науки), так и по многим конкретным трактовкам.

Как выяснилось позже, проф. Авдусин не оставил ни наши статьи, ни рецензию кафедры без ответа. Но это был, как сейчас выражаются, асимметричный ответ.

В 1974 г. на кафедру пришло письмо, полученное Министерством и слущенное в Университет, а оттуда на факультет. Это был официальный документ. Вот он:

В Управление внешних сношений МВнССО СССР
Отдел капиталистических стран тов. А. С. Семенову
Глубокоуважаемый Алексей Семенович!

Мне сообщили, будто сотрудник кафедры археологии исторического факультета Ленинградского университета Г. С. Лебедев просит о командировке для стажировки в Швецию. В связи с этим считаю своим долгом сообщить следующее.

Глеб Сергеевич Лебедев известен как сторонник пресловутой норманнской теории, самое существо которой противоречит марксизму-ленинизму, в частности, в вопросе о происхождении государства. Эта буржуазная теория давно разбита советской исторической наукой...

На кафедре археологии истфака Ленинградского университета норманнскую теорию возродили Лев Самуилович Клейн и его ученики Глеб Сергеевич Лебедев и Василий Александрович Булкин. Воспользовавшись тем, что там недавно сменилось руководство, группа Клейн—Лебедев—Булкин целиком подчинила кафедру своему влиянию. Студенты ЛГУ открыто заявляют, что они — норманисты. Эта группа умудряется проталкивать свои

статьи в кое-какие сборники, рассчитывая на дурно пахнущую сенсацию, особенно за границей. В буржуазной печати они развили особую активность. В этом отношении особенно отличается Л. С. Клейн. В № 1 за 1973 г. (в норвежском журнале) Клейн, Лебедев, Булкин и некоторые другие выпускники кафедры археологии выступили с норманистскими статьями, причем сомнительно, что эти статьи прошли соответствующее утверждение для печати Министерством.

Позиция группы Клейн—Лебедев—Булкин представляется мне противоречащей марксизму-ленинизму, антипатриотической. Поездка любого из членов этой группы за границу, тем более в гнездо зарубежного норманизма — Швецию, послужит не на пользу, а во вред советской исторической науке. Она может лишь упрочить позиции зарубежных норманистов, всегда тесно связанных с антисоветчиками.

18 декабря 1974 г.

Профессор Московского университета

(Подпись:) Д. Авдусин

Содержание письма нас не поразило. В те годы поступало немало подобных анонимок. Но под письмом четко выступала подпись весьма солидного коллеги, автора учебников! Вот что было поразительно.

Письмо разбирали в партбюро. Созданная по «сигналу» комиссия из трех профессоров проверила обвинения и пришла к выводу, что они не подтверждаются. К ответу комиссии декан добавил следующие слова: «Мы с сожалением отмечаем, что некорректный выпад профессора Авдусина последовал тотчас за отрицательной рецензией ученых нашего Университета на его книгу». С этим «сигналом» управились.

Из Ленинградского университета в Московский тотчас ушла эпиграмма, которая оканчивалась словами:

Не та, не та теперь эпоха!
Как про норманнов ни толкуй,
Врагам твоим не будет плохо —
На твой донос положат *крест*.

Говорят, в московских аудиториях в те дни бедного профессора Авдусина встречали на классных досках большие кресты, мелом (скорее всего, это питерский фольклор).

Вряд ли «сигналы» (в старину их называли доносами) шли только в Министерство. А из других учреждений их на открытую проверку не присылали.

На следующий год проф. Авдусин опубликовал и обычный, академичный ответ, но в отечественном (тогда) издании — в 20-м «Скандинавском сборнике». Там он писал о «группе археологов ЛГУ» (по образцу проработочных

кампаний против «антипартийных групп»), с перечислением виновных, создавших «сомнительные теории с норманистским оттенком» и допускающих «ошибки норманистского толка» (Авдусин 1975).

Эпоха действительно была уже не та, но еще и не эта: мы продолжали работать и печататься, но Глеба в Швецию все-таки не послали.

**V. Проблема объективности
исследований
в скандинавской археологии**

Предварительное замечание

Эта работа была в декабре 1977 г. сдана в Вестник Ленинградского Университета и в 1978 г. напечатана (№ 8: 48–54). Я продолжал в ней линию на доказательство того, что в современной науке норманизма нет и, следовательно, антинорманизм беспредметен. В то же время я показывал, что и в западной науке не все гладко. Мой более полный критический обзор и западной, и советской археологии был напечатан в 1977 г. в «Каррент Антрополоджи» — это «Панорама теоретической археологии».

1. Судьба норманизма

Арне умер в 1965 г., Арбман — в 1968-м. Один за другим, с небольшим промежутком, ушли представители *двух последовательных этапов* изучения норманнских древностей и *двух стилей* археологического мышления в Скандинавии. Эти два стиля характеризуются разным отношением к проблеме объективности археологических исследований.

Первый этап. Археологов того поколения, которое представлял и в известной мере возглавлял Туре Арне (Arne 1914; 1917; 1952; 1956), вообще мало занимал вопрос объективности их исследований. Считалось, что *эрудиция, широкий охват материалов и профессиональная честность* ученого являются достаточной гарантией объективности.

В споре скандинавских норманистов с нескандинавскими антинорманистами предположение о необъективности подхода, о националистических стимулах как основе взглядов прилагалось многими скандинавскими учеными — от Томсена до Арне — только к антинорманистам. Еще в 1947 г. Арне писал, что советские археологи хотят «национализировать историю». На это академик Б. Д. Греков (1947: 12) отвечал, что следует избегать «национализации истории», «с какой бы стороны она ни исходила, шведской или русской».

Действительно, уже само отсутствие антинорманистов в Скандинавии при наличии обеих точек зрения вне ее могло бы заставить задуматься. [Точнее было бы говорить о практическом отсутствии антинорманистов во всей западной науке и наличии их только у нас.] Материал сложен, фрагментарен, имеет ряд лакун и допускает разные реконструкции и толкования. В такой ситуации появление разных точек зрения и борьба их естественны, а сугубое единомыслие подозрительно. Становится очевидным, что эрудиция, личная профессиональная честность и т. п. не являются гарантией объективности. «Для северных исследователей, — признал в 1958 г. Мортен Стенбергер, — понятие “Русь” никогда не было проблемой. Напротив, подчас данные Несторовой хроники принимались почти дословно, как исторически верные. Большей частью проявлялось также желание отстоять идею, что люди Севера в эпоху викингов были основателями русского государства...» А далее Стенбергер отмечает новые веяния: «...и северные исследователи

стали критически относиться к безудержному санкционированию сообщений русской хроники» (Stenberger 1958: 340).

Второй этап. Хольгер Арбман (Arbman 1955; 1961) представлял и по крайней мере в Швеции возглавлял то поколение скандинавских археологов, которое условием объективности стало считать критическую проработку *всех* источников — благоприятных и неблагоприятных для традиционной концепции, — неременный уважительный учет *противоположной* точки зрения. Эти археологи стремятся к спокойной солидности, сторонятся крайностей и осторожно избегают слишком категоричных утверждений, равно как и резкой и прямой полемики. Известно, что Арбман старался не только максимально использовать труды советских ученых, но и принять те их положения, которые не разрушают основ традиционной для шведских археологов концепции о роли норманнов в Восточной Европе. Он признает местное производство на Востоке ряда вещей скандинавского типа, славянскую форму шлемов, нескандинавский облик одежды и т. п.

При всем том противники норманизма не сочли эти уступки достаточными; в Швеции, Дании, Норвегии не появились антинорманисты, а постоянная осторожность и условность выводов стала навевать новой генерации археологов сомнения: можно ли что-нибудь вообще утверждать твердо и уверенно?

Третий этап. Эта проблема встала во весь рост в последние полтора-два десятилетия. К этому времени в мире потерпели крушение основные археологические теории недавнего прошлого: сошли со сцены миграционизм, диффузионизм, циклизм, пала «теория стадильности». *Норманизм в археологии* в методологическом плане всегда являлся ответвлением *миграционизма*, его частным вариантом. Одни и те же идеи объяснения новшеств в культуре питали обе концепции, один и тот же подход к трактовке культурных контактов, переселений и т. п., одни и те же приемы археологического исследования. Повсеместная автохтонность, или *отрицание роли миграций*, стала нормой археологических интерпретаций в США, Англии, ФРГ и Скандинавии. Крушение миграционизма выбило методологическую основу из-под археологического норманизма. Не случайно крупных исследований в плане норманизма в Скандинавии после книги Арбмана нет (Шаскольский 1965), а правомерность норманизма подвергается глубокому сомнению (Varangian problems 1970 — статьи К. Р. Шмидта, О. Клиндта-Йенсена, Г. Х. Сёренсена и др.). Мертвы не только Арне и Арбман. Мертв археологический норманизм.

Постепенно археологов Запада начало охватывать увлечение идеями релятивизма. Неверие в детерминированность исторических событий и явлений

культуры, отрицание законов истории, преувеличение индивидуальности факта и «свободы воли» первобытного человека привели в археологии к *дискредитации социально-исторических реконструкций, к гиперскептицизму, перерастающему в агностицизм.*

Такова та обстановка, в которой для скандинавских археологов проблема объективности исследований стала главной.

2. Типология

Как закрыть доступ субъективизму в исследования — проблема все-таки не совсем новая для скандинавской археологии. Если она не тревожила тех, кто брался за *историческую интерпретацию* археологических данных, то перед теми, кто занимался *классификацией* материалов и *пространственно-временным определением* их, эта проблема стояла уже давно, хотя обычно и не приобретала большую остроту.

Первые шаги. Только однажды в прошлом этой проблеме было придано высокое звучание — в конце XIX — начале XX в., когда против «короля археологии» шведа Монтелиуса выступил его датский антипод Софус Мюллер. В эволюционно-типологическом [теперь я предпочитаю говорить о градационно-типологическом] методе Монтелиуса, при всей изящности и полезности этого великолепного инструмента исследования, оставалось много моментов нестрогого выбора, открывающих дорогу субъективизму: отсутствовали четкие критерии различия типов, их сближения, а на основе сближения типов строились типологические ряды. Софус Мюллер отказался от построения таких рядов как чересчур гипотетических. Он предпочитал определять последовательность типов по изменению их *сочетаемости в комплексах*, строить не эволюционные типологические ряды, а хронологические *цепочки* взаимосвязанных комплексов.

Тогда победил, однако, типологический метод. По ряду причин не хронологическая система Софуса Мюллера, а система Монтелиуса стала основой периодизации неолита, бронзового и раннего железного века Северной Европы. Субъективистская сторона типологического метода была усилена норвежцем Нильсом Обергом и доведена до апогея в классической формулировке: «Типологический метод ... строго говоря, это вообще не метод...; его правильнее сравнить с чувствованием художника. Типолог работает не столько своим интеллектом, сколько инстинктом. Он наслаждается ритмическим в развитии, как музыкант наслаждается музыкой, и он реагирует на фальшивую типологию, как музыкант — на фальшивый тон. Это не метод науки, и обучить этому нельзя» (Åberg 1929: 512).

Недавно Бертил Альмгрен заявил, что Оберг прав, более того, что в основе типологического метода с самого начала лежала интуиция. В отличие

от Оберга, однако, он сделал из этого в духе времени критические выводы (Almgren 1967).

Модернизация. В обстановке, когда типологический метод, в весьма свободном и упрощенном применении, в трактовке а la Оберг, определял характер множества скандинавских и немецких работ, появление одного крупного исследования пробило брешь в этой рутине, несмотря на то что исследование было сугубо конкретным, без претензий на теоретическое значение. Речь идет о монографии датчанина Питера Глоба, вышедшей в 1945 г. (Glob 1945) и посвященной исследованию поздне-энеолитической культуры одиночных погребений — той самой, которую когда-то обработал Софус Мюллер.

Через полвека после Софуса Мюллера, на основе выросшего в несколько раз материала, Глоб применял к исследованию тот же *комбинаторно-корреляционный метод*, что и Мюллер, только осовременив, отточив и отшлифовав его. Корреляция керамики с боевыми топорами и боевых топоров разных типов между собой произведена не словесно и не заштриховкой ячеек, а точечным их заполнением, т. е. с учетом *количественного* фактора. Концентрация типов на определенных ареалах фиксирована аналогично-точечными картами. Распределение типов топоров по различным стратиграфическим уровням курганов показано кумулятивными процентными графиками.

Исключение типологических рядов с их гипотетическим элементом, точность и наглядность карт и корреляционных полей и учет количественного фактора придали этому исследованию высокую убедительность, а примененным в нем методическим принципам — огромный авторитет. Как раз в начале того периода, когда скептицизм и недоверие к гипотезам стали распространяться в археологии, обращая археологов к математике, Глоб конкретным примером указал путь обеспечения объективности и надежности выводов, правда, ограниченный, но зато остающийся приемлемым и в условиях повышенной рефлексии.

Однако Глоб не ставит проблему объективности в теоретическом аспекте, не конструирует цельную и всеобъемлющую методическую систему. Он на это и не претендует. На некоторые щели, открытые проникновению субъективизма (например, неразработанность приемов выделения типа), он не обращает внимания; задачи социологических и исторических реконструкций решаются им по старинке и без особых сомнений и колебаний.

3. Логические гарантии

В более широком плане этой проблемой специально занялся ученик Арбмана Матс Мальмер, выступивший с критикой Глоба.

«Рационализм». Сделать археологические исследования более объективными — вот цель, ради которой Мальмер разработал методическую систему, названную им *«рационализмом»*. Система названа так по высокой роли, отводимой дисциплинированному рассудку (*ratio*). Мальмер применил эту систему в капитальных конкретных исследованиях 1962 и 1963 гг. (Malmer 1962; 1963) и развил в серии статей 1963–1969 гг. В монографиях и ранних статьях Мальмер противопоставляет свой «рационализм» главным образом *«импрессионизму»* в археологии — так он окрестил исследования с расплывчатыми понятиями, опирающиеся на субъективные впечатления и интуицию. Это с одной стороны. А с другой стороны, в нескольких более поздних статьях (Malmer 1963: 93, 111–112; 1967) он противопоставляет свою систему *«эмпиризму»* — так он именует материалистические представления о том, что типы и культуры не конструируются, а открываются в археологическом материале и в этом смысле существуют априорно.

Мальмер усовершенствовал технику археологического картографирования и построения корреляционных полей, устранив по-новому субъективность определения средоточий: не подсчетом математических коэффициентов, а наглядно — вычерчиванием *изорифм*. В цифровую характеристику сети — основы изорифм — Мальмер ввел *индексную поправку* на степень изученности района. Реабилитация и усовершенствование типологического метода, *интеграция его с методикой С. Мюллера* — еще более значительное достижение Мальмера. Грандиозное по объему исследование Мальмера содержит фундаментальные теоретические обоснования методов и характеризуется высокой логической и математической насыщенностью. «...Если археология не придерживается законов логики, то она не наука», — пишет Мальмер (1962: 806).

Конечно, стремление к высокой точности и логической строгости исследований само по себе полезно — так же, как поиски новых возможностей внедрения математических приемов в археологию. Но у Мальмера борьба за *содержательную объективность* результатов исследования в значительной

части подменяется борьбой за *формальную строгость и точность* мыслительных операций. Главным средством обеспечения объективности исследований провозглашена *логическая четкость дефиниций* — но ведь это не гарантирует их объективности!

Дефиниции. По этому вопросу Мальмер выдвигает следующие методические требования.

1. Всем типам, культурам и т. п. должны быть даны дефиниции, которыми проводятся четкие границы и которые не могут быть заменены описаниями.
2. Дефиниции должны быть словесными и не могут быть заменены рисунками, фото и т. п.
3. Дефиниции должны быть выделены в тексте, чтобы читатель ясно понимал, где начало дефиниции и где конец.
4. Дефиниции должны строиться на количественной определенности параметров и исключать неопределенные выражения («больше», «меньше», «около», «очень» и т. п.).
5. Дефиниции должны включать в себя только элементы, полученные объективной регистрацией, и исключать субъективные впечатления («совершенный», «изящный», «лучше» и т. п.).
6. Формулировки дефиниций должны быть столь полными и ясными, чтобы не оставалось сомнений в принадлежности вещи к тому или иному типу.
7. Дефиниции должны быть настолько взаимоисключающими, а границы столь резкими, чтобы вещь не могла относиться одновременно к двум смежным типам.
8. В своей совокупности дефиниции должны покрывать весь наличный и возможный материал данной категории, не оставляя каких-либо объектов вне учета и вне сформулированных определений.
9. Дефиниции должны предварять исследования, или, выражаясь словами Мальмера, «дефиниция должна идти первой» (Malmer 1963: 254).
10. Дефиниции условны и должны оставаться такими. Их объем исследователь устанавливает произвольно, не будучи связанным какими-либо априорно существующими в материале границами и не будучи обязанным мотивировать свои границы.

Первые три дефиниционных требования Мальмера вполне приемлемы и полезны. Четвертое и пятое приемлемы с некоторыми оговорками: не надо приравнивать приблизительность к неobjективности и полностью заменять качественные определения количественными (например, в различении кремневых топоров, оббитых, шлифованных и полированных). Доступными

объективной регистрации у Мальмера объявлены только количественно измеримые явления, что также неправомерное упрощение. Три его последующих дефиниционных требования сводятся к тому, что отвергается возможность трактовать какие-либо объекты как промежуточные, переходные, связующие звенья между группами. В решении отдельных задач аналитической классификации эти требования могут быть уместны, к таксономической же классификации (особенно генетической) они неприменимы и являются производными от двух последних требований Мальмера. Эти, однако, совершенно неприемлемы.

Принцип словесной дефиниции, предваряющей исследование, напоминает Библию: «Вначале бе Слово». И не случайно — это принцип идеалистический.

Можно проштудировать всю без малого тысячу страниц основной книги Мальмера, и ни на одной из них не найдется и намек на конкретное обоснование его формально безупречных дефиниций. Для Мальмера типы не открываются в материале, а создаются из него исследователем. «Тип возникает в тот момент, — учит Мальмер, — когда для него формулируют точную дефиницию» (Malmer 1962: 881). И начинается с дефиниций. Предшествующий этап — этап выявления типов — у него попросту выпадает.

Вместе со своим союзником в этом вопросе, Джеймсом Фордом (1962), давшим мотивировку этой позиции моделью (но не реальностью!), Мальмер игнорирует реальную дискретность археологического материала, полагает допустимым кроить его и перекраивать по своему разумению. Почему? Ведь сам-то он стремится к объективности! А получается, что, выгнав субъективизм в дверь, он тут же пускает его во все окна.

Дело в том, что реальные границы в материале оказываются не всегда резкими и четкими, они часто расплывчаты. А границы дефиниций должны быть резкими, четкими. Не в силах выйти из этого противоречия, Мальмер вообще оторвал границы дефиниций от реальных: пусть будут условными, но четкими. Между тем выход был бы в построении методики, способной выявлять и формулировать реальные границы *во всей их размытости*, а также «переводить» их в резкие границы путем «сужения» расплывчатой полосы в линию (подобно генерализации кривых). Существенным средством выявления таксономически значительных типов была бы корреляция признаков.

Система Мальмера внутренне противоречива: стремление к объективности археологии и признание реальности каждой отдельной находки не вяжутся с убеждением в принципиальной субъективности, искусственности связей между находками и соответствующих этим связям понятий — типов и культур.

По собственному признанию (Malmer 1963: 93), Мальмер не в силах «сформулировать решающий аргумент» против «эмпиризма» (т. е. материализма).

Предвзятые идеи. Мальмер полагает, что его методика закрывает доступ в исследование предвзятым идеям. Однако ни теоретически, ни практически это не подтверждается. Принцип произвольности проведения границ типов и культур (формально строгими, но содержательно произвольными дефинициями) открывает дорогу субъективизму, а формальная четкость операций и насыщенность их математическим аппаратом лишь придают исследованию видимость сугубой объективности.

На практике Мальмер использует свою методику для доказательства автохтонности шведско-норвежской культуры боевого топора, в полном соответствии с духом времени и игнорируя несомненные свидетельства миграции (отсутствие здесь прототипов при наличии их в материковой Европе, подвижность населения, период запустения между мегалитической и этой культурами в Дании и др.). Сначала он даже был уверен в миграционном происхождении этой культуры. «...У меня не было при работе никакого предвзятого мнения, — пишет он. — Или вернее: у меня было предвзятое мнение, но я от него отказался» (Malmer 1965: 200). И что же? Он заменил его менее реалистичным, но столь же предвзятым мнением, только не своим, а ходячим — популярной ныне презумпцией автохтонности. Между тем для оценки справедливости идеи не имеет значения, была ли она у исследователя до полной проработки фактов или заимствована им у другого исследователя, взята из старого арсенала науки, из расхожих модных мнений или придумана им лично наново. Имеет значение другое: подтверждается ли она фактами, вытекает ли из их анализа теперь, законно ли вытекает.

Разрабатывая логические средства предохранения от предвзятости, Мальмер оставил в стороне социально-психологический аспект задачи, которым занялся норвежец Г. Ёсинг (G. Gjessing). Свою полемику с этим ученым в *Curent Anthropology* (vol. 8, 1968: 415–417; vol. 16, 1975: 333; vol. 18: 30) я предполагаю обобщить в отдельной статье.

Послесловие 2008 г.

В этой статье 1978 г. содержалось новое историографическое положение (для научного статуса норманизма важное) о том, что норманизм является ответвлением не *расизма*, как у нас утверждалось, а *миграционизма* и угас вместе с ним. Миграционизм у нас тоже считался раньше реакционным и враждебным течением, совершенно недопустимым, но эта его травля к концу 70-х годов была уже изжита. Более того, к этому времени на Западе разгорелась критика миграционизма и общее увлечение автохтонизмом, а у нас после сталинского отвержения марровской «теории стадиальности» как раз стала пробиваться критика обязательного повсеместного автохтонизма, и реконструкция миграций стала сначала позволительной применительно к миграциям с нашей территории на другие, потом и извне на нашу землю, но только с территориями соседних дружественных государств, а под конец и с любых других. Я констатировал это в своей «Панораме» (Klejn 1977: 14) Таким образом, включение норманизма в широкое течение миграционизма превращало норманизм в часть дозволенного методического приема.

Что же до расистской составляющей в норманизме, то она (как и в других миграционистских концепциях, например косинновской — см. Klejn 1974; Клейн 2000), не отрицалась и не отрицается, но ограничивается последними ступеньками «лестницы норманизма» и остается в давней истории науки и за пределами современной науки.

На базе критики обязательного автохтонизма, ставшего очень популярным в мировой археологии, у нас развилось увлечение реконструкцией миграций (снятие запретов всегда приводит к таким увлечениям), которое мне представляется естественным и положительным явлением. Я назвал его *субмиграционизмом* (Bulkin, Klejn & Lebedev 1982; Клейн 1993: 33; Klejn 1997: 91), чтобы отличить от миграционизма прежних лет, почившего в бозе. Субмиграционисты, к которым я и себя отношу, не разделяя принципиальных установок диффузионизма-миграционизма (уникальность открытий, биологическое превосходство одних народов над другими, неизбежность культуртрегерства и т. п.), не сводя все причины культурных изменений к миграциям, отвергают повсеместный автохтонизм, отводят миграциям важное место в истории и старательно выявляют внешние корни местных археологических явлений, полагая, что, не выявив, где проходил культурно-исторический процесс, кто конкретно в нем участвовал, нельзя и понять, как он проходил.

VI. Конец дискуссии?

Предварительные замечания

В 1995 г. по инициативе Г. С. Лебедева мы отметили тридцатилетие дискуссии по норманнскому вопросу торжественной сессией на историческом факультете (Лебедев 1996). Выступали Г. С. Лебедев, Е. Н. Носов, молодые участники семинара, присланы были доклады из Германии и Норвегии. Для своего доклада «Норманизм — антинорманизм: конец дискуссии» я подновил свой текст выступления на самой дискуссии (ведь он тогда еще не был опубликован), с ним и выступил, чтобы дать представление о нем молодым участникам. В этом виде я его и опубликовал в подборке материалов этой юбилейной сессии в «Стратуме-плюс» в 1999 г. (Клейн 1999). Поэтому я здесь не привожу этого текста.

Он содержал такие главы: Дискуссия 1965 г., Вопрос о дефиниции, Лестница в преисподнюю норманизма, Первые ступени, Четвертая ступенька, Пятая ступенька, Последние ступеньки и Конец дискуссии. Ступеней было сформировано больше, чем в неизданной книге 1960 г., где последние ступени не были даны в списке, хотя и указаны в тексте, и больше, чем в моем выступлении на дискуссии 1965 г., потому что я исправил ошибку этого выступления, где я пропустил отдельную ступеньку для создания государства (хотя она и была в книге). Ступень пятая теперь формулировалась так: «Варяги создали первое восточнославянское государство»; на ступеньке шестой причины важной роли норманнов в Восточной Европе трактовались как природное, т. е. расовое превосходство, а на ступеньке седьмой шла речь о политических выводах к современности.

Суть последней главы четко отражена в ее названии — «Конец дискуссии». Только эта последняя глава заслуживает перепечатки здесь, поскольку она содержала новую трактовку проблемы. Итак, после изложения «лестницы норманизма» и степени одиозности разных ее ступеней шел следующий текст.

Конец дискуссии

Такова была позиция, занятая нами три десятилетия назад. Мы утверждали, что из всей «лестницы норманизма» лишь две последних ступеньки неприемлемы, лишь ступая на них, исследователь оказывается норманистом. Но таких очень мало, добавляли мы.

Теперь мы можем честно признать: таких в науке вообще не было и нет. Тогдашняя наша позиция была вынужденной. Это был всего лишь тактический прием, обусловленный привычной одиозностью термина и неизбежностью идейной борьбы с Западом. Советская наука была нацелена на разоблачение противников на Западе, и их непременно надо было отыскать и обозначить. От них надо было дистанцироваться, иначе вы сами попадали «в объятия буржуазной науки». *Норманизм* был таким жупелом, и мы понимали, что придется сохранить это понятие в историографической системе. Мы старались лишь сжать его до предела, сделав по сути бессодержательным, поскольку реально под него не попадал никто. Тем самым мы стремились обеспечить свободу исследований.

Что ж, ликвидация советского режима привела к тому, что свобода исследований стала полной. Ныне вряд ли можно сомневаться, что норманизм был просто пугалом, созданным антинорманистами для подтверждения их необходимости. Вот *антинорманизм* — это реальность. Но реальность, имеющая корни скорее в психологии и политике, чем в науке.

Что касается содержания двух последних пунктов искусственно сконструированной норманистской схемы, то я по-прежнему отвергаю расовую, генетическую неспособность русского народа к созданию и совершенствованию государственной организации. Исторический опыт показывает, что любой народ способен к неожиданным свершениям, и русский народ, вобравший в себя многие другие, показал немало таких свершений. В то же время теперь каждому очевидно, что на основе исторической традиции в нашем национальном характере выработались черты, заставляющие народ бросаться в крайности — от личной диктатуры к беспорядку и обратно. Мы по-прежнему выбираем не разумом, а эмоциями, не программу, а личность. Мы консолидируемся лишь перед лицом смертельной опасности. Слишком часто мы оказываемся жертвой дезорганизованности. Нам не хватает систематичности в работе,

внутренней дисциплины и уважения к закону. Чтобы преодолевать эти особенности, нужны время и трезвое самосознание. А в этом не последнее место занимает осознание сути и роли антинорманизма.

И. П. Шаскольский в 80-е годы считал, что антинорманизм был течением дореволюционной российской науки и умер с ее отпрысками в эмиграции. Почему антинорманизм существовал только в российской науке, Шаскольский объяснить не мог. Советскую войну против норманизма он не считал антинорманизмом (Шаскольский 1983). И напрасно. Никаких принципиальных отличий от дореволюционного антинорманизма марксистские объяснения корней государства не вносят. Ведь спор шел не о том, *как*, а о том, *кто*. Но мертв сейчас и советский антинорманизм.

Антинорманизм как научная концепция давно мертв. Антинорманизм как позиция будет возрождаться не однажды. История с нами, история в нас.

Послесловие 2008 г.

С тех пор, как эти слова были сказаны, прошло больше десятилетия, с тех пор, как были напечатаны, — почти десятилетие. Но ситуация в России изменяется очень быстро. Подавляющее большинство специалистов по-прежнему остается сторонниками непредвзятого исследования истории Древнерусского государства, как и вообще истории, и спокойно относится к выявлению роли норманнов в этом процессе. Но те, кто хотел бы закрыть любое изучение этой темы, кроме осудительно-разоблачительного, заметно выросли в количестве, и в их число вошел директор головного института истории Академии наук. Я по-прежнему считаю истоки этого направления внеаучными и антинаучными, но приходится считаться с тем, что оно, оказывается, живет в науке.

Чрезвычайно интересна реакция современных антинорманистов на нашу коллективную работу 1970 г. и на все, что за ней последовало в археологии. Современный антинорманизм отличается тем, что антинорманисты ударились в крайность — вернулись на позиции Ломоносова: отвергают скандинавское происхождение варягов, отвергают тот факт, что это норманны. Пусть норманны тогда нападали на всю Европу, захватывали земли в Англии и Франции, нападали на итальянские и испанские города, доходили до Византии. Россия (точнее, территория будущей России) должна была оставаться для них недоступной. Здесь их не было, не могло быть, не должно было быть! Варяги — это кто угодно, но не норманны!

Наша коллективная работа наглядно опровергает эту блаженную «ультрапатриотическую» убежденность. Вот они, скандинавы, лежат в своих могилах со своим оружием, вот подсчеты их процентного количества в разных районах. По-видимому, именно современный вклад археологии, выбивший последние опоры из-под антинорманистских построений на средних ступеньках лестницы, привел антинорманистов к необходимости вернуться к оставленным исходным рубежам.

Поэтому в статье «Кривые зеркала норманизма» современный лидер антинорманизма В. В. Фомин прежде всего отвергает значение археологии для решения норманнского вопроса вообще.

«В 1960-х гг., — пишет он, — А. В. Арциховский серьезно заблуждался, полагая, что "варяжский вопрос чем дальше, тем больше становится

предметом ведения археологии... Через несколько десятков лет мы будем иметь решения ряда связанных с варяжским вопросом загадок, которые сейчас представляются неразрешимыми". ... 40 лет уже минуло после столь оптимистического прогноза ученого, предрекавшего решение археологами "ряда связанных с варяжским вопросом загадок". Но этого не произошло» (Фомин 2003: 115).

И Фомин ссылается на мнение Авдусина, констатирующего в 1988 г. «топтание на месте и даже возврат на старые позиции».

Причину этих печальных обстоятельств давно установил (по мнению Фомина, правильно) А. Г. Кузьмин, констатирующий: археология стала «главным прибежищем норманизма» («Откуда...» 1986, 2: 27; Фомин 2003: 115–116). Так вот в чем дело! Археология-то дала решения, но они оказались не теми, которые нужны! и антинорманистам остались «топтание на месте и даже возврат на старые позиции».

Поэтому Фомин тщится доказать, что археология вообще не имеет средств для этнического определения древностей, а следовательно, все подсчеты Клейна и его соавторов нужно отвергнуть.

«Но, как уверяют археологи Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко, определение скандинавского происхождения многих категорий вещей "не представляет собой трудности», что полностью изобличает их тенденциозность" (Фомин 2003: 115). Фомин понимает, что, не будучи археологом, «полностью изобличить» нас он не может, поэтому ссылается на археологов Авдусина и Дубова, которые пишут, что такое этническое определение — задача трудная. Напрасно В. В. Фомин не обратился к моим работам (например, Клейн 1969, 1970 или Klejn 1974) — он нашел бы гораздо более развернутые и радикальные изложения того же тезиса. Вопрос только в том, что для разных эпох и обстоятельств эта проблема решается по-разному. В некоторых эту задачу решить не просто трудно, а невозможно. В других — возможно, в третьих — нетрудно.

В качестве *coup de grace* Фомин ссылается на моего бывшего студента Рафа Минасяна.

«Археолог Р. С. Минасян констатирует, что этническая атрибуция археологических находок в Северо-Западной Руси не всегда убедительно обоснована. Отсутствие "надежных этнических индикаторов, — прямо пишет он, — позволяет манипулировать археологическими памятниками в зависимости от концепции того или другого исследователя"» (Фомин 2003: 115; 2005: 163).

Р. С. Минасян, сотрудник Эрмитажа, специализировался на изучении сельскохозяйственной техники Северо-Западной Руси. В этой сфере материальной культуры действительно очень трудно уловить этнические различия. Совсем иное дело, когда речь заходит о специфических украшениях, например височных

кольцах женского убора, по которым еще А. А. Спицын выявлял не только славянскую принадлежность, но и принадлежность к конкретным племенам — полянам, древлянам, вятичам, кривичам. Арциховский детально изучал именно вятичей, Рыбаков — радимичей. Скандинавские женщины носили очень специфические черепаховидные фибулы с плетеночным орнаментом, и эти фибулы славянки не только не носили, но и носить не могли: как и указывал Арне, им нечего было скреплять в славянской одежде. Одежда норманнских женщин была типа плаща, скрепляемого на плече, славянки же надевали рубаху с поясом, поверх рубахи поясную поневу; а верхней одеждой служила халатообразная свита. Норманские воины носили на шейной гривне амулеты в виде молоточков Тора (Тор — это был их бог грома, его атрибут — боевой топор). У славян богом Грома был Перун, и ему приписывались лук и стрелы. И так далее.

Еще прочнее связаны с этносом были в это время погребальные обряды. Для норманнов были характерны погребения в ладье, выкладка камнями ладьи на земле, камерные могилы в виде срубов. Славяне же хоронили покойников иначе — под длинными курганами, а то и вовсе без насыпи. Если урну с прахом покойника ставили на земле или «на столпе» — это славянин, если на треугольной каменной или глиняной вымостке — это скандинав.

Вспоминается веселая находчивость Арбмана. Когда во время его визита в Ленинград в 1964 г. на дискуссии в нашем семинаре ему указали на отсутствие антропологических доказательств норманнского компонента в нашем населении, он широким жестом показал на сидевших рядом высоких белокурых молодцов — В. Булкина, Ю. Пиотровского и еще нескольких — и воскликнул: «Da sind sie, die Beweise!» («Вот же они, доказательства!»). Это была, конечно, шутка, встреченная общим смехом. Но теперь антрополог С. Л. Санкина дотошным анализом показала наличие среди древнерусских черепов определенно скандинавских (Санкина 2000: 80–91; 2002; 2005). Ныне появились и более точные, генетические методы определения, которые можно будет приложить к материалам нашей территории.

Фомин (2003: 115) заключает свой «разгром» нашего вклада такой фразой: «В целом, в археологии в методах обработки “варяжского” материала ничего не изменилось со второй половины XIX в. ...». Смешная иллюзия. Я могу его утешить: не изменилось только в его знаниях.

В той же статье Авдусина, на которую ссылается Фомин, есть, пусть и запоздалая и увертливая, но все же несомненная реакция на наши работы:

«Новые материалы Гнездова (новых курганов не было, новыми были только наши работы! — Л. К.) позволили мне пересмотреть свое мнение о числе скандинавов в Гнездове: их оказалось во много раз больше, чем предполагалось раньше» (Авдусин 1988: 30).

Упомянутая во введении журналистка-антинорманистка Васильева (1999) ужасается: «Вот это да! Так радикально пересмотреть свое мнение, и в такую сторону... и что мы теперь видим? о ужас! Из Гнездовского могильника поднимаются призраки норманнов-скандинавов...» Васильева издевается: «Ну так уж прямо во много раз их оказалось больше. Почему же раньше этого не замечали? Оказывается, тогда давил дух времени».

И она снова цитирует Авдусина:

«Было сочтено возможным погребение в ладье признать славянским обрядом (многие археологи доныне считают этот обряд славянским, особенно если речь идет о погребении руса, описанном Ибн Фадланом), однако такое мнение ошибочно: это скандинавский обряд, если речь идет о Руси» (Авдусин 1988: 30).

«Какой-такой дух времени? — возмущается Васильева. — За норманизм, что, сажали в лагеря?!» Она отказывает покойному Авдусину в чести считаться антинорманистом: он переметнулся. Потому что вот сейчас как раз именно и есть давление сверху в пользу норманизма, полагает она.

Ей непонятна простая вещь: сколь бы ангажированным ни был профессор Авдусин, он был профессионалом-ученым, и давления научных аргументов, весомости предъявленных фактов он выдержать не мог. Для Васильевой же существуют только правила войны: тут наши, там враги, не сдаваться, уступка противнику — предательство. А истина — это то, что в нашу пользу и в нашем понимании.

Итак, антинорманизм жив.

Более того, само его наличие в российской науке (и больше нигде), хотя и постыдно, но — если отсеять его претензии на монополию и на обличения инакомыслящих — даже полезно. Полезна его критика слабых мест норманнской трактовки варягов и Рюрика, полезны некоторые вклады в историографию (выявление раннего «норманизма» шведских историков, известное еще Кунику, но забытое) и в изучение этнической истории Древней Руси (значение кельтского компонента в норманнской культуре, западнославянские связи древнерусских городов). В исследованиях нужно учитывать эти и другие положения антинорманистов, невзирая на их психологические и политические мотивы.

Я бы решительно возражал против запретов на антинорманизм. Работы антинорманистов, безусловно, нужно печатать и читать. Желательно только добиваться от них соблюдения научной этики. Желательно дать им понять, что для них же лучше избегать брани и политических обвинений в адрес своих оппонентов, даже если позиции последних неизмеримо сильнее. Очень хотелось бы, чтобы моим преемникам не пришлось прибегать к той аргументации, к которой пришлось использовать мне в дискуссии 1965 г.

VII. Современный антинорманизм — три итоговых тома

Предварительные замечания

За время, истекшее с момента преждевременного окончания дискуссии, антинорманизм проявил себя главным образом публикацией трех заметных томов:

1. Аполлон Григорьевич Кузьмин успел перед смертью выпустить итоговый том «Славяне и Русь. Проблемы и идеи: концепции, рожденные трехвековой полемикой». Том этот к 1999 г. вышел в трех изданиях.

2. Возобновленное в 1999 г. дореволюционное издание сборников Русского исторического общества озаглавило свой 8-й (156-й) том «Антинорманизм». Том вышел в 2003 г. Его инициатором был О. М. Рапов (его памяти и посвящен том), а научным редактором тот же А. Г. Кузьмин.

3. Вячеслав Васильевич Фомин опубликовал в 2005 г. свою книгу «Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу». Он посвятил ее памяти своего учителя А. Г. Кузьмина.

Очевидно, чтобы представить себе реальное научное значение этой реставрации антинорманизма, нужно рассмотреть эти три тома.

Хрестоматия Кузьмина

Собрание отрывков («извлечений») из статей и книг разных авторов по проблемам древнерусской истории А. Г. Кузьмин выпустил в 1998 г., и к 2001 г. оно выдержало четыре издания. В самом деле, хрестоматии такого рода нужны для преподавания в высшей школе. Вопрос только в том, проясняют ли собранные отрывки проблему или запутывают. Все отрывки сгруппированы в два больших раздела — по проблеме происхождения славян и по варяжской проблеме. В данном рассмотрении я, естественно, ограничусь только вторым разделом, неточно названным «Борьба за киевское наследие» (можно подумать, что речь идет о русско-украинском споре).

На 270 страницах представлены фрагменты 25 работ, из которых около 16 принадлежат антинорманистам (Ломоносов, Венелин, Гедеонов, Васильевский, Кузьмин и др.), еще несколько (Рыбаков, Шаскольский) должны быть тоже отнесены к антинорманистам, но по придирчивому отбору Кузьмина считаются норманистскими, а пять — отданы «отпетым» норманистам (Погодин, Бартольд, Покровский, Клейн с соавторами, Лебедев). Мне лестно, что составитель не обошел мою работу и моих учеников, но выборка явно не репрезентативна. Ни Миллер, ни Куник, ни Томсен, ни Арне, ни Арбман, ни Шахматов, ни Пашуто, ни Мельникова с Петрухиным в хрестоматии не представлены. Впрочем, не представлены и некоторые видные антинорманисты (Иловайский, Забелин, Костомаров, Тихомиров, Греков), как и норманисты по классификации Кузьмина (на деле антинорманисты: Лихачев, Мавродин, Авдусин). А главное, сам же составитель признает, что в настоящее время норманистские взгляды (по его классификации) в науке преобладают. А представлено все наоборот. Словом, общая картина состояния науки получается очень искаженной.

Да и сама классификация участников спора по принципу «все, кто не с нами, — против нас» разрезает истинный континуум взглядов. Ведь на деле есть много точек зрения, а не два лагеря. Так что и в этом вопросе полемика изображена искаженной. Для представления и защиты собственной концепции (своей и своих сторонников) все это логично и правомерно, хотя и не очень солидно, но для учебного пособия совершенно не годится.

Поскольку каждая работа представлена фрагментом, то нередко положения выглядят недостаточно аргументированными и оставляют впечатление

недосказанности. А помещены фрагменты в хронологическом порядке, вперемежку норманистские с антинорманистскими, и не как полемика: Ломоносов есть, а Миллера нет, Погодин есть, Костомарова нет, Гедеонов есть, но Куника нет, Брайчевский с фантастическим аланским прочтением русских названий порогов приведен, а скандинавских расшифровок нет, и т. д. В результате в голове у читателя остается каша и ощущение, что ничего не ясно. Нет даже впечатления, которого, вероятно, добивался составитель: что чаша весов склоняется в сторону антинорманизма, что те, кто предполагает заметное участие норманнов в жизни Руси, — норманисты, сторонники зловердного подрывного учения с политическим подтекстом. И то, что этого впечатления не получается, пожалуй, лучшее, что можно сказать об этой хрестоматии.

Как раз наша работа (моя и соавторов) представлена достаточно содержательным фрагментом. Также и работы академиков Васильевского и Бартольда. Но многие фрагменты (Талиса, Ширинского, Березовца и др.) вообще имеют весьма слабое отношение к полемике и приведены только потому, что какой-то стороной могут пригодиться А. Г. Кузьмину для поддержки его собственных гипотез.

Все фрагменты снабжены примечаниями, предисловиями или послесловиями составителя. Как это выглядит, поясню разбором его послесловия к фрагменту из нашей статьи. После наших подсчетов процентных соотношений норманнских, финских и славянских древностей на территории Руси он не отвергает наших цифр, а лишь задает коварные вопросы, долженствующие подорвать доверие к этим цифрам:

«Авторы, например, не задавались вопросом, вставшим уже перед С. Гедеоновым, почему даже в областях, где норманны, якобы, и численно преобладали над славянами, да и появились (как на Верхней Волге) намного раньше славян, мы не находим "следов" германских языков, а "варяжские боги" IX–XI вв. — это Перун и Велес, но никак не Тор и Один...» (Кузьмин 2001: 370).

Отчего же, задавались мы и этим вопросом. Но ответить на него нетрудно. И ответ был уже у Карамзина: при смешении языков дети усваивают тот язык, на котором разговаривает мать, а не отец, чаще отсутствующий дома. Среди пришельцев-варягов женщин было очень мало. Кроме того, очень скоро сказались и общее численное превосходство славянского населения. Что же до богов, то варяги, как я уже отмечал, были убеждены, что каждой страной распоряжаются свои, местные боги. Поэтому, прибывая в чужую местность, они снимали изображения своих богов с носов кораблей и прятали в трюм. На новом месте они поклонялись чужим богам. Это было тем более легко, что славянские языческие боги мало отличались от скандинавских, имея ту же специализацию.

«Далее. Почему, если считать шведскими камерные погребения в Киеве и Чернигове, здесь, в центре "Русской земли", распространяется в социальной верхушке лишь один из обрядов, представленных в Бирке?»

Ну, на это еще проще ответить. Потому что в вики отправлялось не все скандинавское население поголовно, а лишь небольшая и очень специфичная его часть — молодые воины. Они уносили с собой только те обряды, которые были свойственны именно им. Действовали, возможно, и особые правила обрядности, связанные с условиями смерти на чужбине. Кроме того, в Киеве и Чернигове обнаружена еще очень малая доля некрополя (недавно хорошо анализированная украинцами — см. Андрощук и Осадчий 1994; Андрощук 1999), нет уверенности, что выявлены все обряды, совершавшиеся там.

Кузьмин предпочитает другой ответ: «Не означает ли это, что в саму Бирку попала часть населения, родственного этнической группе "Русской земли", оставившей камерные погребения?» А на это ответ содержался уже в самой нашей работе (Клейн и др. 1970: 234, сн. 346). В Бирке это погребения особой социальной группы — военно-торговой знати, и там их более 100. Другой обряд (несомненно, норманнский) — погребения в ладье — представлен там только 96 могилами.

«Авторы, — пишет о нас Кузьмин, — придают большое значение северной ориентации погребенных в Киевском некрополе». Этому он противопоставляет мнение Э. А. Сымоновича о черняховской (!) эпохе, что «этот важнейший показатель культурных представлений ... известен у сармат и у кельтов». Черняховская эпоха отделена от Киевской Руси тремя-четырьмя веками, а ныне большинством исследователей отводится готам. Сарматы отделены от славян еще более значительным временем, а кельты — огромным расстоянием. Летопись ничего не говорит о призвании кельтов, о пути из кельтов в греки через нашу страну, о кельтской династии на Руси. Правда, Кузьмин хочет реконструировать именно кельтское нашествие на Русь (точнее, нашествие западных славян, якобы принесших кельтское наследие). Для этого он готов отождествить вагров с варягами, а ругов — с русью. Этой идее и должны служить все его комментарии и вся подборка «извлечений».

По Кузьмину и его сторонникам, все нашествия годятся (иранцы-сарматы, западные славяне, кельты) лишь бы не шведы... Экий застарелый синдром Полтавы! Между тем, с западными славянами (имею в виду поляков) были не менее острые военные столкновения, и даже было так, что поляки (единственные до Наполеона) в свое время оккупировали Москву!

Кузьмин делает оговорку: «Но само собой разумеется, что принятие или непринятие норманистской трактовки событий не должно строиться только на чувствах, пусть даже самых благородных. Никто же не станет отрицать

известный факт господства над Русью татаро-монголов на протяжении двух с половиной столетий! А разве не могло быть иначе (Кузьмин намеревался сказать: "так же". — Л. К.) в более раннее время? Конечно, могло. Но было ли?» (Кузьмин 2001: 370).

Золотые слова. Ну, так не надо трактовку, против которой вы выступаете, обзывать «норманистской». А что касается благородных чувств, то у кого-то нашествие западных славян четыреста лет назад и последующие войны с ними могут вызывать (несмотря на весь панславизм) более благородный гнев и более горький осадок, чем война со шведами трехсотлетней давности. Вот даже национальный праздник установили именно в честь освобождения от польской зависимости...

Антинорманизм в сборнике РИО

Сборник Русского исторического общества озаглавлен «Антинорманизм» не на титульном листе, а только на обложке и шмуц-титуле. По-видимому, решение выдвинуть антинорманизм как знамя пришло, когда сборник был уже готов к печати. На деле «Антинорманизм» — это лишь один раздел сборника, правда, первый и самый большой.

Пять статей этого раздела представляют собой историографически-критические описания норманизма, выдержанные в очень агрессивном, публицистическом и запальчивом ключе. Это А. Н. Сахаров «Рюрик, варяги и судьбы российской государственности»; В. В. Фомин «Кривые зеркала норманизма» и «Варяжский вопрос: его состояние и пути разрешения на современном этапе»; М. Каратеев «Норманнская болезнь в русской истории»; А. Г. Кузьмин «Облик современного норманизма».

В небольшой статье Сахарова никаких новых аргументов не содержится, пересказываются старые. Единственный смысл помещения этой статьи заключается в том, чтобы поразить «норманистов» весом автора (он членкор РАН и глава Института российской истории РАН), а единственная изюминка состоит в грубом шельмовании оппонентов с высоты административного поста. В любом цивилизованном государстве, директор института, позволивший себе так клеймить оппонентов, на завтра же должен был подать в отставку. А у нас подобные барские забавы (традиционные для советского времени) сходят с рук.

Статья доктора химических наук и эмигрантского писателя-романиста М. Д. Каратеева, тоже небольшая, перепечатана из журнала «Слово» за 1990 г. Соль этой статьи в том, что «норманнская теория» объявляется в ней построенной на «русофобском фундаменте», а русофобия приписывается всему русскому дворянству (все они любили выводить свой род из-за рубежа). Каратееву будто невдомек, что выведение родословных из-за рубежа — общая идея знати во всех странах (тем самым подчеркивается необычность, редкость рода). Историки же, продолжает Каратеев, из карьерных соображений угождали этому поветрию. Даже Иловайский лишь в частных работах отстаивал антинорманистскую истину, а в учебниках писал, «как надо». У нас эмигрантам всегда предоставляли лучшие места, а за границей нашим знатым и ученым эмигрантам приходилось работать таксистами. Причину Каратеев, сам эмигрант, видит в норманизме.

В небольшой статье «Варяжский вопрос» В. В. Фомин дает краткое изложение калининградской конференции 2002 г. о Рюриковичах и русской государственности. В другой, более пространной статье В. В. Фомин подробно излагает прегрешения всех, кто признает варягов норманнами: историков, исчисляющих варяжские войска многими тысячами, иностранных ученых, пишущих о «Великой Швеции» на Востоке. С особым гневом воспринимает Фомин предложение Д. С. Лихачева именовать нашу территорию тех времен «Скандославией».

Чтобы немного умерить его гнев, уточню, что предложение акад. Лихачева было направлено против именования нашей страны «Евразией» и планирования для нее некоего особого пути развития (обычно совпадающего с азиатским). Он отстаивал для страны путь европейской цивилизации (Лихачев 2004). А под «Великой Швецией» у Туре Арне и других имелось в виду не расширение границ Шведского государства до размеров огромной империи, а гипотеза о шведских поселениях вне первоначального очага — на манер именования Великой Грецией греческих поселений в Италии в античное время. Поэтому «Великая Швеция» на Востоке противопоставлялась «Малой Швеции» в Скандинавии.

Можно спорить о численности скандинавов в восточнославянских землях, о том, были тут поселения их или не было, но если переводить спор на «разоблачения» тайных мотивов оппонентов, то никакой научной дискуссии не получится. Кстати, гораздо проще именно за выкладками антинорманистов увидеть всего лишь национальные амбиции, ведь антинорманизм существует почти исключительно в России, тогда как «норманизм» (т. е. признание места норманнов в истории страны) — и там, и тут. О споре Фомина в этой статье с археологами, точнее с археологией, я уже писал в этой книге в другом разделе.

Статья А. Г. Кузьмина — самая большая из перечисленных. В ней покойный историк, перечислив вначале видных современных «норманистов» (а в норманисты у него попадают все, кто признает варягов норманнами, в том числе и те, кого раньше называли антинорманистами), подробно, раздел за разделом рассматривает их позиции, стремясь показать, что все это (филологи, археологи, востоковеды) люди, несведущие в истории. Кто-то из них не заметил такую-то статью в таком-то журнале, кто-то не обратил внимание на такую-то книгу или такого-то автора. Между тем, у Кузьмина речь идет об исторических трактовках фрагментарных и неоднозначных фактов, о гипотезах, выбор которых может быть разным. С исторической наукой этим людям приходится иметь дело всю жизнь, и если они предпочли не ту позицию, на которой стоит А. Г. Кузьмин, то это не по невежеству, а потому, что у этих специалистов, кроме сведений по истории, есть еще и специальные знания фактов и методов своей особой сферы знания, необходимой для решения вопросов

о варягах, и эти факты и методы побуждают их не соглашаться с «единственно истинной» трактовкой Кузьмина.

В частности, Кузьмин и все его сторонники всегда исходят из абсурдности идеи о происхождении имени Русь из финского руосси, а того термина — из шведского названия гребцов «родс». Антинорманисты с упоением все снова и снова пишут о трудностях филологического выведения этнонима из шведского (мол, должно получиться «ручь» или «руць», а не «русь», и т. п.). Как пишет Кузьмин, эстонское «роотс» вообще значит «черешок», «стебель». «Между тем, по убеждению Е. А. Мельниковой, именно “гребцы” и “черешки” создали Древнерусское государство» (Кузьмин 2003: 221).

Однако, во-первых, трудности давно преодолены. Есть несколько вариантов безупречного выведения слова «русь» из шведских корней. Во-вторых, как бы ни выводился термин, важно, что у финнов и эстонцев он бытовал. Что они называли так шведов. «Шведы сами себя так не называли», — сразу же вскидываются антинорманисты. Верно, но и немцы себя ни немцами, ни германцами не называли. И венгры себя зовут не венграми, а только мадярами. А цыгане себя — ромеями. Первоначально термин «русь» вообще не был этнонимом. Он обозначал определенную социальную группу, которая в дальнейшем, захватив власть, стала обозначать государство и народ. «Этноним заимствуется у победителей», — возражают антинорманисты, а тут термин не дали ни победители, ни побежденные, а только соседи. Ничего странного, норманнов восточные славяне узнали впервые от своих северных соседей финнов, которые звали тех руосси. Славяне, по нормам своих языковых отношений с финнами, восприняли это как «русь» и как этноним, еще не ожидая, что это станет впоследствии их собственным самоназванием.

А вот, столь строго подходя к филологическим тонкостям выведения этнонима «русь» из скандинавских корней, свои собственные этнонимические ассоциации антинорманисты совершенно не подвергают филологической проверке. Вагры у Кузьмина равнозначны варягам, рутены и руги — руссам, не говоря уже о росах. Между тем нет никакой возможности превращения рос в русс на славянской почве, хоть эти слова так схоже звучат. Филологически этот вопрос закрыт. Что уж говорить о ваграх и ругах. Вагры столь же чужды варягам, сколь верагры, вардулии, варины, валлоны, вандалы и многие другие ва-. Если рутенов, ругов или ругиев ассоциировать с руссами, то почему не рутулиев, рутиклеев и, конечно, роксоланов?

Для ранних антинорманистов, которых так любят доставать из забвения современные антинорманисты, все это было возможно, нормально, научно (и впрямь почти на уровне науки того времени). Но с тех пор лингвистика выработала множество законов, с которыми приходится считаться при

сопоставлениях. Не считаются с ними — сугубый дилетантизм, какими бы титулами авторов это ни было украшено. И каким бы количеством сносок ни сопровождалось (у Кузьмина сноска 112, у Фомина — 259).

Кроме публикации лежавшей с начала XIX в. рукописи Ю. И. Венелина (Георгия Гуци) «О происхождении славян» и сопровождающей статьи Ю. В. Кулиненко в сборнике есть и несколько статей по конкретным вопросам темы. В статье, посвященной терминологии летописей, Фомин доказывает, что выражение «за морем» в определении местожительства варягов, которое обычно понимается как Скандинавия (за Балтийским морем), можно трактовать и более широко: далеко, за рубежом, «за бугром». Можно. Вопрос только в том, как трактовалось в каждом конкретном случае. В статье Кузьмина автор стремится доказать, что не только восточнославянская земля называлась Русией, но и земля западных, южнобалтийских славян и Юго-Восточная Прибалтика: Ругия, Рутения или Русия, которая и есть варяжская Русь. Из путаницы терминов в западных источниках выводится стройная концепция. Но ее стройность наложена на путаницу источников из авторских представлений. Других оснований у нее нет.

В маленькой заметке «Знаки Рюриковичей и символ сокола» О. М. Рапов представил любопытную генеалогию знаков Рюриковичей, возводящую иконографию знака к изображению сокола вниз головой. Значение этой идеи для антинорманизма, вероятно, в том, что Рюрика антинорманисты связывают с южнобалтийскими славянами, где жили рароги, а рарог — западнославянское обозначение сокола и отдаленно созвучно слову Рюрик. Надо отдать должное Рапову, в его заметке этого «осмысления» нет. Но, если сравнить заметку Рапова с детальными разработками С. В. Белецкого (2000; 2008а; 2008б), станет ясно, что идею Рапова принять невозможно: она основана на поздних трактовках изображений и случайных деталях. Ранние двузубцы Рюриковичей выглядят иначе и коренятся в еще более ранних хазарских знаках.

Небольшая же заметка В. В. Эрлихмана «Русы и варяги в Восточной Европе (IX–XII вв.)» выдержана в антинорманистском ключе, но написана сдержанно, без запальчивости. Она просто излагает суть возможных решений спорных вопросов с предпочтением антинорманизма.

Особо нужно остановиться на статье шведской исследовательницы Л. Грот, перепечатанной из кировского сборника «Шведы и русский Север» 1997 г. Статья называется «Мифические и реальные шведы на севере России: взгляд из шведской истории». Эта статья преподносится как коронный аргумент: антинорманизм поддержан шведкой, при том норманисткой! Она лучше нас знает Швецию — и вот же, поддержала истину! По словам Кузьмина (2003: 209, 232), «освежающий ушат», «он буквально утопил наших норманистов в холодных водах Балтики». Что же содержится в этом ушате?

Грот констатирует, что имя Рюрик отсутствует в шведских именословах, а имена Helge (от которого производят имя Олег) и Helga (Ольга) засвидетельствованы только с XIII в. и переводятся «святой», «святая». Поскольку христианизация Швеции произошла в конце XI — начале XII вв., имена от слова «святой» могли появиться у шведов не раньше этого времени. А так как Олег на Руси действовал раньше, в IX — начале X вв., то имя он никак не мог получить от шведских родителей. Наоборот, из славянского мира это имя и поступило к шведам, как позже имя Святополка, внука Ярослава Мудрого, ставшее шведским Svanteþolk (из-за того, что дочь Святополка Ингергерд стала шведской королевой). Правда, славянское имя Святополк, хорошо понимаемое славянами, так и осталось в Швеции чужим именем, фонетически не измененным: на шведском оно ничего не значит. А славянское Олег, которое ничего не значит как раз на славянском, почему-то на шведском утратило свое фонетическое звучание и превратилось в сильно измененное Хельге, которое как раз на шведском имеет смысл.

К тому же эта странная гипотеза сразу же наталкивается на зубодробительный факт. В «Еврейско-хазарской переписке X в.», датированной 940 г., «царь Руси» именуется «Х-л-г», что расшифровывается как «Хелге» или «Хелгу». Это либо тот самый Олег-Хелге, либо его современник и тезка. Стало быть, имя и тут звучало по-скандинавски. Для объяснения этого противоречия Грот придумывает дополнительную гипотезу, и вовсе вычурную: какой-то гот-переводчик из Крыма, знавший славянскую речь, перевел эпитет из титулатуры славянского царя «свет» («светлый»), засвидетельствованный арабоязычным Ибн-Русте (903 г.), на готский для себя, но спутал два близких по звучанию славянских слова «свет» и «свят», потому у него получилось «Хелге». Этим и воспользовались евреи и хазары в своей переписке. Я не антинорманист, поэтому меня эта сложная конструкция не убеждает. Вообще в теории гипотез те гипотезы, для которых нужны вспомогательные гипотезы, считаются слабыми. А тут целый пучок вспомогательных гипотез: гипотеза о крымском готе, переводящем со славянского, гипотеза о «свете» из титулатуры, гипотеза о путанице, гипотеза о хазарских иудеях, общающихся с крымским готом, знающим славянский, но путающим слова...

Видимо, шведские именословы в своей ранней части оказались неполными. К тому же королевские династические имена и вовсе приходится оставить: и Олег, и Ольга не были королевского рода. А слово Helge, как признает и сама Грот, до принятия христианства в шведском, по-видимому, существовало и означало «счастливый», хотя и понятие святости отнюдь не с христианством вошло в обиход — сакральными были и языческие вещи и фигуры.

В таком ушатом норманистов не утопить.

Итоговый труд Фомина

Почти пятисотстраничный том Фомина «Варяги и варяжская Русь» состоит из семи глав. Первая глава «Зарождение норманнской теории в западноевропейской историографии XVIII в.» посвящена доказательству того, что основателем норманнской теории был не Байер и даже не Миллер, до Байера выдвинувший те же факты, а швед Пер Перссон (Петр Петрей), придворный историограф Карла IX. Все это дотошный Фомин (надо отдать ему должное) вытащил на свет божий. Тем самым зарождение норманизма приобретает смысл особой политизированности. Байер и Миллер как-никак немцы, а родство немцев со шведами не было еще в XVIII в. общей истиной. Немцы были вроде как третьей стороной. А вот если зачинщик — швед!

Открытие сделано, но цель вряд ли достигнута. Если бы на полвека раньше! Но тогда немцы были одиозны, а не шведы. А сейчас ни те, ни другие. Ну да, вероятно, Петрей в немалой степени был ангажирован шведской политикой. Да, возможно, именно это стоит у начала признания варягов и Руси норманнами. Но нас это не очень волнует. Нас волнует совсем другое: подтверждается это отождествление или нет. И мы признаем его вне зависимости от того, Петрей ли его заметил первым или Петрухин. Фомин указывает на Петрея: смотрите, за кем вы идете! Фомин пугает, а мне не страшно.

К тому же в рецензии на книгу Фомина Д. Н. Верхотуров (2005) отметил, что цитаты из Петрея у Фомина перевраны, чтобы сделать их более норманистскими, тогда как Петрей писал, что не знает, что за народ были варяги, но «кажется ближе к правде, что варяги пришли из Швеции».

Вторая глава живописует спор между Ломоносовым и Миллером. В ней Фомин стремится опровергнуть низкую оценку историографических трудов Ломоносова, ставшую уже практически общим мнением. Фомин тщится доказать, что Ломоносов, опиравшийся на «Синописис», был кругом прав, а Миллер, анализирувавший первоисточники, был клеветником и неумехой. Да, у Миллера были ошибки (особенно поначалу, когда плохо знал русский). Но главным доказательством служит то, что в XX в. Кузьмин, Фомин и Вилинбахов повторяют то, что в XVIII в. придумал Ломоносов, да так и не смог доказать.

Третья глава называется «Антинорманизм истинный и антинорманизм мнимый». В этой главе Фомин, как и его соратники, отказывает всем

антинорманистам советского времени и даже XIX в. в праве считаться истинными антинорманистами. Это потому, что нынешние антинорманисты восставили антинорманизм XVIII в., ломоносовский, догмой которого было объявление варягов славянами. Антинорманисты XIX в. отказались от этого, перенесли бои на другие рубежи — говорили о малочисленности норманнов у нас, о незначительности их влияния. Все они зачислены теперь в норманисты. Истинных антинорманистов оказалось очень мало, крохотная кучка мужественных героев на мостике тонущего корабля. Их единственная надежда — на спасение патриотически настроенными властями.

Правда, со славянами все равно получается неладно. Вагров, рутенов, руриев — всех их приходится признавать ославянившимися кельтами, иллирийцами, даже германцами (см. работы Кузьмина). Какая тогда разница — ославянились ли быстро норманны в Киевской Руси или ославянились медленно рурии в Южной Прибалтике? Все равно получают исконные неславяне. А истинные антинорманисты оказываются на поверку пусть и не норманистами, но кельтистами, иллиристами и германистами. Хрен редьки не слаще.

В четвертой главе, о «норманистской историографии», Фомин отвергает идею о том, что первыми норманистами были наши летописцы. Первые норманисты известно кто, а создателями сказания о призвании варягов были, естественно, норманны.

Глава пятая посвящена «Сказанию о призвании варягов», как оно представлено в историографической традиции. Фомин всячески подчеркивает легендарность этого сказания, его удаленность от реального хода дел. Он тщательно собирает все приводившиеся разными исследователями факты и аргументы того, что Рюрик не был родоначальником династии, хотя честно приводит и противоположные данные.

В главе шестой «Варяги и скандинавы на Руси» собраны наиболее весомые аргументы против норманнской трактовки варягов. Позиция Фомина такова: варяги поздние (с середины X в.) отличаются от варягов ранних (середина IX — середина X вв.). Все ранние «варяги» — не скандинавские пришельцы, а иноземцы с южного побережья Балтийского моря. Норманны же на Руси появились вообще только в конце X в. С 80-х годов X в. меняется и образ варяга летописи: до того это был строитель и организатор, после того — наемный убийца, сеятель распри.

Фомин очень обстоятельно аргументирует позднее появление варягов на Руси. Саги не знают князей до Владимира, не знают хазар, молчат о походах X в. на Миклагард, Берду, Итиль и Семендер. Россыпь монет появляется в Скандинавии не ранее второй четверти XI в. Саги не знают Днепровского пути из варяг в греки и его пороги. В Византии скандинавы появляются в конце 20-х

годов XI в., и, таким образом, они просто не могли контактировать с Константином Багрянородным, а он, стало быть, не мог записывать скандинавские названия порогов, и «росские» слова — это какие-то другие названия, не норманнские.

Франкские мечи поступали на восточнославянские земли не через норманнов. Из 165 западноевропейских клинков с клеймами только один найден в Швеции, тогда как на юге Балтики — 30, в Латвии — 22, Финляндии — 19, Эстонии — 7, Литве — 5, на территории Киевской Руси — 11.

Скандинавские фибулы, по мнению Фомина, не являются этническим признаком, так как сочетаются с финскими шумящими подвесками, находятся в погребенных по местному ритуалу. В скандинавских костюмах обязательно должно быть по две фибулы. А во Владимирских и Гнездовских курганах нередко по одной.

Во Франции и Англии много скандинавских следов: названия городов, сотен деревень, значительный компонент в языке. А на Руси ни одного города, дюжина слов в языке, да и то антинорманисты отрицают скандинавские заимствования вообще. Норманны везде грабители, почему у нас они установили мирное сосуществование и дань?

Что касается названий городов, все не так однозначно. Некоторое количество скандинавских названий на Руси все-таки есть (Глазырина и Джаксон 1987). И Ладога никак не славянское имя, и Изборск (выводить из «избрана» смешно), и Суздаль под сомнением («-даль» у скандинавов «долина»).

Другие аргументы звучат серьезно. Но возможны разные их истолкования. Саги могут не говорить о ранних контактах норманнов на землях восточных славян по разным причинам, и отсутствие таких контактов только одна из возможных причин. Другая — сосредоточенность саг, особенно ранних, на Исландии и Норвегии, позже втягивавшихся в восточные походы, которые больше велись свейами и данами. Третья возможная причина — те норманны, которые отправлялись в дальние походы на юго-восток в ранний период, утрачивали связь с родиной и больше туда не возвращались. Некому было поведать сказителям о хазарах, штурме Миклагарда и первых русских князьях. Прочные обратные связи установились позже.

Франкских мечей с клеймами действительно мало найдено в Швеции, но только потому, что шведские археологи не умели обнаруживать клейма — это ведь сравнительно недавнее открытие Н. Н. Кирпичникова в России. Как только методику протравливания клинков усвоили скандинавские археологи, находки чередой пошли в Швеции, Норвегии и Финляндии (Кирпичников и Стальсберг 1995). Да и, в конце-концов, мечи-то франкские.

Мы не знаем, почему в скандинавских могилах на восточнославянских землях нередко оказывается по одной фибуле — как-то изменилась мода

ношения плаща. Использовались в костюмах и местные украшения — они не нарушали обряда. Да и обряд мог несколько изменяться — норманны были весьма пластичны. Поклонялись местным богам, считая, что боги свои не у народа, а у страны.

Сугубыми грабителями и разбойниками норманны-викинги выступали там, где возможен был быстрый массовый десант с морских кораблей или опустошение окрестностей такого порта. Это Западная Европа. В восточнославянских землях возможно было лишь продвижение по рекам, в распоряжении викингов были только лодки-однодеревки, приходилось больше полагаться на пешие набеги небольших отрядов, торговлю и взимание дани. А установлением власти норманны не брезговали и на Западе.

Какие бы сомнения ни выдвигались по поводу раннего норманнского присутствия на Руси, это присутствие зафиксировано археологами — нами предъявлены списки памятников и карты, распределенные по векам, начиная с IX (Клейн, Лебедев и Назаренко 1970; Лебедев 1985: 227–235; Жарнов 1991 и др.).

Последняя, седьмая глава трактует вопрос об этносе и первоначальной родине варяжской руси. Здесь Фомин подробно расписывает, сколь богатой была культура западных славян, как она влияла на культуру Швеции (шведы заимствовали из славянской речи слова *lodhia*, *torg*, *besmen*, *tolk*, *pitschaft*). Более существенно, что керамика Севера восточнославянской Руси IX в. (Рюриково городище, Изборск и др.) в значительной части очень близка керамике Южной Балтики. Этому соответствуют северолехитские черты новгородского диалекта. Фомин ссылается на Обнорского, но мог бы сослаться и на Петровского (1922), это добавило бы некоторые западные черты. По признанию «норманистки» Стальсберг, заклепки ладьи из Плакуна напоминают скорее южнобалтийские, чем скандинавские. Камерное погребение с гробовищем, анализированное петербуржцем К. Михайловым, находит аналогии в Дании и Шлезвиг-Гольштейне конца IX — начала X вв. Поэтому, мол, гривны с молоточками Тора нельзя трактовать как скандинавский признак.

Из всего этого Фомин делает вывод: это южнобалтийские славяне, спасаясь от немецкого давления, стали массами переселяться в Приильменье — они и есть летописные варяги. Это был не единственный их поток: в VIII в. южнобалтийские славяне поселились и на о. Готланд и основали там г. Висби. В XI в. в земле лютичей жило племя, поклонявшееся Вотану, Тору и Фрейе.

Это тоже серьезные аргументы. Но и эти факты допускают различное толкование. Фомин совершенно забывает традиционное представление о западном («ляшском») происхождении вятичей и радимичей (Вујак 1949; Соловьева 1968 и др.), а Янин с Алешковским (1971: 49–51) обоснованно добавили

к этому западнославянское происхождение кривичей, особо подчеркивая их связь с новгородцами. Как раз наличие западной керамики и диалектные черты больше говорят о массовом переселении, чем о приходе военной элиты, описанном летописью и иностранными источниками (арабскими, греческими) как приход варягов. Что касается молоточков Тора, то в приведенной И. В. Дубовым (1970: 263) карте распространения гривен с этими молоточками видно, что они занимают сплошную территорию, охватывающую юг Швеции и Норвегии, Готланд, Данию и Шлезвиг, Мекленбург, но не дальше на восток по побережью. Именно северное крыло этого очага дает простираение на восток — в Северную Русь. Западные аналогии К. Михайлова (1996) говорят и вовсе не о западных славянах: концентрируясь в Ютландии, они, скорее, могут быть истолкованы как след ютландского происхождения Рюрикс и его дружины, но никак не признаки вагров.

О реакции научной общественности можно судить по рецензии украинского нумизмата Н. Ф. Котляра (2007), носящей характерное название: «В тоске по утраченному времени».

Вот и все антинорманистские «итоги дискуссии по варяжскому вопросу».

VIII. Миграция варягов

Предварительные замечания

Помещаемая далее статья была написана в 1997–1998 гг. для Псковской археологической конференции «Скандинавия и Русь» и была отдана в труды конференции для напечатания. Но сборник трудов не вышел, и статья была возвращена автору. Нигде до сих пор не печаталась.

Статья эта входит в серию моих статей, посвященных разработке археологической теории выявления миграций. Серия эта началась с брошюры «Археологические признаки миграций» (Клейн 1973а) — планировавшегося доклада на Чикагском международном конгрессе антропологических наук, на который меня, конечно, не выпустили. Но доклад напечатали. Далее у меня было несколько статей, посвященных конкретным дальним миграциям (Клейн 1971; 1973б; 1984; 2000б).

В 1999 г. я выпустил большую статью (Клейн 1999), в которой разработал подробно критерии выявления миграций 1973 г. и выдвинутую тогда идею, что археологические признаки будут разными у разных типов миграций. К этой статье было намечено две, так сказать, вспомогательных статьи, в которых выдвинутые археологические критерии выявления миграций приложены к конкретным миграциям, одна — о миграции в бронзовом веке на Крит (Клейн 2000а), другая, представленная здесь, — о миграции варягов.

«Призвание варягов» и археологические признаки миграций

1. Проблема

Те события, которые в Скандинавии именуются «походами викингов», а в остальной Европе повсеместно называются «норманнским нашествием», «норманнским завоеванием», «инвазией норманнов», в российской истории окрещены термином «призвание варягов». Вряд ли это отражает какое-то особое качество норманнского вторжения в Гардарики (норманны здесь были такими же, как везде, но условия другими). Скорее, это следствие того, что в России, как в Нормандии и Англии, надолго закрепилась норманнская династия, и ее окружению требовалось обосновать легитимность правления (Шахматов 1904; Кирпичников 1997; [1998]). Впрочем, сам эпизод призвания мог и иметь место, но после вторжения советских войск в Чехословакию и в Афганистан (и то, и другое было обставлено «призванием») мы хорошо понимаем, что реальность «призвания» и наличие «призывающих» не имеют никакого значения для сути событий.

Появление норманнов в Восточной Европе было подготовлено и вызвано определенными процессами в Скандинавии (Лебедев 1985), и, поскольку норманнское нашествие охватило всю Европу, ясно, что состояние подвергнутых нашествию стран не очень сказывалось на самом факте нашествия (разве что какие-то страны были более привлекательны, чем другие). От состояния этих стран больше зависели результаты нашествия, его последствия для местного населения.

Во всех случаях норманнского распространения с Севера Европы налицо инвазия, то есть военная и достаточно массовая миграция (Гуревич 1966), какими бы дипломатическими мерами она ни сопровождалась — династическими браками и союзами, договорами, взятием варягов на службу (и сейчас бывает, что дань грабителям оформляется как плата за охрану — приобретение «крыши»). «Призвание варягов» — один из частных случаев миграции.

Причем это случай, в силу исторически позднего времени, отраженный в разных видах источников — не только археологических. Поэтому он может

служить пробным камнем для проверки методов обнаружения миграций по археологическим данным.

Четверть века тому назад в докладе Чикагскому конгрессу антропологических и этнографических наук (Клейн 1973) я суммировал исследования по археологическим критериям выявления миграций и предложил принципиально новый подход к этой проблеме. Вместо опоры на отдельные критерии миграции вообще (этнические показатели, комплексный или локальный и т. п.) я предложил решать проблему для каждого класса миграций отдельно. С удовлетворением могу отметить, что в отечественной науке дальнейшая теоретическая разработка проблемы археологического выявления миграций пошла по предложенному мною пути (Мерперт 1978; Титов 1982; Дьяконов 1983). Правда, в статье В. С. Титова, где целая глава посвящена переложению моей работы, мое имя даже не упоминается, но это не вина Титова (в то время я был репрессирован и имя мое вычеркивалось).

Однако в моей работе предлагалось не только разрабатывать критерии для каждого типа миграций отдельно. Я предлагал также искать археологические признаки не миграций вообще, а отдельных структурных компонентов миграции, полагая, что отдельные компоненты могут входить в миграции разного типа и что тип определится специфическим сочетанием компонентов, а следовательно, и археологических следов. Эта часть моей работы пока осталась втуне и ожидает дальнейшей разработки (Клейн 1999б).

2. Достоверность миграции и ее тип

Если взглянуть с этой точки зрения на миграцию норманнов в Восточную Европу, то прежде всего надо определить, какова степень достоверности этой миграции по письменным и лингвистическим источникам и какой тип миграции вырисовывается по этим данным. Это необходимо, тем более что три века достоверность этой миграции яростно оспаривалась в России. Поскольку антинорманизм был исключительно русским явлением, не приходится сомневаться, что он был продуктом патриотических амбиций. Впрочем, норманизм тоже не был свободен от идеологической аранжировки: в России он был одно время средством дискредитации царской власти (у Покровского), у немцев — продуктом националистической спеси.

Собственно, сам летописный рассказ о призвании варягов в 862 г. — не вполне письменный источник. Его фиксация в Начальном своде летописи отделена от самих описываемых событий двумя веками, в течение значительной части которых этот неясно когда созданный рассказ бытовал в устном виде, как легенда. Неоднократно высказывалось подозрение, что два брата Рюрика — Синеус и Травор — фикция, результат неправильного перевода формулы

«со своим домом (по-старошведски "sine hus") и верной дружиной ("thru vaering")» или другого (есть ряд иных толкований), все они вызывают скепсис (см. Первольф 1877: 52; Мошин 1931в: 299). Впрочем, рассказ о призвании братьев имеет аналогию в Англии — призвание саксонских князей-братьев бриттами. Это типичный фольклорный сюжет (Stender-Petersen 1934), а наш летописный рассказ со странной точностью повторяет западные формулы: «земля наша велика и обильна...» — «terra lata et spatiosa» у Видукинда Корвейского (Рыдзевская 1978: 166).

Но сомнения могут касаться лишь самого факта призвания и подробностей состава и размещения прибывших варяжских князей. То, что они прибывали в IX в. с дружиной и размещались «на постой» в восточнославянских городах — сначала в Ладоге и Новгороде, потом в Киеве и прочих, — несомненно, и откуда они прибывали — также хорошо известно (из Скандинавии). Это, во-первых, подтверждается перекрестными свидетельствами Повести временных лет (Гринев 1989; Носов 1990; Фроянов 1991; Кирпичников 1992; Стрельников 1997), византийских и западноевропейских хроник (Васильевский 1908; Петрухин и Мельникова 1989; Бертинские анналы 1936), арабских и других восточных средневековых сочинений (Гаркави 1870; Ковалевский 1956; Заходер 1967) и скандинавских саг (Рыдзевская 1978; Джаксон 1991) о позднейших воинских и торговых путешествиях викингов в Киевскую Русь и (через Русь) в Византию или Хазарию. Во-вторых, в Западной Европе сохранились и сведения тамошней хроники о норманне Хрёдриге, или Рёрике, действовавшем в IX в. в Ютландии и имевшем приключения на востоке, а Рёрик в славянской передаче должен был стать Рюриком, и эти приключения совпадают по дате со временем летописного появления Рюрика в Новгороде (Крузе 1836а; 1836б). Отождествление не безупречно (Ловмянский 1963), но возможно (Александров 1997), а были и другие норманны с этим именем.

Отражена экспансия на восток и в шведской эпиграфике: рунические надгробные камни повествуют о подвигах в Гардарике (Мельникова 1877).

Лингвистические данные этому не противоречат. Возьмем ономастику. Все первые князья и княгини восточных славян, известные летописи (Рюрик, Игорь, Олег, Ольга, Рогволод-Рагнвальдр, Рогнеда, Малфредь и др.), носят норманнские имена, как и их родственники, дружинники и купцы (Аскольд, Дир, Свенельд, Инегелд, Игелд, Акун, т. е. Хакон, Фарлаф, Руалд, Ивор, Берн, Шихберн, Турберн и др.). Имена эти не раскрываются из славянских корней, а сложены из скандинавских германских. Само наименование «Русь», возможно, происходит от самоназвания группы норманнских викингов «Руодси». Слово *ruð* (в значении 'дружина', 'военно-морское ополчение') обнаружено

в рунических надписях на камнях XI в. в шведской области Упланд (Кирпичников и др. 1986: 203–204, 391). Во всяком случае в финском языке слово «Руотси» означает 'Швеция', а в восточнофинском диалекте (на стыке со славянами) оно произносилось как «Руосси». Если о норманнах восточные славяне впервые узнали от финнов, то естественно, что от них заимствовали и термин. Переделка в «Русь» вполне аналогична соответствию Суоми — Сумь и входит в ряд северных этнонимов: Чудь, Вель, Водь, Емь, Ливь (Томсен 1891; Шахматов 1904). Город Суздаль и назван по-норманнски — его название означает «Южная Долина».

Правда, третье поколение Рюриковичей уже носит чисто славянские имена (Святослав, Владимир, Всеволод) и явно ославянилось, почитает славянских богов, хотя некоторое время детям даются дополнительно и скандинавские имена: еще внук Мономаха Мстислав имел второе имя Гаральд, а Всеволод — Холти. В язык же восточных славян, теперь называемый русским, вошло всего несколько десятков норманнских слов (Thörnquist 1948). Это, однако, обозначения понятий, связанных с новыми реалиями — развитой государственностью (князь, княгиня, витязь, гридь, стяг, стул, тиун, ябетьник, вира, суд, кнут), торговлей (ларь, ящик, лавка, скот) и мореплаванием (шнека, якорь).

Норманнская династия объединила разрозненные до того восточнославянские племена под управлением одной семьи Рюриковичей. Норманны сумели насадить некоторые свои обычаи в государственном управлении, праве и культуре. Введенное князьями полюдьё было копией норвежской «вейцлы» и шведского «ёрда». Некоторые законы Русской правды были аналогичны скандинавским — суд 12 граждан, закон о езде на чужом коне, размер штрафа в 3 денежных единицы (в датском праве 3 марки, в русском — 3 гривны) и т. д. У всех народов государь обзаводился собственной гвардией и жаловал ее, но дружина, состоявшая поначалу из соплеменников, разорвавших с родоплеменной общиной, — типично скандинавское явление, как и термин «гридь». У всех варварских обществ пиры занимают важное место в быту родовой знати, но своей избирательностью «почестен пир» русских былин очень близок к скандинавскому пированию, входившему в кодекс чести конунга и связывавшему его с дружиной. Со скандинавами пришли и их предания. Смерть «вещего Олега» от собственного коня соответствует смерти Орварра-Одда от коня Факки в исландской саге и в некоторых английских сказаниях (Рыдзевская 1978: 185–193).

Из-за кремации антропологические данные скудны, но по тем, которые все-таки собраны о христианском времени, некоторое присутствие скандинавов прослеживается (Alekseeva 1974; Санкина и Козинцев 1995; Санкина 1998).

Итак, та популяция норманнов, которая распространилась по восточнославянским землям, была сравнительно небольшой, но влиятельной, захватившей власть. Она внесла свой вклад в славянскую культуру, историю и государственность, но затем ославянилась и растворилась в восточнославянской народности. Новые группы варягов, приходившие в конце X — XI вв., занимались на службу к своим ославянившимся предшественникам или проходили дальше на юг, в Византию.

О норманнских походах идет длительная дискуссия в науке — что это было: освоение территории под хозяйствование (*landnam*), разбойничьи походы, торговые экспедиции, завоевание или основание государств (Martens 1960; Стендер-Петерсен 1960; Гуревич 1966; Faber 1968; Randsborg 1981; Jansson 1997; и др.)? Поведение викингов было одним и тем же, но из-за разных условий в разных странах их экспансия могла приобретать разный характер. Как обстояло дело у нас по письменным данным?

По классификации Мерперта (1978), предложенной для другой эпохи, миграция норманнов на юго-восток близка к его третьей модели: завоевательным походам и военным вторжениям. Если сопоставлять с классификацией Кристиансена (Kristiansen 1991), то миграцию варягов на славянские земли пришлось бы отнести к «выборочным», а из этих вариантов трудно указать какой-то один. Она имеет признаки всех четырех типов: 1) завоевания, 2) движения купцов, 3) основания торговых станций и колоний, 4) выселения трудовых групп и изгоев. В классификации В. С. Титова (1983) соответствий просто нет. Наиболее близкое соответствие к тому, что налицо в случае прихода варягов, находим в классификации И. М. Дьяконова, разработанной для Древнего Востока. Это его пятый тип (добровольное переселение), причем подходят два его варианта: б) захват мелких государств небольшими группами пришельцев (у Дьяконова — кочевников-скотоводов); в) смещение земледельческой популяции — уход части ее на смежные или заморские территории из-за возникновения избытка населения.

3. Археологические данные в пользу миграции

Поскольку норманны явились в ареал славянского расселения издалека, а перед тем не было значительных контактов, культура, которую они принесли, должна была резко отличаться от местной. Типы артефактов были в этих землях новыми, они появились здесь абсолютно готовыми, а прототипы имели только на северо-западе, в Скандинавии. То же касается типов сооружений — могил и домов. Чуть ли не каждую из этих категорий по сути можно использовать как «этнический показатель». Это не реабилитирует концепцию «этнических показателей» в целом, потому что в других случаях опознавательный

метод может не сработать, но в данном случае «этнические показатели» все-таки налицо. А коль скоро их много, и нередко они появляются все вместе, во взаимосвязи, в комплексе, то налицо и позитивный ответ на «комплексный» («лекальный») критерий.

Некоторую возможность оспаривать их норманнскую принадлежность давало то, что многие артефакты и сооружения такого рода оказываются на той же территории, что и местные традиционные вещи и комплексы, вперемешку с ними, даже с примесью местных. Более того, есть «вещи-гибриды», с признаками обеих культурных традиций — пришлой и местной (а то и местных). Это давало повод ставить в каждом отдельном случае под вопрос норманнскую принадлежность людей, обладавших этими вещами и оставившими эти конкретные комплексы. Но и в этом случае надо же как-то объяснить, как попали сюда эти типы вообще. Вещи и их типы могли прибыть по торговым каналам, но не всякие вещи шли в торговлю (скажем, культовые предметы), а обряды (способ погребения, устройство дома) вовсе не шли.

Три десятилетия тому назад при обсуждении доклада Д. Уилсона, сопоставлявшего норманнское завоевание Англии с созданием империи Рюриковичей на Востоке, его осторожность в принятии археологических данных породила саркастическое восклицание Э. Лёнрота: «После такой уймы негативных свидетельств можно считать, что не было никаких викингов ни на Западе, ни на Востоке!» (Wilson 1970: 116). Однако пафос Уилсона был направлен на то, чтобы побудить его русских коллег не смущаться незначительностью археологических данных в России: в Англии их еще меньше, а в завоевании Англии норманнами никто не сомневается. Такова уж специфика археологических материалов. Но так ли незначительны археологические свидетельства норманнского присутствия в России?

Обзорная статья по этой теме была представлена в том же году (Клейн и др. 1970). Ее дополнили некоторые другие.

Железные шейные гривны с подвесными молоточками Тора — несомненный признак норманнов, поскольку связан с их языческими верованиями, а эти находки не редкость в лесной зоне восточнославянского расселения (Дубов 1970). Палочки или кости с руническими надписями, имевшие магическое значение, разумеется, могли принадлежать только норманнам (Макаев 1962; Мельникова 1977б; Дучиц и Мельникова 1981; Мельникова и др. 1983). Пары наплечных скорлупообразных фибул с плетеным орнаментом, а также трехлепестковая или круглая ажурная фибула на груди выдают присутствие знатных скандинавских женщин, так как предназначены для скрепления носившегося ими плаща (Stalsberg 1987). Большое количество костяных гребней скандинавского и фризского (но очень распространенного в Швеции) типов

(Давидан 1968) по крайней мере объединяет неких обитателей Руси со скандинавами. К норманнским вещам относятся также подковообразные фибулы с концами в виде звериных голов, литые браслеты с S-овидным орнаментом, поясные бляшки с орнаментами в стиле Борре и Йелинге и др.

У восточных славян в доваряжское время мечей не было, хотя этот тип вооружения они, видимо, знали у своих соседей еще с готского времени (об этом говорит история термина «меч»). В Скандинавии же гораздо раньше мечи, изготовлявшиеся на Рейне, были в массовом обиходе. Только с приходом норманнов на восточнославянской территории началось интенсивное применение этого оружия дружинников, причем ранние формы концентрировались в средоточиях норманнской активности, более поздние (с конца IX в.) распространились по всей территории, еще позже развились собственные формы Южной Руси (Кирпичников 1966а; Лебедев 1991). Ланцетовидные копья и стрелы, украшенные стрелчатым орнаментом, были характерны для Скандинавии, как и длинные кинжалы для левой руки (скрамасаксы) и щиты с железными умбонами (щитов с умбонами у восточных славян ранее тоже не было). От местных отличаются скандинавские боевые топоры-секиры — они очень похожи на те, что изображены на ковре из Байе.

В Скандинавии еще до эпохи викингов были изобретены железные ледоходные шипы, которых у нас до прихода варягов не делали, да и позже они вышли из обихода (их археологическое название у нас — «шпорцы»). Стекланные фигурки для шашек и шахмат также прибыли к нам из Скандинавии (Корзухина 1963).

Норманнский погребальный обряд с кремацией распознается в ряде случаев очень четко по массовым аналогиям в Скандинавии, причем с давней традицией там: богатейшие погребения в ладье (Лебедев 1974), или с прахом в урне на глиняной или каменной вымостке, или под курганом, окруженным кольцевидной каменной кладкой, или кострища треугольной формы (Назаренко 1982). Солки на русском Севере возникли под воздействием идеи, заимствованной у норманнов (Конецкий 1989). Камерные погребения (в срубах) также имеют близкие аналогии в Швеции (они с той же ориентировкой и тем же составом инвентаря). Есть исследования (Михайлов 1997), в которых утверждается, что камерные погребения с конем, представленные и на юге, и на севере восточнославянской территории, являются норманнскими и имеют близкие аналогии как в Средней Швеции, так и (особенно много) в Ютландии.

Ныне уже не оспаривается принадлежность больших домов в Ладоге норманнам, но они характеризуют нижний слой, VIII–IX в., а выше располагаются обычные славянские дома. Позже норманны хорошо представлены

на Рюриковом городище под Новгородом (предположительно княжеская резиденция — см. Янин и Алешковский 1971; Носов 1990; Носов и др. 2005). Их могильники оказываются в наиболее важных стратегических пунктах на торговых путях в Византию и к хазарам, в тех самых, которые упоминаются и летописью. Причем в IX в. это в основном Ладога в устье Волхова (могильник Плакун), Рюриково городище под Новгородом и могильники на Верхней Волге (район Ярославля). Должен был быть еще и Киев, но там норманнских памятников конца IX в. пока обнаружено очень мало. В X–XI вв. эти районы расширяются и выявляются новые (Новгород, Псков, Белоозеро, Гнездово в верховьях Днепра (у Смоленска), Полоцк, Чернигов, Киев, Владимиро-Суздальский район). Юг восточно-славянской территории также затронут (Моця 1990). На картах расширение экспансии весьма наглядно (см. Клейн и др. 1970: 244–245, карты 1 и 2).

Судя по находкам в России, как их проанализировали шведские исследователи, источником миграции в основном была Средняя Швеция (Stalsberg 1982; Jansson 1987), хотя в работе Михайлова (1997) проступает значительное участие ютландцев в этом миграционном движении.

4. Археологические данные и тип миграции

Норманнские погребения составляют значительную часть богатейших погребений. Но есть и погребения рядовых пришельцев, особенно в Тиме-ревском могильнике. Сначала эти группы норманнов поселяются в стратегически важных пунктах в северной части восточнославянской территории и сферы славянской колонизации финских земель, а позже расширяют эти очаги и распространяются на юг. Даже в тех районах, где они поселились, они обычно не составляют большинства, но явно владеют ситуацией. Рядовые скандинавы осваивают земли (осуществляют «ланднам») больше среди финских племен.

Значит, по археологическим данным прослеживается продвижение групп знатных и богатых норманнов с оружием, поселяющихся среди местного населения и иногда отдельно. С ними прибыло и некоторое количество столь же знатных скандинавских женщин. Шли с северо-запада и рядовые скандинавы, поселяясь для обработки земли и занятий ремеслом. И в Ладоге, и на Рюриковом городище действовали мастерские, изготавливавшие вещи норманнского типа (Носов 1990: 155–163; Рябинин 1994).

Доля норманнов в местных могильниках различна и менялась со временем. Могильник в урочище Плакун под Старой Ладогой оказался чисто скандинавским (Назаренко 1985). В Киевском некрополе из этнически определимых норманнам принадлежит 18–20%. В Гнездовском могильнике под Смоленском

в целом из этнически определимых могил 27% оказалось наверняка славянских (полусферические курганы с остатками кремации в верхней части насыпи), 13% скандинавских. В Тимеревском могильнике (Ярославское Поволжье) из этнически определимых погребений X в. 75% принадлежат местному финскому населению, 12% — славянам, 13% — скандинавам. Уже в начале XI в. доля славян возрастает до 24%, а доля норманнов падает до 3,5%. Среди более поздних погребений этого могильника определенно норманнских вообще нет.

Динамика ославянивания норманнов как будто прослеживается по граффити на восточных и византийских монетах, рассыпанных по всей восточно-славянской территории: ранние (IX в.) содержат ясно читаемые скандинавские руны, а затем их вытесняют рисунки норманнского оружия, кораблей, знаков Рюриковичей и т. п., вместо рун же — лишь неумелое подражание рунам (Лебедев 1985: 234, с опорой на работы И. Г. Добровольского, И. В. Дубова и Ю. К. Кузьменко — см. также Добровольский и др. 1991). Любопытна и врезанная до закалки славянская подпись мастера («людо[?]а коваль») на клинке меча XI в. с норманнской орнаментацией рукояти (Кирпичников 1965; 1969). Она говорит о местном производстве мечей, причем либо славянский мастер учитывал вкусы потребителя, либо мастером был славянизированный норманн (имя для славянина необычное — Людота или Людоша, фамильярное от Людвиг?). Недавно Кирпичников обнаружил еще одну славянскую надпись на мече X в. из Киева, на сей раз имя с корнем «слав», уже явно славянское (Кирпичников 1996).

Если проанализировать по отдельности те археологические данные, которые здесь перечислены, то каждое из них говорит с непреложностью лишь о каком-то частном явлении, которое могло входить в состав миграции, но во многих случаях могло иметь и иное значение. Так, из вещей лишь гривны с молоточками Тора да рунические надписи говорят с несомненностью о присутствии на славянских территориях скандинавов, но сами по себе они могли быть оставлены приезжими послами, купцами или наемниками — обычно наличие таковых миграцией не считается, коль скоро они приезжали заведомо на время. Мечи же вообще могли распространиться в результате военных и торговых контактов. Скандинавские женщины, о присутствии которых свидетельствуют фибулы, могли оказаться на славянских землях, выйдя замуж за славянских князей и воинов. Могла прийти и мода на заморскую одежду (что для того времени маловероятно без прямых и интенсивных контактов). Могилы скандинавского типа более настоятельно говорят о присутствии скандинавов, но процент их невелик, а территория ограничена — не результат ли это существования торговых факторий, «немецких слобод»,

Виды событий	Компоненты	Археологические следы
	Демографический взрыв в исходном очаге	Увеличение числа памятников на единицу времени
	Стихийное бедствие в исходном очаге (неурожай, изменение климата, эпидемии и т.п.)	Уменьшение числа памятников на ед. времени, данные естественно-научные
	Социальные коллизии в исход. очаге или давление извне	Появление городищ, вооруженность
Разовая дальняя миграция всего народа	Эмиграция полная (или почти полная)	Исчезновение памятников данной культуры в ее ареале и появление их в другом
Разовая миграция всего народа в соседнюю местность	Эмиграция частичная с разделением (отпочкование колонии)	Появление памятников данной культуры в нов. ареале при сохранении их в старом
Дальнее переселение фракции народа	Эмиграция частичная (удаление избытка населения молодых)	То же, но в новом ареале не все ее традиции налицо
Переселение фракции народа в соседнюю местность	Эмиграция частичная (уход воинов в поход, удаление изгоев религиозных, этнич. или социальных)	То же, но в новом ареале гл. обр. ее военн. или др. особые комплексы и традиц.
Военное нашествие	Позднее передвижение на дальнее расстояние	Могут остаться памятники и находки на промежуточных территориях
Военные набеги	«Марш-бросок» на дальнее расстояние	Никаких следов на промежуточных территориях
«Ползучая» экспансия (волна передвижения)	Обходная миграция	Следов одной из мигр. групп на терр. других
Массовая депортация	Кооперированная миграция	Таких следов нет
	Перемещение в соседнюю местность	Смешность территорий обеих культур
	Военный поход	Находки оружия, опустошение местности
	Контакт на границе ареалов	Дисперсия находок культуры за ее границей с другой
	Иммиграция – постепенное просачивание (торговцев, брачующихся, рабов, наемн. раб. силы, поселенцев, кочевников)	Соотв. находки и комплексы убывают в числе по мере удаления от границы
	Иммиграция – вторжение	Местонахождения пришлої культуры равномерно покрывают всю территорию
	Инвазия (военный захват, завоевание)	Гибель крепостей и поселков, следы осады и штурма, упадок культуры
	Захват власти небольшой группой воинов или кочевников	Выделение богатых погребений по чужеродному обряду плюс антропологические данные
	Изменение мигрантов под воздействием новой среды	В комплексах пришлої культуры примесь местных черт
	Абсорбция пришельцев	Только ранние компл-ы пришлої культуры чистые, в остальных преобладание местных черт
	Сосуществование пришельцев с аборигенами	Комплексы обеих культур вперемежку
	Ассимиляция местных жителей	В местных комплексах всё больше черт пришлої культуры
	Подчинение местных жителей	Комплексы пришлої культуры – с оружием и в центре, вокруг – местной и без оружия
	Вытеснение местных жителей	Исчезновение местных комплексов в прежнем ареале и появление их вне его
	Разреживание аборигенной популяции	Уменьшение густоты встречаемости местных комплексов
	Истребление прежних жителей	Исчезновение местных компл-ов и замена их пришлої культурой

Таблица 1. Принципиально возможное соотношение между видами миграций.

«гостиных дворов», лагерей наемников? Такие рассуждения и использовались антинорманистами.

Еще больше степеней свободы имеет каждое из этих данных в определении типа миграции, если ее признать. Наличие разных видов скандинавского погребального обряда может быть результатом участия в миграции разных этнических групп скандинавов (скажем, свеев, данов и др.) или разных социальных слоев или диверсифицированности пришедшей погребальной обрядности по видам смерти. Наличие женщин в составе пришельцев может быть знаком того, что в славянские земли двигалось не одно лишь войско, а все население, но может говорить о роли знатных женщин в руководстве завоеванными территориями, или о сопровождении вождей женами, или о династических браках как следствии военных предприятий. В каждом случае археолог просто обязан развернуть все возможные толкования веером и перебрать по отдельности каждое.

Но коль скоро в конкретной действительности все эти данные существовали не порознь, не в изоляции, а в сочетании друг с другом, лучший шанс реализации имеют те толкования, которые совпадают. И чем больше разнообразных данных с совпадающими толкованиями, тем выше вероятность реализации намечающейся трактовки. Это сильно ограничивает разброс толкований и может свести их к одному.

На табл. 1 представлена схема принципиально возможных соотношений между видами миграций, их составными компонентами (частными событиями) и археологическими следами последних. Показано, что разные события могут входить в миграцию одного и того же вида, а разные виды миграции могут включать в себя один и тот же компонент. Компоненты (разделены жирными чертами) сгруппированы по структурным позициям в миграции: причины миграции, эмиграция, переселение, иммиграция, последствия миграции. Линии от первой и последней групп к видам миграций не проведены, так как по сути могут проходить как угодно (избирательность отсутствует). Выделены (затенены) те ячейки, в которых оказались признаки, наличные в случае ситуации с норманнами. Выделены (жирными линиями) и соединяющие их связи.

На таблице 2, отражающей доказательность миграционной интерпретации археологических данных о норманнах на восточнославянской территории, оставлены только затененные на первой таблице клетки и их соотношения, причем добавлены реальные подробности и некоторые принципиально возможные (отбрасываемые в силу наличия письменных источников) иные, не миграционные толкования. Пунктирными линиями показаны связи, которые должны были бы проявиться, но не проявляются в виду отсутствия соответствующих признаков в данной ситуации.

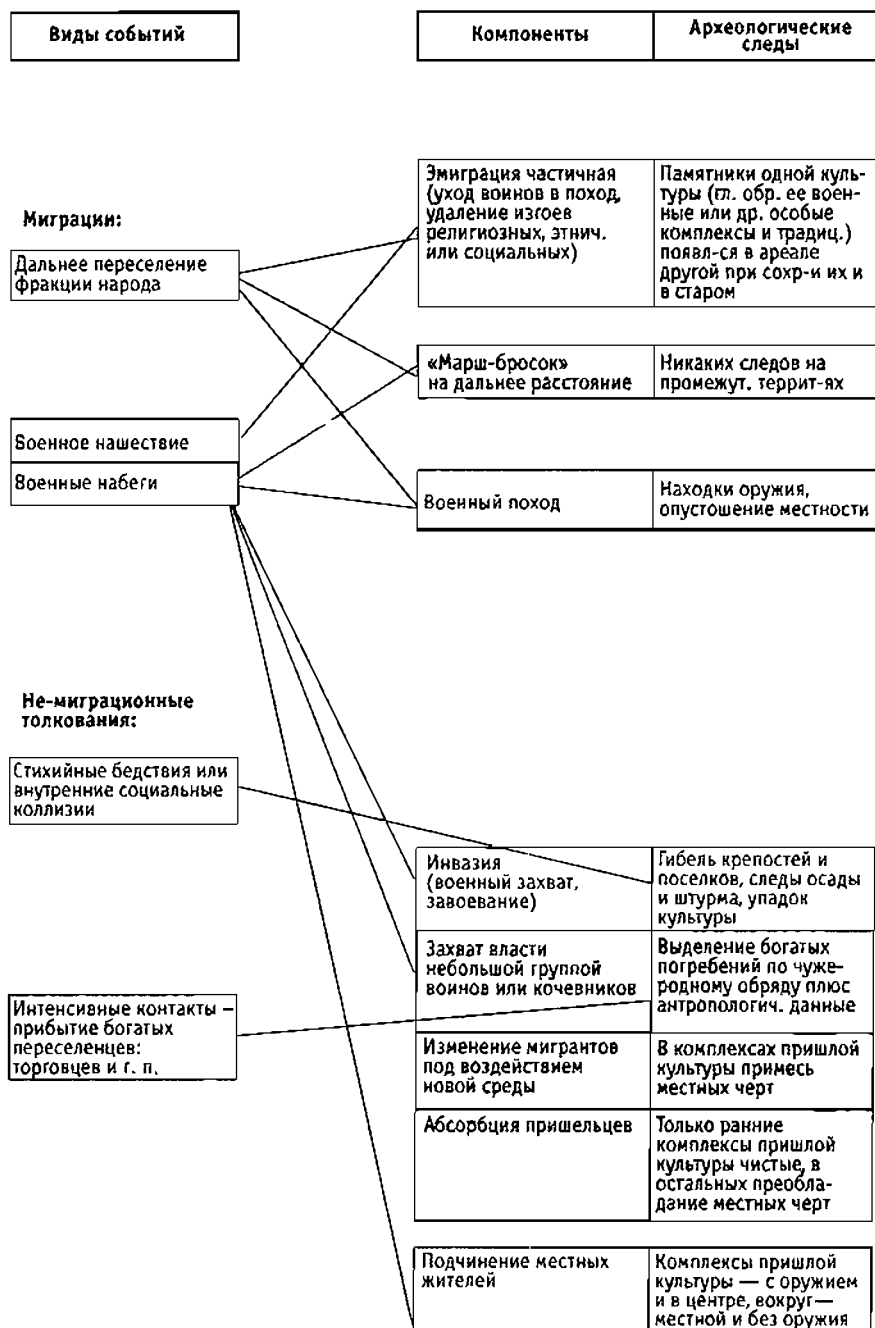

Таблица 2. Миграция норманнов (схема)

По таблицам видно, что миграция норманнов на территорию восточных славян несомненна, что некоторые ее видовые особенности хорошо прослеживаются (переселение только части населения из первоначального очага, вооруженность пришельцев, обоснование лишь на некоторых небольших участках новой территории, жизнь в окружении местного населения и в тесных контактах с ним, последующее растворение в местной среде). Но археологу не очень хорошо видно то, что при этом небольшие группы пришельцев захватывали власть над местным населением в ключевых пунктах территории и, объединив его, дали ему правящую династию, создав империю (Рюриковичей). Четких археологических признаков это обстоятельство не имеет и без письменных данных осталось бы спорным и даже маловероятным. Разве что в Ярославских могильниках можно заметить топографические элементы, свидетельствующие о подчиненном положении аборигенов, но это тогда еще не была вполне восточнославянская территория.

Отдельные военные бедствия можно увязать с отдельными же известными по летописям или сагам нападениями норманнов. Так, в 960-х гг. (по данным дендрохронологии) Ладогу охватил пожар, и это совпадает по времени с изгнанием варягов и их возвращением — призыванием Рюрика (Кузьмин и Мачинская 1989). В конце X в. Ладогу снова охватил большой пожар, который по хронологии совпадает с известным саге набегом норвежского ярла Эйрика — сага повествует, как он сжег Ладогу (Петренко 1985: 91–92, 115; Мачинский и др. 1986). Есть и в других местах следы пожаров, но пожары в русских городах бывали очень уж часто, могли быть и в мирное время. Если бы не летописи и саги, вряд ли увязка этих пожаров с действиями норманнов была бы возможна. Потребовались бы раскопки более масштабные, детальные и, не в последнюю очередь, с исследовательским везением. Археологу нужна удача.

Нет явных следов повсеместных военных стычек и штурмов, приуроченных к приходу скандинавов, опустошения местности, упадка культуры. Захват мог происходить без заметных непосредственно следов, даже если он был военным (а ведь он мог быть и дипломатическим). Здесь проступает ущербность археологических источников, если их использовать изолированно. История по одним лишь археологическим источникам однобока и неадекватна (Клейн 1978/1995), как, впрочем, и по любому другому одному виду источников, если речь идет о ранних периодах.

Конечно, можно сообразить, что в ключевых пунктах страны вооруженные группы пришельцев расположились неспроста. Можно также учесть и то, что они большей частью богаты, и эта аккумуляция богатств в руках пришельцев показательна. Это косвенные признаки захвата власти. Они, как и другие

археологические данные, по-настоящему заиграют только при сопоставлении с русскими летописями, византийской хроникой, арабскими сочинениями, скандинавскими сагами и эпиграфикой, с данными лингвистики и ономастики. Но они не лишние — в этом синтезе они придают выводам глубину, хронологическую и географическую четкость и содержательную насыщенность, увеличивая их доказательную силу.

IX. Биография Г. Ф. Миллера

1. Противник Ломоносова*

Немец Федор Иванович

Миллеров в истории русской археологии и филологии было несколько. Этот — первый. Он происходит не от английских Миллеров, а от немецких Мюллеров, фамилия которых просто на ранних этапах передавалась на русском так же (происхождение то же, от слова 'мельник'). Историк России С. М. Соловьев (1854) и историограф Академии наук ак. Пекарский (1870–1873) так и пишут его фамилию с исправлением: Мюллер. Исправление не прижилось. Этот первый Миллер, Герард Фридрих (в России Федор Иванович), был еще чистым немцем, не обрусевшим, как его нынешние потомки и однофамильцы. Но он стал крупным ученым именно в России (он не был приглашенным специалистом), и именно русским ученым (не просто немцем на русской службе). Дело в том, что он прибыл в Россию не маститым ученым, а безвестным юношей по собственному почину, в поисках работы. И остался на всю жизнь.

Заслуги его перед русской наукой колоссальны (Büsching 1785; Биографии 1821; Пекарский 1870: 332–334; Соловьев 1854; Каменский 1996; Бахрушин 1999; Дворниченко 2006; Тишкин и Крымская 2006; Тихонов 2006; и др.). Но при жизни они не признавались, а после смерти, особенно в XX в., имя его чернилось и усиленно предавалось забвению: «посредственный немецкий ученый», «немецкий фальсификатор русской истории» (ссылки см. в Миллер 1999: 9). Долгие годы его вспоминали только как «норманиста», чужака и пигмея, дерзнувшего спорить с великим Ломоносовым (об этом см. Белковец 1988а; 1988б). Соловьев не случайно подчеркивал немецкое звучание его фамилии: с трудов Соловьева идет традиция видеть в истории российской исторической науки борьбу двух тенденций в ней: с одной стороны, истинно русской, патриотической, представленной Ломоносовым, Щербатовым, Болтиным и прочими природными русскими, а с другой — чуждой, немецкой, представленной академиками-немцами на русской службе Байером, Миллером

---

* Биография Герарда Миллера, противника Ломоносова в споре о варягах, представляет собой подготовленную главу в планируемой Истории русской археологии в лицах. Написана в 2003–2004 гг. Печатается впервые.

(Мюллером), Шлёцером и др. Традиция эта была раздута до предела в годы сталинской борьбы с космополитизмом. На самом деле в XVIII в. такого четкого распределения не было, и академики группировались по-разному, вне зависимости от этнического происхождения, а Ломоносов, который старался представить борьбу именно так, на самом деле сотрудничал со многими немцами, да и академики-немцы враждовали между собой. Мессершмидта притеснял немец же Блюментрот. Миллера преследовал не только Ломоносов, но и противник Ломоносова секретарь Академии немец Шумахер.

А главное, современная наука признает: Михаил Ломоносов, выдающийся естествоиспытатель, был предвзятым и потому никудышным историком, стремился подладить историю к политике и карьерным соображениям, и в их споре был, несмотря на частные ошибки, несомненно, кругом прав Миллер.

2. В Россию за удачей... и призванием

«Российскому государству служу я с 1725 г., но не имел я счастья в живых застать Петра Великого...» (Миллер 1975/1999: 150). Так, через полвека после приезда в Россию, но еще с немецким синтаксисом, писал Федор Иванович о своем появлении здесь (кстати, непонятно, почему Иванович — имя его отца было Томас, в русской передаче Фома). На самом деле еще мальчиком он все-таки видел Петра, когда тот проезжал через его родной город Герфорд в Вестфалии, и, по преданию, будущий исследователь Сибири долго бежал за царской каретой. Мальчик, родившийся в 1705 г., был сыном ректора местной гимназии, а мать его происходила из семьи профессора теологии города Ринтельна. В университет Ринтельна Миллер и поступил по окончании гимназии в 1722 г. Не проучившись там и двух лет, перебрался в Лейпциг, где многому научился у философа и историка И. Б. Менке. Во-первых, Менке обрабатывал и издавал исторические источники, а во-вторых, выпускал научно-популярный журнал. И то, и другое потом пригодилось Миллеру в России.

В июне 1725 г. Миллер получил в Лейпциге степень бакалавра и, не став продолжать учебу, следом за старшим братом рванул на поиски удачи в далекую Россию. В те годы это было обычным среди студентов. «Эти простаки, — писал Шлёцер, — полагали, что нигде нельзя легче сделать себе счастье, как в России. У многих в голове был выгнанный из Иены студент богословия, который впоследствии сделался русским государственным канцлером» (Schlözer 1802: 31; Шлёцер 1875: 378). Имелся в виду Остерман, но были и другие: Лефорт, Бирон, Миних...

В Петербурге немецкий бакалавр нанялся в Академию наук «студентом» преподавать латынь, историю и географию. Рослого, бойкого и способного юношу приметил заправлявший делами в Академии глава библиотеки И. Д. Шумахер и стал давать ему разные организационные поручения. Главным из них было редактирование «Санкт-Петербургских ведомостей» — эту газету издавал Правительствующий Сенат, но после свержения Меншикова в 1728 г. Сенат отбыл со двором в Москву, поручив издавать газету руководству Академии. Миллер не только регулярно выпускал первую русскую газету, но и основал

первый русский литературный и научно-популярный журнал «Примечания к ведомостям». В своих изданиях Миллер усердно проводил просветительскую работу, объяснял природные явления, боролся с суевериями.

На следующий год следом за президентом Академии Блюментростом отправился в Москву и Шумахер. Тут уж Миллеру пришлось заправлять всеми делами Академии вместо него. Он надеялся на руку дочери Шумахера и на замену тестя в должности главы библиотеки Академии наук. Столь быстрое продвижение молодого человека без всяких заслуг и его наущничество Шумахеру породили раздражение академиков. В 1730 г. он баллотировался в профессора, но потерпел фиаско, с большим трудом Шумахеру удалось его протолкнуть — фактически он стал профессором по назначению.

В том же году пришло известие о смерти отца. Миллер поехал улаживать семейные дела, а Шумахер добавил к этому командировку в Англию и Голландию. Целью было рассеять дурные слухи о русской Академии, распространявшиеся уволенными членами, и завербовать новых членов. Миллер это выполнил, да и сам стал членом ряда научных обществ. Но уезжать надолго в обстановке вражды и зависти было рискованно.

Вернувшись в Петербург в августе 1731 г., Миллер столкнулся с карьерной катастрофой: Шумахер резко изменил к нему отношение. Из запертого шкафа в казенной квартире Миллера исчезли все доверительные письма Шумахера — тот, значит, заподозрил какой-то подвох со стороны своего протеже и конфисковал их. Возможно, Миллер слишком рано проявил независимость суждений, которую Шумахер не терпел. Возможно, расстарались недруги в Академии, нашептывая Шумахеру о каких-то остротах Миллера (на которые он был большой мастер). Так или иначе, протекция сменилась враждой.

«Я счел нужным проложить другой ученой путь, — вспоминал позже Миллер, — это была русская история, которую я вознамерился не только сам прилежно изучать, но и сделать известною другим по лучшим источникам. Смелое предприятие! Я еще ничего не сделал в этой области и был еще не совсем опытен в русском языке, однако полагался на мои литературные познания и на мое знакомство с теми из находившихся в академической библиотеке книгами и рукописями, которые я учился переводить при помощи переводчика. Г. Байер, объяснявший древнюю русскую историю и географию из греческих и северных писателей, подкреплял меня в этом предприятии» (Пекарский 1970: 318).

Через год после возвращения Миллер основал еще один журнал — «Sammlung Russischer Geschichte» («Собрание русской истории»). Это был первый журнал по отечественной истории, задачей которого было издание источников по русской истории в немецком переводе с целью исправить ошибочные представления в Европе о России и ее истории. На многие годы этот

журнал, стоявший на полках Вольтера, Гердера и Гёте, стал источником знаний по русской истории для всей Европы. Становилось ясно, что Миллер избрал для себя именно профессию историка (возможно, под влиянием академика Г. З. Байера).

Но при исчезновении поддержки со стороны Шумахера дальнейшие перспективы в Петербурге становились сомнительны и неясны — без каких-то экстраординарных действий, каких-то успехов и собственных научных заслуг. В 1733 г. отправлялась на восток Вторая камчатская (или Великая северная) экспедиция Витуса Ионассена Беринга. В ней формировался академический отряд — натуралист Иоганн-Георг Гмелин, астроном Людовик Делиль де ля Кройер и другие. В Миллере разыграл тот авантюрный дух, который восемь лет тому назад погнал его в Россию. Теперь он метнул его в Сибирь. Знакомый с капитан-командором Берингом, Миллер записался в экспедицию. Он сам вспоминал позже, что ссора с Шумахером немало способствовала этому решению: «Для избежания его преследований я вынужден был отправиться в путешествие по Сибири, чему он один благоприятствовал, лишь бы удалить меня...» (Пекарский 1870: 26). Молодой ученый еще не знал, что отправляется на десять лет.

3. В Сибирь на десять лет

Задания перед экспедицией были поставлены Адмиралтейств-Коллегией и Сенатом: изучить северные берега России и «доподлинно выяснить... имеется ли соединение Камчатской земли с Америкой». Один отряд должен был пройти из Архангельска на восток к устью Оби. Второй отряд двигался из Тобольска, столицы Сибирской губернии, на север к устью Енисея. Еще два отряда отправлялись из Якутска на судах. Второй целью экспедиции было открыть пути в Японию, изучить Курилы. В экспедиции участвовали также братья Харитон и Дмитрий Лаптевы, штурман Семен Челюскин и др. (Островский 1937; Ваксель 1940). Академический отряд работал самостоятельно. В его составе профессор Гмелин и де ля Кройер проводили естественноведческие изыскания, профессор Миллер и его помощник С. П. Крашенинников собирали материалы по истории, этнографии и географии края, а в географические материалы входили и древние памятники, связь которых с историей была Миллеру ясна.

Относительно археологических памятников отряд имел четкую инструкцию от Сената:

«всякого рода камня, или развалины здания, или палаты, старые гробы или кладбища, статуи, сосуды скульптурные или глиняные, ветхие и новые, идолы или болваны, славнейших градов виды и положения места крепости и прочие иные нарисовать прилежно должен, а иные, ежели можно будет, и сюда привезти подобает» (Мартынов 1983: 41).

В начале августа академический отряд выехал из Петербурга, в октябре он был в Казани, в январе 1734 г. прибыли в Тобольск. Летом 1734 г. ученые двигались на 65 подводах через Омск и Семипалатинск на Кузнецк.

«В то время, — запишет Миллер потом в рукописи о путешествии, — были мы еще в первом жару, ибо беспокойствия, недостатки и опасности затрудить нас еще не могли. Мы заехали в такие страны, которые от природы своими преимуществами многие другие весьма превосходят, и для нас почти все, что мы ни видели, новое было. Мы подлинно зашли в наполненной цветами вертоград, где по большей части растут неизвестные травы; в зверинец, где мы самых редких азиатских зверей в великом множестве перед собой видели; в кабинет древних языческих кладбищ и тамо хранящихся разных достопамятных монументов» (Пекарский 1970: 323–324).

Как видим, он отмечает в числе захватывающих достопримечательностей и археологические памятники.

Около Усть-Каменогорска Миллер начал археологические исследования, раскапывал курганы. Затем на лодках проплыли по реке Томи до Томска, обследовали Томскую писаницу. Вот как он ее описывал:

«Скала состоит из какого-то ломкого камня тальковой породы, внутри зеленоватой, снаружи грязноватой, которую многократно пересекают поперечные жилы другого, более мягкого пластующего камня из талька и кварца. Самая нижняя часть скалы, покрытая изображениями, возвышается над поверхностью реки приблизительно на две сажени и имеет внизу некоторый выступ, соприкасающийся с рекой, взобравшись на который не без труда, можно прекрасно видеть главную часть фигур. Фигуры выступают как бы на одной доске вверх сажени на три, причем среднее пространство занимает одна из вышеозначенных жилок, идущая горизонтально. Вблизи, направо, на таком же расстоянии от реки, видна другая группа фигур, имеющая только треть вышины предыдущих и вместе с ними простирающаяся на семь сажени в ширину. Отсюда по трещинам между обеими передними частями писаной скалы есть очень трудный проход к более отделенному углу верхней части, который совершенно таким же образом, как и передние места, украшен фигурами и обращен также к югу. Фигуры иссечены каким-то резцом так, что внутренняя зеленоватая окраска камня совершенно ясно обрисовывает их очертания. Большая часть представляет оленей, серн, козлов, лосей, лошадей и других животных этих мест. Некоторые же дают изображения людей, но все они даны только наружными очертаниями и довольно грубо. Более других замечательна на правой нижней части фигура человека, у которого голова окружена лучами; на верхней передней части — два человека, держащие друг друга за руки. В более отделенном углу — человек со стадом животных, привязанных одно к другому; в одном месте фигура рыбы, какой нигде больше не удавалось встречать. В нижней части многие фигуры, вследствие чьей-то шалости, сильно обезображены, нередко к старым фигурам прибавлены новые. В верхней же части и в упомянутом дальнем углу, куда никто не мог проникнуть или по трудности пути лишь немногие отваживались пробраться, все уцелело и не осквернено» (Миллер 1750/1999: 526–527).

Это описание не очень отличается от современных археологических описаний.

В 1735 г. ученые вели изыскания в окрестностях Красноярска, Нерчинска и Читы, и так год за годом. Летом 1739 г. они проводили раскопки курганов в долинах Енисея и Абакана. Множество курганов осмотрели возле деревни Абакано-Перевозной. Там они встретили старика отшельника Серенгу, который 30 лет жил в хижине среди курганов, раскапывал их и этим кормился. Его

сведения об устройстве могил и о вещах, в них находимых, очень пригодились Миллеру. Все металлические вещи этих курганов состояли исключительно из меди, железа там не было.

Раскапывали Миллер и его соратники курганы и по Иртышу. Они оказались по устройству и вещам беднее енисейских. Миллер решил, что они принадлежали не столь богатому населению.

Миллер неустанно трудился в архивах и на природе, с неустойчивостью переносил тяготы многолетнего путешествия, с запальчивостью преодолевал бюрократические рогадки и нерадивость местных властей. Даже на таком здоровом человеке, каким он был, это не могло не сказаться. Осенью 1737 г. он почувствовал себя больным. «Сия его болезнь, — писал в Петербург Гмелин, — еще прошлого году в Якутске началась... Сия болезнь состоит в жестоком биении сердца и превеликом страхе, который по переменам приходит, а иногда три и четыре дня не перестает с таким движением пульса, что я часто обмороков опасался...» (Пекарский 1970: 327). Судя по симптомам, это была «грудная жаба» — стенокардия, ишемическая болезнь сердца.

Поскольку Миллер заболел, на Камчатку отправили Крашенинникова, а сами профессора сначала проследовали на север до Мангазеи, а потом проплыли вверх по Енисею до Саянского острога.

Осенью 1739 г., после шести лет путешествия, решено было возвращаться домой, но следуя не старой дорогой, а по-иному, чтобы затронуть исследованиями новые местности. Это продолжалось еще четыре года. В 1740 г. Миллер встретился в Сургуте с посланными им в помощь и на смену адъюнктами Георгом Вильгельмом Стеллером и с Иоганном Эдгаром Фишером, которому Миллер передал свой архив и составленную им инструкцию для продолжения исследований. Сам же по дороге домой проводил исследования на Урале.

Инструкция эта, перепечатанная Радловым в «Сибирских древностях» (МАР 15), содержала шесть разделов с 1347 пунктами, пятый раздел был о древностях (т. е. охватывал археологические материалы), шестой — о нравах и обычаях (этнографический). Этнографический был для Миллера важнее — включал 923 вопроса. Археологический был развернут в сто статей. Когда Миллер был уже в экспедиции, аналогичные анкеты с вопросами, включающими материалы древности, составлял В. И. Татищев, но инструкция Фишеру была гораздо подробнее.

От преемника требовалось вести журнал всего путешествия, не пропуская ни одного дня пути, «чтобы не осталось не вписанным в журнал ни одно дорожное наблюдение». Излагались принципы описания, зарисовывания, функционального определения вещей по сопоставлению с современными («нынешними вещами различных народов»). Об этой инструкции Формозов

(1961: 34) отметил: «Миллер различает до десятка типов сибирских погребальных сооружений и предписывает Фишеру исследовать множество вопросов. Надо выяснить и число погребений, и глубину их, и ориентацию, и есть ли при погребениях костяки овец и коней. Надо записать, где лежат вещи — в ногах или в головах... Блеск сибирского золота не затмил для Миллера значения рядовых находок». Формозов и Лебедев цитируют по Радлову указание Миллера: «Глиняные сосуды при этом не следует оставлять без внимания». В круг источников вводилась керамика, ставшая потом одной из важнейших категорий массового археологического материала (Радлов 1894: 114; Лебедев 1992: 57–58).

Инструкция предназначалась не только для Фишера — было предусмотрено, что она «и впредь при таких же случаях основанием служить может». Подлинник ее Миллер отправил в Академию Наук.

В 1742 г. в Туринске Мюллер захворал «простудною горячкою», которая тогда свирепствовала по всему востоку России как повальная болезнь (видимо, грипп). Когда он свалился, за ним ухаживала вдова умершего немецкого хирурга. На ней он и женился.

В Петербург он возвратился в феврале 1743 г., проехав 31 362 версты (Пекарский 1870: 332, хотя Мирзоев указывает 33 025 верст — Мирзоев 1970: 77), Гмелин и Крашенинников — в том же году; Фишер же и Стеллер вернулись только в 1746-м.

4. Результаты путешествия и прием

В том, что Миллер привез из Сибири, первое место занимали не археологические материалы и наблюдения, а собранные в огромном количестве письменные источники — летописи, челобитные, всякого рода грамоты разных веков, скопированные им в архивах, разбросанных по всей Сибири (в острогах, крепостях, канцеляриях воевод) и в силу удаленности сохранившихся лучше, чем архивы Центральной России. Там нашлись, например, документы, освещавшие лакуны в истории Смуты и эпохи Лжедмитрия. Копии из 20 сибирских архивов составляют 35 огромных томов, не считая комментариев и выписок самого Миллера. Все же он был прежде всего историк-источниковед. Только на втором месте стояли антиквитеты — материальные древности, которые Миллер рассматривал как вспомогательный материал истории, т. е. тоже как источники по истории.

Наибольшее количество выявленных памятников представляли могилы. «Древние могилы, кои находят в странах России и Сибири, — писал Миллер, — различного бывают виду, хотя большая часть оных вероятным образом происходит от одного народа». Первое верно, второе нет, но для времени, когда вся первобытность была в глазах историков сжата до нескольких тысячелетий, ошибка естественна. Для объяснения обнаруженных в человеческих могилах костей животных и вещей Миллер прибегал к сопоставлению с наблюдениями, которые сейчас назвали бы этнографическими, то есть к сравнительному анализу, применявшемуся на Западе Лафито (книга его вышла в 1724 г.). В «Иъяснениях о некоторых древностях, в могилах найденных», Миллер (1764/1999: 513) писал:

«Когда я упомянул о костях лошадиных, кои в сих могилах найдены вместе с человеческими, то оное есть доказательство особливово суеверия, наблюдаемого еще и ныне некоторыми восточными народами. Многие так думают, что Магометов рай, кажется, на том же основан, что отшедшие души на том свете так, как на сем, одинаковою жизнью наслаждаются. На такой конец знатному человеку потребна та лошадь, на которой он ездил, надобна ему милая его жена и любимый служитель».

Он приводил в пример «индианок» и якутов. Видя разное богатство могил, он заключал (1764/1999: 514): «Богатые могилы доказывают знатность

погребенных особ и богатство того народа. Скудным и простым людям никаких драгоценностей в могилу класть было не можно, и когда в большой стране все могилы скудны, то сие есть доказательство о бедности всего народа». Это, конечно, упрощение, в котором не учитывается воздействие погребального обряда: все зависело от того, каким рисовался загробный мир. Но это упрощение жило вплоть до XX в.

Первую классификацию могил представил не Миллер, а Гмелин в книжке, опубликованной за рубежом.

Другая категория памятников, которыми Миллер занимался в Сибири, были городища. Он тщательно обследовал остатки татарских, остяцких, вогульских и тунгусских укрепленных поселений, упоминаемых в найденных письменных источниках. Обследовал он также и русские городища, тогда как позднейшие археологи еще долго не обращали на них внимания.

Исследуя писаницы, Миллер и Гмелин пришли к выводу, что Страленберг ошибочно считал надписями изображения людей и животных, а также непонятные фигуры на этих писаницах. Миллер уловил даже в этих писаницах разные стили изображений и пришел к выводу об их принадлежности разным народам. Сравнивая писаницы с изображениями на шаманских бубнах, он счел писаницы произведениями современных сибирских народностей. Это было ошибочное впечатление, но сакральный характер писаниц был установлен, таким образом, правильно.

Привез Миллер и коллекцию предметов сибирского языческого культа, шаманский бубен и костюмы.

А самое заметное, что Миллер привез из Сибири, — это были новые знания и умения, усвоенные там. В экспедицию уехал 28-летний историк-новичок, а вернулся утомленный трудами, но опытный почти сорокалетний ученый, досконально проработавший более двадцати архивов, собравший огромные материалы по истории, археологии и этнографии, самостоятельно доведший свои методы критической обработки источников до уровня, достигнутого в это время на Западе. Он имел лишь зачатки сведений об этой методике от своего университетского учителя Менке и от чтения Лейбница, остальное он разработал сам в ходе практического опыта.

5. Схватки и гонения

В 1746 г. историк-любитель П. Н. Крекшин подал в Сенат свое генеалогическое изыскание, в котором возводил род Романовых к Рюрику. Он было передано в Академию наук на отзыв Миллеру. Тот провел собственное исследование родословных и пришел к выводу, что льстивое изыскание несостоятельно, поскольку род Романовых происходит от Захарьевых-Юрьевых, каковые Рюриковичами не были. Романовы были избраны на престол без ссылок на происхождение от Рюриковичей. Крекшин написал верноподданный донос, и Сенат начал разбирательство «дела Миллера». Академики добились прекращения дела, но президент Академии граф К. Г. Разумовский издал указ Миллеру «ни в какие родословные исследования» не вступать (Дворниченко 2006: 11). Это было не единственное «дело Миллера», ставившее под сомнение его лояльность.

Как раз когда Миллер вернулся в Петербург, в Академии происходили бурные события. Академики добились удаления от дел и ареста ненавистного Шумахера (как оказалось, только на время) и теперь, выведенные из терпения пьяными загулами и буянством академика Ломоносова, обращались к императрице с жалобой: убежденные «в показанном нам от Ломоносова несносном бесчестии и неслыханном ругательстве», они требовали «учинить надлежащую праведную сатисфакцию, без чего Академия более состоять не может». А пока академики постановили не допускать его на заседания. Это постановление было принято на пятый день после приезда Миллера, и он, всегда придирчиво требовательный относительно любого умаления своих привилегий как академика (равно и достоинства всей коллегии), принимал деятельное участие в наказании Ломоносова. Ломоносов объявил, что никогда не простит ему этого участия (Пекарский 1870: 336).

Между тем и Шумахер вернулся к власти в Академии, и Ломоносов набирал в ней силу. Шумахер настроил против Миллера президента графа Разумовского и его фаворита Теплова. Двойной оклад, обещанный Миллеру за экспедицию, был снова уменьшен до первоначального, его труды не печатались. Он на это жаловался Разумовскому, указывая, что его «ипохондрическая болезнь», «которая начало обыкновенно имеет от многих трудов, а потом и часто приключается от досады и печали», много у него прибыла от того,

что обещанного сенатским указом вознаграждения он не получил, «и дается мне жалованья самый молодой оклад». И что он видит, «что мои труды токмо червям на пищу или другим людям, которые после меня пользоваться будут, в похвалу служить имеют так, как сделалось с описаниями покойного доктора Мессершмидта, которые и поныне лежат непечатаны...» (Пекарский 1879: 343).

В 1747 г. был принят новый «Регламент» Академии наук, в котором гуманитарный разряд не был предусмотрен, а члены Академии были разделены на академиков и профессоров. Профессора должны преподавать в академическом университете, не исключая и гуманитарные науки. От этой перестройки профессор Миллер, пожалуй, выиграл: ему было пожаловано увеличение оклада и звание историографа России, а также должность ректора академического университета (таким образом, он стал первым российским историографом и первым ректором первого российского университета!) — в обмен на принятие российского подданства. А переписку с границей он должен вести отныне только через канцелярию Академии наук. В 1748 г. академик Гмелин уехал за рубеж, при чем Ломоносов и Миллер вдвоем поручились за него, что он вернется. А он вернуться отказался. Обоим поручителям вдвое уменьшили жалованье. Уехавший ранее Делиль прислал Миллеру письмо, в котором он намекал на некий их сговор нечто опубликовать за границей из истории Академии, к чему Академия относилась с крайней опаскою — большей, чем к разглашению государственной тайны. От Миллера потребовали разъяснения, он писал оправдательные объяснения, что ничего предосудительного не имелось в виду.

Затем последовал эпизод, который тогда имел мало касательства к археологическим материалам, но он затрагивал тему, которая в наше время приобрела злободневное звучание именно в археологии — тему этногенеза и норманнский вопрос.

В марте 1749 г. Ломоносову и Миллеру было поручено выступить на торжественном собрании Академии 6 сентября, в день тезоименитства императрицы Елизаветы. Рекомендую Ломоносова президенту, Шумахер мотивировал это так:

«Очень бы я желал, чтобы кто-нибудь другой, а не г. Ломоносов произнес речь в будущее торжественное заседание, но не знаю такого между нашими академиками... Оратор должен быть смел и некоторым образом нахален... Разве у нас, милостивый государь, есть кто-нибудь другой в Академии, который бы превзошел его в этих качествах?»

О Миллере же было сказано так: «у него довольно хорошее русское произношение, громкий голос и присутствие духа, очень близкое к нахальству!»

Шумахер, конечно, не без задней мысли столкнул лбами обоих «нахалов» (Печкарский 1873: 402).

Ломоносов, искушенный в писании од, сочинил похвальное слово императрице Елизавете, и к нему не было претензий. Между прочим, он влагает в уста императрице такое обращение к подданным: «Я видеть Российскую Академию из сынов российских состоящую желаю». Ломоносов всячески желал внушить властям, «что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать». Он боролся за доминирование в Академии. Немецкие члены Академии намек собрата поняли, но смолчали.

Миллер же подошел к своей задаче со всей серьезностью историка. Он подготовил латинскую речь о происхождении русского народа и его имени, в которой он, используя выводы своего старшего коллеги Байера, объективно и критически проанализировал бытовавшие в средневековых российских сочинениях байки о происхождении русского народа от библейских героев, или от вымышленного Руса. Он использовал летописную легенду о призвании варягов и все доступные ему данные об участии варягов (норманнов) в создании русского государства и о северном, скандинавском происхождении имени «русь». Шумахер подверг диссертацию сомнению и предложил академикам «освидетельствовать, не отыщется ли в оной чего для России предосудительного?» При рассмотрении речи многие коллеги выступили против ее произнесения на собрании, особенно Ломоносов, Крашенинников и Попов, которые соперничали с немцами в Академии и готовы были трактовать выступление Миллера как зловерный выпад против славян. Они сформировали жупел норманизма, продержавшийся более двух веков.

16 сентября Ломоносов представил свой первый отзыв на «скардную» диссертацию Миллера. Он обвинил Миллера в том, что тот цитирует больше иностранных ученых, а «российских авторитетов не токмо просто, но не редко и с поношением опровергает» (позже это обвинение в точности повторялось в сталинское время гонителями космополитов). Ломоносову показались «темной ночи подобными» стремления Миллера опровергнуть происхождение Москвы от библейского Мосоха, а россиян от реки Росса. «Правда, что г. Мюллер говорит: прадеды ваши от славных дел назывались славянами, но сему во всей диссертации противное показывать старается, ибо на всякой почти странице русских бьют, грабят, благополучно скандинавы побеждают...»

Торжественное собрание было отложено. По требованию Миллера назначено разбирательство «в генеральном собрании без всякого пристрастия».

Ломоносова со товарищи поддержали Теплов и Шумахер. 19 октября Шумахер злорадно пишет Теплову, фавориту президента Академии Разумовского, что Миллер избрал предмет скользкий, и придется его поправлять:

«гг. профессора и адъюнкты трудятся теперь над диссертациею г. Мюллера и в понедельник начнут битву. Я предвижу, что она будет очень жестокой, так как ни тот, ни другие не захотят отступить от своего мнения».

Чрезвычайно интересно дальнейшее напоминание Шумахера о том, как он сам предупреждал Миллера и как именно рекомендовал ему развивать тему в «диссертации»:

«Помню, что я утверждал, что она написана с большою ученостью, но с малым благоразумием. Это оправдывается. г. Байер, который писал о том же предмете в академических Комментариях, излагал свои мнения с большим благоразумием, потому что употреблял все возможные старания отыскать для русского народа благородное и блистательное происхождение, тогда как г. Мюллер, по уверению русских профессоров, старается только об унижении русского народа. И они правы. Если бы я был на месте автора, то дал бы совсем другой оборот своей речи. Я бы изложил таким образом:

происхождение народов весьма неизвестно. Каждый производит их то от богов, то от героев. Так как я буду говорить о происхождении русского народа, то изложу вам, милостивые государи, различные мнения писателей по этому предмету и потом выскажу мое собственное мнение, поддерживая его доказательствами, довольно — по крайней мере по моему рассуждению — убедительными. Такой-то и проч. Я же, основываясь на свидетельствах, сохраненных шведскими писателями, представляю себе, что русская нация ведет свое начало от скандинавских народов. Но, откуда бы ни производили русский народ, он был всегда народом храбрым, отличавшимся геройскими подвигами, которым следует сохраниться в потомстве. По краткости времени, мы коснемся только замечательнейших, отложив прочие до другого случая.

Здесь бы он мог говорить о подвигах князей, великих князей, царей, императоров и императриц. Но он хотел умничать! *Habeat sibi!* (Вот и получил!) Дорого он заплатит за свое тщеславие!» (Пекарский 1960: 56–57).

30 октября он добавляет: «профессор Мюллер теперь видит, что промахнулся с своею диссертациею *De origine gentis russicae* (О происхождении русского народа)... Мне сказывали, что когда Попов говорил Мюллеру: *tu, clarissime autor, nostram gentem infamia afficias* (ты, яснейший автор, обесславил наш народ), то тот почти лишился чувств» (Пекарский 1970: 57).

Таким образом, Шумахеру суть спора была безразлична, научная истина тоже, а выше всего он ставил дипломатичную тактику, хитроумную подачу, угодливый характер изложения. «Тщеславием» Миллера и его «желанием умничать» Шумахер называл стремление ученого быть серьезным историком, устанавливая научную истину. С назиданиями Шумахера был вполне согласен профессор Тредиаковский: «Благоприятность и предосторожность требуют, чтобы правда была предлагаема некоторым приятнейшим образом. Гибкая,

говорю я, и удобообращающаяся поступка приобретает множество друзей». Поэтому он предлагал в историческом повествовании кое-что «переменить, исправить, умягчить, выцветить» (Бахрушин 1999: 32).

Миллер же в одном письме излагал свое кредо так: «быть верным истине, беспристрастным и скромным». Историк «должен казаться без отечества, без веры, без государя... Все, что историк говорит, должно быть строго истинно, и никогда не должен он давать повод к возбуждению к себе подозрения в лести» (Пекарский 1870: 381). Это он и осуществлял. В противоположность этому Ломоносов (см. 1957: 148–149) искал в истории прежде всего основу для патриотических настроений и полагал, что русскую историю должен излагать «природный россиянин», ибо только такой сочинитель не будет склонен «ко шпынству и посмеянию». Он не работал с русскими летописями, а черпал свои знания из «Синописа» — позднего украинско-польского искаженного пересказа. Кроме того, Ломоносов опирался на библейские тексты, средневековые предания и созвучия имен — эту методику Миллер справедливо отвергал (Каменский 1991). Возражая Ломоносову, Миллер говорил, что «есть разница между историческим рассуждением и панегириком» и что он не желал писать последнего (Пекарский 1873: 438–439).

Рассмотрение в генеральном собрании продолжалось с 23 октября 1749 г. по 8 марта 1750 г. В новом отзыве Ломоносов писал: «Всего несноснее, что в своем исступлении или полуумстве» Миллер опровергает пребывание апостола Андрея Первозванного в земле российской, тогда как Петром Великим орден Андрея Первозванного учрежден! Этот второй отзыв Ломоносова стал исходным пунктом для двухсотлетнего развития позиций антинормализма. Споры шли на латыни. Впоследствии Ломоносов вспоминал (1952, 6: 549): «Каких же не было шумов, браней и почти драк! Миллер заелся со всеми профессорами, многих ругал и бесчестил словесно и письменно, на иных замахивался палкою и бил ею по столу конферентскому». Читая это, Алпатов замечает (1985: 23): «Если учесть, что Ломоносов тоже был человек крутого нрава и ходил тоже с палкой, то нетрудно себе представить всю ожесточенность этих ученых баталий».

Канцелярия постановила, приняв в основание отзывы Ломоносова, Крашенинникова и Попова, речь Миллера уничтожить, «так как она предосудительная России» (Пекарский 1870: 359–362). Миллер был снят с должности ректора университета. Более того, президент граф Разумовский в своем указе обвинил Миллера в ряде грехов: уговорил, де, Гмелина уехать, сговаривался с Делилем, клеветал на Крашенинникова, что тот был у него «под батошьем», а главное, что из Сибири он привез только никому не нужные копии бумажек (можно было просто запросить канцелярии, чтобы их прислали!) и к тому же

позорит Россию! Резюме: понизить Миллера в чине и оплате, переведа его из профессоров в адъюнкты. (В сталинские времена с космополитами расправлялись куда суровее.)

Через несколько месяцев его простили, вынудив просить прощения. Уж очень был умелый и ревностный работник. Но и Миллер в результате всех своих невзгод стал осторожнее и сдержаннее. Он охотно делился своими богатыми знаниями по истории России, но становился немым, когда заходила речь о чем-либо предосудительном для российских порядков.

Все эти годы он писал по добытым им источникам историю Сибири. В 1750 г. вышел первый том. Дальнейшее издание застопорилось. Миллер стремился каждое положение подтвердить ссылкой на источники и обильным цитированием этих источников. Академическое начальство рассматривало это как ненужную роскошь и пустопоржнее желание раздуть объем книги в ущерб академическому издательству. В конце концов в 1752 г. было принято решение поручить Фишеру сократить рукопись Миллера, что Фишер и выполнил, издав в 1768 г. «Сибирскую историю» в двух томах на немецком языке... под своим именем (Миллер был упомянут в предисловии как сделавший подготовительные работы). В 1774 г. вышел русский перевод этого издания.

6. Позднее признание

В 1754 г. Миллер стал конференц-секретарем Академии, вел все ее протоколы, жалование его было повышено. К этому времени он имел обширное международное признание — был членом Королевского общества Англии, Парижской Академии наук, Стокгольмского, Лейпцигского и других научных обществ. В связи с воцарением Екатерины II в 1762 г. его положение стало еще более улучшаться. Никто не мог попрекнуть его немецким происхождением: он служил уже больше 30 лет русскому государству, да теперь и сама царица была немкой. Когда в 1763 г. генерал А. П. Мельгунов, пытавшийся противостать дворцовому перевороту, был отослан на юг и раскопал там Литой курган с раннескифским царским погребением (впоследствии этот комплекс вошел в науку под названием Мельгуновского клада), Екатерина именным указом повелела именно Миллеру сделать его научное описание.

Он завел себе отличный каменный дом на 13-й линии Васильевского острова, напротив Морского кадетского корпуса, заполненный домочадцами и приживалами. В этом доме он на время поселил приглашенного им из Германии Августа-Людвига Шлёцера, талантливейшего историка, который ввел в науку русские летописи, разделение критики источников на внутреннюю и внешнюю и самый термин «источник». Нрав у гостя был тоже отнюдь не блаженный, и скоро они с Миллером рассорились.

«Мюллер, имевший тогда 56 лет, был красивый мужчина, чрезвычайно высокий и крепкий... — пишет Шлёцер в своих воспоминаниях. — Он мог быть чрезвычайно бойким, у него были остроты и колкие возражения; из его маленьких глаз проглядывала сатира, а в образе мыслей было что-то великое, справедливое, благородное. Он был теплый патриот за честь России, которая, однако, до сих пор его очень оставляла в пренебрежении...» Причиной Шлёцер называет «чрезмерную запальчивость». «Он наделал себе много врагов, могущественных, тайных и явных между товарищами чрез свое властолюбие, а между подчиненными — суровым обращением» (Шлёцер 1802: 28).

В 1764 г. против Шлёцера выступили в союзе Ломоносов и Миллер, хотя и безуспешно: Шлёцер стал академиком. Это было важно не только для истории, но и для российского общественного развития: Шлёцер был прогрессивных

О П И С А Н І Е СИБИРСКАГО ЦАРСТВА

и всѣхъ
ПРОИЗШЕДШИХЪ ВЪ НЕМЪ ДѢЛЪ,
отъ начала

А ОСОБЛИВО ОТЪ ПОКОРЕНИЯ ЕГО
РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВѢ
ПО СИИ ВРЕМЕНА ;

СОУЩЕСТВО
ГЕРАРДОМЪ ФРИДЕРИКОМЪ МИЛЛЕРОМЪ,
Исторіографомъ и Профессоромъ Университета
Академіи Наукъ и Соціетета
Аглійскаго Членомъ.

КНИГА ПЕРВАЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ 1750. года.

Титульный лист первого издания труда Г. Ф. Миллера
«История Сибири» (1750 г.)

Глеб Лебедев – перед самой «норманской баталией» 1965 г.
проходил службу в армии

взглядов — типичный просветитель-вольтерьянец, он первым в России выдвинул и мотивировал идею отмены крепостного права.

В следующем году Миллера перевели в Москву, в богатейший архив Министерства иностранных дел. Императрица Екатерина, живя временами в Москве, часто звала к себе старого академика и беседовала с ним. В 1772 г. во время большого московского пожара у Миллера приключился инсульт («параличный удар»), от которого он, однако, оправился и даже продолжал работать. В 1779 г. его на обеде у князя М. Н. Волконского повидал английский путешественник Уильям Кокс. Он так описывает свои впечатления:

«Миллер говорит и пишет свободно по-немецки, по-русски, по-французски, по-латыни и свободно читает по-английски, по-голландски, по-шведски, по-датски и по-гречески. Он обладает до сих пор изумительной памятью, и его знакомство с малейшими подробностями русской истории прямо поразительно. После обеда этот выдающийся ученый пригласил меня к себе, и я имел удовольствие провести несколько часов в его библиотеке, в которой собраны чуть ли не все сочинения о России, вышедшие на европейских языках... Его собрание государственных актов и рукописей неоценимо и хранится в величайшем порядке» (Коукс, цит. по: Каменский 1996: 407).

Библиотека Миллера была еще при жизни куплена царицей и оставлена во владении Миллера до его смерти. Он умер в начале 1783 г., в возрасте 81 года.

Миллер считал себя историком. Бахрушин (1999: 33) пишет, что по шлёцеровской классификации историков, различающей три типа — собирателя, исследователя и повествователя, — Миллер принадлежал к первому. Он не обладал вкусом к исторической философии и критике, предпочитал эмпиризм. «В обязанности исторического писателя, — утверждал он, — входит точное следование оригиналу». Фишер на это заметил: «Это скорее обязанности переводчика: исторический писатель — не литературный вор» (Мирзоев 1970: 86). Это писал человек, который опубликовал работу Миллера под своим именем. Миллер отвечал: «Весьма невежливо... что он меня желает превратить в литературного вора за мою добросовестность», и пояснял, что не хочет быть романистом. Эти два российских немца разговаривали на разных языках.

Дворниченко (2006: 15) заметил, что у Миллера впервые в русской истории исторический источник выделен из исторического повествования — формируется научный аппарат, ссылки на источники.

На деле Миллер был в сущности не столько историком, сколько источниковедом, охватывая своей деятельностью все три основных вида исторических источников — письменные, этнографические и археологические. Историком его называют потому, что он больше занимался письменными источниками, и потому, что ориентировал свою работу на цели истории.

Но и археологические источники он первым в России поставил в один ряд с письменными. У него было источниковедческое чутье. Так же, как в Москве в архиве Коллегии иностранных дел он протестовал против уничтожения старых челобитных (Они уже не нужны, — говорило начальство, — дела закрыты, челобитчики померли. — Каменский 1996: 394.), так он наставлял Фишера не оставлять без внимания глиняные сосуды. Почему? Он, вероятно, не мог бы объяснить. Но чуял, что это когда-то сгодится.

И было у него твердое убеждение в необходимости исторической истины, заставлявшее его годами рыться в сибирских архивах, копать промерзлые могилы, противостоять академическому начальству и запальчиво спорить на латыни с Ломоносовым, обладавшим заслуженным авторитетом во многих науках и преимуществах коренного жителя России.

«История Сибири» Миллера издана в 1937 г., переиздана в 1999. К «портфелям Миллера», хранящимся в московском архиве (РГАДА), все еще обращаются историки и археологи. И будут обращаться. А в истории русской археологии Миллер остался фигурой очень значительной. К. Н. Бестужев-Рюмин называл его «настоящим отцом русской исторической науки», похоже оценивал его и В. О. Ключевский (Белковец 1988: 31–32). Во времена, когда археология еще не была отдельной наукой, и отечественными (первобытными и средневековыми) древностями занимались в основном географы, позже биологи, он подошел к этим материалам как источниковед с ориентацией на историю. Позже историки, занимающиеся археологией и этнографией, часто появлялись в русской науке (Погодин, Забелин, Самоквасов, Рыбаков), и это определяло ее специфику. Миллер был первым.

Х. Глеб Лебедев

Предварительное замечание

Когда погиб Глеб Лебедев, я поместил некрологи в двух журналах — «Клио» и «Стратум-плюс». Еще в интернетном виде их тексты быстро были раздерганы на кусочки многими газетами. Здесь я соединил эти два текста в один, поскольку это были воспоминания о разных сторонах многогранной личности Глеба.

Ученый, гражданин, витязь

В ночь на 15 августа 2003 г., канун Дня археолога, в Старой Ладоге, древней столице Рюрика, погиб профессор Глеб Лебедев, мой ученик и друг. Упал с верхнего этажа общежития археологов, ведших там раскопки. Предполагают, что он взбирался по пожарной лестнице, чтобы не будить заснувших коллег. Через несколько месяцев ему бы исполнилось 60 лет.

После него осталось более 180 печатных работ, из них 5 монографий, множество учеников-славистов во всех археологических учреждениях Северо-Запада России, остались его свершения в истории археологической науки и города. Он был не только археологом, но и историографом археологии, и не только исследователем истории науки — он и сам принимал активное участие в ее творении. Так, еще студентом он был одним из основных участников Варяжской дискуссии 1965 г., положившей в советское время начало открытому обсуждению роли норманнов в русской истории с позиций объективности. В дальнейшем на это была направлена вся его научная деятельность. Он родился 28 декабря 1943 г. в истощенном Ленинграде, только что освобожденном от блокады, и вынес из детства готовность к борьбе, крепкие мускулы и слабое здоровье. Окончив школу с золотой медалью, он поступил к нам на исторический факультет Ленинградского университета и страстно занялся славяно-русской археологией. Яркий и энергичный студент стал душой Славяно-варяжского семинара, а через пятнадцать лет — его руководителем. Этот семинар, по оценке историографов (А. А. Формозов и сам Лебедев), возник в ходе борьбы шестидесятников за правду в исторической науке и сложился как очаг оппозиции официальной советской идеологии. Норманнский вопрос был одним из пунктов столкновений свободомыслия с псевдопатриотическими догмами.

Я работал тогда над книгой о варягах (так тогда и не пошедшей в печать), а моих студентов, получивших задания по частным вопросам этой темы, неудержимо притягивали не только увлекательность темы и новизна предлагаемого решения, но и опасность задания. Я позже занялся другими темами, а для моих студентов той поры эта тема и вообще славяно-русская тематика стала основной специализацией в археологии. В своих курсовых работах Глеб Лебедев принялся выявлять истинное место варяжских древностей в русской археологии.

Отслужив три года (1962–1965) в армии на Севере (тогда брали со студенческой скамьи), еще студентом и комсомольским лидером студенчества факультета Глеб Лебедев принял участие в жаркой публичной дискуссии 1965 г. («Варяжской баталии») в Ленинградском университете и запомнился своим блестящим выступлением, в котором он смело указал на стандартные фальсификации официозных учебников. Итоги дискуссии были подведены в нашей совместной статье (Клейн, Лебедев и Назаренко 1970), в которой впервые после Покровского была изложена и аргументирована «норманистская» трактовка варяжского вопроса в советской научной литературе.

Глеб смолodu привык работать в коллективе, будучи его душой и центром притяжения. Наша победа в Варяжской дискуссии 1965 г. была оформлена выходом большой коллективной статьи (опубликованной только в 1970 г.) «Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения». Эта итоговая статья была написана тремя соавторами — Лебедевым, Назаренко и мной. Результат появления этой статьи был косвенно отражен в ведущем историческом журнале страны «Вопросы истории» — в 1971 г. в нем появилась маленькая заметка за подписью замредактора А. Г. Кузьмина о том, что ленинградские ученые (назывались наши имена) показали: марксисты могут признавать «преобладание норманнов в господствующей прослойке на Руси». Удалось расширить свободу объективного исследования.

Я должен признать, что вскоре мои ученики, каждый в своей сфере, знали славянские и норманнские древности и литературу по теме лучше меня, тем более что это стало их основной специализацией в археологии, а я увлекся другими проблемами.

В 1970 г. была опубликована и дипломная работа Лебедева — статистический (точнее, комбинаторный) анализ погребального обряда викингов. Работа эта (в сборнике «Статистико-комбинаторные методы в археологии») послужила образцом для ряда работ товарищей Лебедева (некоторые опубликованы в том же сборнике).

Для объективной идентификации скандинавских вещей на восточнославянских территориях Лебедев стал изучать одновременные памятники Швеции, в частности Бирку. Лебедев занялся анализом памятника — это стало его дипломной работой (результаты ее напечатаны 12 лет спустя в «Скандинавском сборнике» 1977 г. под названием «Социальная топография могильника “эпохи викингов” в Бирке»). Он завершил курс университета досрочно и тотчас был взят на кафедру археологии преподавателем (январь 1969 г.), так что он стал преподавать своим недавним сокурсникам. Его курс археологии железного века стал исходной шкалой отсчета для многих поколений археологов, а его курс истории отечественной археологии лег в основу учебника.

В разное время группы студентов ездили с ним в археологические экспедиции в Гнездово и Старую Ладугу, на раскопки курганов и разведки по реке Каспле и вокруг Ленинграда-Петербурга.

Первой монографией Лебедева была книга 1977 г. «Археологические памятники Ленинградской области». К этому времени Лебедев уже ряд лет руководил Северо-Западной археологической экспедицией Ленинградского университета. Но книга не была ни публикацией результатов раскопок, ни подобием археологической карты области с описанием памятников всех эпох. Это были анализ и обобщение археологических культур средневековья на Северо-Западе Руси. Лебедев всегда был генерализатором, его привлекали скорее широкие исторические проблемы (разумеется, на конкретном материале), чем частные исследования.

Через год вышла вторая книга Лебедева в соавторстве с двумя друзьями по семинару «Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв.». Год этот был вообще удачным для нас: в этом же году вышла моя первая книга «Археологические источники» (таким образом, Лебедев опередил своего учителя). Эту монографию Лебедев создавал в соавторстве со своими соучениками В. А. Булкиным и И. В. Дубовым, из которых Булкин развивался как археолог под влиянием Лебедева, а Дубов стал и учеником его. Лебедев много возился с ним, пестовал его и помогал осмысливать материал (пишу об этом для восстановления справедливости, потому что в книжке о своих учителях покойный Дубов, оставаясь до конца партийным функционером, предпочел не вспоминать о своих неконформистских учителях по Славяно-варяжскому семинару). В этой книге Северо-Запад Руси описан Лебедевым, Северо-Восток — Дубовым, памятники Белоруссии — Булкиным, а памятники Украины анализируются совместно Лебедевым и Булкиным.

Чтобы предъявлять весомые аргументы в выяснении истинной роли варягов на Руси, Лебедев смолоду взялся за изучение всего объема материалов о норманнах-викингах, и из этих изысканий родилась его обобщающая книга. Это третья книга Лебедева — его докторская диссертация «Эпоха викингов в Северной Европе», опубликованная в 1985 г. и защищенная в 1987 г. (и докторскую он защитил также раньше меня). В книге он отошел от восприятия порошь норманнского исходного очага и мест их завоевательной активности или торговли и наемнической службы. Тщательным анализом обширного материала, с применением статистики и комбинаторики, тогда еще не очень привычной для российской (советской) исторической науки, Лебедев выявил специфику сложения феодальных государств в Скандинавии. В графиках и схемах он представил возникшее там «перепроизводство» государственных институтов (верхнего класса, военных дружин и т. п.), обязанное грабительским походам

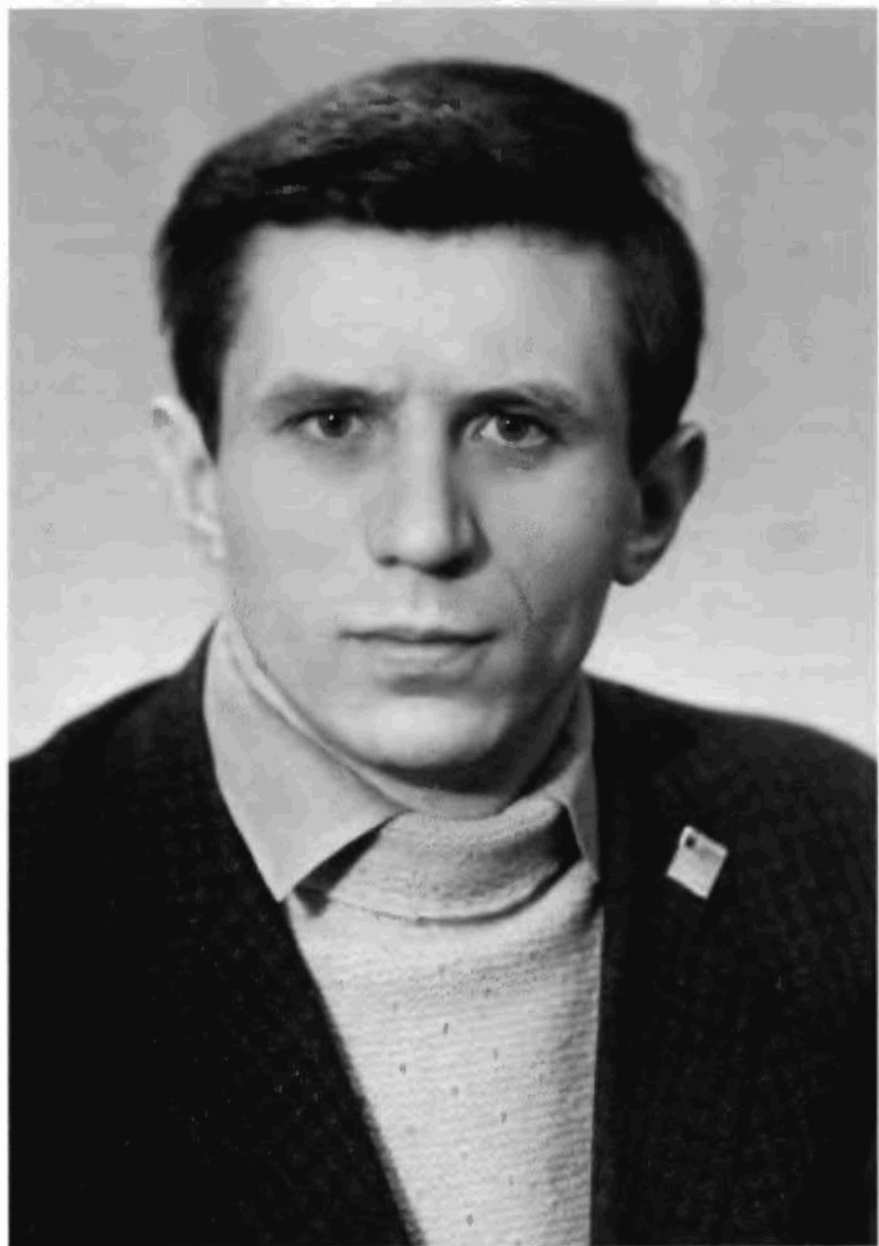
викингов и успешной торговле с Востоком. Он рассмотрел различия в том, как использовался этот «избыток» в норманнских завоеваниях на Западе и в их продвижении на Восток. По его мысли, здесь завоевательные потенции уступали место более сложной динамике отношений (служба варягов Византии и славянским княжествам). Мне представляется, что и на Западе судьбы норманнов были более многообразны, и на Востоке завоевательный компонент был более силен, чем представлялось тогда автору.

Он рассмотрел социальные процессы (развитие специфически северного феодализма, урбанизацию, этно- и культурогенез) на всей территории Балтики в целом и показал их поразительное единство. С этих пор он говорил о «Балтийской цивилизации раннего средневековья». Этой книгой (да и предшествующими работами) Лебедев вошел в число ведущих скандинавистов страны.

В течение одиннадцати лет (1985–1995) он был научным руководителем международной археолого-навигационной экспедиции «Нево», за проведение которой в 1989 г. Русское Географическое общество наградило его медалью Пржевальского. В этой экспедиции археологи, спортсмены и курсанты-моряки обследовали легендарный «путь из варяг в греки» и, построив копии древних гребных судов, неоднократно осуществляли прохождение по рекам, озерам и волокам Руси от Балтики до Черного моря. В реализации этого эксперимента существенную роль играли шведские и норвежские яхтсмены-любители истории. Другой лидер путешественников, известный хирург-онколог Юрий Борисович Жвиташвили, стал другом Лебедева на всю оставшуюся жизнь (их совместная книжка «Дракон Нево», 1999, излагает результаты экспедиции). В ходе работ было обследовано более 300 памятников. Лебедев показал, что коммуникационные пути, связывавшие Скандинавию через Русь с Византией, были важным фактором урбанизации всех трех регионов.

Научные успехи Лебедева и гражданская направленность его исследований вызвали неустанную ярость его научных и идеологических противников. Помню, как в ученый совет факультета прибыл пересланный министерством для разбора подписной донос маститого московского профессора археологии (ныне покойного), в котором министерство извещалось, что, по слухам, Лебедев собирается посетить Швецию, чего допустить нельзя, имея в виду его норманистские взгляды и возможную связь с антисоветчиками. Образованная факультетом комиссия тогда оказалась на высоте и отвергла донос. Контакты со скандинавскими исследователями продолжались.

В 1991 г. вышла моя теоретическая монография «Археологическая типология», в которой ряд разделов, посвященных приложению теории к конкретным материалам, был написан моими учениками. Лебедеву принадлежал в этой

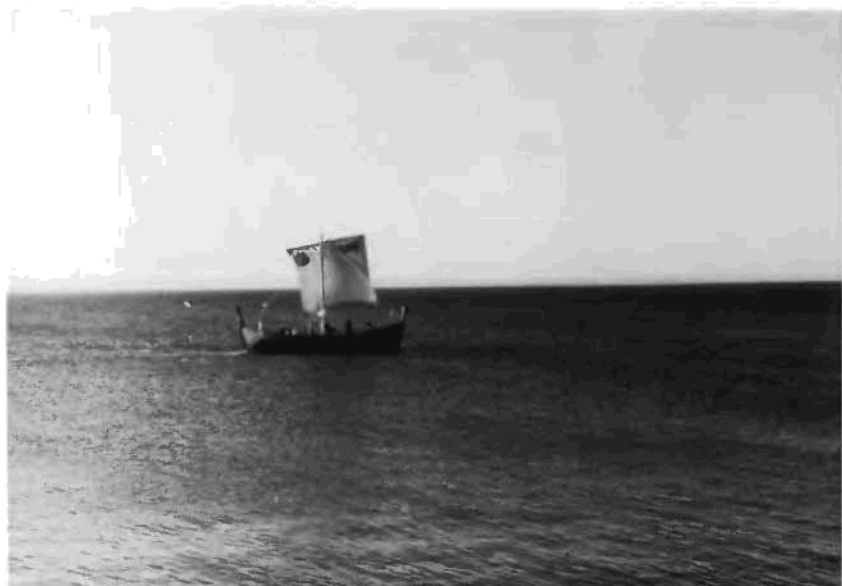

Профессор Глеб Сергеевич Лебедев,
доктор исторических наук, депутат Ленгорсовета

Друг Г. С. Лебедева, известный онколог и путешественник
Юрий Борисович Жвиташвили, доктор медицинских наук,
начальник экспедиции «из варяг в греки»

Экспедиция «из варяг в греки», ладья «Нево» в Эгейском море 1993 г.

книге большой раздел о мечях. Мечи из его археологических материалов были вынесены и на обложку книги. Размышления Лебедева над теоретическими проблемами археологии и ее перспективами вылились в капитальный труд. Большая книга «История отечественной археологии» (1992) была четвертой монографией Лебедева и его докторской диссертацией (защита в 1987 г.). Отличительной чертой этой интересной и полезной книги является умелая увязка истории науки с общим движением общественной мысли и культуры. В истории российской археологии Лебедев выделил ряд периодов (становления, период ученых путешествий, оленинский, уваровский, постуваровский и спицынско-городцовский) и ряд парадигм, в частности энциклопедическую и специфически российскую «бытоописательную парадигму».

Я тогда написал довольно критическую рецензию — мне многое в книге претило: сумбурность построения, пристрастие к концепции парадигм и т. д. (Клейн 1995). Но это сейчас самый крупный и детальный труд по истории до-революционной отечественной археологии. По этой книге во всех университетах страны студенты постигают историю, цели и задачи своей науки. Можно спорить с наименованием периодов по личностям, можно отрицать характеристику ведущих концепций как парадигм, можно сомневаться в специфичности «бытоописательной парадигмы» и удачности самого названия (более точным было бы именовать ее историкокультурной или этнографической), но сами идеи Лебедева свежи и плодотворны, а их реализация колоритна. Книга написана неровно, но с живым чувством, воодушевлением и личной заинтересованностью — как и все, что Лебедев писал. Если он писал об истории науки, он писал о пережитом, от себя. Если он писал о варягах, он писал о близких героях истории своего народа. Если он писал о родном городе (о великом городе!), он писал о своем гнезде, о своем месте в мире.

Если внимательно прочитать эту книгу (а это очень увлекательное чтение), то можно заметить, что автора чрезвычайно занимают формирование и судьбы петербургской археологической школы. Он старается определить ее отличия, ее место в истории науки и свое место в этой традиции. Изучая дела и судьбы знаменитых русских археологов, он старался понять их опыт для постановки современных проблем и задач. На базе курса лекций, легшего в основу этой книги, вокруг Лебедева сложилась группа питерских археологов, специализировавшихся на истории дисциплины (Н. Платонова, И. Тункина, И. Тихонов). Еще в первой своей книге (о викингах) Лебедев показал многогранные контакты славян со скандинавами, из которых родилась балтийская культурная общность. Роль этой общности и силу ее традиций Лебедев прослеживает вплоть до современности — этому посвящены его обширные разделы в коллективном труде (четырех авторов) «Основания регионалистики.

Формирование и эволюция историко-культурных зон» (1999). Труд вышел под редакцией двоих из авторов — профессоров А. С. Герда и Г. С. Лебедева. Официально эта книга не считается монографией Лебедева, но в ней Лебедевым сделано примерно две трети всего тома. В этих разделах Лебедев предпринял попытку создать особую дисциплину — археологическую регионалистику, разработать ее понятия, теории, методы, ввести новую терминологию («топохрон», «хронотоп», «ансамбль», «локус», «семантический аккорд»). Не все представляется мне в этой работе Лебедева продуманным до конца, но выделение некой дисциплины на стыке археологии и географии давно намечается, а Лебедев высказал и в этой работе немало ярких мыслей.

Небольшой его раздел есть и в коллективном труде «Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны» (2001), причем Лебедев — один из двух ответственных редакторов тома. У него сложился специфический предмет исследований: Северо-Запад России как особый регион (восточный фланг «Балтийской цивилизации раннего средневековья») и один из двух основных центров сложения русской культуры; Петербург как его сердцевина и особенный город — северный аналог не Венеции, с которой Петербург обычно сравнивают, но Рима (см. лебедевскую работу «Рим и Петербург. Археология урбанизма и субстанция Вечного Города» в сборнике «Метафизика Петербурга», 1993). Лебедев отталкивается от подобию Казанского собора, главного в граде Петра, собору Петра в Риме с его дугообразной колоннадой.

Особое место в этой системе взглядов заняла Старая Ладога — столица Рюрика, в сущности первая столица великокняжеской Руси Рюриковичей. Для Лебедева по концентрации власти и геополитической роли (выход восточных славян на Балтику) это был исторический предшественник Петербурга.

Эта работа Лебедева кажется мне слабее предшествующих: некоторые рассуждения представляются заумными, в текстах слишком много мистики. Мне кажется, Лебедеву вредило его увлечение мистикой, особенно в последние годы, в последних работах. Он верил в неслучайность совпадений имен, в таинственную связь событий через поколения, в существование предназначений и миссионерских задач. Он был в этом схож с Рерихом и Львом Гумилевым. Проблески подобных идей ослабляли убедительность его построений, порою его рассуждения звучали заумно. Но в жизни эти вихри идей делали его одухотворенным и наполняли энергией.

В недостатках работы по исторической географии, видимо, сказывалось то, что здоровье и интеллектуальные возможности ученого были к этому времени сильно подорваны лихорадочным трудом и трудностями выживания. Но и в этой книге есть очень интересные и ценные мысли. В частности, говоря

о судьбах России и «русской идее», он приходит к выводу, что колоссальный масштаб самоубийственных кровавых неурядиц русской истории «во многом определяется и неадекватностью самооценки» русского народа (с. 140). «Подлинная "русская идея", как и любая "национальная идея", заключается лишь в способности народа — знать правду о себе самом, видеть собственную реальную историю в объективных координатах пространства и времени». «Идея, отстраненная от этой исторической реальности» и подменяющая реализм идеологическими конструкциями, «будет лишь иллюзией, способной вызвать ту или иную национальную манию. Как и любое неадекватное самосознание, такая мания становится жизнеопасной, ведя социум... к краю катастрофы» (с. 142).

В этих строках изложен гражданский пафос всей его научной деятельности в археологии и истории.

В 2000 г. вышла пятая монография Г. С. Лебедева — в соавторстве с Ю. Б. Жвиташвили: «Дракон Нево на Пути из Варяг в Греки», а уже в следующем году вышло второе издание этой книги. В ней Лебедев вместе со своим соратником начальником экспедиции (сам он был ее научным руководителем) описывает драматическую историю и научные результаты этой подвижнической и увлекательной 11-летней работы. Тур Хейердал приветствовал их. Собственно, шведские, норвежские и русские яхтсмены и историки под водительством Жвиташвили и Лебедева повторили свершение Хейердала, проделав путешествие, хотя и не столь опасное, но более длительное и более ориентированное на научные результаты.

Еще студентом, увлеченный и увлекающих всех вокруг, Глеб Лебедев покорила сердце красивой и талантливой студентки кафедры искусствоведения Веры Витязевой, которая специализировалась на изучении архитектуры Петербурга (есть несколько ее книг), и с ней Глеб Сергеевич прожил всю жизнь. Вера не стала менять фамилию: она ведь действительно стала женой витязя, викинга. Он был верным, но нелегким мужем и хорошим отцом. Заядлый курильщик (предпочитавший «Беломор»), он поглощал неимоверное количество кофе, работая ночами напролет. Он жил на износ, и медики не раз вытаскивали его из когтей смерти. У него было немало противников и недругов, но его учителя, коллеги и многочисленные ученики любили его и готовы были прощать ему обычные человеческие недостатки за тот вечный пламень, которым он горел сам и зажигал всех вокруг.

В студенческие годы он был молодежным лидером исторического факультета — комсомольским секретарем. Кстати, пребывание в комсомоле оказало на него дурное влияние — постоянные завершения заседаний попойками, принятые в комсомольской верхушке повсеместно, приучили его

(как и многих других) к алкоголю, от чего ему приходилось потом с трудом избавляться. От коммунистических иллюзий (если какие-то и были) оказалось ибавиться легче: они и без того были непрочными, разъеденными либеральными идеями и неприятием догматизма. Одним из первых Лебедев разорвал свой партийный билет. Немудрено, что в годы демократического обновления Лебедев вошел в первый демократический состав Ленсовета — Петросовета и был в нем, вместе со своим другом Алексеем Ковалевым (главой группы «Спасение»), активным участником сохранения исторического центра города и восстановления в нем исторических традиций. Он также стал одним из создателей общества «Мемориал», целью которого стало вернуть доброе имя замученным узникам сталинских лагерей и восстановить полностью права тех, кто остался в живых, поддержать их в жизненной борьбе. Этот запал он пронес сквозь всю жизнь, и уже в конце ее, в 2001 г., чрезвычайно больной (у него был вырезан желудок и выпали все зубы), профессор Лебедев возглавил комиссию петербургского Союза ученых, ведущую несколько лет борьбу против пресловутого засилья большевистских ретроградов и псевдопатриотов на историческом факультете и против декана Фроянова, — борьбу, завершившуюся победой несколько лет тому назад.

К сожалению, названная болезнь, застрявшая в нем еще со времен комсомольского лидерства, подрывала его здоровье. Всю жизнь Глеб боролся с этим пороком, и годами в рот не брал спиртного, но иногда срывался. Для борца это, конечно, непозволительно. Недруги использовали эти срывы и добились его удаления не только из Городского совета, но и с кафедры археологии. Тут его заменили его учениками. Лебедев же был назначен ведущим научным сотрудником НИИ комплексных социальных исследований СПб университета, а также директором СПб филиала РосНИИ культурного и природного наследия. Однако в основном это были должности без постоянной ставки. Жить приходилось почасовым преподаванием в разных вузах. Он так и не был восстановлен в профессорской должности на кафедре, но через много лет стал снова преподавать в качестве почасовика, носился с идеей организовать постоянную учебную базу в Старой Ладогѐ.

Все эти трудные годы, когда многие коллеги покинули науку ради заработков в более прибыльных отраслях, Лебедев, будучи в самых скверных материальных условиях, не прекращал заниматься наукой и гражданской деятельностью, не приносившими ему практически никаких доходов. Из видных научных и общественных деятелей нового времени, находившихся у власти, он сделал больше многих и не нажил в материальном отношении НИЧЕГО. Он оставался жить в Петербурге Достоевского (у Витебского вокзала) — в той же дряхлой и неустроенной, бедно обставленной квартире, в которой родился.

Семье (жене и детям) он оставил свою библиотеку, неопубликованные стихи и доброе имя.

В политике он был деятелем собачаковской формации, и естественно, что антидемократические силы преследовали его как могли. Не оставляют они этой злобной травли и после смерти. Газета Шутова «Новый Петербург» откликнулась на смерть ученого гнусной заметкой, в которой обзывает покойного «неформальным патриархом археологической тусовки» и сочиняет небылицы о причинах его гибели. Якобы в беседе со своим другом Алексеем Ковалевым, при которой присутствовал корреспондент «НП», Лебедев выдал некие секреты службы охраны президента во время городского юбилея (использование магии «отвода глаз»), и за это тайные службы госбезопасности устранили его. Что тут можно сказать? Стулья знакомы с людьми близко и длительно. Но очень односторонне. При жизни Глеб ценил юмор, и его бы весьма позабавила шутовская магия черного ПИАРа, но Глеба нет, и кто бы мог объяснить газетчикам все неприличие их шутовского кривляния? Однако и в этом кривом зеркале отразилась действительность: без Лебедева действительно не обходилось ни одно крупное событие городской научной и общественной жизни (в понимании шутовских газетчиков конгрессы и конференции — это тусовки), и он действительно был всегда окружен творческой молодежью.

Ему было свойственно ощущение мистических связей истории с современностью, исторических событий и процессов со своей личной жизнью. По образу мышления ему был близок Рерих. Тут есть некоторое противоречие с принятым идеалом ученого, но недостатки человека являются продолжением его достоинств. Трезвое и холодное рассудочное мышление было ему чуждо. Он был опьянен ароматом истории (а порою не только им). Подобно своим героям-викингам, он жил полной жизнью. Он дружил с Интерьерным театром Петербурга и, будучи профессором, принимал участие в его массовых спектаклях. Когда в 1987 г. курсанты Макаровского училища на двух гребных ялах прошли по «пути из варяг в греки», по рекам, озерам и волокам нашей страны, от Выборга до Одессы, вместе с ними тащил ладьи волоком пожилой профессор Лебедев.

Когда норвежцы построили подобия древних ладей викингов и тоже предложили на них путешествие от Балтийского до Черного моря, в России была построена такая же ладья «Нево», но совместное путешествие 1991 г. было сорвано путчем. Осуществлено оно было только в 1995-м со шведами, и снова с молодыми гребцами был профессор Лебедев. Когда же этим летом шведские «викинги» прибыли снова на ладьях в Петербург и расположились лагерем, моделирующим древние «вики», на пляже у Петропавловской крепости, в палатках с ними поселился Глеб Лебедев. Он дышал воздухом истории и жил в ней.

Вместе со шведскими «викингами» он отправился из Петербурга в древнейшую славяно-варяжскую столицу Руси — Старую Ладогу, с которой были связаны его раскопки, разведки и планы создания университетской базы и музейного центра. В ночь на 15 августа (отмечаемое всеми археологами России как День археолога) Лебедев распрощался с коллегами, и утром его нашли неподалеку от запертого общежития археологов разбитым и мертвым. Смерть была мгновенной. Еще раньше он завещал похоронить себя в Старой Ладоге — древней столице Рюрика. У него было много планов, но по каким-то мистическим планам судьбы умереть он прибыл туда, где и хотел остаться навечно.

В своей «Истории отечественной археологии» он писал об археологии:

«Почему она на протяжении десятилетий, столетий сохраняет свою притягательную силу для новых и новых поколений? Дело, видимо, именно в том, что археологии принадлежит уникальная культурная функция: материализация исторического времени. Да, мы исследуем “археологические памятники”, т. е. попросту копаем старые кладбища и свалки. Но ведь при этом мы совершаем то, что древние с почтительным ужасом называли “Путешествием в Царство Мертвых”».

Теперь он сам отбыл в это последнее путешествие, и мы можем лишь склониться в почтительном ужасе.

XI. ПРИЛОЖЕНИЯ

Славяно-варяжский семинар

**Воспоминания участников
и избранная библиография**

А. Воспоминания участников и соучастников

Л. С. Клейн

Проблемный, славяно-варяжский

Проблемный семинар для меня был поначалу (и всегда оставался) прежде всего педагогическим средством, но потом оказался и коллективом соратников.

В 1960 г. я начал преподавать на кафедре, в 1962-м был зачислен в ее штат ассистентом. Тогда кафедра была в упадке. После запрета совместительств в ее штате оставались всего два преподавателя — доценты Т. Д. Белановская и В. Д. Рыбалова. Остальные специалисты приходили как почасовики, даже завкафедрой проф. М. И. Артамонов был «приходящим» (он был директором Эрмитажа). Поэтому, став ассистентом, я немедленно начал читать основные курсы и вошел в коллектив, родной для меня, как один из ведущих преподавателей.

За плечами у меня были годы работы в школе учителем (1952–1957). Будучи учителем в Гродно, я организовал в школе школьный археологический музей и возил школьников в археологические экспедиции (ходил с ними на шлюпках и пешком по реке Роси, притоку Немана). Еще аспирантом на кафедре я воссоздал привычную для меня среду — организовал кружок школьников при кафедре. Прошелся с лекциями по школам и отобрал в кружок лучших школьников. Дальше пошла цепная реакция: одни втягивали других. Из этих школьников вышли первые мои студенты — Глеб Лебедев, Володя Назаренко, Юра Пиотровский, позже Ю. Лесман и др. Не все стали археологами, некоторые известными филологами (акад. Н. Казанский, Е. Пономарев), востоковедами (М. Воронов) и т. д. Школьный кружок еще долго был параллельным коллективом, пополнявшим кадрами семинар и кафедру (потом его вели мои студенты).

За эти годы у меня выработались некоторые принципы работы с юношеством (Клейн 1998). Я понял, что более всего привлекают и организуют юношество НАСТОЯЩИЕ дела, не чисто учебные упражнения. Настоящие дела и острые проблемы, где нужно бороться, проявлять смелость и ответственность. Вот

и пришла мне в голову идея организовать не просто учебный семинар по специальному предмету, а семинар проблемный по острым и насущным проблемам археологии, семинар, в котором студенты будут сидеть рядом со зрелыми археологами (каковых, однако, будет не слишком много, чтобы не смущать молодежь) и в котором студенты будут получать не просто учебные задания, а такие, которые будут по изначальной нацеленности вкладом в науку.

Меня с самого начала научной карьеры интересовала не одна узкая проблема, а несколько, даже не в одной науке (я и в студенческие годы учился сразу на двух факультетах — историческом и филологическом). Поэтому семинар был назван просто Проблемным, без указания специализации. Но, выделяя для работы на ближайший год одну проблему, мы столкнулись с тем, что на ее разработку года не хватит. Пришлось растягивать занятия одной проблемой на много лет. Так возник Славяно-варяжский семинар. Первые несколько лет я занимался им вплотную. После успеха в дискуссии 1965 г. мы еще сделали вместе две массовые публикации — в сборнике 1970 г. под редакцией Шаскольского была не только наша совместная статья (трех авторов), но и еще две статьи из семинара — В. Петренко о «фигурках викинга» и И. Дубова о молоточках Тора, а в сборнике по математическим методам в археологии (тоже 1970 г.) было напечатано сразу пять наших статей.

Но во второй половине 60-х, когда члены семинара (из «старшей дружины») Лебедев, а затем и Булкин сами стали преподавателями кафедры, а в Славяно-варяжский семинар пришла «младшая дружина» — Е. Носов, Е. Рябинин, И. Дубов, К. Плоткин, В. Кольчатов, Ю. Лесман, — я все больше стал заниматься другой частью Проблемного семинара: теми, кто специализировался по первобытной археологии (энеолит и бронзовый век) и теории археологии. К 1968 г. мы сумели выпустить сборник «Проблемы археологии», вып. I. Участниками этого семинара были Вадим Бочкарев, Владимир Сафронов, Юрий Пиотровский, Борис Раев, Алексей Виноградов и др. С конца 60-х заседания Славяно-варяжского семинара и руководство работами студентов стал вести Глеб Лебедев, в начале 70-х — попеременно Лебедев и Булкин, хотя многими индивидуальными работами по-прежнему руководил Глеб Лебедев. В 1971 г. от семинара отпочковался готский семинар М. Б. Щукина, опиравшегося на помощь Д. А. Мачинского (этот семинар работает до сих пор). В 1972 г. одно время В. Булкин упустил бразды правления, но семинар продолжал действовать самостоятельно — его вели студенты М. Казанский, С. Белецкий и М. Лесман. В середине 70-х Лебедев перенес операцию и болел, семинар несколько лет вел Василий Булкин. В конце 70-х опять Славяно-варяжский семинар возглавил Лебедев. Во второй половине 70-х в семинаре работали кроме названных студентов В. Башенькин, В. Конецкий, В. Ушинский, Н. Платонова, В. Томсинский.

В эти годы я вместе с теоретической секцией Проблемного семинара занимался преимущественно организацией работ по теории (дискуссия 1970 г. об археологической культуре — Клейн и др. 1970; конференции 1974 и 1978 гг. по типологии и классификации, отраженные в сборнике «Типы в культуре» — Клейн 1979).

В 1980-е гг. после моего ареста и изгнания из Университета Славяно-варяжским семинаром руководил Г. С. Лебедев. В это время в семинаре были С. Кузьмин, А. Мачинская, Е. Михайлова и др. Под руководством Глеба семинар работал до его ухода в политику и последовавшего вытеснения с факультета и кафедры в 1991 г. (он стал сотрудником НИИ комплексных социальных исследований Университета). Парадоксально, но именно после падения советской власти у руля на факультете оказалась группа националистически настроенных коммунистов во главе с деканом И. Я. Фрояновым, которая, вытеснив несогласных с ними профессоров, превратила факультет в бастион коммунистической идеологии и предвыборный штаб компартии. В душной атмосфере националистического угара работа Славяно-варяжского семинара сошла на нет в том смысле, что регулярные заседания постепенно прекратились. Ректорат и Петербургский совет ученых долго вели осаду факультета, завершившуюся в 2001 г. сменой руководства факультета. Лебедев снова стал преподавать на кафедре, но в 2003 г. погиб.

Я же после преподавания наездами за границей (в Западно-Берлинском, Венском, Копенгагенском и Даремском университетах) вернулся в родной Университет в 1994 г., но на философский факультет и преподавал там в качестве штатного профессора до 1997 г. Параллельно преподавал в Европейском университете Санкт-Петербурга (по 1998 г.), коего вуза я был одним из основателей. Мною была предпринята попытка возродить Проблемный семинар при Европейском университете в 1996–1997 гг. Мне даже выделили специальное помещение для семинара, где вместе с Глебом мы развесили мои старые «Заповеди» участникам (они теперь напечатаны — Клейн 1999) и сделали выставку истории семинара (фотографии и литература). На заседаниях мы обсуждали методiku раскопок, сравнивали нашу с европейской — у многих был уже опыт участия (Клейн 1998). Однако в Европейском университете не было и нет археологии, только история и этнология. Кроме того, там учатся только аспиранты, студентов там нет, а участие студентов с кафедры археологии тогда не поощрялось кафедрой. Поэтому я не смог придать этой реализации семинара ту устойчивость и жизнеспособность, которыми характеризовались прежние его воплощения. С моим уходом на пенсию семинар в Европейском университете прекратился. Сейчас читаю на кафедре археологии СПбГУ историю мировой археологической мысли. Участник Славяно-варяжского семинара (из

«младшей дружины») Е. Н. Носов заведует кафедрой археологии и является директором ИИМК.

Ныне заседаний семинара нет, но любопытно, что его бывшие участники редко говорят о нем в прошлом времени. Они ощущают его как живой, работающий коллектив. Он работает в каждом из них, в их учениках и живет в их солидарности и готовности к общему делу.

Г. С. Лебедев. Тридцать лет назад

Отрывок из статьи «Varangica Проблемного семинара Л. С. Клейна» в журнале «Стратум-плюс» № 5 за 1999 г.

Современный этап изучения «варяжской проблемы» в России открывается выходом в свет книги И. П. Шаскольского «Норманнская теория в современной буржуазной науке» (Л., 1965) и состоявшейся 22 декабря 1965 г. дискуссией по этой книге на истфаке Ленинградского университета. Основные выводы и перспективы, определившиеся в этой дискуссии, излагались в статье Л. С. Клейна, Г. С. Лебедева, В. А. Назаренко, опубликованной в сборнике «Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв.», также под редакцией И. П. Шаскольского (1970). Одновременно программная статья В. Т. Пашуто появилась в «Скандинавском сборнике» (XV, 1970), который с этого времени стал основным изданием, а «скандинавские конференции» (1971–1997) — основной ареной обсуждения хода исследования проблемы.

Варяжский вопрос — начальный, а потому ключевой вопрос российской истории, следовательно, отечественного самосознания. Археология — средство объективации этого самосознания, основанного на историческом знании. Поэтому вполне закономерно, что основной оппонент И. П. Шаскольского и основатель «Проблемного семинара кафедры археологии», который открывался именно как «Варяжский семинар», Л. С. Клейн свой собственный путь в археологии «из-под крыла» своих университетских учителей М. И. Артамонова и великого фольклориста В. Я. Проппа начал именно с «варяжского вопроса». Проблема, остававшаяся для Артамонова «полем боя» с 1939 г. до последних дней (доклад в ЛОИА 1969 г.), требовала решения, и молодой аспирант кафедры археологии, где М. И. остался заведующим после своего достопамятного конфликта с ленинградскими партийными властями из-за Шемякинской выставки в Эрмитаже, начал свою преподавательскую практику (как в свое время в 1909 г. учитель Артамонова А. А. Спицын) со спецкурса «Варяжский вопрос и археология» (1963/64 учебный год).

Проблемный семинар по «варяжскому вопросу» начал действовать с 1964 г. В первом составе — В. П. Петренко, Ю. Ю. Лиотровский, В. А. Булкин,

В. А. Назаренко, А. А. Пескова и другие, «славистами» стали не все, но все осваивали «пурификационный подход», принципы интеллектуальной честности, последовательной процедуры исследования, в норме — формирующей не только парадигму научных изысканий, но весь жизненный путь.

Показательна судьба одного из первых участников семинара Валерия Петренко (1943–1991). Он пришел с начальной выучкой, полученной у рижских археологов, и фантазмагорической по тем временам мечтой — исследовать самый ранний в Восточной Европе норманнский могильник, Гробини в Курземе. Курсовые и дипломную работы писал по добытой в «спецхране» БАН немецкой монографии Биргера Нермана (1941 год издания). Со скамьи семинара в 1966 г. он отправился в «Касплянскую разведку» пути из варяг в греки (откуда принес свой «гимн оголтелого норманизма», экспедиционную песню для всех последующих субгенераций — «Мы по речке, по Каспле идем...»). Затем к собственному исследованию Варяжской улицы и сопок Старой Ладogi, пограничного Ивангорода. Четверть века неутомимых работ в конце концов привели его к курганам Гробини, и вместе с латвийскими археологами он открывает там сенсационно ранние скандинавские памятники с готландской стрелой V–VI вв., одним из древнейших изображений корабля (начальная «русь»). Свой последний полевой сезон он провел на раскопках шведской экспедиции в Бирке, центральном памятнике «эпохи викингов». Однако и главное дело его жизни не оборвалось с этой жизнью — посмертную публикацию основных материалов исследования Гробини взяли на себя и выполнили его латвийские и шведские друзья и коллеги (Petrenko, Urtans 1995).

Автор этих строк еще на первом курсе, под неформальным руководством Л. С. Клейна и официальным — профессора В. В. Мавродина, декана факультета, написал «факультативную» курсовую работу «О причинах участия варягов в образовании Древнерусского государства» (1962). Лишь тридцать лет спустя можно было дать себе отчет в гражданском мужестве декана — научного руководителя: в 1960 г. за аналогичную работу о норманнах Андрей Амальрик был изгнан с истфака Московского университета. Ленинградский невольный его последователь, в общем, тоже покинул студенческую скамью, но по другим причинам: «недород» военного поколения возмещали призывом студентов в Вооруженные Силы СССР. Присоединиться к семинару удалось лишь в конце 1965 г., после возвращения из армии, чтобы сразу выйти на трибуну «Норманнской дискуссии». Л. С. Клейн писал мне о ней в последних «преддембельных» письмах, книги по археологии, которые он посылал на площадку Ракетных войск, дополняли «марксистско-ленинское самообразование», а первым учебным заданием по семинару стало проштудировать непереведенную «Secret diplomatic History» Маркса, которую выдали по специальному

разрешению в Публичной библиотеке. Махровый норманизм Маркса стал нашим «секретным оружием», и оно весьма пригодились, когда Л. С. Клейн развернул блистательный арсенал научных аргументов норманизма на истфаке ЛГУ 22 декабря 1965 г. (Джаксон, Плимак 1988).

М. И. Артамонов и В. В. Мавродин курировали и вели эту «Норманнскую дискуссию», а потому она не завершилась показательным разгромом новых, советских «норманистов». Наоборот, семинар Л. С. Клейна получил санкцию на продолжение своей работы. Стратегия исследования «Норманнских древностей Киевской Руси», предложенная на дискуссии, вскоре была опубликована, а следующие двадцать пять лет ушли на ее реализацию, и «Славяно-варяжский семинар» Л. С. Клейн с начала 1970-х передал в полное ведение своих учеников. В составе его к тому времени работали, кроме названных, Е. Н. Носов, И. В. Дубов, Е. А. Рябинин, К. М. Плоткин, «младшая дружина», составившая ядро ленинградской школы археологов-славистов, обучавшаяся и у старшего поколения этой школы, М. И. Артамонова, И. И. Ляпушкина, П. Н. Третьякова, Г. Ф. Корзухиной, а параллельно вызревал «славяно-готский семинар» учеников М. А. Тихановой — Д. А. Мачинского и М. Б. Щукина.

Примечания Л. С. Клейна (2005)

Воспоминания одного из главных участников семинара очень ценны для восстановления событий 1965 г., но тут заметны некоторые противоречия с той картиной, которая обрисована мною. Как мне кажется, Г. С. Лебедеву была свойственна идеализация крупных ученых, что видно в его «Истории отечественной археологии», где и моя роль выпячена непомерно. Он несколько преувеличивает свою непосредственную преемственность от М. И. Артамонова, а того — от А. А. Спицына, желая сконструировать задним числом красивые линии развития истории науки. Михаил Илларионович не был учеником Спицына, его научными руководителями были Н. П. Сычев и позже А. А. Миллер. По типу и интересам он был ближе скорее к М. И. Ростовцеву. Непосредственно варяжским вопросом Артамонов не занимался (это верно отмечено в статье Г. С. «Артамонов и варяжский вопрос»), хотя он и работал над смежными проблемами, но главное — он заражал нас стремлением к научной объективности, искренности в науке и твердости в отстаивании своих позиций.

Что касается нашей дискуссии и «кураторства» М. И. Артамонова и В. В. Мавродина, то Мавродин как декан, конечно, был заинтересован в том, чтобы на факультете все было спокойно и скандал был улажен. И вообще он был человеком доброжелательным и либеральным. Но неоднократно битый, уцелевший участник «ленинградского дела» (ограничилось высылкой из Ленинграда надолго), он был чрезвычайно осторожен, придерживался

официально одобренных позиций (по вопросу о варягах — умеренно антинорманистской позиции) и не был настроен рисковать ради нас своим положением.

Его реакция на нашу просьбу о минимальной помощи описана в этом томе в предварительных замечаниях к моему выступлению на дискуссии. Артамонов, назначенный Мавродиным, председательствовать на дискуссии, был тоже изрядно потрепан в противостоянии партийной бюрократии, но сохранил больше твердости и решительности. Ему, однако, не пришлось выступать в нашу защиту. Заключительное слово председателя сводилось к одной фразе: «Ну, мне и подытоживать нечего: всем все ясно».

Уточнению подлежит и вопрос о наших первых интересах. Я начал свое продвижение в науке не с варяжского вопроса. Мои курсовые работы были посвящены катакомбной культуре бронзового века (и ей же многие мои позднейшие работы вплоть до кандидатской диссертации). Кстати, и вторую курсовую работу Глебу Лебедеву я дал по катакомбной культуре, рассматривая первую, варяжскую (1962 г.), как упражнение первокурсника. Дипломную работу я писал по скифам (и эта тема долго была для меня сквозной). Моя первая печатная работа (1955 г.) была о происхождении славян. Работа об «участии варягов в образовании Древнерусского государства» была для декана Мавродина в общем не так уж страшна: он ведь и сам писал в книге 1945 г. о таком участии — для него весь вопрос был в мере участия.

Но для меня к тому времени варяжский вопрос вышел на первый план. В аспирантуре (1957–1960 гг.) я, увлекшись шедшими тогда дискуссиями в Ленинграде, забросил тему диссертации и сделал к 1960 г. рукопись книги «Спор о варягах», с 1960 г. я стал бесплатно преподавать в Университете, в 1962 г. усилиями М. И. Артамонова был зачислен ассистентом в штат кафедры археологии и вскоре стал читать спецкурс по варягам, а с 1964 г. организовал Проблемный семинар. Проблемным он назывался потому, что в нем ставились острые проблемы нашей науки, а студенты получали задачи не типа упражнений, а исследовательского характера. Такой была варяжская проблема.

Ю. М. Лесман

В семинаре с юных лет

Впервые я пришел на заседание Славяно-варяжского семинара осенью 1968 г. Собственно, сначала я, ученик 8-го класса, пришел на занятия школьного археологического кружка, который тогда еще вел Л. С. Клейн (через несколько недель он начал передавать его студентам кафедры: сначала они вели лишь отдельные занятия, а потом уже и все подряд). Мои интересы к тому времени более или менее определились (меня интересовала археология Древней

Руси, в первую очередь курганы Юго-Восточного Приладожья — привлекла существовавшая тогда специальная витрина в эрмитажной экспозиции), и Л. С. посоветовал мне прийти на семинар и подвел к В. А. Назаренко — его ученику, студенту, кажется, пятого курса, занимавшемуся Приладожьем. С этого дня все субботы были заняты, семинар быстро оттеснил школьный кружок на второй план (хотя и кружок оставался) — как-никак здесь собирались взрослые и не просто учились — они делали археологию.

Я не помню, какой из докладов услышал первым. Сохранилась тетрадь с записями конспектов некоторых выступлений, но они не датированы (от осени 1968 до весны 1971 г.): доклады Г. С. Лебедева о топографии могильника Бирка, В. А. Назаренко о курганах Юго-Восточного Приладожья, В. А. Кольчатова о Шестовицком могильнике (с попытками применения так интересовавших меня математических методов обработки информации). Помню, что выступали с докладами почти все тогдашние участники семинара: В. А. Булкин, К. М. Плоткин, Е. Н. Носов, И. В. Дубов и др., в том числе, кажется, и В. В. Мавродин (младший) — рассказывал о берданке, но это было уже экзотикой. Из приезжих запомнил доклад Винникова о памятниках Подонья (в первую очередь о могильниках на Лысой горе, Белогорском, Боршевском), запомнилось рассмотрение стратиграфии насыпей, позволяющее реконструировать процесс их сооружения, эксплуатации и разрушения.

В целом впечатление было ошеломляющим: я увидел целую команду друзей, которые вместе делали одно общее дело (о некоторых внутренних тренингах я узнал много позже). Л. С. Клейн направлял, подводил итоги, но основные вопросы, основные выступления были делом студентов. Они спорили, иногда горячась, спорили между собой, спорили с Клейном. Голос старших был уверенней и авторитетней, но слушали всех. Я, совсем маленький неуч, сначала не решался задавать вопросы публично (мучал старших в перерывах или после семинара), но уже через год-полтора (к концу 9-го и в 10-м классах) позволял себе иногда спрашивать наряду со всеми. Как ни странно это может показаться теперь, но на мои наивные вопросы серьезно отвечали, кажется, видя во мне не просто не в меру настырного ребенка, а младшего коллегу. Этот подход, кажется, всегда отличал семинар — его руководители, а также приглашенные взрослые докладчики и старшие студенты подходили к младшим не как к школярам, а как к младшим, пусть пока недостаточно опытным, недостаточно знающим, но коллегам.

Важным событием, как мне показалось, была проведенная весной 1969 г. на базе кафедры, при активной роли участников семинара Региональная археологическая студенческая конференция (РАСК). Удачно было и то, что подряд, вслед за РАСКом, следовал юбилейный пленум Института археологии, так

что часть приезжих студентов (не говоря о питерских и особенно семинарских) остались послушать доклады (я отпросился с уроков в школе и пропадал на заседаниях около двух недель). На РАСКе больше всего запомнилась лекция-доклад М. И. Артамонова, который говорил о встречном движении по территории Восточной Европы славян с юга и варягов с севера.

В течение 1969 г. Л. С. Клейн постепенно передавал руководство семинаром досрочно защитившему диплом и ставшему ассистентом кафедры археологии Г. С. Лебедеву. Он и раньше был в семинаре лидером, но одно дело быть лидером внутри команды, другое — руководить. С некоторым трудом и усилием над собой (по крайней мере, мне так показалось) Глеб становился Глебом Сергеевичем. Нет, все, кто был знаком с ним со студенческих лет, продолжали звать его по имени, но выступал в обсуждении он теперь обычно последним, подводя итоги. Семинары продолжали проходить по субботам в 75-й аудитории. После семинара продолжались обсуждения в коридоре, у гардероба, а затем и на улице. После того как собственно обсуждение завершалось (иногда уже за Дворцовым мостом), я нередко пристраивался к кому-нибудь из старших для того, чтобы помучить накопившимися вопросами (чаще всех жертвой становился Г. С. Лебедев, ставший моим научным руководителем). Семинар и разговоры после него были школой, где можно было учиться не только публичным выступлениям и дискуссиям, но и методам, подходам. Помню, с каким искренним удивлением я смотрел на столь распространенные в те годы (да и позже) индивидуальные этнические атрибуции погребений и основанные на них подсчеты. Мне ведь уже объяснили (и обосновали это), что этнические определения археологических комплексов и культур — дело весьма проблематичное, а покойник не хоронит себя сам, поэтому обряд погребения говорит в первую очередь об участниках процедуры захоронения, а не о самом погребенном.

Надо сказать, что темы работ участников семинара со временем менялись. Первый набор сосредоточился на памятниках, несомненно связанных со скандинавами как в Швеции (Бирка), так и на Востоке (Гробини, Ладога, Приладожье, Гнездово), несколько позже к этому списку добавились Ярославские курганы, Шестовицы. Но постепенно становилась очевидна необходимость разобраться и с более широким кругом памятников, как дающих скандинавские находки или особенности погребального обряда, так и лишенные их. Темы, которые брали для разработки студенты, руководимые оставшимися преподавателями на Кафедре выпускниками семинара Г. С. Лебедевым, затем В. А. Булкиным, несколько позже И. В. Дубовым, в подавляющем большинстве выходили за рамки узко трактуемой славяно-варяжской проблематики, но вписывались в широкое ее понимание. Для проникновения в процессы сложения

древнерусской культуры и государства мало было собрать и проанализировать скандинавский компонент, надо понять, в какую среду он попадал. Мне, например, в 70-е годы казалось, что в узком контексте норманнской проблемы стало слишком тесно, споры (продолжающиеся и по сей день) о нижней дате тех или иных памятников напоминали белку в колесе — без новых подходов, без новой информации из этого колеса было не выпрыгнуть.

Произошло и еще одно изменение, которое я, появившись в семинаре на несколько лет раньше своих ровесников, замечал. Поколение, пришедшее в семинар раньше, в 1960-е гг., воспринимало варяжскую проблематику более обостренно. Для более молодых норманизм стал достаточно условным термином, присутствие и активная роль норманнов в восточноевропейской истории сомнений не вызывали (мы на этом были уже воспитаны), антинорманизм был проявлением научной ограниченности и политической конъюнктурности. Старшие были в той или иной степени битыми. Достаточно вспомнить доклад Лебедева и Назаренко о времени появления скандинавов в Старой Ладоге, прочитанный в группе славяно-русской археологии ЛОИА вскоре после обсуждения на истфаке книги И. П. Шаскольского (с угрожавшими семинару и, к счастью, не осуществленными оргвыводами). Для более молодых в норманизме оставались элементы фронды, но серьезного страха уже не было. Речь шла просто о необходимости работать честно, профессионально и тщательно. Поэтому я, например, (да и не только я) очень болезненно воспринимал компромиссы своих старших друзей, вставлявших нередко в свои публикации и доклады антинорманистские пассажи.

Осенью 1971 г. как ответвление Славяно-варяжского семинара возник семинар, которым руководили Д. А. Мачинский и М. Б. Щукин. Лебедев руководил семинаром года до 1972. Затем он передал его окончившему аспирантуру В. А. Булкину. Его манера ведения заседаний несколько отличалась от глебовской: он держался во время заседания чуть более отстраненно, вопросы обычно задавал последним (чтобы не мешать студентам). Состав участников сменился. Было по-детски обидно, что выросшие студенты почти совсем перестали бывать на его заседаниях (приходили изредка на особо заинтересовавшие кого-то из них доклады). Сначала все шло по-старому, но вскоре семинар выпал из учебных планов (возможно, сказывалась смерть М. И. Артамонова). В. А. Булкин держался и по нашей просьбе, хотя и неофициально (о чем мы узнали позже), семинар сохранил, однако заседания стремительно теряли свою регулярность.

А мы, студенты, заставшие семинар еще полноценно работавшим, пытались его сохранить. Наверное, не столько из чувства долга или понимания его значимости для дальнейшего развития археологии (это пришло позже),

сколько потому, что были убеждены в его необходимости для нас самих. Как-то, обсуждая втроем (я, студент Политехнического института, полулегально слушавший лекции на кафедре, С. В. Белецкий, студент 3-го курса, и М. М. Казанский, студент 4-го курса) наши проблемы, мы решили, что надо брать дело в свои руки. Мы решили, что будем проводить заседания семинара независимо от присутствия руководителя. Конечно, Василий Александрович (для нас просто Василий) был нам очень нужен, но полностью зависеть от него мы не могли. Семинар удалось возобновить, хотя от отсутствия четкого руководства он что-то и потерял. С другой стороны, для нас троих (да, думаю, и не только для нас) это был очень полезный опыт самостоятельности. Мы учились вести заседания и вести себя на заседании, учились абстрагироваться от собственных пристрастий, учились говорить и как рядовые участники, и как врио руководителя (в частности, подводить итоги обсуждений), учились торопить слишком заговорившихся докладчиков и остужать слишком оживленные споры.

Если семинар проводился, то под конец он обычно переходил в пешую прогулку по Невскому до Московского вокзала, а иногда и дальше. Такая прогулка была продолжением заседания, но уже неформальным, однако никогда или почти никогда не переходившим в застолье. Наше самоуправство стихийно привело к тому, что если на заседание семинара приходили хотя бы двое из нашей троицы — семинар проводился (при наличии докладчика и еще минимум двух-трех участников), если только один (независимо от присутствия остальных, включая руководителя) — семинар обычно переносился. Так продолжалось год, может быть, полтора. Затем, к счастью, нормальное функционирование семинара возобновилось. Его вновь включили в расписание и преподавательскую нагрузку В. А. Булкина, и, хотя назывался он официально как-то иначе, для всех участников это был Славяно-варяжский семинар.

С. В. Белецкий
Славяно-варяжский семинар
в первой половине — середине 1970-х,
каким я его помню

Я поступил в Ленинградский университет в 1970 г., сразу после окончания школы. И хотя к моменту поступления «за плечами» уже было несколько сезонов раскопок в Пскове, но об истфаке я знал совсем мало, а из профессуры и преподавателей был знаком (через отца) только с Артамоновым. Так что, все и всё на кафедре археологии начиналось с нуля.

Нет, конечно, что-то и кого-то я на самом деле знал. По Псковской экспедиции Эрмитажа, в которую отец брал меня с начала 60-х, был знаком со студентами

истфака — с Олей Кондратьевой, Мариной Шмелевой, Олей Струговой, Костей Плоткиным, Андреем Синицыным. В рассказах за вечерними чаепитиями звучали имена Клейна, Глеба, Василия Булкина... Хорошо помню, как в экспедиционном застолье пели гимны истфака («Мы историки-рецидивисты...», «Славься история, славься истфак...»), как кто-то из студентов подробно пересказывал сценку «Из варяг на истфак» из легендарного истфакского капустника, как студенты-кафедралы рассказывали об экспедициях — Костенки, Тамань, Сибирь... От студентов, приехавших в Псковскую экспедицию, впервые узнал и о существовании на кафедре археологии Славяно-варяжского семинара, который основал Клейн и которым руководит Глеб. В лицах пересказывали уже тогда ставшую легендой «варяжскую» дискуссию 1965 г.

Буквально в первые же дни после поступления встретил в коридоре истфака Зою Прусакову. Спросил ее — кого из преподавателей кафедры просить о руководстве курсовой работой. «Глеба Сергеевича Лебедева», — последовал мгновенный ответ. Зоя же показала мне в коридоре Лебедева (на первом курсе он не читал). Подошел. Представился. Попросился. «Приходи в субботу на семинар».

75-я аудитория. Председательствует, кажется, Лебедев. А может быть, Булкин. Вокруг стола сидят старшекурсники. Из них знаю (по Псковской экспедиции) только Костю Плоткина. Докладчик — Володя Назаренко. Рассказывает о раскопках в Приладожье. Вопросы, ответы, бурное обсуждение. Поразило то, что во время доклада и обсуждения все обращаются друг к другу «на вы» и по имени и отчеству, хотя в перерыве никаких имен-отчеств нет и в помине и все друг с другом «на ты». Уже потом узнал, что такая манера ведения заседания — характерная черта питерской археологической школы.

Вообще первый год пребывания в семинаре помню смутно, хотя субботние заседания почти не пропускал. Слушал доклады старшекурсников. В обсуждениях не участвовал и вопросы не задавал. Помню, что Лебедев много болел, и председательствовал на заседаниях, как правило, Булкин. Тогда же впервые услышал определения «старшая» и «младшая» дружины. К старшей дружине относили «ветеранов» семинара — Лебедева, Назаренко, Петренко, Булкина, к младшей — Носова, Рябинина, Дубова, Кольчатова, Плоткина.

Где-то в начале зимы Лебедев предложил мне, тогда самому младшему в семинаре (первый курс, 17 лет), так сказать, «представиться» — выступить с докладом. Посоветовался с отцом, и он предложил взять в качестве темы доклада, а затем и курсовой работы, результаты работ на городище Воронич в Пушкинских горах, где эрмитажная экспедиция провела небольшие раскопки летом 1969 г. И хотя я тщательно готовился к своему первому выступлению на семинаре — рисовал таблицы керамики и ситуационный план городища, сам

доклад оказался провальным: «младшая дружина» высекла меня по полной программе. Помню, что отбивался в стиле Волка из популярного мультфильма: «Ну, погодите! Дайте время...»

Кстати, из этого самого выступления на Славяно-варяжском семинаре потом вырос доклад на студенческой археологической конференции в Вильнюсе. Но это было уже на втором курсе. А тогда, сразу после доклада, Глеб (для меня он, впрочем, много лет был Глебом Сергеевичем; «на ты» мы перешли только в конце 80-х) предложил отложить материалы Воронича, а в качестве темы курсовой работы посоветовал взять керамику Пскова — тот массовый материал, на который я опирался в докладе, пытаясь обосновать нижнюю дату городища Воронич. Так я и поступил. Из-за болезни Глеба кафедральным руководителем курсовой был назначен Василий Булкин, а оппонентом выступил сам Артамонов, с которым мы на защите курсовой даже спорили.

Активно я включился в работу семинара только в 1971/72 учебном году. К этому времени «младшая дружина» окончила университет, однако большинство участников семинара составляли студенты четвертого и пятого курсов. Хорошо помню по субботним встречам в 75-й аудитории Саню Семенова, Наташу Хвоцинскую, Зою Прусакову и Нину Стеценко, а из ровесников — Юру Лесмана и Наташу Ефимову. Глеб из-за болезни появлялся на заседаниях семинара нечасто, и субботние встречи проводил по преимуществу Булкин. Два или три заседания были заняты его собственными докладами о Гнездовских курганах, представлявшими собой, насколько я помню, разделы диссертации. Во всяком случае, иллюстрациями к докладам были фотографии из диссертационного альбома, которые автор по ходу выступления «пускал по рукам».

Но доклады Булкина были, пожалуй, единственными, в которых собственно варяжская проблематика оказалась поставленной «во главу угла». Подавляющее же большинство проблем, обсуждавшихся на заседаниях семинара, к тематике собственно варяжской отношения не имело. Зато активно обсуждались древнерусские памятники (курганы, жальники, поселения, города) и средневековые древности Юга России.

В конце 1971 г. произошло событие, существенно повлиявшее на мои научные интересы. В том году во время раскопок на городище Савкина Горка (проводил эти работы мой отец, а я с большим удовольствием махал на раскопе лопатой и рисовал по вечерам керамику) были найдены несколько фрагментов гончарной керамики с отчетливым ребром на тулове. Происходили находки из слоя XII — начала XIII вв. Вернувшись в Питер и тотально просмотрев в фондах Эрмитажа керамические коллекции из раскопок Гроздилова в Пскове, я нашел еще несколько фрагментов подобных сосудов. Биконические горшки мне в публикациях материалов древнерусских поселений не

встречались, так что на одном из заседаний семинара я нарисовал по памяти фрагмент и послал записку Глебу с вопросом — что он об этом думает. На той же записке получил ответ: «Не верьте Вилинбахову».

Первая мысль — а кто такой Вилинбахов. С его работами я тогда еще не был знаком. Пошел в библиотеку, нашел по каталогу несколько статей в разных изданиях, залпом проглотил их и понял — вот оно, то самое объяснение западнославянским элементам в круговой керамике Пскова и Новгорода. А может быть, варяги и вправду не скандинавы, а балтийские славяне? Узнал домашний телефон Вадима Борисовича, позвонил, представился — студент второго курса кафедры археологии. Попросил о консультации. Приехал к нему домой. За чашкой кофе вместе с ним (и, кажется, с его сыном Юрой) долго говорили о балтийских славянах. Уехал от Вилинбаховых с пачкой отписок, подаренных Вадимом Борисовичем, и с полгода после этого методично читал те работы, на которые Вилинбахов ссылаясь. Позднее познакомил с Вилинбаховым Юру Лесмана (с которым благодаря семинару у нас установилась близкая дружба, сохраняющаяся до настоящего времени), и мы неоднократно обсуждали самые разные проблемы начальной истории славян и Руси уже втроем.

С Вилинбаховым я позднее и встречался, и перезванивался регулярно, учился у него педантизму в работе с литературой, критичности в оценке историографии. Такое общение сохранялось и после того, как я окончил университет и поступил в аспирантуру в Москве. И хотя Вилинбахов так и не сумел убедить меня в том, что варяги — это балтийские славяне, я остаюсь благодарен ему и за долгие беседы о начальной истории Руси, и за то, что именно он открыл мне мир балтийских славян эпохи Генриха Птицелова и первой волны немецкой экспансии в земли ободритов.

Но я отвлекся. Вернусь к Славяно-варяжскому семинару образца 1971/72 г. В том году Глеб ввел обязательное правило — обсуждать на заседаниях семинара курсовые и дипломные работы, а также доклады, которые предполагалось представлять на региональные (РАСК) и всесоюзные (ВАСК) археологические студенческие конференции. Хорошо помню, как зимой 1971/72 г. на семинаре обсуждались доклады Шуры Айбабина о Перещепинском кладе (выжимка из дипломной работы), Сани Семенова о погребении вождя в Соколовском 11-м кургане и Зои Прусаковой о жальниках, подготовленные для IV РАСК, намеченной на весну 1972 г. в Вильнюсе.

Вспоминаю забавный эпизод весны 1972 г. На нескольких заседаниях семинара бурно обсуждался вопрос о возможностях кинофиксации процесса раскопок. Инициировал обсуждение, кажется, Глеб. Было решено на одном из заседаний познакомиться с опытами такого рода работ. Я принес на это заседание свои школьные фильмы — «С лопатой на Ворониче» и «Древний Псков

раскрывает свои тайны». Естественно, никакого процесса раскопок в них не было — обычные любительские (8-мм) короткометражки по 3–4 минуты каждая. Но я гордился этими фильмами — на фестивале кинолюбителей во Дворце пионеров весной 1970 г. они получили дипломы и были даже представлены, среди прочих, на ВДНХ в Москве. На семинаре же показ вызвал недоумение: а где процесс фиксации?

В том же 1972 г. я на полгода ушел в академический отпуск и вернулся к занятиям в семинаре только в начале 1973 г., отстав от своего курса. Заседания вел в это время по преимуществу Буякин. Из студенческих докладов на семинаре хорошо помню только выступление Сани Семенова, рассказывавшего о разомкнутых ровиках у степных курганов Подонья, а также свой доклад о западно-славянских элементах в керамике Пскова X — начала XI вв. Обсуждение этих докладов проходило в рамках подготовки к V РАСК, планировавшейся на весну 1973 г. в Могилеве.

Косвенно с деятельностью славяно-варяжского семинара 1972/73 г. связана забавная история, которая произошла со мной в Московском университете. В конце декабря 1972 г. отцу надо было срочно ехать в командировку в Москву, и я упросил его взять меня с собой: хотелось посмотреть керамику из Гнездовского могильника. Перед поездкой консультировался с Булкиным, и он посоветовал мне обратиться за помощью к Тамаре Пушкиной, с которой мы еще не были знакомы. Приехали с отцом в Москву, пришли на истфак МГУ. Как раз в это время на истфаке поздравляли с 70-летием зав. кафедрой археологии А. В. Арциховского, так что отец остался на чествовании, а я пошел на кафедру археологии. Там нашел Пушкину, представился, сослался на Булкина и объяснил, что мне нужно. Пушкина раскрыла шкафы, в которых стояли склеенные и догипсованные сосуды, и разрешила рисовать все, что меня интересует. Но, когда часа через полтора я собирался уходить, она сказала: «Ты все-таки подойди прямо сейчас к Авдусину и попроси у него разрешения посмотреть материалы. Он не откажет, а сделать это надо».

Ну, надо так надо. Я отправился искать Авдусина. Нашел аудиторию, в которой он принимал у первокурсников экзамен по основам археологии, и встал в очередь. Когда вошел в аудиторию, Авдусин, не поднимая глаз от ведомости, указал мне на стул и спросил: «Что Вы знаете о первой земледельческой культуре Сибири?» Я рассказал все, что знал о таштыкской культуре. «Отлично. Вашу зачетку». «Даниил Антонович, извините, но я не экзамен пришел сдавать. Я приехал из Ленинградского университета и прошу Вас разрешить мне посмотреть керамику из Гнездовских курганов». Тут Авдусин первый раз поднял на меня глаза и спросил: «Чей вы ученик?». «Булкина», — честно ответил я (в тот год моим руководителем числился Василий, а не Глеб). Таким образом

я, кажется, оказался единственным участником Славяно-варяжского семинара, получившим пятерку на экзамене у Авдусина. Очень жалел, что с собой не было зачетки. Ну а керамику Гнездова Авдусин мне посмотреть разрешил и вообще был очень любезен.

В 1973/74 учебном году состав участников семинара сильно обновился: на еженедельных субботних встречах кроме постоянных участников семинара прошлых лет стали регулярно появляться учившиеся на один-два курса позднее меня Володя Лапшин, Сергей Томсинский, Надя Платонова, Таня Шитова, Таня Чукова, Саша Сакса, а также мой однокурсник Толик Александров (он, впрочем, тогда постоянно участвовал в работе Готского семинара Щукина и Мачинского и на заседаниях Славяно-варяжского семинара появлялся изредка). В 1973 г. в Ленинградский университет из Киева перевелся также Миша Казанский, сразу же ставший активным участником семинара. С его приходом в тематике семинара отчетливо обозначилась раннеславянская линия.

Регулярность субботних встреч в 75-й аудитории в 1973/74 г., кстати говоря, часто нарушалась, и заседания по разным причинам приходилось переносить. Нас с Лесманом и Казанским это решительно не устраивало, так что пришлось брать инициативу в свои руки. В какой-то момент мы собрались втроем и решили — проводим заседания даже в тех случаях, когда руководитель семинара отсутствует. Худо-бедно, но относительную регулярность субботних встреч сохранить удалось. Хорошо помню, как на одном из таких заседаний обсуждали доклад Толика Александрова о длинных курганах Псковщины, вызвавший активные дебаты.

Кстати, в 1974 г. на VI РАСК в Новгород, несмотря на бурные обсуждения, от семинара было рекомендовано сразу десять докладов, в том числе работы М. Казанского («К вопросу о памятниках пеньковского типа»), Лапшина («Рязано-окские грунтовые могильники»), Томсинского («Погребение с конем Подболотьевского могильника»), Нины Стеценко («Курганы Новгородского края как исторический источник»), Наташи Хвоцинской («Длинные курганы у д. Залахтове»), Наташи Ефимовой («Лепная керамика Городца под Лугой») и др. Правда, по чисто финансовым соображениям удалось поехать не всем, и мне в том числе, хотя в программу конференции был включен мой доклад о лепной керамике Труворова городища, а также совместный с Сергеем Янковским и студенткой МГУ Машей Рыжановской доклад «Археологическое изучение средневекового Пскова».

В 1974/75 учебном году периодичность заседаний Славяно-варяжского семинара в основном сохранялась. Руководителем семинара оставался Булкин, но и Глеб появлялся на заседаниях регулярно. К постоянным участникам семинара с этого времени присоединился Володя Конечский. Лесман, как и в

предыдущие годы, разрывался между кафедрой и Политехом, где он официально учился, Казанский работал над дипломом, а я активно собирал материалы для будущего диплома. Тем не менее пропускать субботние заседания считалось дурным тоном, и споры, начинавшиеся в 75-й аудитории, продолжались на Университетской набережной и Невском проспекте, а завершались, как правило, около Московского вокзала.

Общение с Глебом, который оставался моим кафедральным научным руководителем (внешним руководителем курсовых и будущей дипломной работ в это время уже стал В. В. Седов, в экспедиции которого я работал каждое лето, начиная с 1973 г.), происходило не только и не столько на заседаниях семинара, сколько в коридорах истфака и, главным образом, в истфакской кофейне. Там же, кстати говоря, проходили и некоторые из лекций Лебедева. Иногда, впрочем, мы приносили кофе на кафедру. Потом, в конце заседания семинара (или после окончания лекции), посуду уносили обратно. Часто кофейня была уже закрыта, тогда посуду оставляли на столике. Надежда Исааковна, легендарная истфакская буфетчица, варившая потрясающий кофе, к этому привыкла и даже не сердилась. Кстати, у нее были особые определения типов кофе: кроме традиционного «маленького двойного» (за 25 коп.), существовали также «кофе как для Глеба» (за 50 коп.) и «кофе как для толстого Сергея», то есть для меня (за 75 коп.). Позднее, уже после того, как я окончил университет, добавился «кофе как для длинного Витаса» (Ушинскаса) — маленький за рубль; этот кофе представлял собой нечто, доведенное практически до сметанного состояния.

В 1974/75 г. в рамках семинара шла подготовка к очередным студенческим конференциям — VII РАСК (Петрозаводск) и XXI ВАСК (Москва). От Славяно-варяжского семинара в Петрозаводск поехали двое: Володя Конечный с докладом «Средняя Мста в конце I тысячелетия н. э.» и я с докладом о керамике Псковской земли последней четверти I тысячелетия н. э. Тот же доклад я прочитал затем и на ВАСКе, а сразу же после окончания московской конференции улетел на самолете в Псков, где выступил на студенческой конференции Псковского пединститута с докладом о топографии древнейшего псковского посада. В 1974 г. псковский археолог И. К. Лабутина обнаружила под культурным слоем средневекового псковского посада первые захоронения псковского некрополя X в., в том числе камерное. Благодаря этому открытию удалось сформулировать важнейший признак раннесредневекового города — трехчленность его топографической структуры «град + предградье + некрополь», и именно эту идею я в тот год вынес на обсуждение в Пскове. И хотя реакция со стороны псковичей была, мягко говоря, сдержанной, идея, как вскоре выяснилось, упала на подготовленную почву — через несколько лет трехчленность топографической структуры раннесредневековых городов

уже воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Ну а оба доклада 1975 г. я включил через год в диплом, посвященный керамике Пскова.

1975/76 учебный год был моим последним годом в Славяно-варяжском семинаре. Дипломное сочинение требовало плотной работы в фондах Псковского музея, поэтому многие заседания семинара я пропустил из-за поездок в Псков. Да и от самих заседаний в памяти мало что осталось. Хорошо помню только обсуждение собственного доклада для XXII ВАСК. В этом докладе я, опираясь на модель колонных и трассовых секвенций Л. С. Клейна, попытался сформулировать идею «культурной стратиграфии» средневекового города. Разумеется, и в докладе, и в дипломной работе зияли обширные лакуны, связанные с низким методическим уровнем раскопок на Псковском городище 1946–1949 гг. Именно эти лакуны вызвали наибольшие споры во время обсуждения доклада на семинаре. На них мне указывали и во время дискуссии в Москве. Более того, именно эти лакуны вызвали во время защиты диплома возражения И. В. Дубова, официального оппонента дипломной работы. Помню, что во всех перечисленных случаях приходилось активно отбиваться от замечаний и возражений. Но, наверное, мне, все же, удалось убедить кафедру (и прежде всего Глеба, мнение которого всегда представляло для меня особое значение) в своей правоте. Во всяком случае по результатам защиты диплом был оценен как отличный, а я получил желанную рекомендацию для поступления в аспирантуру. В аспирантуру я в том же 1976 г. поступил к В. В. Седову (Москва), но это уже совсем другая история.

Выжимка из дипломной работы была, кстати говоря, представлена в качестве реферата при поступлении в аспирантуру, и через несколько лет она была издана в виде статьи в Кратких сообщениях Института археологии. Большинство лакун в статье сохранилось в том виде, в каком они были в дипломной работе. Но как же было приятно, когда во время раскопок на Псковском городище 1977–1978 гг. (а позднее и при раскопках 1983 и 1991–1992 гг.) удалось установить, что практически все лакуны легко закрываются, а результаты новейших раскопок полностью подкрепляют гипотезы, которые были сформулированы еще в дипломном сочинении, выполненном в Славяно-варяжском семинаре.

Платонова Н. Ю.

Из историков в археологи

Историком Древней Руси я должна была стать по призванию. Археологом-русистом сделал меня Славяно-варяжский семинар.

Теперь, спустя почти 30 лет, я понимаю: это было благом. Да, во времена С. М. Соловьева или С. Ф. Платонова все ключевые проблемы нашей древней

истории могли решаться «без археологии», трудами историка-филолога. Но во второй половине XX в. положение изменилось кардинально.

Сегодня очень многие свежие идеи, новые концепции приходят в славистику именно из археологического источниковедения. А раз так — все острее встает проблема профессионализма историка в оценке источников. В наши дни подготовка русиста «без археологии» становится нонсенсом — ничуть не меньшим, чем, скажем, подготовка антиковеда без знания классических языков. К великому сожалению, этот нонсенс пока мало кто ощущает.

Но уж, конечно, 30 лет назад в голове у меня было не это...

В 1973 г. я поступила на 1-й курс истфака ЛГУ. Нашу группу «историков СССР досоветского периода» на студенческом сленге окрестили «феодалами». Прозвище прижилось. В «феодалы» зачислили всех — и энтузиастов Киевской Руси, вроде меня, и поклонников Бориса Годунова, и историков России XIX в. Помнится, никто не выражал недовольства. К «историкам советского общества», которых на курсе было вдвое больше, «феодалы» относились с легким оттенком снобизма.

Моим научным руководителем стал профессор Владимир Васильевич Мавродин, известный историк Древней Руси, последователь Б. Д. Грекова. До того он много лет был деканом истфака, но к моменту моего появления на кафедре начальство успело его сместить. Деканом вместо него стал В. А. Ежов, историк КПСС — весьма энергичный, лощеный советский чиновник, абсолютно ничем не проявивший себя в науке. В разговорах со студентами, упоминая о своем «падении», старик Мавродин, посмеиваясь, иногда изображал пальцами знак «секир башка».

Я общалась с Владимиром Васильевичем не так уж долго и не слишком близко, чтобы мои воспоминания о нем имели большую ценность. Помню только, что мы, «феодалы», его любили. В те годы (1973–1974) это был уже очень старый и мудрый человек. По-моему, его жизненным принципом было: никогда не переть против рожна и не перешибать обуха плетью. Но «на страже» стояли другие, не он. По собственному почину В. В. Мавродин никогда не «зажимал» чужих идей, если вдруг они начинали противоречить его собственным взглядам либо официальной точке зрения. Вероятно, на деле ему не раз приходилось и «проводить», и поддерживать эту официальную точку зрения — просто по долгу службы, как лояльному чиновнику, обладавшему неплохим политическим чутьем. Но при этом он всю жизнь оставался ученым. Его собственным девизом было вечное: «Ну, отчего же... Ведь это интересно, давайте обсудим!»

Кстати, знаменитая Варяжская дискуссия происходила на факультете именно в пору «правления» Владимира Васильевича. Он был одним из тех, кто ее «допустил». Думаю, это оказалось не последним лыком, поставленным

в строку, когда вскоре ему пришлось поплатиться своим креслом декана. Но почему-то убеждена: результаты этой дискуссии он принял без большого внутреннего сопротивления: «Ну, отчего же! Ведь это было интересно...» — и будило мысль.

К сожалению, сама я застала Владимира Васильевича уже старым и больным. Ходил он тогда с явным трудом, с палкой. Лекции и семинары выматывали его. Помимо занятий он не мог уделять своим подопечным особенно много времени. Но именно с помощью Мавродина мне, первокурснице, удалось попасть в ЛОИИ, ознакомиться там со статьями из сборника по Византии, еще не вышедшего из печати.

В те годы курсовые работы писались нами серьезно. Я проводила бездну времени в библиотеках, собирая материалы о Владимире Мономахе. Нередко приходилось ощущать себя щенком, брошенным в воду, тосковать по более упорядоченному стилю руководства. А «упорядоченное руководство» — оно было рядом, рукой подать. Еще достаточно молодой, энергичный профессор Р. Г. Скрынников, крупный специалист по XVI в., уже на 1-м курсе заметил меня и предложил перейти к нему.

Я сопротивлялась, как могла. Но меня тянуло к Руслану Григорьевичу: с ним действительно было интересно. Помню, как на его занятиях мы устроили целое судебное разбирательство дела об убийстве (или нечаянной смерти) царевича Димитрия. В качестве главных «сторон» выступали я и мой однокурсник Олег Зимарин (ныне он руководит крупным московским издательством). Я представляла обвинение Бориса Годунова, Олег — защиту. Мы долго сидели с ним в библиотеке, изучали изданные фототипически листы следственного дела, проведенного боярином Василием Шуйским. Помнится, во время «прений» успех стал клониться в мою сторону. Этого Руслан Григорьевич, сам яростный сторонник версии несчастного случая, конечно, допустить не мог. Он вмешался и сумел меня переспорить... Лишь спустя много лет я внутренне пришла к убеждению, что в данном вопросе он был прав.

Как бы то ни было, я чувствовала, что судьба моя скоро решится и меня «выдадут замуж» без моего согласия. На занятиях Древней Русью будет поставлен большой жирный крест... Вот тогда и приспел полевой сезон 1974 г. — наша студенческая практика 1-го курса. «Погуляйте пока...» — сказал мне Р. Г. Скрынников. Он не знал, как надолго я «загуляю»!

Видимо, перст судьбы уже указал, куда надо, но тогда все это выглядело как цепочка недоразумений и неприятностей. Вначале неполадки со здоровьем, необходимость сдавать сессию не в срок. Под сурдинку меня вычеркнули из списков той экспедиции, куда были зачислены все мои коллеги-«феодалы»... Это меня возмутило. Я вообще отказалась ехать куда бы то ни

было — благо врачебная справка была на руках. Кончилось тем, что я все-таки оказалась в поле — но не там, не с теми и отнюдь не в той роли, которая пристала первокурснице-практикантке.

Начальником Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ, куда я попала, был Глеб Сергеевич Лебедев — пожалуй, самый одаренный ученик Л. С. Клейна и один из главных фигурантов Варяжской дискуссии. Волей судьбы он остался в тот год на раскопе без хорошего чертежника — а всякий начальник экспедиции знает, что это такое! Вот тогда и возникла идея испытать в этой роли меня, грешную... Результат оказался более чем успешным. Нет, не в силу моих способностей рисовальщика — у меня их нет. Просто тут имел место некий психологический феномен. Мне было 17 лет. И я искренне, исчерпывающе не понимала, что можно не выполнить дело, которое мне поручено.

Никогда не забуду короткого диалога между мной и начальником — перед отъездом Г. С. Лебедева на три дня в Питер.

— К моему приезду, Надя, мне нужен план обоих участков. Горизонта камней. Масштаб один к двадцати.

— Хорошо, Глеб Сергеевич ... А что... каждый камушек рисовать?

(Мы копали древнерусский жалыник у д. Конезерье, и камней в раскопе было, как в сундуке напихано! А площадь — метров 60–70...)

— Ну конечно же! Каждый!

— Хорошо, Глеб Сергеевич... А... какая возможна погрешность?

— Толщина линии, Надя. Толщина линии!

— Хорошо, Глеб Сергеевич — тихо ответила я.

Сейчас-то я понимаю: со стороны начальника это был чистый блеф. Никто и не рассчитывал, что я выполню задание. Но, может, девчонка хоть что-нибудь сделает?... И то хлеб...

Что и говорить, в эти три дня произошло мое крещение в археологи.

А последующие три недели помнятся сумасшедшей работой, гордостью за эту работу и постепенным погружением в ту атмосферу, которая окружала тогдашних участников Славяно-варяжского семинара. Тут было многое: романтическая любовь и к Древней Руси, и к древней Скандинавии; ощущение собственных немалых возможностей в науке; молодой задор, веселое «иду на вы» — против косности тогдашней официозной антинорманистской доктрины; наконец — и это отнюдь не последнее — строгая научная школа, уверенность в своей правоте, традиция, уходящая в Санкт-Петербургском университете достаточно глубоко — в 1910–1920-е гг., во времена великих археологов Спицына, Волкова, Миллера...

Тогда, в 1974 г., Варяжская дискуссия уже стала преданием. Хотя, казалось бы, прошло всего ничего... Преданием стали и совсем недавние

столкновения на конференциях с Д. А. Авдусиным — пожалуй, одним из наиболее одиозных «антинорманистов». Все это уже успело обрасти легендами, а главное — песнями.

По звездам Млечного пути легла отцов дорога.

По звездам Млечного пути драккар в морях летит...

Эта песня считалась заветной. Я услышала ее впервые в 1974-м. А запомнить удалось через год, ибо ее нельзя было записывать, только запомнить.

Нечего и говорить, мои пристрастия к Древней Руси, и без того стойкие, получили в то лето такой толчок, что иной дороги просто не осталось.

С 1975/76 г. я стала участницей Славяно-варяжского семинара на кафедре археологии — теперь уже моей кафедре. Вел его в ту пору Василий Александрович Булкин. Как назывался семинар официально, я не помню. Думаю, названия менялись от семестра к семестру. Но мы всегда называли его только так: «Славяно-варяжский семинар».

Василий Александрович был в ту пору прекрасным руководителем. Он умел заставить всех высказаться, как-то исподволь, ненавязчиво организовать дискуссию, а в конце — сказать свое слово, неизменно веское, умное и профессиональное. Ведь тематика семинара в это время была достаточно широка. У нас звучали доклады и по ранним славянам (или не-славянам!), и по северо-западным древностям, и по Поволжью. Мы не прощали промахов, беспощадно заостряли противоречия, уважали только профессионализм. Выступать на семинаре было не так-то легко — даром, что в свободное от заседаний время мы становились милыми ребятами. Помню, как Толя Александров признавался: после своего доклада некоторое время думал: все, надо бросать... Так его тогда уели... Самое смешное, что доклад Толи был вполне на уровне и критиковали его достаточно уважительно и сдержанно.

Но, конечно, душой этих сборищ, помимо самого Василия, были Юра Лесман и Сережа Белецкий (Мишу Казанского на семинарах я помню меньше — он окончил университет в тот самый год, когда я пришла на кафедру)...

Богуславский О. И.

***Славяно-варяжский семинар
в 1980-х гг., каким я его помню***

У каждого человека нашей профессии был свой путь в археологию. Во многом эти первые шаги и определили, на мой взгляд, многое в моем дальнейшем пути. Теперь, по прошествии без малого четверти века, трудно вспомнить отдельные детали. Но события того времени дороги как память и свидетельство своей причастности к чему-то большему, чем просто честное выполнение

своих обязанностей и каждодневная рутина — не важно, бытовая или научная... Именно это чувство сопричастности к чему-то большому и вспоминается сейчас, по прошествии стольких лет.

Что касается меня, то впервые я попал на заседание семинара в 1983 г., будучи студентом первого курса. Вообще в течение 1983–1984 гг. семинар стала посещать большая группа молодых людей, связанная гораздо более тесными отношениями, чем просто студенты одной кафедры. Это была группа кружковцев, тогда еще Дворца пионеров им. А. А. Жданова (ничего уж тут не поделаешь: такое было у него тогда название). Кружком руководила Тамара Александровна Жеглова, которая сама, еще студентка вечернего отделения истфака, участвовала в заседаниях семинара. Ко времени поступления на первый курс Университета мы уже работали в нескольких экспедициях, участвовали в работе так называемого «Малого истфака», многие лет пять ходили в кружки Эрмитажа. Так что выбирали мы не вслепую. С Глебом Сергеевичем Лебедевым, который тогда был руководителем семинара, мы были знакомы и по встречам в экспедициях, по его лекциям в кружке, видели его в жюри школьных олимпиад по истории и даже встретились на вступительных экзаменах в Университет, где он, чтобы не поставить себя и нас в неудобное положение, час с лишним принимал экзамен у какой-то девушки, пока мы с Сергеем Кузьминым не сдали благополучно экзамен совершенно незнакомым нам преподавателям и не ушли...

Трудно вспомнить всех участников, тем более что многие из них впоследствии избрали себе иные профессии... Почти одновременно на семинаре появились Сергей Кузьмин, Виктор Глыбин, Алексей Горячев, Екатерина Рубина... в это же время там оказались Анна Мачинская, Алексей Плохов, Борис Короткевич, Андрей Мазуркевич, Владимир Еременко. Часто «совершали набеги» дружественные нам сибиряки, благо большинство из них вышли из того же кружка, что и мы: Константин Чугунов, Сергей Хаврин, Павел Азбелев и многие другие...

Безусловно, мы ценили нашу компанию и нам она доставляла радость, однако не «северо-западники» бегали на семинары по археологии Сибири, а наоборот. Все вполне сознательно шли «на семинар к Глебу», да простится вчерашним школярам такое фамильярное, между собой, отношение к своим учителям. Так что многие приходили именно «на Глеба Сергеевича», который был руководителем и душой семинара. Кстати, один из наших друзей по эрмитажному кружку — Миша Трофименков, студент кафедры Истории искусства, — тоже был подхвачен этой волной и долгое время с интересом ходил на заседания.

Надо заметить, что в восьмидесятые годы на истфаке существовало правило, что, начиная с третьего курса, студенты должны посещать спецкурсы

и спецсеминары. Студенты сами выбирали из списка, вывешенного на дверях кафедры археологии, те предметы, которые хотели бы посещать. Было ли это задумано заранее или же получилось случайно, но спецкурсы и спецсеминары, которые вел один преподаватель, обычно составляли неразрывную пару. Глеб Сергеевич вел спецкурс, основанный на вышедшей в 1985 г. его книге «Эпоха викингов в Северной Европе». Уже сам по себе материал был интересен, а отечественной литературы по этому вопросу в то время практически не было. Вместе с тем, что такое «варяжская проблема», знали все и считали ее давно решенной, несмотря на официальную точку зрения. Глеб Сергеевич же демонстрировал совершенно другой подход: вместо дилеммы «были — не были» ставился вопрос: «Почему везде по-разному?» Так что ходили послушать не только те, кому это было положено, но и те, кому это было совершенно не обязательно по учебному плану: например, мы — первокурсники. К интересному материалу надо добавить и то, как он излагался: увлеченность Глеба Сергеевича доходила до того, что он сам исполнял роль скальда, попросив слушателей, как это было принято на пиру, хором повторять последние строчки каждой строфы. Мы увлеклись настолько, что прибежали испуганные вахтеры.

Эта атмосфера всеобщей увлеченности и отсутствия формальной обязанности царила и на заседаниях семинара. Не соответствовать ей было немислимо. И хотя подавляющее большинство докладов было посвящено либо отчетам об археологических раскопках, в которых участвовали присутствующие, либо курсовым и дипломным работам — то есть вещам достаточно формальным в рамках обучения на кафедре археологии, — формальными их было назвать никак нельзя. Например, к полевым отчетам, даже в устной форме, предъявлялся весь объем требований Полевого комитета. Ответить на какое-либо замечание, что «я ведь не был начальником экспедиции и работал так, как мне велели», значило расписаться в своей полной несостоятельности. Вообще запомнилась серьезность в отношении всех докладываемых работ. Ни Глебом Сергеевичем, а вслед за ним и участниками семинара они не воспринимались как учебные работы. Ни разу в обсуждении не прозвучала ссылка на молодость автора, недостаток времени или опыта: либо работа объективно хорошая, либо объективно плохая, все остальные обстоятельства оставались «за дверью». Интересен был и основной критерий оценки (скорее подразумеваемый, чем декларируемый): если работа позволила сформулировать новое знание — она удалась, если нет — количество собранных фактов и ссылок на литературу ее не спасут. Поэтому перед докладами здесь нервничали гораздо больше и готовились к ним гораздо серьезнее, чем даже к официальной защите курсовой на заседании кафедры. Серьезность оценки представленных работ имела и другую сторону: было оскорбительным представить небрежно

оформленную работу, в которой не соблюдались правила цитирования, небрежно излагались концепции других исследователей, отсутствовали четкие формулировки и схема изложения. Это проявлялось и в правилах ведения заседаний, где Кузя (Кузьмин) становился Сергеем Леонидовичем, а Леша-Китаец (Ковалев) — Алексеем Анатольевичем.

Семинар начинался часов в семь вечера, чтобы на него успевали и вечерники. Но все же основное обсуждение проходило в кафетерии; когда оттуда выгоняли — в курилке, когда выгоняли и оттуда — на улице. Здесь уж были «разрешены все приемы, кроме стрельбы боевыми»... Никто не принимал аргументов вроде «это не входит в тематику работы...» или «это требует отдельного исследования...»; возник вопрос — отвечай, можно не в строгих терминах, но главное, чтобы все поняли. Так и повелось: официальная часть — это официальная часть, там не все спросишь и не все выяснишь, к тому же время ограничено, а вот в кулуарах и начинается настоящее обсуждение. Если его не было, то и работа пустая.

Подводя итог своим впечатлениям, следует подчеркнуть главное: семинар создавал определенный круг общения и круг единомышленников, которые делают свое дело не потому, что «так положено», а потому, что по-другому не могут. Это во многом обусловило и профессиональные, и личные отношения моего поколения, определило его поведение.

И. Л. Тихонов

Отблеск «Варяжского семинара» в годы застоя

Мои студенческие годы пришлось на 1979–1984 гг., т. е. на то время, которое сейчас принято называть «расцветом застоя». До начала горбачевской перестройки оставалась еще несколько лет, и, как обычно говорят, тьма особенно сгущается перед рассветом. Главной кафедрой и специальностью на историческом факультете была история КПСС, ее студенты даже стипендию получали почти вдвое большую, чем остальные. Хорошо это знаю, поскольку целый год учился на этой кафедре, поступив туда по рекомендации родителей, которые сами, закончив кафедру археологии в начале 1950-х гг., хорошо знали, как трудно найти постоянную работу по специальности археологу. А тут прямая дорога после окончания — аспирантура, ученая степень, неплохо тогда оплачиваемое место преподавателя в любом вузе. Но уже к середине учебного года стали появляться сомнения: а что я тут делаю? Окончательно они окрепли к моменту работы над курсовой, когда выяснилось, что прочитать работы Троцкого, Зиновьева и Каменева, критике которых она и была посвящена, я никак и нигде не могу. Все более возрастало внутреннее, тогда еще, по

юношеской неопытности и наивности, скорее неосознанное чувство, что это все что-то не то, не имеющее отношения ни к истории, ни к науке вообще.

Летняя археологическая практика, тогда обязательная для всех студентов факультета, была пройдена в Полоцке, под руководством замечательного триумвирата: Г. С. Лебедева, Вал. А. Булкина и Вас. А. Булкина, имевших непосредственное отношение к «Варяжскому семинару». Да и Полоцк с Рогволодом и Рогнедой, неплохое место для варяжской тематики. На берегу летописной речки Полоты было хорошо распевать песню «Эй варяги, эй бродяги...» из появившегося тогда кинофильма про первых киевских князей. Там же в исполнении старожилов экспедиции — студентов старших курсов — впервые мы услышали песенный фольклор «Варяжского семинара». Потом была Нимфейская экспедиция, и к началу следующего учебного года созрело твердое решение — переходить на кафедру археологии. Декан В. А. Ежов, он же и заведующий кафедрой истории КПСС, мрачно спросил, хорошо ли я подумал, но заявление подписал. На кафедре археологии потом говорили, что подобного случая не помнят, обратные были, а чтобы с привилегированной кафедры да на «малую»... Зато однокурсники-археологи подтрунивали: дескать «из грязи да в князи».

Первой серьезной книгой по археологии, мною прочитанной, стала только что тогда вышедшая монография трех университетских авторов Булкина, Дубова, Лебедева «Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв.», а первой темой курсовой работы на новой кафедре стала проблема хронологии скандинавских фибул на территории Древней Руси. Авторы ГИМовского сборника «Очерки по истории русской деревни» и М. В. Фехнер в «Ярославском Поволжье» почему-то датировали их лет на пятьдесят позже, чем эти же типы датировались Я. Петерсеном в самой Скандинавии. Используя предложенный М. Б. Щукиным метод «узких датировок», на основе анализа других категорий материала, встречающихся в комплексах с фибулами, я попытался дать для них более ранние даты. Но почему была выбрана именно эта область? Об этом, собственно, и пойдет дальше речь.

Среди яркого, сильного и разнообразного штатного состава кафедры тех времен (А. Д. Столяр, Т. Д. Белановская, А. В. Давыдова, Г. С. Лебедев, В. А. Булкин, И. В. Дубов) большой популярностью у студентов пользовался доцент Л. С. Клейн, но мне довелось прослушать только его курс по «Основам археологии», поскольку в середине учебного года нашего второго курса он был арестован и исчез с кафедры. Студенты шепотом рассказывали об этом друг другу в коридорах истфака, естественно, что никаких официальных сообщений об этом не было, и все делали вид, что ничего и не произошло. Чем-то это напоминало зловещей памяти 1937 г. Говорить об этом вслух было нельзя. Время было зловещее: наши войска вторглись в Афганистан, и разрядка была

сорвана. Сахарова сослали в Горький, а в Ленинграде шли аресты чересчур либеральных профессоров. Современные студенты, выросшие уже в другое время и не заставшие реалий советской действительности, зачастую не понимают атмосферы того времени. Я в этом имел возможность неоднократно убедиться позднее, когда сам стал читать лекции по истории археологии. Двойственность сознания, когда на комсомольских собраниях говорилось одно, а потом за кружкой пива совсем другое, накладывала определенный отпечаток.

Что мы тогда знали о «Варяжской дискуссии 1965 г.»? Да очень немного. Суть дела сводилась к тому, что группа ленинградских археологов-славистов, активные члены которой были нашими преподавателями (Г. С. Лебедев, В. А. Булкин, И. В. Дубов) или работали в ЛОИА (В. А. Назаренко, В. П. Петренко, Е. Н. Носов, Е. А. Рябинин и др.), развивая традиции М. И. Артамонова, И. И. Ляпушкина и других ленинградских археологов, противостояла необоснованным и спекулятивным построениям по удревлению истории славян и преуменьшению роли норманнов в процессе образования Древнерусского государства. Эти построения в первую очередь ассоциировались с именами известных московских археологов директора Института археологии АН СССР академика Б. А. Рыбакова и профессора МГУ Д. А. Авдусина. Первый в силу своего положения вообще был официальным главой советской археологии, второй — автором широко известного учебника, по которому основы археологии изучали во всех вузах. Поэтому их точка зрения воспринималась как часть официальной советской доктрины, выдержанной в «правильном» идеологическом духе.

Что-то в этом противостоянии было и от старой, идущей еще из XIX в., розни между московскими и питерскими археологами, хотя к работам других московских авторов, например археологов В. В. Седова, В. Л. Янина или филолога Г. А. Хабургаева, отношение было иным. Да ведь и труды Рыбакова и Авдусина наши преподаватели, критикуя их, рекомендовали читать (не то что на кафедре истории КПСС!).

Такой отход от научного официоза воспринимался и как своего рода «научное диссидентство», фронда, а это не могло не привлекать молодых людей, политическое диссидентство которых ограничивалось чтением Гумилева и Бродского, распеванием песен Галича да анекдотами про Брежнева. По существу оно было и не политическим вовсе, а скорее культурным, вызванным заскорузлостью набившей оскомину еще в школьные годы официальной советской культуры с песнями про БАМ и комсомол, а молодежь хотела слушать рок. Некоторая оппозиционность (само слово-то почти политическое обвинение в те времена!), но не выходящая за рамки дозволенного (И. В. Дубов, например, был секретарем сначала комсомольской, а потом и партийной организации университета, а Г. С. Лебедев — членом партбюро факультета), вполне

устроивала нас и создавала некий ореол вокруг участников «Варяжского семинара». Разница в возрасте с некоторыми из них достигала почти пятнадцати и более лет, и по существу мы представляли уже следующее поколение, которое училось у них и стремилось в чем-то подражать.

Но еще более важным было стремление к научной честности и объективности, которое интуитивно угадывалось в работах и лекциях ленинградских славистов. (Под честностью я понимаю важное для археолога умение строить теорию на основе фактов, а не подгонять их под априорные построения, поскольку не сомневаюсь, что Б. А. Рыбаков был искренне убежден, что корни славянской культуры можно найти в середине II тысячелетия до н.э.) Не аксиомы, а убедительные доказательства, что самой ранней достоверной славянской культурой является Корчак (хотя сейчас мы знаем и более ранние памятники), а норманны играли весьма заметную роль на ранних этапах Руси, что отражено и в летописях и в археологических памятниках, были вложены в головы студентов-археологов вне зависимости от их специализации. И это было важным не само по себе, а тем, что подобные принципы беспристрастного анализа переносились и на другие проблемы.

И конечно, песни, созданные участниками семинара во время каспийской разведки 1966 г. «По звездам млечного пути...», «Пусть не спорят потомки...», «Мы по речке, по Каспле идем...», распевались на каждой студенческой вечеринке. Слова из третьей песни «И в покинутом Клейном краю» приобретали особый смысл, а весь ее колорит я в полной мере ощутил сам, оказавшись в 1981 г. на берегах Каспия в Смоленской области. Для археологов, по крайней мере нашего курса, эта песня приобрела особое значение своего рода визитной карточки кафедры, получив в нашей среде название «Кафедральная». А вся деятельность «Варяжского семинара» приобрела почти сакральное значение в ореоле и строгой науки, и исторической романтики.

И еще одна незримая нить связала меня с «Варяжским семинаром» уже после окончания университета. Так уж получилось непредсказуемой волей судьбы, что в 1988 г. в результате многоступенчатого обмена я поселился в большой коммунальной квартире на углу улиц Восстания и Жуковского, в тех самых комнатах, где в 1960–1970-е гг. жил В. А. Назаренко. Здесь часто в то время собирались участники семинара, многих из них хорошо помнили соседи. А от бывшего хозяина кроме его многочисленных рассказов мне достался большой и очень удобный раскопный нож. Я всегда беру его с собой в экспедицию.

Не здесь давать науковедческий и историографический анализ деятельности семинара. Приведу только один, но, на мой взгляд, показательный момент. В школьных учебниках по истории СССР, по которым училось наше поколение, не было никакого упоминания о самом имени Рюрика, а варяги если

и упоминались, то в связи с «путем в греки», и мы не могли понять, что за странные названия были у крейсеров времен Русско-японской войны — «Рюрик», «Варяг». «Врагу не сдается наш гордый “Варяг”...». В современных учебниках вроде все это есть, но вот откуда взялись варяги, из легенды или из реального прошлого, и какую роль они сыграли в отечественной истории — это лишь постепенно входит в национальное сознание. Странно подумать, но еще недавно предполагать скандинавское происхождение варягов было так же запретно, как читать Троцкого. Лишь теперь можно их спокойно и непредвзято изучать. И в том, что это стало возможно намного раньше, чем ушел в прошлое тоталитарный режим, есть немалая заслуга Славяно-варяжского семинара.

В. Я. Петрухин, Т. А. Пушкина (Москва)
Смоленский археологический семинар кафедры
археологии МГУ и норманнская проблема

Смоленский археологический семинар при кафедре археологии истфака МГУ начал свою работу в 1968 г., когда его руководитель Д. А. Авдусин стал читать вводный курс «Археология СССР», а Смоленская экспедиция стала одной из базовых для проведения студенческой археологической практики историков 1-го курса (каковой она остается на истфаке по сей день). Через Смоленский семинар прошло несколько выпусков студентов-археологов, одними из первых его участниками были А. Е. Леонтьев, Т. А. Пушкина, В. Я. Петрухин, Е. В. Каменецкая, которые в дальнейшем так или иначе приняли участие в раскопках Гнёздова и изучении скандинавских древностей. В 1968–1969 гг. экспедиция исследовала городские слои Смоленска, и в этот период ее участники, большинство которых были членами Смоленского семинара, копали в Гнёздове курганы «наездами», используя выходные дни во время сезона в Смоленске.

В 1967–1968 гг. экспедиция ЛОИА под руководством И. И. Ляпушкина начала, по договоренности с Д. А. Авдусиным, параллельные исследования Гнёздовского поселения — с этого времени и началось знакомство ленинградских и московских студентов-археологов, участников Варяжского и Смоленского семинаров. В работе ленинградской экспедиции приняли участие Г. С. Лебедев, В. А. Булкин, И. В. Дубов, В. А. Назаренко, Е. Н. Носов, Е. А. Рябинин и другие, ныне известные археологи. Авдусин дважды посещал раскоп И. И. Ляпушкина вместе со своими студентами. А как-то раз питерцы даже приняли участие и в воскресных раскопках москвичами кургана в Гнёздове. Знакомство и даже дружба, завязавшиеся в летнее время в экспедиции между студентами ЛГУ и МГУ, поддерживались и в дальнейшем.

В 1970 г. Д. А. Авдусин возобновил раскопки на Гнёздовском поселении (впервые проведенные им в 1952–1953 и 1960 гг.), поручив работу с материалом Т. А. Пушкиной; с тех пор на памятнике постоянно работает экспедиция МГУ. Но связи с ленинградцами, в том числе экспедиционные, не прерывались. Так, в 1970 г. в составе Смоленской экспедиции МГУ работал отряд во главе с В. А. Булкиным, завершивший исследование участка селища, начатый ранее экспедицией ЛОИА. Членами этого небольшого отряда были Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская и К. М. Плоткин. В Гнёздове бывали В. А. Булкин, В. А. Назаренко, Г. С. Лебедев, увлекавшийся работами на пути из варяг в греки.

Вновь по Каспле в разведку идем,

Мы лапшу в рюкзаки напихали

И для бедных славистов несем

Норманизма седые скрижали, —

пелось в ленинградской студенческой песне. Характерным было и продолжение:

В деканат, в партбюро, в ректорат,

Археологи строятся в ряд,

Это кто-то из наших, наверно,

Языком трепанул чрезмерно...

Действительно, уже интерес к роли норманнов-варягов был признаком политической неблагонадежности. Ведь «реакционная норманнская теория» была давно разоблачена передовой советской наукой. Конечно, стереотипы официозной историографии не принимались всерьез студенческой аудиторией, особенно той, что была знакома с состоянием археологических источников: тогда популярной была шутка о том, что историки приняли резолюцию о норманнской проблеме из двух пунктов: во-первых, норманнов не было, а во-вторых их было мало. Шутка имела непосредственное отношение к господствовавшей тогда историографической схеме Б. А. Рыбакова: легенда о призвании варягов, согласно его представлениям, была гнусным измышлением, происходившим из иностранного окружения англосаксонской жены Владимира Мономаха — она заменила в летописи подлинное предание о полянском происхождении руси. Вместе с тем академик писал о некоем «варяжском периоде» в русской истории — кратковременной узурпации Олегом, варяжским авантюристом неведомого (ладожского?) происхождения, русской (полянской) столицы Киева (Рыбаков 1982: 314 и сл.). Накопленный к тому времени археологический материал демонстрировал, однако, широкое распространение скандинавских древностей в узловых пунктах Древней Руси и требовал его осмысления, в том числе и в связи с летописной историей.

Это требование стало очевидным, и в 1960-е в двух главных университетских центрах, в ЛГУ и МГУ, стали работать археологические семинары, так

или иначе связанные с исследованием норманнской проблемы. Одновременно в Институте истории СССР профессор В. Т. Пашуто приступил к формированию сектора, где специалисты с филологическим образованием должны были начать систематическое исследование и издание иностранных источников по древнейшей истории народов СССР. Среди них важное значение В. Т. Пашуто придавал источникам скандинавским — Е. А. Мельникова приглашена была заниматься руническими надписями, упоминающими Восточную Европу, затем Т. Н. Джаксон и Г. В. Глазырина стали разрабатывать методику изучения известий саг о Востоке.

Д. А. Авдусин, давший уже в первом издании своего учебника по археологии представление о типах скандинавских вещей и обрядов (Авдусин 1967: 326–237), также предложил некоторым участникам Смоленского семинара темы по скандинавской проблематике: Т. А. Пушкина стала заниматься орнаментальными стилями и распространением женских украшений скандинавского происхождения в Древней Руси, В. Я. Петрухин — погребальным обрядом и его отражением в скандинавской письменной традиции. Обе темы были «крамольными»: значительное распространение украшений скандинавских типов свидетельствовало не только о присутствии на Руси отрядов норманнов, с чем даже радикальные антинорманисты вынуждены были смириться, но и о том, что воинов на Руси сопровождали женщины, и это уже мало походило на присутствие в Восточной Европе лишь разрозненных и «неуправляемых отрядов» авантюристов (Б. А. Рыбаков). «Крамольность» второй темы заключалась в том, что самый яркий пример отражения скандинавской мифологии в погребальном обряде, указанный Д. А. Авдусиным, относился к большим курганам с ритуальными котлами, в том числе к Черной могиле, который считался после работы Б. А. Рыбакова (1949), типичным памятником, принадлежавшим русскому (славянскому) князю.

Крамольность проблематики осознавалась тогда на всех уровнях исторической науки, и редакция Вестника Московского университета не скрывала обеспокоенности по поводу поступивших в портфель материалов, но рекомендация кафедры археологии была решающей, и статьи Пушкиной (1972) и Петрухина (1975) с выводами о скандинавской принадлежности исследованных комплексов увидели свет в журнале МГУ. Показательным в этом отношении является и письмо, направленное уже в 1984 г. в редакцию Вестника МГУ одним из историков по поводу небольшой заметки Пушкиной в этом журнале о бронзовом идоле из Черной могилы (1984). В письме недвусмысленно давалось понять, что автор заметки «продался за 30 сребренников».

В целом тематика Смоленского семинара была шире «норманнской проблемы», но интерес к ее археологической составляющей сохранился на

протяжении длительного времени, что нашло отражение и в направленности ряда дипломных работ, написанных под руководством Д. А. Авдусина и переросших затем в диссертации и научные статьи. Так, со временем появились работы выпускников кафедры археологии МГУ, посвященные находкам скандинавских языческих амулетов на территории Руси (Новикова, 1992), ажурным наконечникам ножен мечей, особенностям ювелирного ремесла (Ениосова, 1999, ее исследования подтвердили предположение Авдусина о том, что вещи скандинавских типов могли изготавливаться на месте — в Гнёздове) и скандинавским погребениям Гнёздова (Жарнов, 1991; 1992).

Конечно, и В. Т. Пашуто, и Д. А. Авдусин не уставали повторять, что цель исследований в области норманнской проблемы — укрепление позиций анти-норманизма. Но Пашуто исследовал летописную легенду о призвании варяжских князей и продемонстрировал, что в ее основе лежит не сочинительство летописца, а исторический «ряд» — договор, который заключали древнерусские города с князьями (Пашуто 1970). Д. А. Авдусин занимался конкретными проблемами принципов выделения скандинавских комплексов (Авдусин 1974). «Антинорманизм» обоих исследователей, однако, заключался не в стремлении обойти или закамуфлировать норманнскую проблему, а в желании противостоять радикальным и реваншистским течениям в антисоветской идеологии, наследовавшим нацистское убеждение в расовой неспособности славян создать цивилизованную государственность. Построения самого Д. А. Авдусина, только приступавшего, по рекомендации А. В. Арциховского, к изучению Гнёздова после Отечественной войны, отличались радикализмом — отрицанием скандинавского происхождения некоторых категорий вещей в статье 1949 г. о «варяжском вопросе», но он отказался от этого огульного отрицания в последующих работах, чему способствовала первая инициированная им дискуссия по норманнской проблеме, в которой приняли участие Т. Арне и А. В. Арциховский (см. Арциховский 1966). Следует отметить, что этот радикализм никогда не переходил у Авдусина в форму официозной в послевоенные годы «борьбы с космополитизмом», представлениями о каких бы то ни было положительных влияниях извне — сам Д. А. Авдусин с удовлетворением вспоминал, что дал положительный внутренний отзыв на книгу Г. Ф. Корзухиной о русских кладах (1954), ставшую основой для последующего исследования международных связей русской средневековой культуры.

Особую роль в обсуждении норманнской проблемы должен был сыграть 1-й Международный симпозиум (задуманный еще знаменитым датским славистом А. Стендер-Петерсеном), который должен был состояться в Университете Орхуса в Дании в октябре 1968 г. Из-за чехословацких событий большая часть восточноевропейских участников не смогла присутствовать, но тексты

докладов были разосланы заранее и опубликованы (Varangian problems. Copenhagen, 1970). Д. А. Авдусин представил доклад о материальной культуре древнерусских городов на примере преимущественно Новгорода — о находках скандинавского происхождения речи практически не было (они до сих пор представлены в собственно новгородских материалах относительно незначительным числом, сосредоточены на Городище), но Авдусину важно было продемонстрировать самостоятельное развитие древнерусского города. Скандинавской проблематике специально были посвящены доклады А. Н. Кирпичникова о связях Руси и Скандинавии по данным клинкового оружия, О. И. Давидан продемонстрировала богатый скандинавский материал, происходящий из раскопок в Ладоге.

Очередная дискуссия по норманнской проблеме состоялась после поездки Д. А. Авдусина в Норвегию в 1968 г. и публикации им статьи «Смоленск и варяги по археологическим данным» в «Норвежском археологическом обозрении». Тогда Авдусин еще отрицал наличие синхронного курганам поселения в Гнёздове, считал, что там хоронили по славянскому обычаю на речных путях жителей широкой округи, скандинавских комплексов насчитывал 2–3 десятка, что давало не больше 3–4 % от общего числа исследованных курганов. Принявший участие в дискуссии Л. С. Клейн настаивал на подсчетах, предложенных им с соавторами в статье 1970 г.: процент следует подсчитывать не от общего числа курганов, а в сравнении с другими этнически определенными комплексами, тогда содержание норманнских погребений возрастет как минимум до 10%. Корректировка была существенной, большая часть гнёздовских курганов малоинвентарна, и под полусферической насыпью мог быть погребен как славянин, так и скандинав.

Нужно сказать, что Д. А. Авдусин с особым интересом относился к специфике славянского обряда, его традиционной «бедности»: на семинаре выступали специалисты не только из России (из славистов Д. А. Авдусин особенно ценил И. П. Русанову), но и из Чехословакии — профессор Боржевой Достал и другие; обсуждались, в частности, моравские истоки гончарной керамики «гнёздовского типа», некоторым участникам семинара удалось съездить в Моравию на раскопки великоморавских городищ. При этом Д. А. Авдусин не был адептом славянской автохтонности в Верхнем Поднепровье, сомневался в славянской принадлежности смоленских длинных курганов, подчеркивая наличие балтских элементов в их инвентаре (вслед за Е. А. Шмидтом).

Так или иначе, углубленное исследование разнообразных источников по норманнской проблеме шло параллельно в Москве и Ленинграде. В 1968–1970 гг. участники семинаров МГУ и ЛГУ регулярно встречались на Всесоюзных археологических студенческих конференциях в Москве, в течение которых шел

активный обмен информацией, в основном в неформальной обстановке. Интересно, что иногда происходило естественное «дублирование» тем научных студенческих работ — так случилось в 1969 г., когда оказалось, что погребальный обряд Бирки стал предметом изучения Глеба Лебедева в ЛГУ и Тамары Пушкиной в МГУ.

Позже регулярные встречи происходили во время скандинавских конференций, где археологические секции были самыми многочисленными и представляли обилие нового материала, а дискуссии затягивались далеко за пределы отведенного регламента. Иногда они бывали чрезвычайно бурными, особенно между москвичами и ленинградцами, в нескольких случаях, когда в них принимал участие Д. А. Авдусин, достаточно резкими.

Очевидной стала необходимость координации исследований определенных категорий источников, в частности — рунических граффити на монетах и других предметах, которой занималась Е. А. Мельникова. В 1976 г. на истфаке ЛГУ было проведено совещание «Северная Русь и ее соседи», где, по не лишнему ехидству замечанию И. В. Дубова, доклады по собственно норманнской проблеме представили москвичи. Здесь же выяснились определенные различия в подходах к проблеме: И. В. Дубов отказывал скандинавским овальным фибулам в функции этнического индикатора на том основании, что их было обнаружено слишком много в Тимеревском комплексе. Относительное количество скандинавов (если не допускать, что женщины путешествовали в одиночестве) на некоторых дружинных памятниках явно превышало даже то число, которое отводилось им в процентах, предложенных Л. С. Клейном, Г. С. Лебедевым и В. А. Назаренко в статье 1970 г. (ср. Петрухин 1983: 178).

Определенным этапом в сотрудничестве специалистов разных областей стали подготовка к изданию и комментирование знаменитого труда Константина Багрянородного «Об управлении империей» (в рамках издаваемой по инициативе В. Т. Пашуто древнейших источников по истории СССР). «Русскую главу» должны были комментировать Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин. В комментариях приходилось затрагивать «священную корову» всех направлений анти-норманизма — происхождение самого названия «Русь», поскольку Константин противопоставлял русский язык славянскому, а приводимые им русские слова обнаруживали очевидное скандинавское происхождение. Поминать о скандинавском происхождении имени «Русь» было нельзя — в официозной трактовке оно должно было быть местным, происходить от киевской речки Рось и т. п., в крайнем случае — славянским, увязываемым со славянским населением балтийского острова Рюген (или населением Ругиланда на Дунае, в соответствии со средневековой немецкой этимологией). Кто угодно — лишь бы не скандинавы аутентичных источников (в том числе Начальной летописи)!

Первое издание Константина вышло уже в 1989 г. (под редакцией Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева), но официальная цензура к тому времени была повержена перестройкой. Казалось, что идеологические табу были сняты уже раньше: параллельно с комментированием Константина те же Мельникова и Петрухин готовили к изданию перевод старой книги польского академика Х. Ловмянского «Русь и норманны», изданного по инициативе В. Т. Пашуто в 1985 г. (под редакцией В. Т. Пашуто и В. Л. Янина). В пространных комментариях к книге был дан критический анализ устаревших трактовок, в том числе возведения руси к пресловутому великанскому народу хрос Захарии Ритора, поселенному им уже в VI в. между псеглавцами, карликами и амазонками (этой трактовки придерживались до последнего времени Б. А. Рыбаков и В. В. Седов, снявший упоминание этого монстра как «предка Руси» лишь в последней книге о славянах). Наиболее оправданной комментаторы признавали традиционную лингвистическую трактовку (никем всерьез не оспоренную), возводящую имя «Русь» к древнескандинавскому обозначению дружины гребцов, усвоенному при посредстве финнов — летописной чуди (к тому времени исследованы были многочисленные дружинные курганы, содержавшие сожжение в ладье, или ладейные заклепки).

Издание было встречено положительной рецензией Д. А. Авдусина (опубликованной в ведущем историческом журнале — «Вопросы истории», 1987, № 9) и полным энтузиазма откликом Г. С. Лебедева в дарственной надписи на только что вышедшей его книге «Эпоха викингов в Северной Европе» (Л., 1985): в ней Глеб выражал «твердую надежду на дальнейшее развитие совместных действий во имя ускорения научного прогресса». Казалось бы, «прогресс» был налицо, но идеологическая инерция была сильна: Мельникова и Петрухин подготовили статью о названии «Русь» для «Вопросов истории», где она лежала без движения несколько лет; предлагалось устроить открытую дискуссию по статье, но предполагаемые оппоненты от дискуссии уклонились; наконец, при поддержке В. Л. Янина как члена редколлегии, статья увидела свет в № 9 за 1989 г.

За год до этого (в № 7) Д. А. Авдусин опубликовал в том же журнале статью «Современный антинорманизм», где признавал скандинавское происхождение имени «Русь», наличие значительного числа норманнов на Руси («во много раз» превосходившего его старые расчеты), археология, по его мнению, демонстрировала, однако, самостоятельное развитие древнерусских городов, позднее (не ранее X в.) распространение норманнских древностей. Статья была полемически заострена против тезиса главного историографа норманнской проблемы И. П. Шаскольского, который утверждал, что старый антинорманизм, стремившийся огульно отрицать присутствие варягов в истории Руси,

или подменить их более подходящим для псевдопатриотических амбиций народом, «умер». Авдусин усматривал цель «современного антинорманизма» в противостоянии упоминавшимся стереотипам традиционных течений в норманизме — представлениям о более высоком уровне развития скандинавского общества в сравнении со славянским раннесредневековым, о норманнской колонизации Восточной Европы и т. п. Важным направлением в изучении русско-скандинавских связей Авдусин считал изучение воздействия восточноевропейских традиций на скандинавские, что стало интенсивно изучаться его коллегами по Смоленскому семинару в 1980-е гг. (Е. А. Мельникова, Т. А. Пушкина, В. Я. Петрухин).

Еще одно обстоятельство немало способствовало интенсификации работы в конце 1980-х и в 1990-е гг.: появились возможности для контактов со скандинавскими коллегами и поездок в Скандинавские страны. Первым, кто принимал участие в работе семинара и поддерживал постоянные дружеские и научные контакты с его участниками, была норвежский археолог Анне Стальсберг, стажировавшаяся у Д. А. Авдусина в конце 1960-х гг. В конце 1970-х гг. в МГУ впервые приехал шведский исследователь Ингмар Янссон, чьи заслуги в расширении русско-шведских связей и организации совместных работ трудно переоценить. В начале 1990-х гг. он дважды выступал с лекциями на кафедре археологии, а в 1995 г. принял участие в раскопках гнёздовского поселения в качестве гостя Смоленской археологической экспедиции МГУ. В 1989 г. Д. А. Авдусин вместе с Т. А. Пушкиной и Г. С. Лебедевым смогли посетить Норвегию и приняли участие в работе симпозиума, посвященного проблемам взаимосвязей Центра и окружи; с 1990 г. совместную программу по изучению скандинавских и восточноевропейских древностей московскими и скандинавскими археологами наладили Т. А. Пушкина, В. Я. Петрухин и И. Янссон. Результатом этого явились научные командировки в Швецию, Норвегию и Данию в 1990 г. (в этом году, кстати, в Стокгольме мы оказались одновременно с Глебом и вместе ездили в Бирку), в 1992 и 1994 гг., во время которых удалось не только расширить наши научные контакты, но и увидеть, как говорится, “живьем” многие памятники Скандинавии, в том числе такие знаменитые, как Бирка, Борре, Каупанг, Еллинг и, что немаловажно, познакомиться с коллекциями и новейшей литературой.

Совместные поездки, работа в музеях и библиотеках, участие в раскопках, естественно, привели к углубленному пониманию взаимодействия культур Северной и Восточной Европы. Огромное впечатление на Авдусина произвело посещение Норвегии и затем в 1992 г. Швеции, во время которых он смог наконец-то непосредственно познакомиться с древностями викингов. В одной из последних работ Д. А. Авдусин (1993) подытожил историографию,

посвященную этническому составу населения Гнёздова, признав скандинавскую доминанту, а также подчеркнув отсутствие кривичских и невыразительность других славянских древностей в погребальном обряде Гнёздова. Вместе с тем он считал, что если бы Гнёздово было предшественником Смоленска, город унаследовал бы материальную культуру и ремесленные технологии дружинного центра: действительно, можно предполагать лишь частичную преемственность местной керамической традиции — ремесленные технологии Гнёздова в большей мере ориентированы на Север Европы, прежде всего — на Бирку (Енисосова, 1999. С. 14), Смоленска — на киевский юг. «Ансамбли некрополей» (если пользоваться терминологией Г. С. Лебедева) Гнёздова, скандинавской Бирки и Киева настолько близки в «курганый период», что можно относить их к единой культуре, формирующейся на пути из варяг в греки и повсюду, в том числе и в Бирке, включающей существенную славянскую составляющую (ср. Петрухин 2001).

С открывшейся свободой для спокойного обсуждения самых болезненных тем и свободой обращения к источникам стало казаться (вслед за И. П. Шаскольским), что кондовый антинорманизм Геденова — Иловайского умер или, во всяком случае, не имеет перспектив. Но это оказалось не так, и не в силу некоей ученой инерции, а в силу того, что стереотипы борьбы «с реакционной норманнской теорией» не исчерпали своего административного ресурса, они остаются удобными для шельмования оппонентов. Из института уже Российской истории был изгнан отдел древнейших источников, возглавляемый Е. А. Мельниковой: он нашел место в Институте всеобщей истории. В том же институте Российской истории в 2001 г. было переиздано собрание сочинений С. А. Геденова (по изданию 1876 г.), представленное эпигонами этого любителя старины как «памятник исторической мысли» и образец патриотической историографии. Этот новый «антинорманизм» весьма далек от того «современного антинорманизма», о котором писал Д. А. Авдусин. Он возвращает нас прямо в средневековье, когда при помощи «Сказания о владимирских князьях» и официозной легенды о призвании Рюрика из Пруссии решается вопрос о том, «кто коренной» в Прибалтике и т. п.

Пишущих эти историографические заметки не оставляет чувство печали: увы, приходится поминать не только учителей (Д. А. Авдусина (1918–1994), В. Т. Пашуто (1918–1983)), но и сверстников (В. П. Петренко (1943–1991), И. В. Дубова (1947–2002), Г. С. Лебедева (1943–2003)).

сентябрь 2005

**Б. Список печатных работ
участников Славяно-варяжского семинара
(секции «Проблемного семинара» Л. С. Клейна)
по варяжской тематике**

С. В. БЕЛЕЦКИЙ

1979

Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии // СА, № 1. С. 303–313. (Совместно с Ю. М. Лесманом).

Керамика Псковской земли второй половины I — начала II тысячелетий н. э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона) / Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М. С. 3–17.

1980

Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА, вып. 160. М. С. 3–18.

Проблемы этнической истории Северной Руси // СА, № 1. С. 330–335. Сов. авт.: Г. Н. Пронин.

1988

К вопросу о начале распространения на Псковщине христианства // АИП, [вып. 9], Псков. С. 8–10.

Неизвестный эпизод из жизни Мстислава тмутараканского // Из истории русско-северо-кавказских связей (к 1000-летию первого упоминания в летописи Тмутаракани). Краснодар. С. 9, 10.

1990

Происхождение Пскова // Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торопец. С. 8–14.

1993

Древний Псков по данным археологии // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб. С. 78–97.

Изборск «варяжской легенды» и Труворово городище (проблема соотношения) // СССР, ПАВ, № 6, СПб. С. 112–114.

1995

Первые абсолютные даты Псковского городища и проблема происхождения и крещения города в Пскове // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, церковь. М. С. 6–8. (Совместно с В. Д. Белецким.)

Несколько замечаний о языческом некрополе Пскова // Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–22 декабря 1995 г. Материалы к чтением. СПб. С. 31–36.

1996

Начало Пскова // Городское ядро средневекового Пскова. Часть 1. СПб. С. 5–90.

Подвеска с родовыми знаками из Рождественского могильника // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 22–23 декабря 1996 г. Материалы к чтением. СПб. С.35–40.

1997

Возникновении города Пскова (к проблеме участия варягов в судьбах Руси) // Шведы и Русский Север (к 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга). Материалы Международного научного симпозиума. Киров. С. 139–152.

Возникновение города Пскова // *Austrvegr*, № 3, Tallinn. С. 15–18.

К вопросу о «племенном пути» становления городов на Руси // *Slavia Antiqua*. t.XXXVIII, Pozna . S. 169–179.

1998

Кто был похоронен в кургане 61 Шестовицкого могильника? // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 1998 г. Материалы к чтением. СПб. С. 59–61.

2001

Несколько замечаний о генеалогии первых поколений рода Рюриковичей // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII чтения памяти чл.-корр. АН СССР Вл. Тер. Пашуго. Москва, 11-13 апреля 2001 г. Материалы конференции. М. С. 25-29.

Династическая война на Руси в первой четверти XI в. в свете данных древнейшей русской геральдики // Миграция и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21-22 декабря 2000 г. СПб. С. 99-112.

Кто такой Володислав договора 944 г.? // Норна у источника судьбы. Сборник в честь Е. А. Мельниковой. М. С.16-23.

2003

Когда возник Псков? // Псков в Российской и Европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). Том 1. М., 2003. С. 111-117.

2004

Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // «Ладога и Глеб Лебедев». Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб, 2004. С. 243-319.

В печати:

Еще раз о культурной стратиграфии нижнего слоя Псковского городища и возникновении города Пскова // Сборник в честь В. Лосинского. Сдана в 2004 г. 1 п.л. + 9 илл.

БУЛКИН В. А.**1970**

Типы погребального обряда в курганах Гнездовского могильника // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М. С. 207-210: ил.

1971

О нижней дате Гнездовского могильника // КСИА. Вып. 125. С. 13-16. (Совместно с В. А. Назаренко.)

1973

Гнездовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья: Автореф. канд. дис. / ЛГУ. — Л. 22 с.

О так называемых пустых курганах Гнездовского могильника // КСИА. Вып. 135. С. 120-122.

1974

Гнездово и Бирка: (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л. С. 11-17: ил.

1975

Большие курганы Гнездовского могильника // Скандинавский сб. Т. 20. С. 134-146: ил. Рез. швед., эст.

Древнерусские памятники бассейна Каспли и Путь из варяг в греки: (По материалам смоленской археологической экспедиции 1966 г.) // ВЛУ. Ист., яз., лит. вып. 3. С. 166-170: ил., карт. (Совместно с Г. С. Лебедевым, В. А. Назаренко.)

Курган 7 из раскопок С. И. Сергеева в Гнездове // КСИА. Вып. 144. С. 81-84: ил.

1976

Некоторые данные о комплексах со скандинавскими вещами Гнездовского могильника // ТД Сканд 7. Ч. 1. Л.; М. С. 151-153.

1977

Курган 18 из раскопок С. И. Сергеева в Гнездове // ПАЭ. Вып. 1. С. 33-37: ил.

Научное совещание на кафедре археологии ЛГУ: [«Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья»] // ВЛУ. Ист. яз., лит. Вып. 2. С. 165–167. (Совместно с Г. С. Лебедевым, И. В. Дубовым.)

О некоторых особенностях раннегородских центров Древней Руси // Древние города: Материалы Всесоюз. конф. Л. С. 71–73.

О появлении норманнов в Днепро-Двинском междуречье // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л. С. 101–104.

1978

Археологические памятники Древней Руси IX–XI. — Л.: Изд-во ЛГУ. — 152. с.: карт. Тимерево и Гнездово // Из истории феодальной России. Л. С. 16–20. (Совместно с И. В. Дубовым.)

Погребальный обряд кургана 16 из раскопок С. И. Сергеева в Гнездове // Проблемы археологии. Вып. 2. С. 163–169: ил.

1979

Русско-скандинавские связи в IX–XI вв. на современном этапе археологического изучения // ТД Сканд 9. Ч. 1. Петрозаводск. С. 173–175. (Совместно с Г. С. Лебедевым, А. Н. Кирпичниковым, И. В. Дубовым, В. А. Назаренко.)

1980

Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. Вып. 160. С. 24–38. (Совместно А. Н. Кирпичниковым, Г. С. Лебедевым, И. В. Дубовым, В. А. Назаренко.)

1982

«Курган 97» из раскопок С. И. Сергеева в Гнездове // Русь и её соседи в эпоху раннего средневековья. Л. С. 139–142: карт.

1986

Русь конца VIII — нач. X в. на балто-волжском и балто-донском путях // Финно-угры и славяне: (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар. С. 13–26. (Совместно с Д. А. Мачинским)

1987

Русь и варяги: Новый этап изучения // ВЛУ. Ист., яз., лит. Вып. 3. С. 12–26. (Совместно с И. В. Дубовым.)

1988

Комплекс археологических памятников у д. Городище и на р. Сясь // Тихвинский сб. Вып. 1. С. 86–89. (Совместно с О. И. Богуславским.)

1989

Варяги в области Днепро-Двинского междуречья и вопросы археологического источниковедения // ТД Сканд 11. Ч. 1. М. С. 136–137.

1998

Ремесленный центр Гнездовского поселения: (по материалам раскопок И. И. Ляпушкина) // ТГИМ. Вып. 124. С. 40–53: ил. (Совместно с К. В. Вешняковой)

ДУБОВ И. В.

1970

О датировке железных шейных гривен с привесками в виде «молоточков Тора» // ТЛОИИ. Вып. 11. С. 262–268: ил., карт.

О хронологии погребальных комплексов Ярославских могильников с фибулами «скандинавских типов» // Тезисы 2-й РАСК вузов Северо-Запада СССР. Калинин. С. 31–32.

1971

Проблемы хронологии предметов скандинавского происхождения из «ярославских «могильников» // ТД Сканд 5. Ч. 1. М. С. 21–24.

1974

Проблемы становления раннефеодального общества на территории Ярославского Поволжья: Автореф. канд. дис. / ЛГУ. 21 с.

1975

Комплекс памятников у деревни Большое Тимерево под Ярославлем: (по археологическим и нумизматическим данным) // ВЛУ. Ист., яз., лит. Вып. 1. С. 65–70. Рез. англ.

1976

Находки скандинавских вещей в Тимерево под Ярославлем // ТД Сканд 7. Ч. 1. Л.; М. С. 155–156.

Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. Вып. 146. С. 82–86: ил.

Рунические надписи и скандинавская символика на куфических монетах // ТД Сканд 7. Ч. 2. Л.; М. С. 61–63. (Совместно с И. Г. Добровольским, Ю. К. Кузьменко.)

1977

Научное совещание на кафедре археологии ЛГУ: [«Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья»] // ВЛУ. Ист., яз., лит. Вып. 2. С. 165–167. (Совместно с Г. С. Лебедевым, И. В. Дубовым.)

Рунические граффити на восточных монетах // Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Тексты, пер., коммент. М. С. 142–152: ил. (Совместно с И. Г. Добровольским, Ю. К. Кузьменко.)

Скандинавские находки в Ярославском Поволжье // Скандинавский сборник. Т. 22. С. 175–186. Рез. швед.

Урновые погребения Ярославских могильников // ПАЭ. Вып. 1. С. 46–52.

1978

Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. — Л.: Изд-во ЛГУ. 152 с.: карт. (Совместно с В. А. Булкиным, Г. С. Лебедевым.)

Новые источники по истории Древней Руси // ВЛУ. Ист., яз., лит. Вып. 1. С. 40–45: ил. Рез. англ. (Совместно с И. Г. Добровольским, Ю. К. Кузьменко.)

Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства (IX–XI вв.) // Scando-Slavica. Т. 24. С. 63–89. (Совместно с В. А. Булкиным, А. Н. Кирпичниковым, Г. С. Лебедевым, В. А. Назаренко.)

Тимерево и Гнездово // Из истории феодальной России. Л. С. 16–20. (Совместно с В. А. Булкиным.)

Рец.: Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Göttingen. 1973–1947. Т. 1–2 // СА. № 2. С. 321–330. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым, Г. С. Лебедевым.)

1979

Русско-скандинавские связи в IX–XI вв. на современном этапе археологического изучения // ТД Сканд 8. Ч. 1. Петрозаводск. С. 172–173. (Совместно с В. А. Булкиным, А. Н. Кирпичниковым, Г. С. Лебедевым, В. А. Назаренко.)

Скандинавия и Волжский путь // Там же. С. 137–139.

Тимеревский комплекс — протогородской центр в зоне славяно-финских контактов // Финно-угры и славяне. Л. С. 110–118: ил. Рез. нем., фр.

1980

Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. Вып. 160. С. 24–38. (Совместно с В. А. Булкиным, А. Н. Кирпичниковым, Г. С. Лебедевым.)

1981

Автографы русских дружинников на восточных монетах VIII–X вв. // ПКНО. 1980 (1981). С. 522–527: ил. (Совместно с И. Г. Добровольским, Ю. К. Кузьменко.)

Классификация и интерпретация граффити на восточных монетах (коллекция Эрмитажа) // ТГЭ. Вып. 21. С. 53–77: ил., карт. (Совместно с И. Г. Добровольским, Ю. К. Кузьменко.)

То же на нем яз. // Zeitschrift für Archäologie. Bd. 15. S. 217–241.

Микротопография ярославских могильников // Вып. 166. С. 48–51: ил.

Северная Русь: (Некоторые итоги археологических исследований) // КСИА. Вып. 164. С. 3–10.

1982

Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья: (Историко-археологические очерки) / ЛГУ. Л. 248 с: ил.

Северо-Восточная Русь в период раннего средневековья (IX–XII вв.): Автореф. док. дис. / ЛГУ. 32 с. Библиогр.: с. 27–31.

Археологическое изучение городов Северо-Восточной Руси // Город и государство в древних обществах. Л. С. 106–126.

Новые расчистки мечей, найденных в Ярославском Поволжье // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. С. 147–12: ил. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым.)

О времени появления и роли скандинавов в истории Северо-Восточной Руси // ТД Сканд 9. Ч. 1. Тарту. С. 180–181.

Тимерево (Итоги и перспективы исследований) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. С. 103–111: ил., карт.

1984

Глиняные лапы в погребальном обряде курганов Аландских островов и Волго-Окского междуречья // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л. С. 95–99: ил.

1985

Рец.: Wikinger und Slawen: Zur Frühgeschichte der Ostseevölker. Berlin, 1982 // ВИ. № 12. С. 153–156 (Совместно с А. Н. Кирпичниковым, Г. С. Лебедевым.)

1986

Русско-скандинавские связи по материалам Тимеревского археологического комплекса // ТД Сканд 10. Ч. 1. М. С. 167–169.

Русь и варяги: (Русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М. С. 188–298: ил., карт. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым, Г. С. Лебедевым.)

Славяне и скандинавы в эпоху раннего средневековья: (Проблемы интеграции и периодизации культур) // ТД Сканд 10. Ч. 1. М. С. 160–162. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым, Г. С. Лебедевым.)

1987

Русь и варяги: (новый этап изучения) // ВЛУ. Ист., яз., лит. Вып. 3. С. 12–26. (Совместно с В. А. Булкиным, Г. С. Лебедевым.)

1989

Великий Волжский путь / ЛГУ. Л.: Изд-во ЛГУ. 256 с: ил.: карт.

Камерные гробницы Ярославского Поволжья // ТД Сканд 11. М. С. 148–149. (Совместно с В. Н. Седых.)

1990

Спорные вопросы этнической истории Северо-Восточной Руси IX–XIII вв. // ВИ. № 5. С. 15–27.

1991

Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны / ЛГУ. Л.: Изд-во ЛГУ. 190 с.: ил. (Совместно с И. Г. Добровольским, Ю. К. Кузьменко.)

1992

Новые исследования Тимеревского могильника // Древности славян и финно-угров. СПб. С. 115–123: ил. (Совместно с В. Н. Седых.)

1993

Камерные и срубные гробницы Ярославского Поволжья // ПАЭ. Вып. 4. С. 143–152. (Совместно с В. Н. Седых.)

Средневековые корабли на восточных монетах // ТД Сканд 12. М. С. 120–122.

1994

Славяне, финно-угры и скандинавы на Верхей Волге // Исторический опыт русского народа и современность: Мавродинские чтения. СПб. С. 15–23.

1997

О биконических проволоочных бусах северного происхождения // ТД Сканд 13. М.; Петрозаводск. С. 186–187.

1998

Великий Волжский путь в истории Древней Руси // Материалы международного симпозиума «Историческая география, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв.». Казань. С. 11–17.

К вопросу о датировке Тимеревских курганов на основе нумизматического материала // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция. СПб. С. 78–80. (Совместно с В. Н. Седых.)

Скандинавы в Ярославском Поволжье // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. СПб. С. 156–158.

1999

Протогорода и перемещение центров в Северо-Восточной Руси // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья X–XII вв. Казань. С. 273–322.

Погребения с мечами в Ярославских могильниках: (к этнической и социальной оценке) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб. С. 26–34: ил.

2001

Варяги на Руси: «И от тех варяг прозвася Руская земля». СПб.: Лань. 160 с.: ил., карт.

Граффити на восточных монетах как исторический источник // Историография и источниковедение отечественной истории. СПб. С. 42–55.

2002

О возможных причинах сокрытия кладов восточных монет в Древней Руси и Скандинавии // Клады: состав, хронология, интерпретация: Материалы науч. конф. СПб. С. 11–14. (Совместно с В. Н. Седых.)

Скандинавы в Ярославском Поволжье // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб. С. 114–119.

КЛЕЙН Л. С.

1970

Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // ТЛОИИ. Вып. 11. С. 226–252. (Совместно с Г. С. Лебедевым, В. А. Назаренко.)

1973

Soviet archaeology and the role of Vikings in the early history of Slavs: Comment on Daniil Avdusin // NAR. Vol. 6. № 1. P. 1–4.

1978

Проблема объективности в скандинавской археологии // ВЛУ, № 8 (Ист., яз., лит. Вып. 2). С. 48–54.

1995

Норманизм — антинорманизм: конец дискуссии // Stratum plus. № 5. С. 91–101.

2001

Из статьи Л. С. Клейна, Г. С. Лебедева, В. А. Назаренко «Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения». — Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвеховой полемикой, в хрестоматийном изложении. Изд. 4-е, исправл. М., Флинта — Наука: 366 — 369.

ЛЕБЕДЕВ Г. С.

1970

Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // ТЛОИИ. Вып. 11. С. 226–252: ил. (Совместно с Л. С. Клейном, В. А. Назаренко.)

Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М. С. 180–190: табл.

1971

Камерные могилы Бирки // ТД Сканд 5. Ч. 1. М. С. 11–13.

1972

Погребальный обряд скандинавов эпохи викингов: Автореф. канд. дис. / ЛГУ. Л. 20 с.

Археология и этнография в изучении этнической истории Северо-Западной Руси // Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР. Л. С. 31–33.

Структурная типология погребального ритуала: (По материалам Скандинавии эпохи викингов) // ТД СПИПАИ 1971. М. С. 3–4.

1973

Социальная топография могильника эпохи викингов в Бирке // ТД Сканд 6. Ч. 1. Таллин. С. 117.

The connections between Russians and Scandinavians in the 9th–11th centuries // NAR. V. 6. № 1. P. 5–9.

1974

Гнездово и Бирка: (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л. С. 11–17: ил. (Совместно с В.А. Булкиным.)

Шведские погребения в ладье VII–XI вв. // Скандинавский сб. Т. 19. С. 155–187: ил. Рез. швед., эст.

1975

Древнерусские памятники бассейна на р. Каспле и Путь из варяг в греки: (по материалам смоленской археологической экспедиции 1966 г.) // ВЛУ. Ист. яз., лит. Вып. 3. С. 166–170: ил., карт. (Совместно с В. А. Булкиным, В. А. Назаренко.)

Путь из варяг в греки // ВЛУ. Ист., яз., лит. Вып. 4. С. 37–43. Рез. англ.

1976

Об изучении норманнской проблемы в советской и зарубежной археологии за последние десятилетия // ТД Сканд 7. Ч. 1. М. С. 157–158.

1977

Археологические памятники Ленинградской области. Л.: Лениздат. 232 с.: ил., карт.

Город викингов и состояние структуры скандинавского общества // Древние города: Материалы Всесоюз. конф. Л. С. 74–77.

Научное совещание на кафедре археологии ЛГУ: [«Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья»] // ВЛУ. Ист., яз., лит. Вып. 2. С. 165–167. (Совместно с И. В. Дубовым, В. А. Булкиным.)

Начало Верхней Руси по данным археологии // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л. С. 90–95: карт.

Новые данные о длинных курганах и сопках // ПАЭ. Вып. 1. С. 37–46: ил.

Погребальный обряд как источник социологической реконструкции: (По материалам Скандинавии эпохи викингов) // КСИА. Вып. 148. С. 24–30: ил.

«Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья»: (научное совещание на кафедре археологии ЛГУ) // Скандинавский сб. Т. 22. С. 307–309. Рез. швед.

Социальная топография могильника «эпохи викингов» в Бирке // Скандинавский сб. Т. 22. С. 141–158: ил. Рез. швед.

1978

Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л.: Изд-во ЛГУ. 152 с.: карт. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым, В. А. Булкиным, И. В. Дубовым, В. А. Назаренко.)

Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства (IX–XI вв.) // *Scando-Slavica*. Т. 24. С. 63–89. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым, В. А. Булкиным, И. В. Дубовым, В. А. Назаренко.)

Сопки и жальники // *Проблемы археологии*. Вып. 2. С. 152–163: ил., карт.

Сопки у д. Репьи в Верхнем Полужье // *КСИА*. Вып. 155. С. 93–99: ил.

Этнографические сведения арабских авторов о славянах и русах // *Из истории феодальной России*. С. 21–24.

Рец.: *Vor und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter*. Göttingen. 1973–1974. Т. 1–2 // *СА*. № 2. С. 321–330. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым, И. В. Дубовым.)

1979

Была ли Швеция IX–XI вв. самой отсталой страной Европы? // *ТД Сканд 8*. Ч. 1. Петрозаводск. С. 141–143. (Совместно с И. П. Шаскольским, М. Б. Свердловым.)

Викинги с тысячелетней дистанции // *Сокровища викингов*. Л. С. 3–6.

Монеты Бирки как исторический источник // *ТД Сканд 8*. Ч. 1. Петрозаводск. С. 191–193.

Русско-скандинавские связи в IX–XI вв. на современном этапе археологического изучения // *ТД Сканд 8*. Ч. 1. Петрозаводск. С. 173–175. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым, В. А. Булкиным, И. В. Дубовым, В. А. Назаренко.)

1980

Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // *КСИА*. Вып. 160. С. 24–38. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым, В. А. Булкиным, И. В. Дубовым, В. А. Назаренко.)

On the early date of the way «From the Varangians to the Greeks» // *Fennougri et slavi* 1978. Helsinki. P. 90–101: maps.

Русь и Швеция в системе связей и стран Балтики IX–XI вв. // *Тезисы докл. советской делегации на 4-м МКСА*. М. С. 14–16.

1981

Проблема генезиса древнерусской курганной культуры // *КСИА*. Вып. 166. С. 22–27.

Предпосылки инноваций в культуре Киевской Руси // *Преемственность и инновации в развитии древних культур*. Л. С. 99–103.

Северная Русь: (Некоторые итоги археологических исследований) // *КСИА*. Вып. 164. С. 3–10. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым, И. В. Дубовым.)

1982

Археологическая карта Верхнего Полужья: (2-я пол. I — 1-я пол. II тыс.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. С. 45–49, 1 л. карт. (Совместно с Н. И. Платоновой, Ю. М. Лесманом.)

Монеты Бирки как исторический источник // Скандинавский сб. С. 149–163: ил. Рез. швед.

Этапы развития русско-скандинавских отношений в IX–XI вв. // ТД Сканд 9. Ч. 1. Тарту. С. 188–190.

1983

Конунги-викинги: (К характеристике типа раннефеодального деятеля в Скандинавии) // Политические деятели античности, средневековья и нового времени. Л. С. 44–53.

Этногеография Восточной Европы по «Повести временных лет» // ПАЭ. Вып. 2. С. 103–112: ил.

1984

Эпоха викингов в Северной Европе и развитие русско-скандинавских отношений в VIII–XIII вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. науч. практич. конф. Псков. С. 32–35.

1985

Эпоха викингов в Северо-Восточной Европе: Историко-археологические очерки / ЛГУ. Л.: Изд-во ЛГУ. 286 с.: ил., карт. Библиогр.: с. 271–283.

Археологическая карта Старой Ладogi и ее ближайших окрестностей // ВЛУ. Ист., яз., лит. Вып. 2. С. 15–25: карт. Рез. Англ. (Совместно с В.Н. Седых.)

Северо-Восток Европейской части России в середине I тыс. н. э.: (состояние письменных и археологических данных) // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар. С. 24–34.

Рец.: Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья: (Ист.-археол. очерки). Л., 1982 // ВЛУ. Ист., яз., лит. № 2. С. 114–117. (Совместно с В. В. Мавродиным.)

Рец.: Wikinger und Slaven: Zur Frühgeschichte der Ostseevölker. Berlin, 1982 // Скандинавский сб. Вып. 29. С. 217–221. Рез. швед.

То же // ВЛ. № 12. С. 153–156. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым, И. В. Дубовым.)

1986

Балтийская субконтинентальная цивилизация раннего средневековья: (К постановке проблемы) // ТД Сканд 10. Ч. 1. С. 158–160.

Ладога — центр славяно-финско-скандинавских контактов в VIII–XI вв. // Финно-угры и славяне: (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар. С. 3–13: карт.

Русь и варяги: русско-скандинавские отношения домонгольского времени // Славяне и скандинавы. М. С. 188–297: ил., карт. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым, И. В. Дубовым.)

Славяне и скандинавы в эпоху средневековья: (Проблемы интеграции и периодизации культур) // ТД Сканд 10. Ч. 1. М. С. 160–162. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым, И. В. Дубовым.)

1987

Эпоха викингов в Северной Руси: Автореф. док. дис. / ЛГУ. Л. 34 с.

Русь и варяги: новый этап изучения // ВЛУ. Ист., яз., лит. Вып. 3. С. 12–26. (Совместно с И. В. Дубовым, В. А. Булкиным.)

Северная часть «пути из варяг в греки»: (Памятники и навигационные ориентиры финского залива — Волхова — Ильменя — Ловати — Двинско-Днепровского междуречья) // История и археология Новгородской земли: Тез. науч.-практич. конф. Новгород. С. 15–18.

1988

Итоги и перспективы изучения «Пути из варяг в греки» как основы коммуникационной сети Древнерусского государства // Новгород и новгородская земля: История и археология: Тез. науч.-практич. конф. Новгород. С. 49–53.

«Нево»: «из варяг в греки» // Знание — сила. № 3. С. 32–39: ил (Совместно с Ю. Б. Жвиташвили.)

«Путь из варяг в греки»: (предварительные результаты археолого-навигационного изучения) // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. науч.-практич. конф. Псков. С. 123–126.

Русь и чудь, варяги и готы: (итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н. э.) // СРД. Вып. 1. С. 79–99.

1989

Этапы формирования Трансбалтийской коммуникационной системы: (древность — раннее средневековье) // ТД Сканд 11. Ч. 1. М. С. 101–102.

1990

Ранжирование иерархии поселений древнерусского «Пути из варяг в греки» // Город в Верхней Руси: истоки и становление. Торопец. С. 62–68.

1991

Экспликация историко-культурных зон и этническая история Верхней Руси // Советская этнография. № 1. С. 73–85: карт. (Совместно с А. С. Гердом.)

Этюд о мечях викингов // Клейн Л. С. Археологическая типология. Л. С. 280–304: ил., карт.

1993

Русь Рюрика как объект археологического изучения // ПАВ. № 6. С. 15–109. Рез. англ.

Хайтабу: Шлезвиг—Ладога: Петербург: (этапы урбанизации балтийского культурно-исторического пространства) // ТД Сканд 12. М. Ч. 1. С. 128–131.

Ruriks Rus': Das nordwestliche Russland — ein Bestandteil des Ostseeraums // Mare Balticum. Lübeck. S. 61–62.

1994

Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира? // Старожитності Русі — України. Київ. С. 146–153.

Труворово городище и западные форпосты Руси Рюрика: (обозначившаяся проблема) // Памятники средневековой культуры: открытия и версии. С. 146–154.

1996

«Скандовизантия» и «Славотюркика» как координаты русского национального самосознания // Полярность в культуре. СПб. С. 55–92.

1997

Путь из варяг в греки как фактор урбанизации Древней Руси: Скандинавия и Византия // Труды 6-го МКСА. Т. 2. М. С. 197–209: карт.

Тридцатилетие «варангики»: 1965–1970 гг. // ТД Сканд 13. М.; Петрозаводск. С. 171–175.

1998

М. И. Артамонов и «Варяжский вопрос» // ПА. Вып. 4. С. 51–56.

1999

Дракон «Нево» на пути из варяг в греки: Археолого-навигационные исследования древних водных коммуникаций между Балтикой и Средиземноморьем / РГО; СПбГУ. СПб. 180 с.: ил., карт. (Совместно с Ю. Б. Жвиташвили.)

Социально-экономические предпосылки культурной интеграции «нордического компонента» архаических культур Скандинавии с этнокультурным компонентом Балтики «эпохи викингов» // Актуальные проблемы исследования и спасения уникальных памятников деревянного зодчества России. СПб. С. 144–152.

Varangica Проблемного семинара Л. С. Клейна // Stratum plus. № 5. С. 102–111; ил.

2001

Варяжский путь // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. СПб. С. 77–83.

Из статьи Г. С. Лебедева «Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира. — Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой

полемикой, в хрестоматийном изложении. Изд. 4-е, исправл. М., Флинта — Наука: 404–410.

2003

Славяне, финны, балты и скандинавы на Северо-Западе Европейской части России в период русского этногенеза // Псков в российской и европейской истории. Т. 2. М. С. 192–198. (Совместно с А. С. Гердом.)

ЛЕСМАН Ю. М.

1979

Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии // Советская археология. № 1. 1979. С. 303–313. (Совместно с С. В. Белецким.)

1981

О сидячих погребениях в древнерусских могильниках // Краткие сообщения ИА АН СССР. Вып. 164. М. 1981. С. 52–58.

1982

Рец.: Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) // Советская археология. № 3. 1982. С. 243–248. (Совместно с С. В. Белецким.)

1984

Рец. Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок // Советская археология. № 4. 1984. С. 269–274. (Совместно с С. В. Белецким.)

1987

Торопецкий могильник культуры длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. Псков. 1987. С. 66–67.

1988

Торопец и Луки (Сравнение исторических судеб) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. Псков. 1988. С. 71–75.

1989

К динамике изживания североευропейских традиций в материальной культуре Северо-Западной Руси XI–XIV вв. (железные ножи) // XI всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М. 1989. С. 157–159.

1990

К топографии Торопца (конец I — начало II тыс. н. э.) // Вестник МГУ. Сер. 8. № 4. 1990. С. 73–82.

1992

Характер культурного слоя русских городов как источник для реконструкции системы хозяйства // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 5. Новгород. 1992. С. 189–191.

1993

К теории этногенеза: этногенез древнерусской народности // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. Петербургский археологический вестник. Вып. 6. СПб. 1993. С. 98–104.

1995

Кремации и ингумации в курганах нижней и средней Паши: к хронологии изменений погребального обряда // Чтения памяти Н. Е. Бранденбурга (1839–1903). 17-е заседание древнерусского семинара «Храм и культура». Программа «Храм». Сборник материалов. Вып. 8. СПб. 1995. С. 194–209.

Несколько замечаний о находках крестов-подвесок в Скандинавии // Ладога и Северная Русь. Материалы к чтениям, посвященным Анне Мачинской. СПб. 1995. С. 45–47.

1996

Хронология средневековых древностей лесной зоны Восточной Европы (возможности и перспективы разработки) // Archaeologia Petropolitana. Vol. 1. СПб. 1996. С. 52–65.

Вихревая розетка и свастика в декоре древнерусских ювелирных изделий // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников второго коллоквиума. СПб. 1996. С. 32–35.

Двойной узел в средневековых ювелирных изделиях Восточной Европы // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников второго коллоквиума. СПб. 1996. С. 35–37.

К динамике развития североевропейских традиций в древнерусской культуре: монетовидные подвески, орнаментированные волютами // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб. 1996. С. 67–70.

1997

Парадокс древнерусской Ладоги // Ладога и религиозное сознание. Материалы к третьим чтениям памяти Анны Мачинской. СПб. 1997. С. 27–34.

Квазикамерное погребение в могильнике Струйское на Верхней Волге и проблема происхождения древнерусских сидячих погребений // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.-Петрозаводск. 1997. С. 180–183. (Совместно с О. М. Олейниковым.)

1998

Варяжское наследие в женской субкультуре Древней Руси // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова. Тезисы докладов. СПб. 1998. С. 158–162.

Между эпохой викингов и средневековьем: погребальные памятники Швеции переходного периода (предварительные наблюдения) // Ладога и эпоха викингов. Материалы к четвертым чтениям памяти Анны Мачинской. СПб. 1998.

1999

Конференция, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Равдоникаса. Хроника. // СГЭ Вып. 1999.

Миф о русской свастике. // Барьер № 1 (5) 1999. С. 104–110.

2000

Лунницы из гнездовского клада 1868 г.: к культурной характеристике последнего владельца // Ювелирное искусство и материальная культура. ТД участников седьмого коллоквиума. СПб. 2000. С. 51–54.

2001

Скандинавы на Востоке: откуда, куда, зачем (по материалам рунических камней) // Норна у источника Судьбы. М. 2001. С. 225–231.

2002

Скандинавский фактор архаичности древнерусской культуры // Материалы к Седьмым чтениям памяти Анны Мачинской. СПб. 2002. С. 211–223.

2003

Псевдоушки — диагностический признак скандинавских подвесок эпохи викингов // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников двенадцатого коллоквиума. СПб. 2003. С. 70–75.

Гражданин Касталии, Ученый, Романтик, Викинг. (Воспоминания о Г. С. Лебедеве) // Санкт-Петербургский университет, № 28–29, 2003. С. 50–52.

“Из Варяг в Греки”: хронологические варианты пути // Староладожский сборник. Вып. 6. СПб. — Старая Ладога. 2003. С. 54–72.

2004

Древнерусские находки поясной гарнитуры готландского типа в стиле Урнас // XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Часть I. М. 2004. С. 233–236.

НАЗАРЕНКО В. А.

1970

Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // ТЛОИИ. Вып. 11. С. 226–252: ил. (Совместно с Л. С. Клейном, Г. С. Лебедевым.)

1971

О нижней дате Гнездовского могильника // КСИА. Вып. 125. С. 13–16. (Совместно с В. А. Булкиным.)

1973

The connections between Russians and Scandinavians in the 9th-11th centuries // Norwegian arch. review. Vol. 6. № 1. P. 5-9 (Совместно с Г. С. Лебедевым.)

1975

Древнерусские памятники бассейна р. Каспли и путь из варяг в греки: (по материалам Смоленской археол. экспедиции 1966 г.) // ВЛУ. Ист., яз., лит. Вып. 3. С. 166-170: карт. (Совместно с Г. С. Лебедевым, В. А. Булкиным.)

1976

О роли норманнов в происхождении Приладожской курганной культуры // ТД Сканд 7. Ч. 1. М. С. 141-143.

1978

Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства (IX-XI) // Scando-Slavica. № 24. S. 63-89 (Совместно с А. Н. Кирпичниковым, Г. С. Лебедевым, В. А. Булкиным, И. В. Дубовым.)

1979

Исторические судьбы Приладожья и их связь с Ладогой // Славяне и Русь. Киев. С. 106-115.

Русско-скандинавские связи в IX-XI вв. на современном этапе археологического изучения // ТД Сканд 8. Ч. 1. Петрозаводск. С. 172-173. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым, Г. С. Лебедевым, В. А. Булкиным, И. В. Дубовым)

1980

Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. Вып. 160. С. 24-38. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым, Г. С. Лебедевым, В. А. Булкиным, И. В. Дубовым.)

1982

Норманны и появление курганов в Приладожье // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. С. 142-147.

1983

Погребальная обрядность Приладожской чуди: Автореф. канд. дис. / АН СССР, ИА. Ленингр. отд-ние. Л. 18 с.

1985

Моги́льник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Л. С. 156-169: ил.

1992

Археологические открытия в Старой Ладогe: Черты сходства средневековых городов в регионе Балтики // АВ. № 1. С. 141-151: ил. Рез. англ. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым.)

Bolighus i det Gamle Ladoga // SPOR. Arg. 7. S. 20–21: il (Совместно с А. Н. Кирпичниковым.)

Parseller fra vikingtiden i Staraja Ladoga // SPOR. Arg. 7. S. 16–17: il. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым.)

1993

Fortidens Staraja Ladoga // Vikingernes Rusland. Roskilde. S. 9–26: il.

1997

О возможной интерпретации захоронения в кургане № 11 Плакунского могильника // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 2. СПб.; Псков. С. 91–95.

Об одной особенности планировки ладожской застройки VIII–X вв.: (По материалам «Земляного городища») // Ладога и религиозное сознание. СПб. 1997. С. 112–114.

2005

Эпоха викингов в Северо-Восточной Европе: Историко-археологические очерки / Второе, дополн. изд. СПб: Евразия.

НОСОВ Е. Н.

1971

Раскопки И. И. Ляпушкина на поселении у д. Гнездово // Тезисы 3-й РСА-ЭК. Рига. С. 49–52.

1976

Балтийско-волжский путь и поселения ильменского бассейна и Поволховья в конце VIII—X вв. // ТД Сканд 7. Ч. 1. М.; Л. С. 137–139.

Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII–X вв. // ВИД. № 8. С. 95–110: карт.

1977

Поселения Приильменя и Поволховья в конце первого тысячелетия н. э.: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ИА. 25 с.

Лепная керамика из раскопок Рюрикова городища под Новгородом // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л. С. 95–98: ил.

Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладоги // КСИА. Вып. 150. С. 10–17: ил.

1979

Новые данные о скандинавских погребениях в Старой Ладоге // ТД Сканд 8. Ч. 1. Петрозаводск. С. 181–184.

1980

International trade and early urban centres in the North of ancient Russia // Fenno-ugri et slavi 1978. Helsinki. P. 49–62: maps.

1981

Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. // КСИА. Вып. 164. С. ил., карт.

Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тыс. н. э. // СА. № 1. С. 42–56: карт. Рез. англ.

1982

Скандинавские древности на поселениях Поволховья // ТД Сканд 9. Ч. 1. Тарту. С. 191–192.

1983

Археологическое изучение Приильменя в 1970-х начале 1980-х гг. // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда: Тез. докл. С. 32–33.

1984

Археологические памятники Новгородской земли VIII–X вв. // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. С. 85–107.

Новгород и Новгородская округа: (к вопросу о возникновении Новгорода) // Древнерусский город. Киев. С. 90–92.

Новгород и новгородская округа IX–X вв. в свете новейших археологических данных: (к вопросу о возникновении Новгорода) // Новгородский ист. сб. Вып. 2 (12). С. 3–38.

Поселения IX–X вв. в окрестностях Новгорода // Новгородский край. Л. 1984. С. 123–127.

Historical ties between the population of the Novgorod Land Centre and the Baltic countries in the IXth-Xth centuries // Iskos. № 4. P. 145–150: il.

1984

Загадки Новгородской округи Л.: Лениздат. 120 с.: ил. (Совместно с В. Я. Конечким.)

Новгород и Рюриково городище в IX–X вв.: (к вопросу о происхождении Новгорода) // Тез. докл. советской делегации на 5-м МКСА. М. С. 63–64.

Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога. Л. С. 147–155: ил.

1986

Новые скандинавские находки с Рюрикова городища // ТД Сканд 10. Ч. 1. М. С. 177–179.

1987

Буквенные знаки на пряслице середине X в. с «Рюрикова» городища: Вопросы интерпретации // ВИД. № 18. С. 45–55. (Совместно с Т. В. Рождественской.)

Итоги работ Новгородской областной экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1974–1986 гг. // История и археология Новгородской земли. С. 10–11.

Новгород и Рюриково городище в IX–XI вв. // Труды 5-го МКСА. Т. 1. Вып. 26. Секция 2. М. С. 51–15: ил., карт.

New data on the Rurik gorodische near Novgorod // Fennoscandia archaeology. Vol. 4/ P/ 73–84: il., maps.

1988

Амулеты с рунической надписью с городища под Новгородом // Древнейшие государства на территории СССР. 1986 (1988). С. 210–222: ил. Рез. англ.

Городище и Новгород в 9–12 вв.: (Замечания о соц.-топограф. структуре древнерусского города) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 2. С. 3–25.

Neue Forschungen über das Rjurikovo Gorodische bei Novgorod // Das Altertum. Bd. 34. Hft. 3. S. 60–63.

1989

О новых скандинавских находках в Приильменье // ТД Сканд 11. Ч. 1. М. С. 140–141.

Характер расселения и становление городов Северной Руси // Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря: тез. докл. симпоз. Л. С. 14–16.

1990

Новгородское (Рюриково) городище / АН СССР. ЛОИА. Л.: Наука. 216 с: ил. Рез. англ.

Работы Новгородской областной экспедиции в 1989 г. // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Тез. науч.-практич. конф. Новгород. С. 8–9. (Совместно с А. В. Плоховым.)

1991

Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского поозерья конца I тыс. н. э. (каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли 1990 (1991). С. 5–37: ил., карт.

1992

Новгородская земля IX–XI вв.: (Историко-археологические очерки): Автореф. док. дис. / РАН. ИИМК. СПб. 40 с. Библиогр.: с. 35–40.

Происхождение легенды о призвании варягов и Балтийско-Волжский путь // Древности славян и финно-угров. СПб. С. 100–105.

Rurik Gorodische and the settlements to the north of lake Ilmen // The Archaeology of Novgorod, Russia: Recent results from the town and its hinterland. Lincoln. P. 5–106, maps.

1993

Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России. СПб. С. 59–78.

Происхождение первых городов Северной Руси: (к изучению проблемы)
// Феодальная Россия. СПб. С. 5–10.

Скандинавская равноплечная фибула Вальста из района истока Волхова
// Новгород и Новгородская земля. Вып. 7. С. 115–121: ил. (Совместно с П. Г. Гайдуковым, И. Янссоном.)

Novgorod // Vikingernes Rusland. Roskilde. S. 27–75: ил. Норв. (Совместно с В. Л. Яниным, Е. А. Рыбиной.)

The problem of the emergence of early urban centres in Northern Russia
// Cultural transformations and interactions in Eastern Europe. Avebury. P. 236–256: maps.

Рец.: Clarke H, Ambrosiani B. Towns in the Viking Age. Leicester; London, 1991 // АВ. № 2 С. 209–212.

1994

Первая находка скандинавской равноплечной фибулы типа Вальста на Руси // АВ. № 3. С. 110–120: ил. (Совместно с П. Г. Гайдуковым, Ю. Б. Амбросиани, И. Янссоном.)

The emergence and development of Russian towns: Some outline ideas // Archaeologia Polona. Vol. 32. P. 185–196: maps.

Novgorod: Gotlandes handelspartner i ost / Länsmuseet Gotlands fornsal. Roskilde. 36 h.: ил, maps. (Совместно с В. Л. Яниным, Е. А. Рыбиной.)

1995

Исследование Рюрикова городища // Новгород и Новгородская земля. Вып. 9. С. 17–20. (Совместно с Н. В. Хвоцкой, И. Янссоном и др.)

К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. // Славяно-русские древности. Вып. 3. С. 29–54: ил., карт. (Совместно с В. Я. Конечким.)

Новгородский детинец и городище: (К вопросу о ранних укреплениях и становлении города) // Новгородский ист. сб. № 5. С. 5–17.

Первый проект нового центра по исследованию периода викингов и средневековья в Осло // АВ. № 4. 274–277.

Труды Двенадцатого Викингского конгресса // АВ. № 4. 266–271.

1996

Охранные исследования на Рюриковом городище // Новгород и Новгородская земля. Вып. 10. С. 27–31. (Совместно с А. В. Плоховым, И. Янссоном.)

Продолжение работ на Рюриковом городище // АО. 1995 (1996). С. 68–70: ил. (Совместно с А. В. Плоховым, И. Янссоном.)

Скандинавы в Поволховье // Российско-норвежские контакты. СПб. С. 7–21: ил. Рез. англ.

The river systems of Eastern Europe and their role in the formation of towns and the Russian state // *Documenti di archeologia. Mantova. Vol. 10. P. 175–179: il., maps.*

River-Borgen: (Rjurikovo gorodisjtsie utenfor Novgorod) // *Skrift... I meddealderens Russland og Trondheim. Trondheim. S. 15–17: il.*

1997

Городские центры Поволжья и проблемы урбанизации Северной и Восточной Европы в эпоху раннего средневековья // *Современность и археология. СПб. С. 49–52.*

Исследование Рюрикова городища в 1996 г. // *Новгород и Новгородская земля. Вып. 11. С. 25–29 (Совместно с А. В. Плоховым, И. Янссоном и др.)*

Раннегородские центры Поволжья: Проблемы возникновения и соотношения // *ТД Сканд 13. М.; Петрозводск. С. 163–166.*

Раскопки на Рюриковом городище // *АО. 1996 (1997). С. 53–55: ил.*

Рюриково городище — Новгород — центр на перекрестке торговых путей // *Восточный путь. № 3. С. 11–14: ил., карт. Рез. англ.*

Северный древнерусский город и округа // *ВРГНФ. № 2. С. 39–45.*

У истоков Новгорода // *Славянский средневековый город. М. С. 272–285.*

1998

Древнерусский город в отечественной исторической мысли: (Преемственность и концепции) // *Культурное наследие Российского государства. СПб. С. 51–57.*

К вопросу о социальной типологии древнерусских городов: (Ладога—«Рюриково» городище—Новгород) // *Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. СПб. С. 162–165.*

Первые скандинавы в Северной Руси // *Викинги и славяне. СПб. С. 56–82: ил., карт. Рус., англ.*

Раскопки на Рюриковом городище // *Новгород и Новгородская земля. Вып. 12. С. 22–24: ил. (Совместно с Н. В. Хвоцинской и др.)*

The Varangien problem: Russian historical tradition vs. new archaeological evidence // *Studien zur Archäologie des Ostseeraumes: Festschrift für M. Müller-Wille. Neumünster. S. 61–66.*

1999

Раскопки на Рюриковом городище // *Новгород и Новгородская земля. Вып. 13. С. 10–13. (Совместно с Н. В. Хвоцинской, И. Янссоном и др.)*

Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // *Великий Новгород в истории средневековой Европы. М. С. 157–170.: карт.*

Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб. С. 151–163.

Современные данные по варяжской проблеме на фоне традиции русской историографии // *Stratum plus*. № 5. С. 112–118. Рез. англ.

2000

Древнерусский город в отечественной исторической мысли // Культурное наследие Российского государства. Вып. 2. С. 104–110.

Итоги изучения Рюрикова городища в 1999 г. // Новгород и Новгородская земля. Вып. 14. С. 37–41. (Совместно с К. А. Михайловым, И. Янссоном.)

К вопросу о типологии городов Поволховья // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. С. 162–171.

Типология городов Поволховья // Новгород и Новгородская земля. Вып. 14. С. 276–282.

Rjurikovo Gorodisce et Novgorod // *RealByz.* Т. 7. S. 143–172: il.

Scandinavien in der nordlichen Rus und die Entstehung von Nowgorod // *AiD*. № 4. S. 56–60: il.

2001

Новые исследования на Рюриковом городище в 2000 г. // Новгород и Новгородская земля. Вып. 15. С. 11–15. (Совместно с К. А. Михайловым, М. В. Медведевой и др.)

Открытия древнейших оборонительных конструкций Рюрикова городища // АО. 2000 (2001). С. 35–37. (Совместно с К. А. Михайловым.)

The first Scandinavians in northern Rus' // *Viking Heritage Magazine*. № 2. P. 10–11: map.

Ein Herrschaftsgebiet entsteht: Die Vorgeschichte der nordlichen Rus' und Novgorods // *Novgorod: Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Ruslands*. Neum nster. S. 13–74: il.

2002

Исследования Рюрикова городища // АО. 2000 (2001). С. 64–66. (Совместно с Т. С. Дорофеевой, К. А. Михайловым.)

Некоторые итоги изучения Рюрикова городища // Культура, образование, история Ленинградской области. СПб. С. 51–52. Некоторые сфрагистические находки 1985–1988 гг. с Рюрикова городища // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. С. 251–253: ил. (Совместно с А. В. Плоховым.)

Новые исследования в Ильменском Поозерье // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. С. 159–180: ил. (Совместно с А. В. Плоховым.)

Новые исследования на Рюриковом городище в 2001 г. // Новгород и Новгородская земля. Вып. 16. С. 12–15. (Совместно с К. А. Михайловым, М. В. Медведевой.)

Новые находки наконечников ножен мечей на Рюриковом городище // АВ. №. 9. С. 136–140: ил. (Совместно с К. А. Михайловым.)

О находке позднеримской фибулы в Ильменском Поозерье // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб. С. 74–76: ил.

Происхождение первых городов Северной Руси: (Постановка проблемы: история и археология) // Ист. записки. Вып. 5. С. 5–42.

Становление Руси и первые города // Культурное наследие Российского государства. Вып. 3. С. 111–119.

2003

Исследования Рюрикова городища и поселения Шкурина Горка в 2002 г. // Новоруд и Новгородская земля. Вып. 17. С. 19–23. (Совместно с Н. В. Хвоцинской, И. И. Еремеевым.)

Первые города Северной Руси: (Постановка проблемы: история и археология) // культурное наследие Российского государства. Вып. 4. С. 401–427.

Рюрик — Ладога — Новгород // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб. С. 35–37.

2004

Раскопки Рюрикова городища и Шкуриной горки // АО. 2003 (2004). С. 59–61. (Совместно с И. И. Еремеевым, М. Ю. Юшковой.)

У начала русской истории: между Ладогой и Новгородом // Старая Ладога: Международная экспедиция-школа. СПб. С. 70–83.

ПЕТРЕНКО В. П.

1976

Новые находки скандинавского происхождения из Старой Ладоги // ТД Сканд 7. Ч. 1. Л.; М. С. 125–127.

1977

Младшерунические надписи: (Описание памятника № 144) // Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Тексты, пер., коммент. М. С. 162–169: ил. (Совместно с Ю. К. Кузьменко.)

Некоторые сведения о сопках Северного Поволжья // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л. С. 85–90: ил. (Совместно с Н. Д. Конаковым, М. Б. Рогачевым.)

Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладоги // КСИА. Вып. 150. С. 55–62: ил

1979

Nya fynd med runor fran Gamla Ladoga // Viking. Bd. 42. S. 78–84: il. (Совместно с Ю. К. Кузьменко.)

1980

Сопка у с. Михаила-Архангела в Юго-Восточном Приладожье по раскопкам Н. Е. Бранденбурга в 1886 г. // КСИА. Вып. 160. С. 69–76: ил.

1985

Классификация сопок Северного Поволховья // Средневековая Ладога. Л. С. 123–146: ил.

Некоторые итоги изучения сопок Северного Поволховья // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. С. 23–28.

Новые данные о балто-скандинавских отношениях по материалам памятников г. Гробиня // Проблемы этнической истории балтов. Рига. С. 86–89.

Раскоп на Варяжской улице // Средневековая Ладога. Л. С. 81–116: ил.

Сопки Северного Поволховья в плане балтских и финно-угорских параллелей // Проблемы этнической истории балтов. Рига. С. 83–85.

1986

Раскопки в Гробине // МОНС ИИ АН ЛатвССР. Археология. 1984–1985 (1986). С. 30–34: ил. Латыш.

1988

Исследование скандинавских могильников в Гробине // МОНС ИИ ЛатвССР. 1986–1987 (1988). Археология. С. 113–117: ил. Латыш.

1989

Каменная стела с изображениями из Гробиня // ТД Сканд 11. Ч. 1. М. С. 165–166.

Куршско-скандинавские могильники Гробиняс, Приедиенс в Юго-Западной Латвии // ТД Сканд 11. Ч. 1. М. С. 163–164.

Новые данные о комплексе памятников в районе г. Гробиня // Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря. Л. С. 48–50.

1990

Могильники Гробиняс-Аткални и Гробиняс-Приедиенс I // МОНС. Археология. 1988–1989 (1990). С. 125–126. Латыш. (Совместно с И. Вирсе.)

Раскопки в г. Гробиня // МОНС. Археология. 1988–1989 (1990). С. 120–125: ил. Латыш.

Assemblage of archaeological monuments at Grobina in the light of recent investigations // Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Riga. S. 41–43.

Die Hügelgräberfelder von Grobin (UdSSR) // Das Altertum. Bd. 36. Heft. 1. S. 43–48: ил.

1991

Званская сопка // КСИА. Вып. 205. С. 83–92: ил.

A picture sone from Grobin (Latvia) // Fornvännen. Arg. 86. S. 1–8: ил.

1994

Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв.: Сопки Северного Поволжья / РАН. ИИМК. СПб.: Наука. 138 с.: ил., карт.

1995

The archaeological monuments of Grobina / Museum of nat. antiquites (Stockholm); Latvian cult. foundation. Stockholm; Riga. 19 s.: il., maps. (Совместно с Ю. Уртансом.)

ПЛАТОНОВА Н. И.

1991

Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли 1990. М.: 68–88.

1992

Камерное погребение в кургане у д. Удрай Новгородской области // Новгород и Новгородская земля. ТНК. Вып. 4. Новгород, 1992. С. 102–104.

1997

Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X века // Европа в древности и средневековье. Международная договорная практика Древней Руси. М. С. 69–73.

К уточнению датировки могильника на Староладожском Земляном городище // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1997. С. 25–27.

Средневековый могильник на Земляном городище Старой Ладоги // Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. СПб.: ИПК «Вести», 1997. С. 67–71.

1998

Камерные погребения XI — начала XII вв. в Новгородской земле (анализ погребального обряда) // Общество, экономика, культура и искусство славян. Труды VI международного конгресса славянской археологии. Новгород, 26–31 августа 1996 г. Т. 4. М.: РАН, 1998. С. 372–380.

Олег и Хельгу Кембриджского документа. Продолжение дискуссии // Ладога и эпоха викингов. IV чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1998. С. 43–46.

1999

Договоры Руси и Византии и социальные верхи русского общества X века // Stratum plus. 5. Неславянское в славянском мире. СПб. — Кишинёв — Одесса, 1999. С. 164–168.

2001

Инвентарь и датировка погребений в каменных ящиках в сопке № 4 у Передольского погоста // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. СПб. С. 112–117.

2002

О погребальном обряде верхнелужских сопок (по материалам комплекса памятников у Передольского погоста) // Любытинский археологический сборник. Вып. 1. 2002. С. 116-143.

2007

Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики. СПб.: Изд. «Дмитрий Буланин», 2007. С. 142-194 (в соавторстве с Жегловой Т.А. и Лесманом Ю.М.).

РЯБИНИН Е. А.

1976

Новые находки на Земляном городище Старой Ладogi и их северо-европейские аналогии // ТД Сканд 7. Ч. 1. С. 123-125.

1978

Сопки и жальники // Проблемы археологии. Вып. 2. С. 152-163: ил., карт.

1979

Владимирские курганы: (Опыт источниковедческого изучения материалов раскопок 1853 г.) // СА. № 1. С. 228-244: ил.

1980

Скандинавский производственный комплекс VIII в. из Старой Ладogi // Скандинавский сб. № 25. С. 161-178: ил. Рез. эст.

1981

Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. / АН СССР. ИА. Л.: Наука. 124 с: ил., карт. (Археология СССР; САИ; Е1-60). Библиогр. 7: с. 89-92.

1983

Новые данные о раннем ладожском домостроительстве // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII-XIV вв. в Северо-Западной части СССР: Тез. докл. Рига. С. 39-43.

1985

Некоторые итоги изучения средневековой Ладogi // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. С. 48-51. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым, В. П. Петренко.)

Новые открытия в Старой Ладогe: (итоги раскопок на Земляном городище 1973-1975 гг.) // Средневековая Ладoga. Л. С. 28-76: ил.

1986

Раннесредневековая Ладoga: некоторые итоги новых исследований // ТД Сканд 10. Ч. 1. М. С. 162-164.

1987

Металлообработка и стеклоделие в Ладоге VIII–X вв. // Культура и искусство средневековой Руси. М. С. 40–42.

Das frühmittelalterliche Ladoga im Lichte der neuesten Forsschundgen // Das Altertum. Bd. 33. Hft. 1. S. 54–61: ил. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым, В. П. Петренко.)

1988

Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского земляного городища в свете новых исследований // СА. № 1. С. 72–100: ил. Рез. анл. (Совместно с Н. Б. Черных.)

Языческие привески-амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси. М. С. 55–63: ил., карт.

От язычества к двоеверию: (По археологическим материалам Северной Руси) // Православие в Древней Руси. Л. С. 20–31.

1992

Характер межэтнических контактов на Севере Руси: (Современное состояние проблемы) // КСИА. Вып. 205. С. 3–11.

1994

У истоков ремесленного производства в Ладоге: (К истории общеконтигентных связей в предвикингскую эпоху) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб. С. 50–59: ил.

1995

Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы: (Новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналогии) // Ладога и Северная Русь. СПб. С. 56–61.

Предметы вооружения и их имитации из Старой Ладоги: (Материалы новых исследований) // Древности Северо-Западной России. СПб. С. 51–56: ил.

New data concerning early glass beadmaking in Ladoga: (in the 8th–10th centuries A. D.) // Glass heads. Leire. P. 109–112. (Совместно с В. А. Галибиным.)

1997

Заметки о ладожских древностях: (О «двух культурах» раннесредневековой Ладоги) // Современность и археология. СПб. С. 45–48.

Начальный этап стеклоделия в Балтийском регионе: (По материалам исследований Ладоги VIII–IX вв.) // Дивинец староладожский. СПб. С. 43–49.

Некоторые судовые находки из раскопок в Старой Ладоге // Там же. С. 50–54. (Совместно с П. Е. Сорокиным.)

Эпоха Древней Руси // Археология Костромского края. Кострома. С. 138–196.

1998

«Деревянный мир» раннесредневековой Ладogi : (по материалам раскопок Земляного городища в 1973–1985 гг.) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. СПб. С. 165–168.

Некоторые судовые находки из раскопок в Старой Ладогe // Изучение памятников морской археологии. СПб. Вып. 3. С. 187–194: ил. (Совместно с П. Е. Сорокиным.)

1999

«Деревянный мир» раннесредневековой Ладogi: (По материалам раскопок Земляного городища в 1973–1985 гг.) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб. С. 180–191: ил.

2000

Этнокультурная панорама Северо-Западной Руси в эпоху раннего и развитого средневековья // Культурное наследие Российского государства. Вып. 2. С. 111–120.

2002

Любшанское городище в Нижнем Поволховье // Ладoga и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. С. 196–293: ил. (Совместно с А. В. Дубашинским.)

Новые данные о «больших домах» Старой Ладogi: по материалам раскопок Земляного городища в 1973–1985 гг. // Старая Ладoga и проблемы археологии Северной Руси. СПб. С. 15–29.

От язычества к христианству: (по материалам средневекового прошлого Северо-Западной Руси) // Культурное наследие Российского государства. Вып. 3. С. 130–149.

Раскопки Любшанского городища в Нижнем Поволховье: (Предварительные результаты археол. исслед.) // Культура, образование, история Ленинградской области. СПб. С. 53–57.

2003

У истоков Северной Руси: Новые открытия. СПб.: Блиц. 223. с: ил. Рус., англ, нем.

2004

Вертикальные игольники и ножевидные подвески восточноевропейского Севера: (К проблеме формирования средневековой пластики надплеменного характера) // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб. С. 150–159: ил., карт.

СЕДЫХ В. Н.

1984

К вопросу о хронологии и назначении глиняных дисков // Археологическое изучение Новгородской земли. Л., 1984. С. 111–118. (в соавт. с И. В. Дубовым.)

1989

Камерные гробницы Ярославского Поволжья // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М., 1989. С. 148–149. (в соавт. с И. В. Дубовым.)

1992

Новые исследования Тимеревского могильника // Древности славян и финно-угров / Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 16–22 мая 1986 г. СПб., 1992. С. 115–123. (в соавт. с И. В. Дубовым.)

1993

Камерные и срубные гробницы Ярославского Поволжья // Историческая этнография (Проблемы археологии и этнографии. Вып. 4). СПб., 1993. С. 143–152. (в соавт. с И. В. Дубовым.)

1995

Изделия из глины на памятниках Ярославского Поволжья IX–XI вв. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. (Славяно-русские древности. Вып. 3). СПб., 1995. С. 55–72.

Тимерево в свете новейших исследований // Древняя Русь: новые исследования. (Славяно-русские древности. Вып. 2). СПб., 1995. С. 102–117. (в соавт. с И. В. Дубовым.)

1996

Монетные находки в Ярославском Поволжье и их значение для этносоциальных и хронологических характеристик комплексов // Монеты, медали, жетоны. М., 1996. С. 175–191. (в соавт. с И. Г. Добровольским, И. В. Дубовым.)

1997

Тимерево и Шестовица // Любецький з'їзд князів в історичній долі Київської Русі. Чернівці, 1997. С. 142–144.

1998

Тимерево: древнерусская деревня? скандинавская фактория? протогород? // Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 6–9 октября 1998 г. СПб., 1998. С. 22–26.

Скандинавская посуда в Древней Руси // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 1998 г. Материалы к чтениям. СПб., 1998. С. 46–49.

2000

Timerevo — un centre proto-urbain sur la grande voie de la Volga // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997, édités par M. Kazanski, A. Nersessian et C. Zuckerman (Réalités byzantines 7), P. Lethielleux. Paris, 2000. С. 173–197 (на франц. яз.).

2001

Новые данные к истории Великого Волжского пути // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 28-29 августа 2000 г. Казань, 2001. С. 173-188.

Об одной группе лепной керамики на памятниках Древней Руси // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001. С. 153-158.

2002

О возможных причинах сокрытия кладов восточных монет в Древней Руси и Скандинавии // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26-29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 11-14 (в соавт. с И. В. Дубовым).

2003

Верхнее Поволжье в системе Великого Волжского пути (по археолого-нумизматическим данным) // Великий Волжский путь. Материалы II этапа Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь», Санкт-Петербург — Стокгольм — Санкт-Петербург, 5-14 августа 2002 г. Часть II. Казань, 2003. С. 137-145.

Северная Русь в эпоху Рюрика по данным археологии и нумизматики // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003. С. 84-96.

Русь эпохи Рюрика: археолого-нумизматический аспект // Ладога — первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21-23 декабря 2002 г. Сборник статей. СПб., 2003. С. 68-72.

2004

Северо-Запад России и страны Северной Европы в эпоху викингов по археологическим и нумизматическим данным // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Пятой ежегодной Международной научной конференции (23-25 апреля 2003 г.). СПб., 2004. С. 194-211.

Клады эпохи Рюрика: свидетельства активной международной торговли или сильных общественных потрясений? // Восточная Европа в древности и средневековье. Время источника и время в источнике. XVI чтения памяти члена-корр. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 14-16 апреля 2004 г. Материалы конференции. М., 2004. С. 180-187.

2005

Скандинавский компонент в материалах Тимеревского археологического комплекса // Археология: история и перспективы. Вторая межрегиональная конференция. Сборник статей. Ярославль, 2005 (в печати).

2006

Скандинавы, финно-угры и славяне в Тимереве // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. Сборник докладов / Под ред. А. Н. Кирпичникова, Е. Н. Носова, А. И. Саксы. СПб., изд-во «Нестор-История», 2006. С. 153-160 — 0,8 п.л.

Вооружение населения Ярославского Поволжья эпохи раннего средневековья по материалам ярославских могильников // Международная научно-практическая конференция: «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем». 29-31 марта 2005 г. Санкт-Петербург. М., 2006. С. 142-151 — 0,5 п.л.

2007

Монетные находки в Тимереве // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. СПб. — Гатчина, 16-21 апреля 2007 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2007. С. 67-69.

Peuplement et culture aux IX-XI e s. dans la region de Jaroslavl // On the Road Again. L'Europe en mouvement. Medieval Europe Paris 2007. 4 e Congrès international d'Archéologie Médiévale et Moderne. 3-8 septembre 2007 — Paris (France). Institut National d'Histoire de l'Art. Programme. S. 19-20 (на франц. яз.).

Монетные находки в Тимереве в контексте нумизматических данных территории Северной Руси // Труды по русской истории. Сборник статей в память о 60-летию Игоря Васильевича Дубова. М., изд. дом «Парад», 2007. С. 233-256 — 1,6 п.л.

В печати

Рюриково Городище и Тимереве: общее и особенное сквозь данные истории и археологии // у истоков русской государственности (к 30-летию раскопок на Городище под Новгородом).

Составитель Л. М. Всевиов

Список сокращений

- АО — Археологические открытия. Москва
АВ — Археологические вести. Санкт-Петербург
ВИ — Вопросы истории. Москва
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Москва
ВРГНФ — Вестник Российского гуманитарного фонда. Москва
ИИМК — Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии АН СССР. Москва
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Ин-та археологии АН СССР
МКСА — Международный конгресс славянской археологии
МОНС ИИ АН ЛатвССР — Материалы отчетной научной сессии, посвященной результатам исследований археологов и этнографов / Институт истории ЛатвССР. Рига
ПАВ — Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург
ПАЗ — Проблемы археологии и этнографии. Ленинград
ПКНО — Памятники культуры: Новые открытия. Москва
РАН — Российская академия наук
РГО — Российское географическое общество
РАСК — Региональная археологическая студенческая конференция
РАЗСК — Региональная студенческая археологическая и этнографическая конференция
САИ — Археология СССР: Свод археологических источников. Москва
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
СРД — Славяно-Русские древности. Ленинград
ТГИМ — Труды государственного Исторического музея. Москва
ТД Сканд — Тезисы докладов Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии
ТД СПИПАИ — Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований
ТЛОИИ — Труды Ленинградского отделения Ин-та истории АН СССР. Ленинград
AiD — Archäologie in Deutschland. Stuttgart
NAR — Norwegian archaeological review. Oslo
RealByz — Realités Byzantines. Paris

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Е. Н. Носов

Книга, которую завершает это послесловие, была написана полвека назад и до сих пор не издавалась. В студенческие годы она обсуждалась в машинописном варианте среди моих друзей — членов семинара Льва Самоиловича Клейна и была для нас одновременно и сводом данных по теме, и своеобразным собранием принципов научного подхода к исследовательской работе, которой мы с юным энтузиазмом намеривались посвятить свою жизнь. Отрадно, но книга не устарела до сих пор.

«Норманнский вопрос», или «варяжская проблема», в широком и традиционном понимании основывается на той или иной трактовке «варяжской легенды» русских летописей и ответе на вопрос о роли варягов в образовании государственности на Руси.

Проблема была поднята еще в середине XVIII в. в трудах работавших в Академии наук в Санкт-Петербурге немецких ученых Г. З. Байера и Г.-Ф. Миллера, с критикой построений которых выступил М. В. Ломоносов. В дальнейшем этот вопрос постоянно фигурировал в отечественной историографии, то затухая, то вспыхивая с новой силой, отражая в конечном счете сложный путь движения общественной и научной мысли в России. Освещению данной проблемы в русской науке посвящено множество работ, и сейчас вряд ли имеет смысл их повторять (Мавродин 1949; Шушарин 1964; Шаскольский 1965; Рыдзевская 1978; Хлезов 1997 и др.).

В определенной степени, то явно, а то завуалировано, подход к рассмотрению данного вопроса подпитывался двумя тенденциями. Одну из них можно назвать «российской». За ней стояла приверженность к национальному самоутверждению, отстаивание национального самосознания, признание самобытности русской — славянской культуры, отрицание всякого рода иноземных влияний. Тенденция вполне понятная, если следовать течению русской общественной мысли, и в истории России отнюдь не новая, а в иных проявлениях и формах живущая и сейчас. Вторая тенденция — «скандинавская». Она основывается на романтической идеализации викингов и их эпохи, «золотого периода» скандинавской истории (Wilson 1997). Эта тенденция особенно

ярко проявилась во второй половине XIX в. «Викинги» — образ национальной гордости скандинавов. Они предстают как бесстрашные путешественники и доблестные воины, опытные мореходы и искусные ремесленники, торговцы и колонисты-земледельцы, основатели городов и государств, посланники и князья, телохранители византийских императоров, носители цивилизаторских тенденций и всего самого прогрессивного.

Обе названные тенденции взаимоисключают друг друга, отталкиваясь от национальной и, в каждом случае, разной почвы. Стоящий за ними примитивный патриотизм (естественный для любой массовой культуры), периодически подогреваемый политически, ощутимо чувствовался на протяжении всего XX в. Достаточно вспомнить широкое использование викингских символов в нацистской пропаганде (Wilson 1997: 75–78), достаточно взглянуть на десятки современных популярных книг и множество так называемых «документальных» фильмов о викингах, потоком создающихся на Западе, в которых яркими стрелами, пересекающими мир от Северной Америки до Средиземноморья, показаны направления походов северных покорителей новых стран. Одновременно достаточно вспомнить статьи типа «Рюрик — солевар из Старой Русы» (Анохин 1994: 77–92), рассчитанной на широкий круг читателей, появляющихся в отечественной научно-популярной литературе и рисующих образ гордого русского славянина, чтобы убедиться в справедливости сказанного.

Однако нас в данном случае будут интересовать не эти популярные издания и фильмы, рассчитанные на массовую публику, а движение мысли в академической сфере. Здесь же наблюдается определенная закономерность. Суть ее заключается в том, что в начале XX столетия подход к вопросу о варягах на Руси в академической науке, под которой я понимаю науку, основанную на всестороннем критическом источниковедении, по существу, стал достаточно однозначен, и позиции наиболее крупных исследователей русской истории сближались. Именно это позволило Ф. А. Брауну в 1925 г. заключить, что «дни варягоборчества, к счастью, прошли» (цитирую по Шаскольскому 1965: 12). Подобная ситуация в историографии объясняется тем, что этап формирования академической базы основных научных дисциплин, питающих историю, к этому времени завершился.

Трудами А. А. Шахматова была заложена фундаментальная основа изучения русского летописания, остающаяся таковой и в наши дни. Развитие либеральной русской исторической науки достигло своих вершин в сочинениях В. О. Ключевского и его школы. В числе блестящих представителей исторической мысли нельзя не упомянуть С. Ф. Платонова и А. Е. Преснякова. В области исторической географии появился прекрасный труд С. М. Середонина. Кропотливые сборы А. А. Спицына привели к формированию достоверной

фактологической базы археологических источников древнейшего периода истории Руси. Если отрешиться от частностей, то, в традиционном понимании предшествующей историографии, все названные исследователи, которые представляют не только себя, а направления в науке, — норманисты. Это совсем не значит, что норманизм победил. В своей крайней форме он также проиграл. Суть заключалась в том, что не зыбкое «национальное» противостояние и анализ выборочных сведений определяли теперь научную мысль, а реальный исторический факт, установленный на основе комплексного источниковедения. Были или нет варяги на Руси, сыграли или не сыграли они значительную роль в ранней русской истории, имели ли первые Рюриковичи скандинавские корни и т. д. — подобные вопросы стали достоянием прошлого. Требование времени заключалось в оценке роли скандинавов на Руси в различные хронологические периоды и в различных сферах жизни древнерусского общества в свете установленных достоверных фактов.

Весьма примечательными в связи с этим представляются рассуждения В. О. Ключевского в его «набросках по варяжскому вопросу». «Я, собственно, равнодушен к обеим теориям, и норманнской, и славянской, — писал В. О. Ключевский, — и это равнодушие выходит из научного интереса. В тумане ранних известий о наших предках я вижу несколько основных фактов, составляющих начало нашей истории, и больше их ничего не вижу. Эти факты, которые приводят меня к колыбели нашего народа, остаются те же, с тем же значением и цветом, признаю ли я теорию норманистов или роксоланистов. Поэтому, когда норманист или роксоланист начнут уверять, что только та или другая теория освещает верным светом начало русской национальности, я перестаю понимать того и другого, то есть становлюсь совершенно равнодушен к обоим» (Ключевский 1983: 113).

Думаю, что при нормальном (естественном) развитии исторической науки пресловутый «норманнский вопрос» был бы закрыт к тридцатым годам прошлого века, а позиции отечественных и западных исследователей оказались бы адекватными и определялись различиями научных школ, а не границами политических систем и насаждаемых ими идеологий.

К сожалению, случилось иное. В Советском Союзе насильственным внедрением всеобщей социологизации, примитивного марксизма, всепоглощающих понятий классовой борьбы, феодализма, формационности как обязательной стадии развития общества, история (и археология как историческая наука) были поставлены на службу идеологии. Исконность, национальное своеобразие и экономический детерминизм были положены во главу угла исторических концепций. Все стало объясняться развитием аграрных обществ, накоплением прибавочного продукта, возникновением городов как

центров сельских округ, пунктов концентрации дани и размещения феодалов и т. д. Места дальней торговли, торгово-военным путям, иноземным влияниям при таких заключениях не оставалось. В этой ситуации, вполне естественно, варяги оказались не у дел. В новые концепции Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова и других историков взгляды В. О. Ключевского не вписывались. Роль географического фактора в истории Руси, а он занимал немалое место в построениях многих маститых отечественных исследователей первой четверти XX в., замалчивалась. Обусловленность природной средой уступила место социологическим объяснениям.

Результаты сказались очень скоро. Если репрессии и гонения порой и обходили стороной представителей академической науки, то чувство самосохранения и стремление защититься от полной конъюнктурности, заставляли их уходить в замкнутое источниковедение. Возникли две науки — во-первых, официальная, до предела подчиненная идеологии тоталитарного государства и воплощавшаяся в обобщающих трудах, вузовских и школьных учебниках, и, во-вторых, конкретная. Именно последняя и была той отдушиной, при которой можно было писать и заниматься наукой, оставаясь максимально искренним. Эта работа в области изучения ранней русской истории не прерывалась.

Перед самой войной экспедиция В. И. Равдоникаса провела значительные раскопки скандинавского могильника в урочище Плакун в Старой Ладоге, а в 1945 г. в печати появилась первая информация о результатах этих работ (Равдоникас 1945: 40, 41). Тогда же А. Н. Юзевич провёл антропологические определения костных остатков из могильника с труположениями у церкви Св. Климента в Старой Ладоге и пришел к выводу, что значительная часть погребенных принадлежала германскому (скандинавскому) типу (работа, написанная для Кратких сообщений института антропологии и этнографии АН СССР, к сожалению, не была издана и сохранилась в архиве, но была известна исследователям, занимавшимся Ладогой — Юзевич 1940. Мне со своего экземпляра в 1968 г. любезно позволила скопировать Г. Ф. Корзухина). Е. А. Рыздзевская, как историк и филолог, работавшая в центральном археологическом учреждении страны — ГАИМК — ИИМК АН СССР, в 1930–1940-х гг. вела активное изучение скандинавских источников по истории Древней Руси и русско-скандинавским связям (Рыздзевская 1978). Примечательно, что ее сводка сведений о Старой Ладоге в древнесеверной литературе, остающаяся ценнейшим источником вплоть до наших дней, была опубликована в том же номере КСИИМК АН СССР, что и статья В. И. Равдоникаса о Плакунском могильнике (Рыздзевская 1945: 51–65). Конкретные примеры постоянного накопления в 1930–1940-х гг. археологических материалов о скандинавских древностях на Руси нетрудно продолжить.

Можно было заставить замолчать исследователей, но нельзя было оставить саму мысль и появление все новых свидетельств интенсивных русско-скандинавских контактов. Заложённая школа русской истории, традиции анализа источника, критического отношения к факту и интерпретации, приобретенные в стенах дореволюционных университетов, не исчезали при идеологическом окрике. Однако в целом разгром, учинённый за железным занавесом на Востоке, отбросил отечественную историю далеко назад. Советская наука оказалась отрезанной от западной литературы, от знакомства с новыми течениями научной мысли, а воспитание новых поколений историков свелось к окрашенному марксизмом начётничеству. Утрачивались традиция, утрачивалась способность мыслить и критически оценивать источник. Наличие «правильной идеи» и начальные ссылки на классиков марксизма, а также «направляющие» статьи оправдывали вольное обращение с материалом в угоду идеологическим догмам. Прямым образом это касалось и археологии, где общие исторические или социологические выводы отнюдь не следуют прямым образом из археологических данных.

«Занавес» нанес непоправимый урон и западной археологической науке. Помимо того, что она, особенно в середине прошлого столетия, была отнюдь не без идеологических шор, исследователи оказались оторванными от источников, от новых фактов (еще в начале 1960-х гг. официальными властями не поощрялись визиты в СССР скандинавских археологов для изучения в музеях и архивах конкретных материалов эпохи викингов — см. Стальсберг 1994: 192). Настольными книгами (своего рода первоисточниками) западных археологов и историков, занимавшихся этим периодом русской истории, до самого последнего времени оставались две книги: опубликованный в 1914 г. труд Т. Арне, который, проехав по России и посетив многие музеи, издал каталог известных тогда здесь находок скандинавского облика, и книга В. И. Равдоникаса, увидевшая свет в Стокгольме на немецком языке в 1930 г. (Arne 1914; Ravdonikas 1930). Характерно, что даже в солидных исследованиях самого последнего времени многих ведущих западных историков и археологов мы не найдем упоминаний о могильнике Плакун, о германских чертах в антропологии Ладоги (кладбище у церкви Климента) и Шестовиц, обнаружим весьма поверхностное знакомство с материалами раскопок древнерусских городов и т.д. (Clark, Ambrosiani 1993, Chapter Six), хотя многие из имеющихся фактов, казалось бы, находятся в русле их построений. Объяснение лишь одно — эта информация вполне доступная советским исследователям, на Западе долгое время просто была не известна.

Со второй половины пятидесятих годов, с ходом хрущевской либерализации жизни страны, начинает ослабевать и идеологический прессинг на

общественные науки, что ощутимо проявилось не сразу, а к началу 1960-х гг. Наряду с этим пятидесятые годы явились годами интенсивных раскопок поселений и могильников, которые имеют принципиальное значение для понимания роли варягов в Восточной Европе. Продолжалось систематическое археологическое изучение Ладоги, гнездовского могильника, крупных курганных комплексов на Верхней Волге и т.д. (обзор работ по этим памятникам с упором на скандинавскую тематику см.: Клейн, Лебедев, Назаренко 1970: 227–230). Все это давало новый материал, который постепенно входил в научный оборот, независимо от характера его общей оценки исследователями.

Начало 1960-х гг. ознаменовалось появлением целого ряда работ, посвященных изучению археологических материалов, отражающих связи Скандинавии и Руси, что свидетельствовало о явном оживлении интереса к «варяжскому» вопросу. Не стремясь к представлению полной библиографической сводки, назову лишь некоторые исследования, отражающие, на мой взгляд, существовавшую тенденцию.

Несомненно, следует подчеркнуть роль Г. Ф. Корзухиной в области критического осмысления археологических материалов, отражающих скандинавские влияния на Руси. Особенно это хотелось бы отметить в связи с ее теплым и критическим участием в становлении как исследователей многих молодых археологов-медиевистов Ленинграда. В 1963 г. Г. Ф. Корзухиной была опубликована статья об истории игр на Руси, в которой было доказано, что игра в шашки была занесена на Русь с севера (Корзухина 1963: 89,100), в 1964 г. работа о находках скандинавских вещей близ Торопца (Корзухина 1964: 297–312). В следующем году увидела свет заметка о находке отливки фибулы с Рюрикова городища под Новгородом, принадлежащей скандинавскому кругу древностей (Корзухина 1965: 45–46), а в 1966 г. блестящий этюд о ладожском топорике, найденном Н. И. Репниковым в 1910 г. Г. Ф. Корзухина пришла к заключению, что мастер, создавший топорик, был выходцем из Швеции (Корзухина 1966а: 94). В 1961 и 1966 гг. появились работы Г. Ф. Корзухиной, имеющие принципиальное значение для понимания ключевых моментов в хронологии и стратиграфии древнейшего ладожского поселения и его ранней истории (Корзухина 1961: 76–84; 1966б: 61–63), а в 1968 г. проведены новые раскопки скандинавского могильника в урочище Плакун в Старой Ладоге (Корзухина, Давидан 1969: 16–17).

В самом начале 1960-х гг. увидели свет исследования о ладожских глиняных дисках (Штакельберг 1962: 109–115), о резной кости и гребнях из Ладоги (Давидан 1961: 16–18, 1962: 95–108). В них отчетливо проглядывали северные черты представленной в Ладогe материальной культуры. В 1963 г. появилась коллективная публикация Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников,

содержащая обширные данные для изучения русско-скандинавских отношений по материалам археологии (Ярославское Поволжье 1963). Е. А. Шмидт в 1963 г. издал интереснейшие результаты раскопок могильника Новоселки поблизости от Гнездова (Шмидт 1963: 114–127), которые, хотя сам автор был крайне осторожен в оценках, позволяли поставить вопрос о скандинавских древностях конца IX в. в этом районе. В начале 1960-х гг. сотрудниками Государственного исторического музея В. С. Дедюхиной, М. В. Фехнер, В. П. Левашовой готовились, а в 1967 г. были опубликованы сводки различных украшений X–XIII в., найденных на территории Древней Руси, в числе которых были учтены и скандинавские импорты — фибулы, гривны, браслеты (Очерки 1967). В 1966 г. М. В. Фехнер рассматривала вопросы происхождения и датировки железных гривен, а в публикации следующего года — археологические данные по торговле Руси со странами Северной Европы (Фехнер 1966: 101–104; 1967: 33–41). В 1967 г. под руководством И. И. Ляпушкина проводились раскопки гнездовского селища (Ляпушкин 1971: 33–37), реально положившие начало изучению поселенческих частей этого уникального комплекса, имеющих принципиальное значение для понимания его общего характера. В 1967 г. в историографическом обзоре М. И. Артамонов, рассматривая вопросы расселения славян в освещении советских археологов, отмечал, что «новая хронология заселения славянами северо-западной области заставляет пересмотреть старый вопрос о славяно-варяжских (норманнских) отношениях». В частности он полагал, что варяги появились в Приладожье раньше славян, и нельзя исключать проникновение варягов на Днепр ранее конца IX в. (Артамонов 1967: 68). В статье 1968 г. Н. В. Тухтина заключила, что «волховские сопки оставлены скандинавами, жившими в Старой Ладог» (Тухтина 1968: 192).

Как мы видим, в 1960-е гг. наблюдался стихийный ответ на долгий запрет свободного обсуждения варяжской темы на археологическом материале и идеологические послабления в исторической науке. Подчеркну, что приведенные многочисленные даты публикаций работ — это именно даты их выхода в свет, предполагающие предшествующие годы исследований и размышлений. К середине десятилетия стало ясно, что роль археологии в разработке проблемы русско-скандинавских отношений постоянно растет. В статье об археологических данных по варяжскому вопросу А. В. Арциховский в 1966 г. справедливо заметил, что эта проблема «чем дальше, тем больше становится предметом ведения археологии» и «археологические материалы по этой теме уже многочисленны и, что самое главное, число их из года в год возрастает» (Арциховский 1966: 40).

В атмосфере новых веяний в исторической науке в 1965 г. была издана монография И. П. Шаскольского «Норманнская теория в современной

буржуазной науке» (Шаскольский 1965), которой предшествовали несколько авторских статей по этой тематике. Всегда осторожный в жизни и в науке, что вполне понятно, учитывая годы творчества И. П. Шаскольского и затрагиваемую им тематику, очень добрый и семейный по жизни человек, историк построил свою книгу на критической оценке современного норманизма, норманистской литературы о Начальной летописи, теории норманнского завоевания, норманнской колонизации в работах археологов и историков. Книга оказалась чрезвычайно ценной для советской исторической аудитории. Дело в том, что И. П. Шаскольский детально излагал концепции западных исследователей по варяжской проблеме и истории Древней Руси, обильно цитировал их труды, привел огромное количество литературы, почти недоступной в СССР, особенно на периферии. При этом не надо скрывать общее весьма посредственное знание иностранных языков, особенно скандинавских, многими историками и археологами, занимающимися отечественной историей. И. П. Шаскольский, если так можно выразиться, «просвещал» отечественную историческую аудиторию от студентов до научных работников, не знакомую или знакомую весьма поверхностно со взглядами западных коллег. Общей эрудиции И. П. Шаскольского и его знанию европейских языков можно было только позавидовать. Критические суждения и оценки, в конце концов, каждый должен был делать сам, учитывая время, когда все это писалось. Спасибо Игорю Павловичу.

В этой мозаике стихийного возрождения интереса к варяжской проблеме на кафедре археологии в рамках «Проблемного семинара», руководимого молодым преподавателем Л. С. Клейном, была организована в декабре 1965 г. дискуссия по «норманнской» проблеме, или «варяжскому вопросу». Она заключалась в обсуждении членами кафедр археологии и отечественной истории указанной выше монографии И. П. Шаскольского. Никаких «оргвыводов» не последовало. Времена изменились.

Через несколько лет в сборнике трудов Ленинградского отделения Института истории СССР была издана обширная статья «Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения» (Клейн, Лебедев, Назаренко 1970: 226–252), в какой-то степени суммировавшая мысли археологов, высказанные при обсуждении. Г. С. Лебедев справедливо заметил, что ее публикация стимулировала дальнейшее изучение археологического аспекта «норманнской» проблемы (Лебедев 1995: 68). Не так просто статья издавалась. В книге два редактора — Н. Е. Носов и И. П. Шаскольский. Для моего отца, хоть и прошедшего блокаду и фронт и не труса по жизни, предстояло опубликовать работу, которая не укладывалась в традиционные рамки, а решающее слово как директора было за ним. Помню визит авторов

в нашу квартиру на Гаванской улице и серьезный разговор о статье. Она была опубликована, как и небольшие статьи еще двух участников семинара Л. С. Клейна, — В. П. Петренко и И. В. Дубова.

Являясь участником семинара с 1966 г., я бы отметил его значение не только в том, что он привлек интерес молодого поколения археологов к «варяжским темам» (я показал, что этот интерес стихийно возрастал повсеместно), а в том, что Л. С. Клейну, в силу его несомненного педагогического таланта, уважительного и тактичного отношения к исследованиям студентов, удалось создать подлинную творческую атмосферу научной работы, критической оценки источников и общих построений, показать, что можно и нужно заниматься «непопулярными» в официальной науке темами, ибо без этого картина получается односторонней. Мы казались себе подлинными первооткрывателями. Наш критицизм усиливался и тем, что в эти годы среди участников семинара стали популярными взгляды И. И. Ляпушкина, обратившегося к изучению древностей Северной Руси и пересмотревшего устоявшиеся оценки памятников лесной зоны. Практически всем составом семинара мы приняли участие в раскопках И. И. Ляпушкина 1967 и 1968 гг. на гнездовском поселении.

Однако «варяжский» вопрос не существует сам по себе, он существует только в рамках общих концепций истории Древней Руси. Если меняется отношение к оценке роли скандинавов в той или иной сфере жизни древнерусского общества, это значит, что меняются в целом научные ориентиры. Я думаю, что в 1960-е гг. мы, участники семинара, до конца этого не осознавали. Хотя весьма показательно, что, отталкиваясь от «варяжских тем», обращая на них особое внимание, многие участники семинара все больше уходили в историю финнов, балтов, славян, а их исследовательские интересы охватывали значительные территории Восточной Европы и широкие хронологические периоды.

Эту связь варяжского вопроса и общих представлений о ранней истории Древнерусского государства прекрасно иллюстрирует пример со статьей двух участников семинара В. А. Булкина и Г. С. Лебедева «Гнездово и Бирка» (Булкин, Лебедев 1974: 11–17). Эта небольшая статья, по существу, открыла совершенно новую страницу в послевоенной историографии, посвященной проблеме происхождения городов на Руси (Носов 1993: 66–67). Некоторая непоследовательность ряда заключений и декларативность выдвинутых тезисов не снимают значимости отстаиваемых в статье взглядов. Во-первых, в ней впервые в советской историографии за многие годы было четко заявлено о значительной (а иногда даже определяющей) роли международной торговли в процессе становления первых городов, во-вторых, выделен на территории Восточной Европы особый тип торгово-ремесленных предгородских

поселений, аналогичных по типу североевропейским викам, а в-третьих, процесс становления городов на Руси, по крайней мере располагавшихся на крупнейших международных путях, был сопоставлен и увязан с аналогичным процессом в Скандинавии.

Существование на Руси особого типа торгово-ремесленных поселений было сразу напрямую отвергнуто лишь Д. А. Авдусиным. По его мнению, «рассуждения» о виках и открытых торгово-ремесленных поселениях — это не «исследование исторической закономерности возникновения древнерусских городов», а «приспособление к русским условиям построений западных археологов» и почти не прикрытый норманизм. Эти «рассуждения», отмечал Д. А. Авдусин, «перекликаются с давно разбитой "теорией торговых городов" В. О. Ключевского» (Авдусин 1980: 39–42). Последнее замечание нам особенно ценно, поскольку оно верно. Действительно, имеется определенное сходство построений В. А. Булкина и Г. С. Лебедева и идей В. О. Ключевского, сходство, которое сами авторы, тогда не поняли и о нем не писали.

Стоит напомнить некоторые ключевые моменты концепции нашего знаменитого историка. В. О. Ключевский тесно увязывал возникновение первых городов с процессом славянского расселения, рассматривал их генезис как генезис экономических центров (торговых средоточий), а движущей силой в этом признавал внешнюю торговлю, прежде всего восточную, имея в виду выходы славян к черноморскому, азовскому и каспийскому рынкам (Ключевский 1956: 127, 128, 148–150; 1994: 20–38). Историю Руси В. О. Ключевский начинал с VI в., когда о славянских племенных союзах в районе Карпат можно уже говорить достаточно определенно. Аварское нашествие вызвало передвижение славян в восточном и северо-восточном направлении, и в VII–VIII вв. мы застаем славянское общество на стадии разложения племенных и родовых союзов. На новых местах, занятых в процессе колонизации, славяне селятся отдельными дворами, прежние связи распадаются, родство заменяется соседством, начинает формироваться «новое сцепление», обусловленное уже экономическим интересом, движущей силой которого была внешняя торговля с Востоком. Торговля стягивала одиночные дворы в сельские торговые средоточия (погосты), потом в большие торговые города с тянувшимися к ним областями. Эти города возникли в VIII в. как сборные места торговли, пункты склада и отправления русского вывоза, они были посредниками между городскими округами и приморскими рынками. В IX в. города окружаются укреплениями, в них сосредотачивается военная сила общества, одна из основных целей которой была охрана торговых путей, спланиваются тянущие к городам территории. «Вооруженный торговый город, — полагал В. О. Ключевский, — стал узлом первой крупной политической формы, завязавшейся среди восточных

славян на новых местах жительства» (Ключевский 1994: 23). В одно время с превращением уже существующих городов в политические центры, а прилегающих к ним областей в государственные территории на торговых путях Восточной Европы появились норманны. Их присутствие начинает ощущаться в первой половине IX в., а в дальнейшем приток заморских выходцев усиливается. Норманны активно включились в процесс сложения новых правящих социальных групп Руси, которые В. О. Ключевский называл «торгово-военной аристократией». Местами пришлый элемент в составе правящего класса преобладал, и город с тянущейся к нему областью получал характер варяжского владения.

В настоящее время заключение, что на Руси в VIII–X вв., как и в некоторых странах Балтики, существовал особый тип торгово-ремесленных поселений предгородского плана, которые возникли благодаря активному участию в международной торговле, контролю над важнейшими торговыми путями, развитому ремеслу, обслуживавшему новый социальный (военно-дружинный) слой общества, рассматривается как достоверный факт (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 8–32). Подобный путь формирования первых городов на Руси не был всеобщим и единственным, но для нескольких центров, прежде всего в северной части страны, он очевиден (Ладога, Рюриково городище — древнейший Новгород, Гнездово). Возникновение части древнерусских городов на основе подобных центров, подкрепляемое новыми археологическими материалами, действительно перекликается с предложенной еще в начале века схемой В. О. Ключевского (Носов 1993: 59–78; Nosov 1994: 185–196). Таким образом, на уровне анализа концепций варяжский вопрос неотделим от той или иной трактовки основных представлений о начальной истории Руси.

В настоящее время благодаря новым материалам, полученным прежде всего археологией, можно отметить ряд обоснованных позиций, которые определяют подходы к рассмотрению варяжского вопроса. Археология, к счастью, отличается от истории тем, что она, хотя наука и «молчаливая», но оперирует конкретными находками, многие из которых можно хорошо атрибутировать, а часть просто положить на стол, то есть воочию увидеть и даже потрогать реальные факты. После этого уже и спорить порой не следует, а надо просто признать те или иные заключения. Именно поэтому привлечение археологического материала, тем более интенсивно пополняющегося ежегодно, всегда так важно. Конечно, археология не расскажет нам о конкретных событиях истории и деяниях отдельных личностей, но она позволит выяснить тот исторический фон, на котором разворачиваются те или иные события, описанные, в частности, и в Сказании о призвании варягов. Можно вполне определенно говорить о следующих положениях.

1. Скандинавы впервые появились на территории Руси в середине VIII в. в Ладоге с самого начала существования поселения.

2. Со второй половины — последней четверти VIII в. начал активно функционировать «восточный» путь, основные направления которого четко высвечиваются находками кладов куфических монет. Путь пролегал вверх по Волхову, далее по рекам Ильменского бассейна с переходом волоками в верховья Волги и через Волго-Окское междуречье уходил на Дон и к низовьям Волги. Не скандинавы стояли у истоков формирования этого пути, но, как только поток куфических монет хлынул в Восточную Европу, они приняли самое активное участие в торговле.

3. Пласт ранних скандинавских находок VIII–IX вв. прослеживается в зоне балтийско-волжского пути (Поволховье, Волго-Окское междуречье).

4. Варяги на Руси были представлены воинами, торговцами, ремесленниками, составляли значительную прослойку в княжеской среде. В ряде центров они жили постоянно, семьями, образуя довольно авторитетную группу общества.

5. Иногда скандинавское влияние прослеживается по антропологическим материалам (грунтовые захоронения у церкви Климента в Старой Ладоге, курганы в Шестовицах под Черниговом, могильник Куреваниха в бассейне р. Мологи).

6. Одним из путей становления городов на Руси был путь через торгово-ремесленные поселения, аналогичный варианту формирования городов в центральной части Балтийского региона (Скандинавия, западнославянские земли).

7. Восточный путь, а чуть позже и путь «из варяг в греки», как и вся система водных коммуникаций в лесной зоне Восточной Европы, сыграли важнейшую роль в формировании структур расселения, образовании городов и тянущих к ним территорий.

Все перечисленные факты, установленные на археологических материалах, при учете новейших наблюдений и выводов, сделанных историками и филологами, занимающимися русско-скандинавскими отношениями, создают совершенно иную базу для решения многих ключевых проблем русской истории, нежели та, на которую можно было опираться несколько десятилетий назад. Проступающие контуры новой концепции истории Руси во многом восходят не к построениям Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова и М. Н. Тихомирова, а к русской исторической мысли начала столетия — В. О. Ключевскому, С. Ф. Платонову, А. Е. Преснякову. Путь вперед в наши дни должен аккумулировать лучшие достижения либеральной отечественной историографии, незаслуженно отброшенные в 30-е — начале 50-х гг. нашего столетия. Варяжский вопрос, как

вопрос о роли скандинавов в начальной русской истории, в новых построениях займет совершенно определенное место и должен решаться на основе строго анализа фактического материала, а не заданных идеологических установок.

Кажется сейчас несомненным и то, что вопрос о варягах на Востоке, должен постоянно анализироваться на фоне глобальной проблемы движения викингов, а явления, происходившие в разных частях мира викингов, необходимо рассматривать в сравнении. Хотя это представляется вполне очевидным, в советской и уже в новой русской историографии рассмотрение варяжского вопроса зачастую замыкается в границах Древней Руси, а в результате многим общим явлениям истории придается излишняя исключительность и своеобразие. Роль варягов на Руси подчеркивает раннюю интегрированность огромной восточнославянской страны в единый европейский мир¹.

Что же касается определений «норманизм» или «антинорманизм», то, стремясь избежать недопонимания или двусмысленности, я бы считал целесообразным не использовать их при современной оценке роли скандинавов в истории Руси, поскольку эти термины отягощены «богатым» наследием и, строго говоря, к академической науке отношения не имеют.

Книга Л. С. Клейна 1960 г. показывает это с полной убедительностью. Она совершенно не устарела, и ход мысли исследователя прослеживается сейчас с тем же вниманием и волнением, как и полвека назад.

---

¹ К сожалению, в отечественной литературе не перевелись авторы с весьма своеобразно понимаемым ими патриотизмом и воспитанных на идеологических установках времен тоталитарного общества. Активно «борясь» с «норманизмом» за «самобытное славянство», они выхватывают из контекста легендарные и полуполулегендарные летописные фразы и сообщения, на которые накручивается масса предположений и домыслов, из чего создаются наукообразные сочинения. Археологические материалы привлекаются дилетантски и безграмотно. Написаны такие «труды» с пафосом, поучительным и безоговорочным и даже оскорбительным тоном в отношении многих ведущих ученых. Таковы, в частности, статьи В. В. Фомина (не путать с академиком Фоменко) и некоторых других авторов в недавно вышедшем сборнике «Антинорманизм» Русского исторического общества. № 8 (156). М., 2003.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Åberg N. 1929. Typologie. — Reallexikon der Vorgeschichte. Bd. XIII. Hrsg. V. M. Ebert. Berlin: 512.
- Alekseeva T. I. 1974. Anthropological differentiation of Slavs and Germans in the Middle Ages and some aspects of the ethnic history of East Europe. — Bernhard W. und Kandler A. (Hrsg.). Bevölkerungsbiologie. Biology of human populations. Stuttgart, Fischer: 441–451.
- Almgren R. 1967. Das Entwicklungsprinzip in der Archäologie: eine Kritik. — Tor, XI, (1965, 1966): 15–38.
- Arbman H. 1939. Birka, Sveriges äldsta handelsstad. Uppsala, Thule.
- Arbman H. 1940–1943. Birka. Bd. I, Teile I — II. Uppsala, Kungliga Vitterhets- Historie- och Antikvitetsakademien.
- Arbman H. 1955. Svear i Österviking. Stockholm, Natur och Kultur.
- Arbman H. 1960. Skandinavisk Handverk in Russland zur Wikingerzeit. — Meddelanden från Lunds Universitets Historiska museum (1959). Lund: 110–135.
- Arbman H. 1961. The vikings. London, Thames and Hudson.
- Arbman H. 1962. Sverige och Östern under vikingatiden. — Proxima Thule. Sverige och Europa under forntid och medeltid. Stockholm: 156–166.
- Arne T. J. 1914. La Suède et l'Orient: études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des Vikings. Upsal, Appelberg.
- Arne T. J. 1917a. Det stora Svitjod: essayer om gångna tiders. Svensk-ryska kulturförbindelser. Stockholm, Gebers.
- Arne T. J. 1917b. Svenska vikingakolonier i Ryssland. — Arne T. J. Det stora Svitjod. Stockholm: 37–63.
- Arne T. J. 1930. Schweden in Russland in der Wikingerzeit (Die Normanenfrage vor der russischen Wissenschaft der letzten 15 Jahre). — Congrès seconde archéologique baltique. Riga: 225–230.
- Arne T. J. 1931. Skandinavische Holzkammergräber aus der Wikingerzeit in der Ukraine. — Acta Archaeologica, II (3). Copenhagen: 285–302.
- Arne T. J. 1934. Das Bootgräberfeld von Tuna in Alsike. Stockholm, Verl. der Akademie.
- [Arne T. J.] 1947. Ryskt statsvälde före vikingarna utan bevis. — Dagens Nycheter, 26 apr.

- Arne T. J. 1952. Det vikingatida Gnezdovo Smolensk föregångare. — Stenberger M. (ed.). Arkeologiska forskningar och fynd. Stockholm, Svenska Arkeologiska Samfundet: 235–344.
- Arne T. J. 1952. Die Varägerfrage und die sowjetrussische Forschung. — *Acta Archaeologia*, Bd. XXIII. København: 138–147.
- Arne T. J. 1956. Rus' problemet. — *Historisk tidskrift* (Stockholm), H. 1: 88–95.
- Artsikhovsky A. V. 1962. Archaeological data on the Varangian question. — VI International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Reports and Communications by archaeologists of the USSR. Moscow.
- Arwidsson G. 1942, 1952. Die Gräberfunde von Valsgarde. — Valsgarde, 6. Stockholm, 1942; Valsgarde, 8. Stockholm, 1952.
- Avdusin D. A. 1969. Smolensk and the Varangians according to the archaeological data. — *Norwegian Archaeological Review*, 2: 52–62.
- Bayer G. S. 1735. De Varagis. — *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. Petropoli, t. IV (reed.: *Opuscula ad historiam antiquam*. Halle, Klotz, 1770: 335–370).
- Bayer G. S. 1741. Origines Russicae. *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. Petropoli, t. VIII.
- Bioerner E. J. 1743. Schediasma historico-geographicum de varegis heroibus Scandinavianis et primis Russiae dynastis. Stockholm.
- Blindheim Ch. 1970. Comments on Daniil Avdusin. — *Norwegian Archaeological Review*, 3: 113.
- Braun F. 1924. Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X–XIV Jahrhunderts. — *Festschrift Eugen Mock zum 70. Geburtstag*. Halle, M. Niemeyer: 168–191.
- Bulkin V. A., Klejn L. S., Lebedev G. S. 1982. Attainments and problems of Soviet archaeology. — *World Archaeology*, vol. 13: 272–295.
- Büsching A. F. 1785. Gerhard Friedrich Müller. — *Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, insonderheit gelehrter Männer*. 3. Teil. Halle, Curt: 1–160.
- Bujak F. 1949. Skąd przyszli Radzimirze i Wjaticze na Ruś. — *Światowit*, XI.
- Chadwick N. K. 1946. The beginning of Russian history. An enquiry into sources. Cambridge, Cambridge University Press.
- Chodakowski Z. D. 1818. O Słowiańszczyźnie przed Chrześcijaństwem. — *Ćwiczenia naukowe* (Krzemieniec), 5 (11): 3–7.
- Cross S. H. 1946. The Scandinavian infiltration into early Russia. *Speculum*, 21 (4): 505–514.
- Dejevski N. I. 1977. The Varangians in Soviet archaeology today. — *Medieval Scandinavia* (Odense), 10: 7–34.

- Discussion 1970. = Discussion of Šaskolskij's and Klindt-Jensen's papers. — Varangian problems. Scando-Slavics, Supplementum 1. Copenhagen, Munksgaard: 45–49.
- Eklblom R. 1915. Rus- et Varëg dans les noms de lieu la région de Novgorod. — Archives d'Études Orientales, VII. Stockholm: 8–10.
- Ekbo S. 1958. On ortsnamnet. — Arkiv for Nordisk Filologi (København), 73 (3/4): 187–199.
- Ekbo S. 1981. The etymology of Finnish Ruotsi-Sweden. — R. W. Zeittler (ed.). Les pays du Nord et Byzance. Uppsala, Almqvist & Wiksel: 143–145.
- Ewers J. F. G. 1914. Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen. 2 Bde. Dorpat, Steffenhagen.
- Ewers J. F. G. 1926. Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung. Dorpat und Hamburg, Sticinsky.
- Faber G. 1968. Piraten oder Staatengründer. Normannen vom Nordmeer bis zum Bospus. Gütersloh, Bertelsmann.
- Falk K.-O. 1951. Dneprforsarnas namn i kejsar Konstantin VII Porfyrogenetos 'De administrando imperio'. Lund, C. W. K. Gleerup.
- Falk K.-O. 1981. Einige Bemerkungen zu den Namen "Rus". — Zeittler R. W. (ed.). Les Pays du Nord et Byzance. Uppsala, Almqvist & Wiksel: 147–159.
- Frähn F. 1823. Ibn-Foslan's und anderen Araber Berichte ueber die Russen aelterer Zeit. St. Petersburg, Akademie der Wiss.
- Frähn F. 1834. Die aelteste arabische Nachrichten ueber die Wolga-Bulgaren, Ibn-Fozlan's Reiseberichte. — Memoires de l'Académie des Sciences Sanct-Petersburg, VI-c ser. Sciences politiques, histoire, philologie. t. 1.
- Geijer A. 1938. Die Textilfunde aus den Gräbern. — Birka. Bd. I, Teil II, Uppsala: Kungliga Vitterhets- Historie- och Antikvitetsakademien.
- Glob P. 1945. Studier over den Jyske Enkeltgravkultur. Aarbøger for nordisk oldkundighed og historie (Kjøbenhavn). Jg. 1944.
- Gräslund A. S. 1981. Birka, IV. The burial customs: a study of the graves on Björko. Stockholm, Royal Academy of History, Antiquity and Letters.
- Holmqvist W. 1961. Excavations at Helgö. Stockholm, Almqvist & Wiksel.
- Jankuhn H. 1943. Die Ausgrabungen in Haithabu (1937–1939). Berlin-Dahlem, Ahnenerbe-Stiftung.
- Jansson I. 1987. Communications between Scandinavia and Eastern Europe in the Viking Age: the archaeological evidence. — Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, philol.-hist. Klasse, dritte Folge, Nr. 156): 781–785.
- Jansson I. 1997. Warfare, trade or colonisation? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking Period. — The rural Viking (Örebro): 9–64.

- Kalima J. 1955. Die slavischen Lehnwörter im Ostseefinnischen. Wiesbaden, Harrassowitz.
- Karlgren A. 1947. Dneprfossernes nordisk-slaviske navne. — Festskrift utgivet af Københavns universitet i Anledning af universitets aarsfest november 1947. København, Bianco Lunds Bogtryckeri: 1–139.
- Kivikoski E. 1963. Kvarnbacken. Ein Gräberfeld der jüngeren Eisenzeit auf Åland. Helsinki, Suomen Muinaismuistozhtiö.
- Kivikoski E. 1970. Comments on Daniil Avdusin. — Norwegian Archaeological Review, 3: 115.
- Klejn L. S. 1973. Soviet archaeology and the role of the Vikings in the early history of the Slavs. Comment on Daniil Avdusin, Smolensk and the Varangians according to the archaeological data. — Norwegian Archaeological Review, vol. 6, no.1: 1–4.
- Klejn L. S. 1974. Kossinna im Abstand von vierzig Jahren. — Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte (Halle), Bd. 58, Deutscher Verlag der Wissenschaften: 7–55.
- Klejn L. S. 1977. A panorama of theoretical archaeology. — Current Anthropology (Chicago), vol. 18, no. 1: 1–42.
- Klejn L. S. 1997. Das Phänomen der Sowjetischen Archäologie: Geschichte, Schulen, Protagonisten. Berlin, Peter Lang.
- Kristiansen K. 1991. Prehistoric migrations — the case of the Single Grave and Corded Ware cultures. — Journal of Danish Archaeology, vol. 8 (1989): 211–225.
- Kunik A. A. 1844–1845. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Sanct-Petersburg. Bde I–II.
- Leciejewicz Lech. 1956. Cmentarzysko w Birce. — Archeologia, VI (1954), Wrocław: 141–159.
- Likhachev D. S. 1970. The legend of the Calling-in the Varangians and political purposes in Russian Chronicle-writing from the Second half of the 11th to the beginning of the 12th Century. — Scando-Slavica. Supplementum 1970. Vol. 1. Varangian Problems: 170–185.
- Łowmiański H. 1973. Początki Polski. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Malmer M. 1962. Jungneolithic Studien. Bonn — Lund, Habelt.
- Malmer M. 1963a. Empirism och rationalism i arkeologisk forskning. — Fynd, Göteborg.
- Malmer M. 1963b. Metodproblem inom järnalderns konsthistoria. Bonn & Lund, Habelt.
- Malmer M. 1965. Methode und Ergebnis. — In: Meddelanden från Lunds Universitets Historiska Museum 1964–1965. Lund, Gleerup: s.181–201.
- Malmer M. 1967. The correlation between definition interpretations of neolithic cultures in Northwestern Europe. — Palaeohistoria, Groningen, XII: 373–367.
- Martens I. 1960. Vikingetogene i arkeologisk belysning. — Viking, 24: 93–119.
- Nerman B. 1929. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, på Akademiens förlag.

- Nerman B. 1945. *Nar Sverige kristnades*. Stockholm, Skoglund.
- Noonnan Th. S. 1986. Why the Vikings first came to Russia. — *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 34: 321–348.
- Noonnan Th. S. 1991. The Vikings and Russia: some new directions and approaches to an old problem. — Samson R. (ed.). *Social approaches to Viking studies*. Glasgow, Cruithne Press: 201–206.
- Norrback A. 1943. *Rusernas rätt och de svenska landskapslagerne*. Stockholm, s. p.
- Nosov E. N. 1994. The emergence and development of Russian towns: some outline ideas. — *Archaeologia Polona* 32: 185–196.
- Nylander L. 1947. Russia and Sweden today. — *Swedish-American Review*, 2.
- Nørlund P. 1948. *Trelleborg*. København, Gyldendal.
- Ochmański J. 1958. Konferencja poznanińska poświęcona problematyce genezy państwa ruskiego. — *Kwartalnik Historyczny*, 65 (2): 622–632.
- Otrębski Ja. 1960. Rus'. — *Lingua Poznaniensis*, 8: 219–277.
- Paszkievicz H. 1954. *The origin of Russia*. London, George Allen & Unwin.
- Paszkievicz H. 1963. *The making of the Russian nation*. London, Darton, Longman and Todd.
- Poppe A. 1972. — Rec.: Klejn, Lebedew a Nazarenko. — *Kwartalnik historii kultury materialnej (Warszawa)*, r. XX (4): 736.
- Pritsak O. 1986. The origin of the name rūs/rus'. — *Turco-Tatar past, Soviet present. Studies presented to Alexandre Bennigsen*. Louvain et al., Peeters et al.: 45–65.
- Rakowiecki I. B. 1820–22. *Prawda Ruska. Rys historyczny początku i stanu języka Słowiańskiego i Polskiego*, 2 tt. Warszawa, XX Piłarów.
- Rakowiecki I. B. 1833. O stanie cywilnym dawnych Słowian. — *Rocznik towarzystwa przyjaciół nauk*, t. XIX.
- Randsborg K. 1981. Les activités internationales des vikings: raids ou commerce? — *Annales · Economies · Sociétés · Civilisations (Paris)* 1981, 5: 862–868.
- Raudonikas W. J. 1929. Die Grabriten in der «finnischen» Kurganen im südöstlichen Ladogagebiet. — *Eurasia Septentrionalis Antiqua (Helsinki)*, IV: 214–228.
- Raudonikas W. J. 1930. *Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet*. Stockholm, Akademien Förlag.
- Rospond S. 1977. Pochodzenie nazwy Ruś. — *Rocznik Sławistyczny (Kraków)*, 38 (1): 35–50.
- Ruß H. 1977. Die Varägerfrage. Neue Tendenzen in der sovjetischen archäologischen Forschung. — Goehrke G., Oberländer E. und Wojtecki D. (Hrsg.). — *Östliches Europa — Spiegel der Geschichte*. Wiesbaden, Steiner: 3–16.
- Ruß H. 1979. Die Warägerfrage. — Hellmann M. (Hrsg.). *Handbuch der Geschichte Russlands*. Bd. I. Lief. 4/5, Stuttgart, Hiersemann: 267–282.

- Sahlgren J. 1964. Valda ortnamnsstudier — Opuscula toponymica selecta (Acta Academiae Regiae Gustavi Adolphi, 43). Uppsala — København.
- Schloezer A. L. 1773. Oskold und Dir, eine russische Geschichte, kritisch beschrieben von A.L. Schloezer. Goettingen, Dieterich.
- Schloezer A. L. 1802a. Nestor, Russische Annalen. 1. Göttingen, Dieterich.
- Schlözer A. L. 1802b. August Ludwig von Schlözer's öffentliches und Privatleben von ihm selbst beschrieben. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht [русс. перев.: Шлэцер А. Л. 1875. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлэцера, им самим описанная. Пребывание и служба в России от 1761 до 1765 г. Пер с нем. изд. 1802 г. СПб (Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук, т. 13)].
- Schmidt K. R. 1970. The Varangian problem: A brief history of the controversy. — Varangian problems. Scando-Slavics, Supplementum 1. Copenhagen, Munksgaard: 7–20.
- Schwindt T. 1893. Tjetoja Karjalan rautakaudesta. — Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja, XIII, Helsingissa.
- Shevelov G. Y. (Šerech Yu.). 1955. On the Slavic names for the falls in the «De administrando imperio» of Constantine Porphyrogenitus. — Word, 11 (4): 503–530.
- Smal-Stocky R. 1949. The origin of the word "Rus". — Slavistica (Augsburg, Ukrainische Freie Akademie der Wissenschaften), 6: 5–18.
- Söderlind S. 1978. Rusernas rike. Till frågan om det östslaviska rikets uppkomst. Stockholm, S Söderlind.
- Soloviev A. V. 1956. Der Begriff «Russland» im Mittelalter. — Studien zur älteren Geschichte Osteuropas. Graz — Köln, Böhlau, I: 144–168.
- Soloviev A. V. 1959. Weiss-, Schwarz- und Rotreussen. Versuch einer historisch-politischen Analyse. — Jahrbuch für Geschichte Osteuropas, 7 (1): 1–33.
- Sørensen H. Chr. 1970. The so-called Varangian-Russian problem. — Scando-Slavica, 14: 141–148.
- Stalsberg A. 1982. Scandinavian relations with north-western Russia during the Viking Age: the archaeological evidence. — Journal of Baltic Studies (Long Beach), vol. XIII, no. 3: 269–270.
- Stalsberg A. 1987. The interpretation of women's objects of Scandinavian origin from the Viking period found in Russia. — Varia (Arkeologisk Museum Stavanger), 17: 89–100.
- Stang H. 1996. The naming of Russia. — Meddelser Universitet i Oslo Slavisk-baltisk avdelning, 77.
- Stenberger M. 1942–1944. Utgravningarna på Ihrefältet 1941–1943. — Fornvännen, №№ 37–39.
- Stenberger M. 1958. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Bd. 2. Uppsala, Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademie.

- Stenberger M. 1940. Der eisenzeitliche Hof bei Düne in Dalhem auf Gotland. — Mannus, 2.
- Stenberger M. 1941. Island och Grönland som nordiske bygd under vikingatid och medeltid — Ymer, 6, 1.
- Stenberger M. 1945. Det forntida Gotland. Visby, s. p.
- Stender-Petersen A. 1934. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, Universitetsforlaget.
- Stender-Petersen A. 1953. Varangica. Aarhus, [Universitets Slaviske Institut].
- Stender-Petersen A. 1955. Das Problem der ältesten byzantisch-russisch-nordischen Beziehungen. — Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze storiche (Roma 4–11 settembre 1955). Vol. III. Storia del medioevo. Firenze.
- Stolpe H., Arne T. J. 1912. Graffaltet vid Vendel. Stockholm, Beckman.
- Strube de Pyrmont F. H. 1785. Dissertations sur les anciens Russes. St. Petersburg, типография Сухопутного кадетского корпуса.
- Surowiecki L. 1824. Sledzenie początków narodów Słowiańskich. Referat czytany w poiseidzeniu Towarzystwa przyjaciół nauk w Warszawie (нем. изд. 1928, русск. перев. 1846 — Чтения в Об-ве истории и древностей Российских при Московском университете, т. I).
- Taube M. A. de. 1947. Rome et la Russie avant l'invasion de tatars. Paris, Les Éditions des Serf.
- Thomsen V. 1877. The relations between ancient Russia and Scandinavia and the origin of the Russian state. Oxford and London, James Parker; New York, Franklin.
- Thörnquist C. 1948. Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen (Études de philologie slaves, t. 2). Uppsala — Stockholm, Almqvist & Wiksell.
- Thulin A. 1981. The southern origin of the name Rus'. — Zeitler R. W. (ed.). Les pays du Nord et Byzance. Uppsala, Almqvist & Wiksel: 175–186.
- Thunmann J. 1772. Untersuchungen ueber die Geschichte einiger Nordischen Völker. Berlin, Buchhandlung der Realschule.
- Thunmann J. 1774. Untersuchungen ueber die Geschichte der oestlichen europaeischen Voelker. Theil 1. Lepzig, Crusius.
- Unbegaun B. O. 1969. L'origine du nom des Ruthènes. — Unbegaun B. O. Selected papers on Russian and Slavonic philology. Oxford, Clarendon Press: 128–135.
- Varangian problems 1970 = Varangian problems (Scando-Slavica. Suppl. 1). Copenhagen, 1970.
- Vasilev A. A. 1946. The Russian attack on Constantinople in 860. Cambridge, Mass., Medieval Academy of America.
- Vasmer M. 1931. Wikingerspuren in Russland. — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse, XXIV. Berlin: 649–674.
- Vasmer M. 1959. Zuden Namen der Stromschnellen des Dnepr bei Konstantin Porphyrogenetos. — Zeitschrift für slavische Philologie (Heidelberg), 28 (1): 98–101.

- Vernadsky G. 1943. Ancient Russia. New Haven, Yale University Press [русск. перев.: Вернадский 1996].
- Vernadsky G. 1956. The origin of the name Rus'. — *Südost-Forschungen*, XV: 167–179.
- Vernadsky G. 1959. Essai sur les origines russes. T. 1–2. Paris, A. Maisonneuve.
- Westberg F. 1898. Ibrahim's-ibn-Jackub's Reiseberichte ueber die Slawenland. — *Записки Академии Наук*, VIII серия, т. 3.
- Wilson D. M. 1970. East and West: a comparison of Viking settlement. — *Varangian problems (Scando-Slavica. Supplementum I)*. Copenhagen, Munksgaard: 107–115, discussion 116–120.
- Wilson D. M. 1997. Vikings and Gods in European art. Højbjerg, Moesgård Museum.
- Авдусин Д. А. 1949. Варяжский вопрос по археологическим данным. — *Краткие сообщения ИИМК*, 30: 3–14.
- Авдусин Д. А. 1951. Раскопки в Гнездове. — *Краткие сообщения Института истории материальной культуры (далее — КСИИМК)*, вып. 38: 72–82.
- Авдусин Д. А. 1952а. Гнездовские курганы. Смоленск, Смолгиз.
- Авдусин Д. А. 1952б. Отчет о раскопках Гнездовских курганов в 1949 г. — *Материалы и исследования Смоленской области*, вып. 1, Смоленск: 311–367.
- Авдусин Д. А. 1953. Неонорманистские измышления буржуазных историков. — *Вопросы истории*, 12: 114–120.
- Авдусин Д. А. 1954. Гнездовская экспедиция. — *КСИИМК*, вып. 44: 93–103.
- Авдусин Д. А. 1957. Отчет о раскопках Гнездовских курганов. — *Материалы и исследования Смоленской области*, вып. 2, Смоленск: 113–183.
- Авдусин Д. А. 1967. Археология СССР. Москва, Высшая школа.
- Авдусин Д. А. 1974. Скандинавские погребения в Гнездове. — *Вестник Моск. Университета. История*, 1974, 1: 74–86.
- Авдусин Д. А. 1975. Об изучении трех источников по варяжскому вопросу. — *Скандинавский сборник*, XX: 147–157.
- Авдусин Д. А. 1980. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным). — *Вопросы истории* 12: 24–42.
- Авдусин Д. А. 1988. Современный антинорманизм. — *Вопросы истории*, 7: 23–34.
- Авдусин Д. А. 1993. Об этническом составе населения Гнездова. — XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М. 1993. Ч.1: 106–107.
- Акопов Г. Б. 1967. Этимология названия «Рус» в свете теории этнической консолидации. — *Вестник общественных наук АН Арм. ССР*, 6: 89–101.
- Александров А. А. 1997. Остров руссов. — *Stratum + Петербургский археологический вестник*: 222–224.
- Алексеева Т. И. 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. Москва, издательство Московского университета.

- Алексеева Т. И. 1974а. Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы. — Расогенетические процессы в этнической истории. Сборник памяти Г. Ф. Дебеца. Москва, Наука: 71–84.
- Алексеева Т. И. 1974б. Славяне и германцы в свете антропологических данных. — Вопросы истории, 3: 58–67.
- Аппатов М. А. 1982. Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии. — Вопросы истории, 5: 31–45.
- Аппатов М. А. 1985. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). Москва, Наука.
- Андрощук Ф. О. 1999. Нормані і слов'яни у Подесенні (моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя). Київ
- Андрощук Ф. О., Осадчий Р. М. 1994. Про культурний тип та конструктивно-ритуальні особливості камерних поховань Південної Русі (на матеріалах Києва та Чернігова. — Археологія, 3: 99–106.
- Анохин Г. И. 1994. Рюрик — солевар из Руси. — Человек 4: 77–92.
- Артамонов М. И. 1935. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 9–10: 267–286.
- Артамонов М. И. 1950. Происхождение славян. Москва, Просвещение.
- Артамонов М. И. 1956. Славяне и Русь. — Тезисы докладов на секции исторических наук (Научная сессия 1955–1956 гг. Лен Гос. Университета). Ленинград: 3–6.
- Артамонов М. И. 1967. Вопросы расселения восточных славян и советская археологическая наука. — Проблемы всеобщей и отечественной истории. Ленинград, изд. Ленинградского университета: 29–69.
- Артёмьев А. И. 1845. Имели ли варяги влияние на славян, и если имели, то в чем оно состояло. Казань, Губернская типография.
- Арциховский А. В. 1939. Русская дружина по археологическим данным. — Историк-марксист, кн. 1: 193–195.
- Арциховский А. В. 1966. Археологические данные по варяжскому вопросу. — Культура Древней Руси. Москва, Наука: 36–41.
- Бахрушин С. В. 1937/1999. Г. Ф. Миллер как историк Сибири. — Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополн. Москва, Восточная литература: 17–65.
- Бахрушин С. В. 1938. Держава Рюриковичей. — Вестник Древней истории, 2(3): 88–98.
- Белецкий С. В. 2000. Знаки Рюриковичей Ч.1: X–XI вв. // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 2. СПб., с.3–120
- Белецкий С. В. 2001. Знаки Рюриковичей. Ч.2: Знаки XII–XIII вв. на памятниках сфрагистики (материалы к своду) // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 3. СПб. С.3–187.

- Белецкий С. В. 2004. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // «Ладога и Глеб Лебедев». Восьмые чтения памяти Анны Мачинской СПб, 2004, с.243–319.
- Белецкий С. В. 2000. Зарождение русской геральдики // *Stratum plus*, № 6, 2000, СПб. – Кишинев – Одесса – Бухарест, 2000, с.366–424.
- Белецкий С. В. 2008а. Еще раз о знаках Рюриковичей // *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света*. Спб, в печати.
- Белецкий С. В. 2008б. «Пятно» русских князей — «тамга» или «герб»? // *Записки ИИМК РАН*, № 3, СПб, 2008, с.203–209.
- Белковец Л. Г. 1988а. Г. Ф. Миллер в оценке отечественной историографии. — *Вопросы истории*, 12: 111–122.
- Белковец Л. Г. 1988б. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г. Ф. Миллер и А. Ф. Бюшинг. Томск, изд. Томского университета.
- Беляев Н. Т. 1929. Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи. — *Seminarium Kondakovianum (Praha)*, t. III: 215–270.
- Бертинские анналы. 1936. — Кочин Г. Е. (составитель). Памятники истории Киевского государства IX–XI вв. Ленинград, Соцгиз: 23–24.
- Биографии российских писателей. Герард Фридрих Миллер. — *Сын отечества* (СПб), ч. 70, 1821, № 22: 49–74; № 23: 97–117.
- Блифельд Д. И. 1952. Дослідження в с. Шестовицях. — *Археологічні пам'ятки УРСР*, т. III, Київ: 128–131.
- Блифельд Д. И. 1954. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Приднепровья IX–X вв. — *Советская археология*, XX: 148–162.
- Богуславский О. И. 1997. Юго-Восточное Приладожье и Скандинавия (вопросы культурных контактов). — *Культурные взаимодействия в условиях контактных зон. Тезисы конференции молодых ученых Санкт-Петербурга и СНГ*. Санкт-Петербург: 46–61.
- Брайчевский М. Ю. 1985. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного. — *Земли южной России в IX–XIV вв. (история и археология)*. Киев. Наукова Думка: 23–28.
- Бранденбург Н. Е. 1895. Курганы южного Приладожья (Материалы по Археологии России, 18), СПб.
- Браун Ф. А. 1892. Гипотеза профессора Будиловича о готском происхождении названия «Русь». — *Записки Нео-филологического общества при Санкт-Петербургском университете*, вып. II, № 1: 45–58.
- Брим В. А. 1923. Происхождение термина «Русь». — *Россия и Запад. Исторические сборники под ред. А. И. Заозерского*. Петроград, Academia: 5–10.

- Брим В. А. 1931. Путь из варяг в греки. — Известия АН СССР, VII сер., Отдел. Обществ. Наук (Ленинград), 2: 201–247.
- Будилович А. С. 1890. К вопросу о происхождении слова «Русь». Доклад на VIII археологическом съезде в Москве, 1890. — Журнал Министерства народного просвещения, 5: 25–29.
- Булаховский Л. А. 1950. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, Радянська школа.
- Бупкин В. А. и Назаренко В. А. 1971. О нижней дате Гнездовского могильника. — Краткие сообщения ... Инст. Арх. АН СССР (Москва), 125: 13–16.
- Бупкин В. А., Лебедев Г. С. 1974. Гнездово и Бирка (к проблеме становления городов) // Культура средневековой Руси. Ленинград, Наука: 11–17.
- Бупкин В. А., Лебедев Г. С., Дубов И. В. 1978. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Ленинград, изд. Ленинградского Гос. Университета.
- Ваксель С. 1940. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Ленинград — Москва, изд. Главсевморпути.
- Васильев А. 1858. О древнейшей истории славян до времени Рюрика, и откуда пришел Рюрик и его варяги. Санкт-Петербург, Типогр. Главн. штаба по военно-учебным заведениям.
- Васильева Н. И. 2005. Русь и варяги. Москва, Метагалактика (серия: Подпinnая история).
- Васильевский В. Г. 1874–1875. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв. — Журнал Министерства народного просвещения, ч. 176–178 (перепечат. в: Васильевский В. Г. 1908. Труды, т. I, Санкт-Петербург, изд. Акад. наук: 176–377).
- Венелин Ю. И. 1836. Скандинавомания и ее поклонники, или Столетие изыскания о варягах. — Московский наблюдатель, 1836, ч. 8, кн. 2: 488–525, ч. 9, кн. 1: 296–307, кн. 2: 395–426.
- Венелин Ю. И. 1836–1839?/2003. [О происхождении славян вообще и россов в особенности]. — Сборник Русского исторического общества, 8 (156): 21–82.
- Венелин Ю. И. 1848. О нашествии завислянских славян на Русь до Рюриковых времен. Москва, Общество истории и древностей российских.
- Венелин Ю. И. 1870. Известия о варягах арабских писателей и злоупотребления в истолковании оных. — Чтения в Обществе истории и древностей российских (Москва), кн. 4.: с. 1–18.
- Верзилив А. В. 1928. Найдавніший побуд Чернігівської околиці. — Чернігів та Північне Лівобережжя, Київ.
- Вернадский Г. В. Древняя Русь. Тверь — Москва, ЛЕАН и др. 1996.
- Верхотуров Д. Н. 2005. Продолжение спора о варягах. Рецензия на книгу В. В. Фомина «Варяги и варяжская Русь». — «Лебедь», интернетный альманах за 3 июля (<http://www.lebed.com/2005/art4239.htm>).

- Вестберг Ф. 1903. Комментарий на записку Ибрагима ибн-Якуба о славянах. Санкт-Петербург, Академия Наук.
- Вилинбахов В. Б. 1962. Балтийские славяне и Русь. — *Slavia Occidentalis* (Poznań), 22: 253–277.
- Вилинбахов В. Б. 1980. Современная историография о проблеме: балтийские славяне и Русь. — *Советское славяноведение*, 1: 79–84.
- Всеобщая 1911 = Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». I. Древняя история — Тэффи (ил. А. Яковлева). II. Средняя история — Осипа Дымова (ил. А. Радакова). III. Новая история — Аркадия Аверченко (ил. А. Радакова, Ре-Ми, А. Яковлева и А. Юнгера). IV. Русская история — О. Л. Д'Ора (ил. Ре-Ми). СПб, изд. М. Г. Корнфельда, 1911.
- Гаркави А. Я. 1870. Сказания мусульманских писателей о славячах и русах. Санкт-Петербург, тип. Акад. Наук.
- Геденов С. А. 1862. Отрывки исследований о варяжском вопросе. — *Записки Академии Наук*, кн. I, II; 1863: кн. III.
- Геденов С. А. 1876. Варяги и Русь. тт. I–II. Санкт-Петербург [изд. 2004 г. — Москва, Русская панорама].
- Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. (составит.). 1987. Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Текст, перевод, комментарии. Москва, Наука.
- Голлман Г. Ф. 1819. Рустрингия, первоначальное отечество первого российского великого князя Рюрика и братьев его. Москва.
- Голубева Л. А. 1965. О дате поселения веси на Белом озере. — *Краткие сообщения Института археологии* (далее — КСИА), вып. 104: 12–17.
- Голубева Л. А. 1967. Раскопки древнего Белоозера в 1961–1962 гг. — КСИА, вып. 110: 92–97.
- Горский А. А. 1989. Проблема происхождения названия «Русь» в современной советской историографии. — *История СССР*, 3: 132–134.
- Греков Б. А. 1947. О роли варягов в истории Руси. — *Новое время*, № 30 (116), 23 июня: 12–15 (перепеч. в: Греков Б. Д. 1959. Избранные труды, т. II. Москва, изд. Академии наук СССР: 554–558).
- Греков Б. Д. 1939. Киевская Русь. Москва, Академия наук СССР (более полн. изд. Учпедгиз 1949 и Госполитиздат 1953).
- Греков Б. Д. 1953. Образование Древнерусского государства и происхождение термина «Русь». — *Очерки истории СССР IX–XV вв.*, т. I. Москва, изд. Академии Наук СССР.
- Гринев Н. Н. 1989. Легенда о призвании варяжских князей (об источниках и редакциях в Новгородской первой летописи). — *История и культура древнерусского города*. Москва, Наука, изд. Московского университета: 31–43.

- Гроздилов Г. П. 1950. Раскопки в Старой Ладогe в 1948 г. — Советская археология, XIV: 139–169.
- Гроздилов Г. П. 1960. Раскопки в Старой Ладогe. — Краткие сообщения ИИМК, вып. 81, стр. 72–76.
- Гроздилов Г. П. 1962. Раскопки древнего Пскова. Археологический Сборник Гос. Эрмитажа, вып. 4: 7–76.
- Гроздилов Г. П. 1965. Раскопки в Старом Изборске. Археологический Сборник Гос. Эрмитажа, вып. 7, М.—Л.: 65–86.
- Грот Л. 1997. Мифические и реальные шведы на севере России: взгляд из шведской истории. — Шведы и русский Север: историко-культурные связи (К 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга). Материалы Международного научного симпозиума Киров: 152–160 (перепечат. в: Сборник Русского исторического общества, 8 (156), 2003: 178–183).
- Грот Я. К. 1869. Литва или Скандинавия. — Отечественные записки (Санкт-Петербург), т. СХХIX, № 4, отд. 1.
- Гуревич А. Я. 1966. Походы викингов. Москва, Наука.
- Гуревич Ф. Д. 1950. Древнейшие бусы Старой Ладоги. — Советская археология, XIV: 170–186.
- Давидан О. И. 1961. Резная кость Старой Ладоги. — Сообщения Государственного Эрмитажа (Ленинград), XXIII: 16–18.
- Давидан О. И. 1962. Гребни Старой Ладоги. — Археологический Сборник Государственного Эрмитажа (Ленинград), 4: 95–108.
- Давидан О. И. 1968. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладоги. — Археологический сборник Гос. Эрмитажа, 10: 54–63.
- Данилевский И. Н. 1998. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. Москва, Аспект-Пресс.
- Дворниченко А. Ю. 2006. Г. Ф. Миллер и российская историческая наука. — Университетские музеи: прошлое, настоящее, будущее. Санкт-Петербург, изд. С.-Петербургского университета: 9–17.
- Дело 1860 = Дело о Варяго-Россах. — «Северная пчела», 1860: 109. Губернская летопись (сатира на диспут Костомарова с Погодиным).
- Джаксон Т. Н. 1991. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. Москва, Наука.
- Джаксон Т. Н., Плимак Е. Г. 1988. Некоторые спорные проблемы генезиса русского феодализма (В связи с изучением «Разоблачений дипломатической истории XVIII в.» К. Маркса). — История СССР, 6: 35–57.
- Добролюбов Н. А. 1958. Русская цивилизация, сочиненная господином Жеребцовым. — Современник, 10, отд. II, 121–154; 11, отд. II, с. 1–50.
- Добролюбов Н. А. 1860/1982. Наука и свистопляска. — Свисток. Москва, Наука, 1982: 95.

- Долленга-Ходаковский З. Я. 1819. Розыскания касательно русской истории. — Вестник Европы, ч. CVII, № 20: 277–302.
- Долленга-Ходаковский З. Я. 1837. Пути сообщения в Древней России. — Русский исторический сборник. Москва: 1–50.
- Добровольский И. С., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. 1991. Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Ленинград, изд. Ленинградского университета.
- Дубов И. В. 1970. О датировке железных шейных гривен с привесками в виде «молоточков Тора». — Шаскольский И. П. (отв. ред.). Исторические связи Скандинавии и России в IX–XX вв. Москва — Ленинград, Наука: 262–269.
- Дучиц Л. В., Мельникова Е. А. 1981. Надписи и знаки на костях с городища Масковичи. — Древнейшие государства на территории СССР, 1980. Москва, Наука: 185–216.
- Дьяконов И. М. 1983. Типы этнических передвижений в ранней древности (с конца IV по начало I тыс. н. э.). — Древний Восток. Ереван, изд. АН Армянск. ССР: 5–22.
- Енисосова Н. В. 1999. Ювелирное производство Гнёздова. Автореферат канд. дис. М., 1999.
- Жарнов Ю. Э. 1991. Женские скандинавские погребения в Гнёздове. — Смоленск и Гнёздово. К истории древнерусского города. Под ред. Д. А. Авдусина. Москва, изд. Московского университета: 200–219.
- Жарнов Ю. Э. 1992. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам гнёздовского некрополя. Автореферат канд. дисс. Москва, Московский университет.
- Забелин И. Е. 1876–1879. История русской жизни. Тт. I–II. Киев, Университетская типография И. Завадского (втор. изд. 1908–1912, Москва, Синодальная типография).
- Завитневич В. 1892. Происхождение и первоначальное значение имени «Русь». — Труды Киевской Духовной академии: т. 3, с. 553–594.
- Загоровский В. П. и Никитин Н. И. 1972. Обзор советской литературы по истории России эпохи феодализма. — История СССР, 2: 126–146.
- Замечания 1864 = Замечания А. Куника. — Погодин М. П. «Г. Геденов и его система происхождения варягов и Руси». Санкт-Петербург: passim.
- Заходер Б. Н. 1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. Москва, Наука.
- Иванов С. 2002. Рюрик Михал Иванович, всероссийский староста. Государство захотело, чтобы Калининград стал «исконно русской землей», тут же нашлись историки, готовые выполнить заказ. — Еженедельный журнал. в интернете, материал от 12.11.2002 (http://old.ej.ru/044/tema/kaliningrad/04/index.html_Printed.html).

- Игнатьев А. А. 1941. Пятьдесят лет в строю. Книги первая и вторая. Москва, Госполитиздат.
- Иловайский Д. И. 1871. О мнимом призвании варягов. Из исследований о начале Руси. Москва, Университетская типография Каткова.
- Иловайский Д. И. 1876. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. Москва, типография Грачева (втор. изд. 1882).
- Ильина Н. 1955. Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки. Париж, б. и.
- История 1966 = История СССР с древнейших времен, т. 1. Под ред С. Н. Плетневой и Б. А. Рыбакова. Москва, Наука.
- Каменский А. Б. 1991. Ломоносов и Миллер: два взгляда на историю. — Ломоносов. Сборник статей и материалов, 9. СПб, АН СССР: 39–48.
- Каменский А. Б. 1996. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705–1783). — Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное. Москва, Наука: 374–415.
- Кан А. С. и Хорошкевич А. Л. 1971. Рец. на сборник «Исторические связи Скандинавии и России». — История СССР, 6: 188–190.
- Каргер М. К. 1958. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. I. Москва — Ленинград, изд. Академии Наук СССР.
- Касиков Х., Касиков А. 1990. Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике Датчанине. — Скандинавский сборник (Таллин), XXXIII: 98–109.
- Кирпичников А. Н. 1965. Древнейший русский подписной меч. — Советская археология, 3: 196–201.
- Кирпичников А. Н. 1966. Древнерусское оружие. Вып. I. Мечи и сабли IX–XIII вв. (САИ Е1–366). Москва — Ленинград, Наука.
- Кирпичников А. Н. 1969. Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX–XIII вв. — Скандинавский сборник (Таллин), 11: 249–298.
- Кирпичников А. Н. 1977. Вооружение воинов Киевской державы в свете русско-скандинавских контактов. — Скандинавский сборник, XXII: 159–173.
- Кирпичников А. Н. 1996. Новообнаруженный древнерусский подписной меч. — Труды Отдела древнерусской литературы, 50: 717–723.
- Кирпичников А. Н. 1997. Сказание о призвании варягов. Анализ и возможности источника. — Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. Санкт-Петербург: 7–18.
- Кирпичников А. Н. 1998. Сказание о призвании варягов: легенды и действительность. — Викинг и славяне. Санкт-Петербург, ДБ [Дмитрий Буланин]: 31–55.
- Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. 1986. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени). — Мельникова Е. А. (отв. ред.). Славяне и скандинавы. Москва, Наука: 189–297.

- Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. 1978. Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства (IX–XI вв.). — *Scando-Slavica*, 24: 63–89.
- Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. 1981. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения. — *КСИА*, 160: 24–38.
- Кирпичников А. Н., Стальсберг А. 1995. Новые исследования мечей эпохи викингов. — *Археологические вести*, 4: 171–180.
- Классен Е. 1854. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов до рюрикового времени в особенности. Вып. 2. Москва, Университетская типография (нов. изд. Санкт-Петербург, Андреев и согласие, 1992).
- Клейн Л. С. (отв. ред.). 1979. Типы в культуре. Ленинград, издат. Ленинградского университета.
- Клейн Л. С. 1955. Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии АН УССР. — *Советская археология* (Москва), XXII: 257–272.
- Клейн Л. С. 1969. К постановке вопроса о происхождении славян. — *Проблемы отечественной и всеобщей истории*. Ленинград, издат. Ленинградского университета: 21–35.
- Клейн Л. С. 1970. Проблема определения археологической культуры. — *Советская археология* (Москва), 2: 37–51.
- Клейн Л. С. 1971. Феномен СМ III и вопрос о языке линейного письма А. — *Вестник Ленинградского университета*, 1971, № 8: 110–113.
- Клейн Л. С. 1973а. Археологические признаки миграций (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Чикаго. Доклады советской делегации). Москва.
- Клейн Л. С. 1973б. Кипр и Крит в "Археологии мира". — *Вестник Древней истории* (Москва), № 3: 174–182.
- Клейн Л. С. 1978. Археологические источники. Ленинград, издательство Ленинградского университета (втор. расш. изд. 1995, Санкт-Петербург, Фан).
- Клейн Л. С. 1984. От Дуная до Индии. Отражение урнового погребального обряда в фольклоре индоариев и проблема фригийской миграции. — *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. Москва, ч. I: с. 35–37.
- Клейн Л. С. 1993. Феномен советской археологии. Санкт-Петербург, Фан, 1993.
- Клейн Л. С. 1998а. Мемуар о работе в археологическом кружке исторического факультета Ленинградского университета. — *Аничковский вестник* № 11 (Ассоциации ученических научных обществ «Аничков дворец»). Античная религия и философия. Санкт-Петербург: 91–96.

- Клейн Л. С. 1998б. Обсуждение методики раскопок в Европейском университете Санкт-Петербурга. — Археология Петербурга, II/1997. Санкт-Петербург: 50–51.
- [Клейн Л. С.] 1999а. Заповеди участникам археологического семинара Л. С. Клейна (годы чеканки 1964–1995). — *Stratum plus* (Санкт-Петербург — Кишинев — Одесса), № 3: 389.
- Клейн Л. С. 1999б. Миграция: археологические признаки. — *Stratum plus* (Санкт-Петербург — Кишинев — Одесса), № 1: 52–71.
- Клейн Л. С. 1999в. Норманизм — антинорманизм: конец дискуссии. — *Stratum plus* (Санкт-Петербург — Кишинев — Одесса), № 5: 91–101 [в разделе: 30 лет Варяжской дискуссии (1965–1995)].
- Клейн Л. С. 2000а. Археология в седле (Косинна с расстояния в 70 лет). — *Stratum plus* (Санкт-Петербург — Кишинев — Одесса), 4: 88–140.
- Клейн Л. С. 2000б. Инвазия с севера на Среднеминойский Крит: оценка достоверности гипотезы. — *ΣΥΣΣΙΤΙΑ* Памяти Юрия Викторовича Андреева. Санкт-Петербург, Алетейя: 98–104.
- Клейн Л. С. 2000в. Тохарская миграция в свете археологии. — *Stratum plus* (Санкт-Петербург — Кишинев — Одесса), 2: 178–187.
- Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. 1970. Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. — Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Под ред. Н. Е. Носова и И. П. Шапольского. Ленинград, Наука: 226–252.
- Клейн Л. С., Миняев С. С., Пиотровский Ю. Ю., Хейфец О. И. 1970. Дискуссия об археологической культуре в Проблемном археологическом семинаре Ленинградского университета. — Советская археология (Москва), № 2: 298–302.
- Ключевский В. О. 1904. Курс русской истории, ч. 1. Москва, Синодальная типография.
- Ключевский В. О. 1956. Курс русской истории. Сочинения. Т. 1. Москва: Издательство социально-экономической литературы. 428 с.
- Ключевский В. О. 1983. наброски по варяжскому вопросу. — Ключевский В. О. Нео-публикованные произведения. Москва, Наука: 113–123.
- Ключевский В. О. 1989. Курс русской истории. — Сочинения в 9 т. Москва, Мысль. Том 4, лекция 71: 272.
- Ключевский В. О. 1994. Боярская Дума Древней Руси. Москва: Ладомир. 547 с. (Ре-принт с третьего издания 1902 г.).
- Кнауэр Ф. Л. 1899. О происхождении имени народа Русь. — Труды XI Археологического съезда в Киеве, т. II, ч. II: 6–19.
- Ковалевский А. П. 1956. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу. Статьи, перевод, комментарии. Харьков, изд. Харьковского университета.

- Конечский В. Я. 1989. Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Припильменя в VIII–X вв. — Славяне: этногенез и этническая история. Ленинград, издательство Ленинградского университета: 140–150.
- Константин 1989 = Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии. Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. Москва, Наука.
- Корзухина Г. Ф. 1955. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. — Советская археология, XII: 61–82.
- Корзухина Г. Ф. 1961. О времени появления укрепленного поселения в Ладог. — Советская археология 3: 76–84.
- Корзухина Г. Ф. 1963. Из истории игр на Руси. — Советская археология, 4: 85–101.
- Корзухина Г. Ф. 1964. Новые находки скандинавских вещей близ Торопца. — Скандинавский сборник, VIII, Таллин: 297–312.
- Корзухина Г. Ф. 1965. Находка на Рюриковом городище под Новгородом. — Краткие Сообщения Инст. археол., вып. 104: 45–46.
- Корзухина Г. Ф. 1966а. К уточнению датировки древнейших слоев Ладogi. — Тезисы докладов третьей научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. Тарту: 61–63.
- Корзухина Г. Ф. 1966б. Ладожский топорик. — Культура Древней Руси. Москва, Наука: 89–96.
- Корзухина Г. Ф., Давидан О. И. 1969. Раскопки на урочище Плакун в Старой Ладог. — Археологические открытия 1968. Москва, Наука: 16–17.
- Костомаров Н. И. 1860а. Начало Руси. — Современник, т. 79, 1: 5–33.
- Костомаров Н. И. 1860б. Последнее слово г. Погодину о жмудском происхождении первых русских князей. — Современник, т. 79, вып. 5 (май), отд. III: 73–83.
- Костомаров Н. И. 1860в. Заметка на возражения о происхождении Руси. — Современник, т. 79: 413–417.
- Котляр Н. Ф. В тоске по утраченному времени. — Средневековая Русь. Москва, Индрик: 343–353.
- Котляров А. Н. 1992. К происхождению и сущности «крайнего» норманизма (Теория шведского историка середины XVIII в. О. Далина). — Методологические и историографические вопросы исторической науки, вып. 20. Томск, изд. Томского университета: 3–18.
- Кочкуркина С. И. 1973. Юго-восточное Приладожье в X–XIII вв. Ленинград, Наука.
- Круг Ф. И. 1819. Исследования, служащие к объяснению древнейшей русской истории. Санкт-Петербург, А. Х. Лерберг.
- Крузе Ф. 1836а. О происхождении Рюрика. — Журнал Министерства народного просвещения, часть 9, отд. II: 43–73.

- Крузе Ф. 18366. О первом вторжении южных ютландцев в Россию. — Журнал Министерства народного просвещения, часть 10, отд. II: 513–517.
- Крузе Ф. 1839. Об отношении руссов, вторгнувшихся в 844 г. в Испанию и опустошивших Севиллу, и о связях их с Россиею. — Журнал Министерства народного просвещения, ч. XXI, 3: 163–169.
- Кузьмин А. Г. 1967. К вопросу о происхождении варяжской легенды. — Новое о происхождении нашей страны. Памяти М. Н. Тихомирова. Москва, Наука: 42–53.
- Кузьмин А. Г. 1970. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море. — Вопросы истории, 10: 28–55.
- Кузьмин А. Г. 1971. Болгарский ученый о советской историографии начала Руси. — Вопросы истории, 2: 186–188.
- Кузьмин А. Г. 1974. Об этнической природе варягов (К постановке проблемы). — Вопросы истории, 11: 54–83.
- Кузьмин А. Г. 2003. Облик современного норманизма. — Сборник Русского исторического общества, 8 (156): 214–256.
- Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д. 1989. Культурная стратиграфия Ладоги VIII–X вв. — Археология и история Пскова и Псковской земли (Псков), 10: 29–30.
- Куник А. А. и Розен В. В. 1878. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть I. Санкт-Петербург, типография Академии Наук.
- Куник А. А. 1875. Дополнения к сочинению Б. Дорна «Каспий». Приложение к XXVI т. записок Академии Наук (Санкт-Петербург), 1: 54–55, 430–436.
- Кусцинский М. Ф. 1881. Археологические исследования Смоленской губернии в 1874 г. — Древности (Москва), т. IX, вып. 1: 4–6.
- Кухаренко Ю. В. 1955. Славянские древности V–X вв. на территории Припятского Полесья. — Краткие сообщения ИИМК, 57: 33–38.
- Ламанский В. И. 1859. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании (Ученые записки 2-го Отделения академии наук, кн. 5). Санкт-Петербург.
- Ламбин Н. 1874. Источник летописного сказания о происхождении Руси. — Журнал Министерства народного просвещения, ч. CLXXIII, 6: с. 225–263.
- Лаушкин К. Д. 1960. Староладожская экспедиция. КСИИМК, вып. 79, М., 1960: 101–102.
- Лебедев Г. С. 1970. Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка. — Статистико-комбинаторные методы в археологии. М. — Л.: 180–190.
- Лебедев Г. С. 1974. Шведские погребения в ладье VII–XI вв. — Скандинавский сборник, 19: 155–187.
- Лебедев Г. С. 1975. Путь из варяг в греки. — Вестник Ленинградского Университета, 20 (4): 37–43.
- Лебедев Г. С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Ленинград, изд. Ленинградского университета.

- Лебедев Г. С. 1987. Северная часть «Пути из варяг в греки» (памятники и навигационные ориентиры Финского залива — Волхова — Ильмена — Ловати — Днепро-Двинского междуречья). — История и археология Новгородской земли. Новгород: 15–18.
- Лебедев Г. С. 1988. Путь из варяг в греки (предварительные результаты археолого-навигационного изучения). — Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 123–126.
- Лебедев Г. С. 1989. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза. — Славяне: этногенез и этническая история. Ленинград, изд. Ленинградского университета: 105–115.
- Лебедев Г. С. 1991. Этюд о мечех викингов. — Клейн Л. С. Археологическая типология. Ленинград, Академия Наук СССР: 280–304.
- Лебедев Г. С. 1992. История отечественной археологии 1700–1917 гг. Ленинград, изд. Ленинградского университета.
- Лебедев Г. С. 1994. «Градки» на Пути из варяг в греки (к проблеме фортификации как фактора древнерусской урбанизации IX–XI вв.). — Фортификация в древности и средневековье (Материалы методологического семинара ИИМК). СПб, с.94–98.
- Лебедев Г. С. 1995. Петербург как центр региональной археологии. — Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки: Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки». Вып. 1: 56–88. Санкт-Петербург.
- Лебедев Г. С. 1996. Тридцатилетие варяжской дискуссии (1965–1995). — Археология Петербурга, 1: 111–112.
- Лебедев Г. С., Жвиташвили Ю. Б. 1999. Дракон Нево на пути из варяг в греки. — Археолого-навигационные исследования древних водных коммуникаций между Балтикой и Средиземноморьем. Санкт-Петербург, б. и. (2-е изд. Нормедиздат 2000).
- Лебедев Г. С., Булкин В. А., Назаренко В. А. 1975. Древнерусские памятники бассейна р. Каспли и Путь из варяг в греки (по материалам Смоленской археологической экспедиции 1966 г.). — Вестник Ленинградского университета, 14 (3): 166–170.
- Линевский А. М. 1949. Общество Юго-Восточного Приладожья в XI в. (по предварительным данным раскопок 1947–1948 гг.). — Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР (Петрозаводск), 1: 57–72.
- Линевский А. М. 1951. Новое о прошлом Южной Карелии. — На рубеже (Петрозаводск), 1: 82–93.
- Литературные заметки 1860. = Литературные заметки (О диспуте между гг. Погодиным и Костомаровым). — Отечественные записки, т. СХХIX, отд. II: 107–108.

- Лихачев Д. С. 1945. Устные летописи в составе Повести временных лет. — Исторические записки, 17: 201–224.
- Лихачев Д. С. 1950. Повесть временных лет. Часть вторая. Комментарии. Москва — Ленинград, Изд. Академии Наук СССР [изд. 2-е, испр. и дополн. Санкт-Петербург, 1996].
- Лихачев Д. С. 1970. Легенда о призвании варягов и политические тенденции русского летописания второй половины XI–XII вв. — *Varangian problems*. Copenhagen: 174–175 (русс. резюме работы Likhachev 1970).
- Лихачев Д. С. 2004. Россия никогда не была Востоком (Об исторических закономерностях и национальном своеобразии: Евразия или Скандославия?). — Лихачев Д. С. Раздумья о России. Санкт-Петербург, Logos.
- Ловмянский Г. 1963. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский. — Скандинавский сборник (Таллин), 7: 221–249.
- Ловмянский Х. 1985. Русь и норманны. Пер. с польск. изд. 1957 г. Москва, Прогресс.
- Ломоносов М. В. 1952. Полное собрание сочинений. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. Москва — Ленинград. «Издательство АН СССР».
- Ломоносов М. В. 1956. Полное собрание сочинений. Т. 9. Труды по теории и истории русского языка. Москва — Ленинград, изд. Академии Наук СССР.
- Ломоносов М. В. 1957. Полное собрание сочинений. Т. 10. Служебные документы, письма. 1734–1765 гг. Москва — Ленинград. «Издательство АН СССР».
- Ломоносов М. В. 1766. Древняя Российская история. Санкт-Петербург, Академия Наук.
- Лохвицкий А. 1860. Диспут... — Русское слово, № 4, отд. III: 118–125.
- Ляпушкин И. И. 1949. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI: 385–395.
- Ляпушкин И. И. 1956. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. — Вестник ЛГУ, 20: 45–60.
- Ляпушкин И. И. 1958. Городище Новотроицкое (Материалы и исследования по археологии, 74). Москва — Ленинград, изд. Академии Наук СССР.
- Ляпушкин И. И. 1961. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа (Материалы и Исследования по Археологии, 104). Москва — Ленинград, изд. Академии наук СССР.
- Ляпушкин И. И. 1966. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства VIII–X вв. — Культура Древней Руси. Москва, Наука: 127–136.
- Ляпушкин И. И. 1971. Гнездово и Смоленск. — Проблемы истории феодальной России. Ленинград, издательство Ленинградского университета: 33–37.

- Ляуданскі А. Н. 1930. Археолёгічныя досьледы у Полацкай акрузе. — Працы, II, Менск: 161–166.
- Мавродин В. В. 1945. Образование Древнерусского государства. Ленинград, изд. Ленинградского университета.
- Мавродин В. В. 1946. Древняя Русь (Происхождение русского народа и образование Киевского государства). Москва, Госполитиздат.
- Мавродин В. В. 1949. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Ленинград.
- Мавродин В. В. и Фроянов И. Я. 1971. Древняя Русь в трудах советских историков между XXII и XXIV съездами КПСС. — Вестник Ленинградского Университета, 14 вып.3, № 14, с.61–72.
- Макаев Э. А. 1962. Руническая надпись из Новгорода. — СА, № 3: 309–311.
- Мартынов А. И. 1983. Историография археологии Сибири. Учебное пособие. Кемерово, Кемеровский гос. университет: 37–48 (Великая Северная экспедиция).
- Мачинский Д. А. 1976. К вопросу о территории обитания славян в I–IV в. — Археологический сборник Гос. Эрмитажа, вып.17, Л: с.82–100.
- Мачинский Д. А., Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д. 1986. Ранние скандинаво-славянские контакты по материалам Ладоги VIII–X вв. — X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Часть I. Москва: 164–166.
- Мельникова Е. А. 1977а. Восточноевропейская топонимика с корнем *gard*- в древне-скандинавской письменности. — Скандинавский сборник, XXII: 199–200.
- Мельникова Е. А. 1977б. Скандинавские рунические надписи. Москва, Наука.
- Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. 1989. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.). — Вопросы истории, 8: 24–38.
- Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. 1990. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии. — Древнейшие государства на территории СССР. Москва, Наука: 219–229.
- Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. 1994. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв.: к истории названия варяг. — Славяноведение, 2: 56–69.
- Мельникова Е. А., Седова М. В., Штыхов Г. В. 1983. Новые находки скандинавских рунических надписей. — Древнейшие государства на территории СССР, 1981. Москва, Наука: 182–186.
- Мерперт Н. Я. 1978. Миграции эпохи неолита и энеолита. — Советская археология, 3: 9–28.
- Миллер Г. Ф. 1749. Происхождение народа и имени российского в высочайшее теозоименитство... Санкт-Петербург, Академия наук.
- Миллер Г. Ф. 1750/1999. О сибирских надписях. — Миллер Г. Ф. История Сибири. Москва, Восточная литература: 519–534.

- Миллер Г. Ф. 1764/1999. Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных. — Миллер Г. Ф. История Сибири. Москва, Восточная литература: 512–518.
- Миллер Г. Ф. 1775/1999. Автобиография. Описание моих служб. — Миллер Г. Ф. История Сибири. Москва, Восточная литература: 150–157.
- Миллер Г.-Ф. 1788. О народах, издревле в России обитавших. Санкт-Петербург, Академия наук.
- Миллер Г. Ф. 1937. История Сибири. Т. I. Москва — Ленинград, изд. АН СССР; 2-е издание: 1999. Москва, Восточная литература.
- Михайлов К. А. 1997. Погребение воина с конями на вершине Плакунской сопки в свете погребальных традиций эпохи викингов. — Древности Поволжья. Санкт-Петербург, ИИМК: 105–116.
- Морошкин Ф. Л. 1840. О значении имени руссов и славян. Москва (1841, Санкт-Петербург).
- Моця Л. П. 1990. Погребения скандинавов на юге Киевской Руси. — Археология, 4: 90–97.
- Мошин В. А. 1931а. Варяго-русский вопрос. — *Slavia (Praha)*, т. 10, seš. 1–3: 109–136, 343–379, 501–537.
- Мошин В. А. 1931б. Главные направления в изучении варяжского вопроса за последние годы. — *Sborník prací I sjezda slovanských filologů v Praze*, III. Praha: 610–625.
- Мошин В. А. 1931в. Начало Руси. Норманны в Восточной Европе. — *Byzantinoslavika (Praha)*, т. III, sv. 2.
- Мугуревич Э. С. 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, Зинатне.
- Назаренко В. А. 1982. Норманны и появление курганов в Приладжье. — Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Ленинград, изд. Ленинградского университета: 142–147.
- Назаренко В. А. 1985. Могильник в урочище Плакун. — Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Ленинград, Наука: 156–169.
- Недошивина Н. Г. 1963. Михайловский могильник. — Ярославское Поволжье X—XI вв. Советская Россия: 24–31.
- Немиров Г. А. 1898. «Русь» и «варяг» (Происхождение славян). Заметка для выяснения древнейшей истории Петербургского края (оттиск из 3 вып. «Опыта истории С.-Петерб. биржи в связи с историей С.-Петербурга»). Санкт-Петербург, типография Академии наук.
- Никитин А. Л. 1989. Первый Рюрик и «варяжская легенда». — Герменевтика древнерусской литературы. Москва, б. и.: 381–394.
- Никитин А. Л. 1991. Первый Рюрик — миф или реальность? — Наука и религия, 4: 36–38.

- Нильсен Й. П. 1992. Рюрик и его дом. Опыт идейно-историографического подхода к норманнскому вопросу в советской историографии. Пер. с норв. Архангельск, изд. Поморского пед. университета.
- Новикова Г. Л. 1992. Скандинавские языческие амулеты на территории Древней Руси. Автореферат канд. дисс. Москва, 1992.
- Носов Е. Н. 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Ленинград, Наука.
- Носов Е. Н. 1992. Происхождение легенды о призвании варягов и Балтийско-Волжский путь. — Древности славян и финно-угров. Санкт-Петербург, Наука: 100–105.
- Носов Е. Н. 1993. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Баптики). Санкт-Петербург, Центр «Петербургское востоковедение»: 59–78.
- Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения. Санкт-Петербург.
- Обнорский С. П. 1946. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. Москва — Ленинград, изд. Академии Наук СССР.
- Орлов С. Н. 1954. Деревянные изделия Старой Ладogi VII–X вв. Автореферат кандидатской диссертации, М.
- Островский Б. Г. 1937. Великая Северная экспедиция 1733–1943 гг. Архангельск, Севгиз.
- Откуда 1986 = Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–IX. Сост., предисл., введ. к документ., коммент. А. Г. Кузьмина. Кн. 1–2. Москва, Молодая Гвардия, 1986.
- Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. 1967. — Труды Гос. историч. музея, 43. Москва.
- Падалка Л. В. 1914. Происхождение и значение имени «русь». — Труды XV Археологического съезда в Новгороде 1911 г. Москва, т. 1: 364–373, 380.
- Падалка Л. В. 1915. Возникновение и значение наименования «русь». — Полтава.
- Паранин В. И. 1990. Историческая география летописной Руси. Петрозаводск, Карелия.
- Пархоменко В. А. 1923. Норманизм и антинорманизм (К вопросу о происхождении имени «Русь»). — Известия отд. русск. яз. и словесн. Академии Наук, XVIII: 71–74.
- Пархоменко В. А. 1924. У истоков русской государственности. Ленинград, Госиздат.
- Пархоменко В. А. 1938а. К вопросу о «норманнском завоевании» и происхождении Руси. — Историк-марксист, 4.
- Пархоменко В. А. 1938б. Первая известная точная дата существования русского государства. — Историк-марксист, 6: 191–192.

- Пархоменко В. А. 1939. К истории державы Рюриковичей (обзор литературы за 1938 г.). — Вестник древней истории, 3 (9):.
- Пашуто В. Т. 1968а. Внешняя политика Древней Руси. Москва, Наука.
- Пашуто В. Т. 1968б. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы. — IV Всесоюзная конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. I: 176–177.
- Пашуто В. Т. 1970а. Норманнский вопрос в свете летописной традиции о племенах и княжениях. — V Всесоюзная конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. I. Москва: 45–47.
- Пашуто В. Т. 1970б. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы. — Скандинавский сборник, вып. XV. Таллин: 51–61.
- Пашуто В. Т. 1974. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос. Летописи и хроники. Сборник статей. Москва, Наука: 103–110.
- ПД 1860 = Публичный диспут 19 марта 1860 г. о начале Руси между гг. Погодиным и Костомаровым. — Современник, т. LXXX, № 3, отд. I: 257–292; т. LXXXI, 5: 73–83.
- Пекарский П. П. 1870–1873. История Имп. Академии Наук в Петербурге. Тт. 1–2. СПб, типография Правительствующего Синода.
- Пекарский П.П. 1865. Дополнительные известия для биографии М. В. Ломоносова. — Приложение к VIII-му тому записок Императорской Академии Наук № 7. Санкт-Петербург.
- Первоульф И. И. 1876. Германизация балтийских славян. Санкт-Петербург, Петерб. отделение Славянского комитета.
- Первоульф И. И. 1877. Варяги-Русь и балтийские славяне. — ЖМНП, ч. 192, 7, 37–97.
- Петренко В. П. 1985. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка). — Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Ленинград, Наука: 81–116.
- Петровский Н. М. 1922. О новгородских «словах» (По поводу книги: А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени). — Известия Отдел. русск. языка и словесности, 25: 356–389.
- Петрухин В. Я. 1975. Ритуальные сосуды из курганов Гнездова и Чернигова // Вестник Моск. Университета, История, 2: 85–92.
- Петрухин В. Я. 1983. Об особенностях славяно-скандинавских отношений в раннефеодальный период. — Древнейшие государства на территории СССР. 1981. М.: 174–181.
- Петрухин В. Я. 2001. Гнездово между Киевом, Биркой и Моравией (некоторые аспекты сравнительного анализа). — Археологический сборник. Гнездово. 125-летие исследования памятника. ГИМ М.: 116–120.

- Петрухин В. Я. и Мельникова Е. А. 1989. Комментарий к главе IX. — Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии. Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. Москва, Наука: 291–331.
- Платонов С. Ф. 1920. Русь. — Дела и дни. Исторический журнал (Санкт-Петербург), кн. 1: 1–5.
- Плимак Е. Г. 1966. Маркс, Энгельс и Россия. — История СССР, 4: 191–209.
- Погодин А. П. 1925. Вопрос о происхождении имени Руси. — Сборник в чест на Васил Златарски. София, Академия; Leipzig, Harrassowitz: 271–273.
- Погодин М. П. 1825. О происхождении Руси. Разсуждение, сочиненное имп. Московского университета кандидатом словесных наук Михаилом Погодиным для получения степени магистра. Москва, типогр. Ун-та.
- Погодин М. П. 1846. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Том II. Происхождение варягов, Руси. О славянах. Москва, изд. Московск. об-ва истории и древностей российских.
- Погодин М. П. 1859а. Норманнский период русской истории. Москва, типография В. Готье.
- Погодин М. П. 1859б. Ответ г. Костомарову. — Русская беседа (Москва), кн. 3: 1–13.
- Погодин М. П. 1860. О публичном диспуте в зале Санкт-Петербургского университета касательно происхождения Руси. — Русская беседа, кн. 19, № 1, отд. V: 133–154.
- Погодин М. П. 1864. Г. Гедеонов и его система о происхождении варягов и Руси. СПб (Записки Академии Наук, т. 6, приложение 2).
- Погодин М. П. 1872. Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. Москва, типография Миллера.
- Погодин М. П. 1932. Три заметки о начале русского государства. — *Slavia*, vol. I: 118–125.
- Покровский М. Н. 1933. Русская история в самом сжатом очерке. Москва, Партиздат. ч. I–III (и более ранние издания).
- Пресняков А. Е. 1938. Лекции по русской истории. Том I. Москва, Соцэкгиз (перв. изд. 1899, Санкт-Петербург, литогр. Ю. Семечкиной).
- Приселков М. Д. 1940. История русского летописания XI–XV вв. Ленинград, изд. Ленинградского университета.
- Путь 1996 = Путь из варяг в греки и из грек... Каталог выставки. Гос. историч. музей, Москва, 1996.
- Пушкина Т. А. 1972. О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси. — Вестник Моск. Университета. История, 1: 92–94.
- Пушкина Т. А. 1984. Бронзовый идол из Черной Могилы. — Вестник Моск. Университета. История, 3: 87–89.

- Пушкина Т. А. 1999. Трилистные скандинавские фибулы на территории Восточной Европы. — Археологический сборник. Труды Гос. Историч. Музея, 111: 33–42.
- Пчелов Е. В. 2001. Рюриковичи. История династии. Москва, Олма-Пресс.
- Равдоникас В. И. 1945. Старая Ладога. — Краткие сообщения ИИМК АН СССР XI: 30–41.
- Равдоникас В. И. 1951. Древнейшая Ладога в свете археологических исследований 1938–1950 гг. — Краткие сообщения ИИМК, вып. 41, М: 34–36.
- Радлов В. В. 1894. Сибирские древности (Материалы по археологии России, 15).
- Репников Н. И. [б. г.]. Старая Ладога. — Сборник Новгородского общества любителей древностей, вып. VII. Новгород: 31–39.
- Репников Н. И. 1948. Раскопки в городище Старой Ладоги. Отчет о работах 1909–1913 гг. — Старая Ладога. Ленинград, Гос. музей этнографии: 11–70.
- Роспонд С. 1979. *Miscellanea onomastica Rossica*. III. Несколько замечаний о названии «Русь». — Восточно-славянская ономастика. Исследования и материалы. Москва, Наука: 43–47.
- Рыбаков Б. А. 1949. Древности Чернигова. — Материалы и исследования по археологии СССР, 11, 1949: 7–53.
- Рыбаков Б. А. 1953. Древние русы. К вопросу об образовании древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина. — Советская археология, XVII: 23–104.
- Рыбаков Б. А. 1956. Остромирова летопись. — Вопросы истории, 10: 46–59.
- Рыбаков Б. А. 1962. Обзор общих явлений русской истории IX–XII вв. — Вопросы истории, 4: 34–57.
- Рыбаков Б. А. 1966. [Главы в:] История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I. Под ред. С. Н. Плетневой и Б. А. Рыбакова. Москва, Наука.
- Рыбаков Б. А. 1982. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Москва, Наука.
- Рыбаков Б. А. 1984. Мир истории. Начальные века русской истории. Москва, Молодая Гвардия (изд. 2. М, 1987).
- Рыбаков Б. А. 1953. Древние русы. К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов товарища И. В. Сталина. — Советская археология, XVII: 23–104.
- Рыдзевская Е. А. 1934. К варяжскому вопросу (Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси), ч. 1. — Известия Академии Наук, VII сер., отд. обществ. наук, 7. 481–532; 8: 609–630.
- Рыдзевская Е. А. 1945. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // Краткие сообщения ИИМК АН СССР XI: 51–65.
- Рыдзевская Е. А. 1978. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. Москва, Наука.
- Рыдзевская Е. А. 1978. О названии Руси *Gardariki*. — Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. Москва, Наука: 143–151.

- Рыдзевская Е. А. 1978. О роли варягов в Древней Руси. — Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. Москва, Наука: 128–142.
- Рябинин Е. А. 1994. У истоков ремесленного производства в Ладого. — Новые источники по археологии Северо-Запада. Санкт-Петербург, ИИМК: 5–59.
- Самойлов Л. (Клейн Л.С.). 1991. Перевернутый мир. Санкт-Петербург, Фарн.
- Самоковасов Д. Я. 1873. Древние города России. Историко-юридическое исследование. Санкт-Петербург, типография К. Замысловского.
- Самоковасов Д. Я. 1908. [только на обложке:] Могилы Русской земли. [на титуле:] Описание археологических раскопок из собрания древностей проф. Д. Я. Самоковасова. Москва, Синодальная типография.
- Самоковасов Д. Я. 1916. Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV археологического съезда. Москва, Синодальн. типогр.
- Самоковасов Д. Я. 1947. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., Синодальная типогр.
- Санкина С. Л. 1998. О скандинавском присутствии на русском Севере: могильник Куреваниха-2 (к историографии норманнской проблемы в антропологии). — Археологические вести, 5: 233–240.
- Санкина С. Л. 2000. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. Санкт-Петербург, изд. Дм. Буланина.
- Санкина С. Л. 2002. Скандинавская группа Древней Руси. — Европа — Азия. Проблемы этнокультурных контактов. Санкт-Петербург, изд. Музея антропологии и этнографии РАН: 131–142.
- Санкина С. Л. и Козинцев А. Г. 1995. Антропологическая характеристика скелетов из средневековых погребений Старой Ладого. — Антропология сегодня, 1: 90–107.
- Санкина С. Л. 2005. Новые материалы к скандинавской проблеме (могильник Канарщина). — VI Конгресс этнографов и антропологов в России. Тезисы. СПб.: 376.
- Сахаров А. Н. 2002. Рюрик и судьбы российской государственности. — Российская газета, 27 сент.
- Сахаров А. Н. 2003. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности. — Сборник Русского исторического общества, 8 (156). Антиномизм. Москва, «Русская панорама».
- Свердлов М. Б. 1974. Известия шведских рунических надписей о скандинавах на Руси и в Византии. — Археографический ежегодник за 1972 г. Москва, Наука: 102–109.
- Свердлов М. Б. 1995. RÖRIK (HRÖRIKR) I GÖRDUM. — Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, Наука: 37–39.
- Свистун Ф. И. 1877. Спор о варягах и начале Руси. Историко-критическое исследование. Львов

- Святой Ф. 1845. Историко-критические исследования о варяжской руси. — Маяк (Санкт-Петербург), т. 19.
- Седов В. В. 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. Москва, Наука.
- Седов В. В. 1995. Изделия древнерусской культуры в Скандинавии. — Славяно-русские древности. Древняя Русь: новые исследования. Вып. 2. Санкт-Петербург: 1995, с 53–65.
- Седых В. Н. 2003. Северная Русь в эпоху Рюрика по данным археологии и нумизматики. — Ладога и истоки российской государственности и культуры. Санкт-Петербург.
- Сизов В. И. 1902. Курганы Смоленской губернии, вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска (Материалы по археологии России, 28). СПб.
- Смоличев П. І. 1926. Розкопи сіверянських могил в с. Шестовиці на Чернігівщині у петку 1925 р. — Україна, Київ, кн. 1: 178–180.
- Соловьев А. В. 1947. Великая, Малая и Белая Русь. — Вопросы истории, 7: 24–28.
- Соловьев А. В. Византийское имя России. — Византийский временник (Москва), 1957: 134–155.
- Соловьев С. М. 1854. Герард-Фридрих Мюллер (Федор Иванович Миллер). — Современник, т. 47, окт.: 115–150.
- Соловьев С.М. 1995. Писатели русской истории XVIII в. // Соч. Кн. XVI, с.221-224.
- Соловьев С. М. 1995. Писатели русской истории. — Сочинения. Кн. XVI. Москва: с.188–259
- Соловьева Г. О. 1968. К вопросу о приходе радимичей и вятичей на Русь. — Славяне и Русь. Москва, Наука: 352–356.
- Спицын А. А. 1893. Люцинский могильник (Материалы по археологии России, 14; Древности Северо-Западного края, т. 1, вып. 2). СПб.
- Спицын А. А. 1899. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. — Материалы по археологии России, 20, СПб.
- Спицын А. А. 1899. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. — ЖМНП, август: 301–340.
- Спицын А. А. 1905а. Владимирские курганы. — Известия Археологической комиссии, вып. 15, СПб: 301–340.
- Спицын А. А. 1905б. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. — Известия Археологической комиссии, вып. 15, СПб., М: 6–70.
- Спицын А. А. 1906. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. С. И. Абрамовым в Смоленской губернии. — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, т. VIII, вып. 1, СПб., 1906: 185–192.
- Стальсберг А. 1987. Женские вещи скандинавского происхождения на территории Древней Руси. — Труды V Международного конгресса славянской археологии, Киев 1985. Т. III, вып. 16, секц. V. Москва, 1987: 73–79.

- Стальсберг А. 1994. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII–XI вв. (по археологическим собраниям СНГ). — Археологические вести, 3: 192–200.
- Стальсберг А. 1998. О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси. — Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. Москва, изд. Московского университета.
- Станкевич Я. В. 1941. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья. — МИА, № 6, 1941: 84–89.
- Станкевич Я. В. 1947. Шестовицкие курганы. КСИИМК, вып. 21, М. — Л.
- Станкевич Я. В. 1948. Шестовицька археологічна експедиція 1946 р. «Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ: 50–57.
- Станкевич Я. В. 1950. Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi. СА, XIV: 187–216.
- Станкевич Я. В. 1960. К истории населения Верхнего Подвинья и I тысячелетия н. э. (Материалы и исследования по археологии, 76).
- Стендер-Петерсен А. 1960. Ответ на замечания В. В. Похлебкина и В. Б. Вилинбахова. — Kuml: 144–152.
- Сюзюмов М. 1940. К вопросу о происхождении слов 'Рѡс, 'Рѡсія, Россия. — Вестник Древней истории, 2: 121–123.
- Тиандер К. 1915. Датско-русские исследования. Том 3. Петроград.
- Тимофеев В. П. 1999. А все-таки «Людота коваль» (Названия днепровских порогов — возвращение к старой проблеме). — Сборник Русского исторического Общества, 1 (149): 120–146.
- Титов В. С. 1982. К изучению миграций бронзового века. — Археология Старого и Нового Света. Москва, Наука: 89–145.
- Тихомиров М. Н. 1940. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Курс источниковедения истории СССР, т. 1. Москва, Соцэкгиз.
- Тихомиров М. Н. 1947а. История СССР. Ч. 1. Учебник для пед. училищ. Москва — Ленинград, Учпедгиз.
- Тихомиров М. Н. 1947б. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». — Советская Этнография, VI–VII: 60–80 (перепеч. В книге: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М, 1977: 22–8).
- Тихомиров М. Н. 1948. Русская историография XVIII в. — Вопросы истории, №2, 1948, с. 94–99.
- Тихомиров М. Н. 1962. Исторические труды М. В. Ломоносова. — Вопросы истории, №5, 1962, с. 64–73.
- Тихонов И. Л. 2006. Г. Ф. Миллер и археология. — Университетские музеи: прошлое, настоящее, будущее. Санкт-Петербург, изд. С.-Петербургского университета: 68–79.

- Тишкин Г. А., Крымская А. С. 2006. Герард Фридрих Миллер — студент, адъютант, профессор, ректор Санкт-Петербургского университета. — Университетские музеи: прошлое, настоящее, будущее. Санкт-Петербург, изд. С.-Петербургского университета: 17–39.
- Толкачев А. И. 1962. О названии днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного «De administrando imperio». — Историческая грамматика и лексикология русского языка. Москва, изд. Академии Наук СССР: 29–60.
- Толстов С. П. 1947. Из предыстории Руси (палеоэтнографические этюды). — Советская этнография, 6/7: 39–59.
- Толстой А. К. 1959. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 1. Москва. Худлит.
- Томсен В. 1891. Начало русского государства. Москва, изд. Московского университета (нов. изд. 1919).
- Третьяков П. Н. 1932. Подсечное земледелие в Восточной Европе (Известия ГАИМК, XIV, 1).
- Трубачев О. Н. 1977. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье. — Вопросы языкознания, 6: 13–29.
- Тухтина Н. В. 1968. Об этнической принадлежности погребенных в ссипках волховского типа. — Славяне и Русь. Москва, Наука: 188–193.
- Уртан В. А., Граудонис Я. Я., Шноре Э. Д., Мугуревич Э. С., Зариня А. 1967. Раскопки на территории строительства Рижской ГЭС. — Археологические открытия 1966 г. Москва, Наука: 279–284.
- Федотов А. 1837. О значении слова Русь в наших летописях. — Русский исторический сборник (Москва), т. I: 104–121.
- Фехнер М. В. 1963а. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников. — Ярославское Поволжье X–XI вв.: 75–85.
- Фехнер М. В. 1963б. Петровский могильник. — Ярославское Поволжье X–XI вв.: 20–23.
- Фехнер М. В. 1963в. Тимеревский могильник. — Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963: 5–19.
- Фехнер М. В. 1966. О происхождении и датировке железных гривен. — Археологический сборник (Труды Государственного исторического музея, Москва, 40): 101–104.
- Фехнер М. В. 1967. Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами Северной Европы в X–XI вв. — Новое о прошлом нашей страны. Москва, Наука: 33–41.
- Филин Ф. П. 1949. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). Ленинград, Гос. Пед. институт.
- Флоровский А. 1925. «Князь Рош» у пророка Иезекииля (гл. 38–39): Из заметок об имени Русь. — Сборник в чест на Васил Н. Зпатарски. София, Академия, Leipzig, Harrassowitz: 505–520.

- Фомин В. В. 2003а. Кривые зеркала норманизма. — Сборник Русского исторического общества (М. Русская панорама), 8. Антинорманизм (156): 83–127.
- Фомин В. В. 2003б. «За море», «за рубеж», «заграница» русских источников. — Сборник Русского исторического общества, 8 (196): 146–168.
- Фомин В. В. 2005. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М. «Русская панорама».
- Форд Дж. А. 1962. Количественный метод установления археологической хронологии. — Советская этнография, № 1: 32–43.
- Формозов А. А. 1961. Очерки по истории русской археологии. Москва, изд. Академии Наук СССР.
- Френ Х. Д. 1826. Восточные известия о русах, выбранные г. Нейманом из соч. г. Френа. — Северный архив, т. 22, № 14 и 15, 119–131.
- Фроянов И. Я. 1991. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов. — Вопросы истории, 1991, 6: 3–15.
- Хабургаев Г. А. 1979. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. Москва, Наука.
- Херрман Й. 1986. Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона. — Славяне и скандинавы. Москва, 1986, с. 8–128.
- Хвольсон Д. А. 1869. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али-Ахмеда Бен Омар Ибн Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X в. Санкт-Петербург, типография имп. Академия Наук.
- Хлевов А. А. 1997. Норманнская проблема в отечественной науке. Санкт-Петербург, издательство Санкт-Петербургского университета.
- Цвибак М. М. 1933. К вопросу о генезисе феодализма в Древней Руси. — Из истории докапиталистических формаций. Сборник статей к 45-летию научной деятельности Н. Я. Марра. Москва — Ленинград, ОГИЗ, Соцэк. Изд.: 508–544.
- Черных П. Я. 1956. Очерк русской исторической лексикографии. Древнерусский период. Москва, изд. Московского университета.
- Чернышевский Н. Г. 1860. Замечание. — Современник, т. LXXXI, 5, отд. III: 83.
- Шарымов А. В. 2004. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 г. глазами исследователей. Санкт-Петербург, журнал «Нева».
- Шаскольский И. П. 1965. Норманнская теория в современной буржуазной науке. Москва — Ленинград, Наука.
- Шаскольский И. П. 1967. Вопрос о происхождении имени «Русь» в современной буржуазной науке. — Труды Ленинградского отделения Института истории, 10: 128–167.
- Шаскольский И. П. 1978. Норманнская проблема в советской историографии. — Советская историография Киевской Руси (отв. ред. В. В. Мавродин). Ленинград, Наука: 152–165.

- Шаскольский И. П. 1983. Антинорманизм и его судьбы. — Генезис и развитие феодализма в России (Проблемы отечественной и всеобщей истории, 7). Ленинград: 35–51.
- Шахматов А. А. 1904. Сказание о призвании варягов. — Известия Отделения русского языка и словесности РАН, т. IX, кн. 4: 284–365.
- Шахматов А. А. 1908. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Санкт-Петербург, типография М. А. Александрова.
- Шахматов А. А. 1916. Повесть временных лет, т. I. Петроград, Археографическая комиссия.
- Шахматов А. А. 1919. Древнейшие судьбы русского племени. Петроград, Русский исторический журнал.
- Шелухин С. 1929. Звідкіля походять Русь. Теорія кельтського походження Київської Руси з Франції. Прага, б. и.
- Шлёцер А.-Л. 1809. Нестор. Русские летописи на древне-славянском языке, списанные, переведенные и объясненные Августом Людвигом Шлёцером... Пер. Языкова. Ч. 1. Санкт-Петербург.
- Шлёцер А.-Л. 1875. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлёцера им самим описанная. Пребывание и служба в России, от 1761 до 1765 г. Известия о тогдашней русской литературе. Санкт-Петербург.
- Шмидт Е. А. 1963. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. на территории Смоленской области. — Материалы по изучению Смоленской области (МИСО), V. Смоленск: Смоленское книжное издательство: 85–128.
- Штакельберг Ю. И. 1962. Глиняные диски Старой Ладogi. — Археологический сборник Государственного Эрмитажа 4: 109–115.
- Штыхов Г. В. 1965. Древний Полоцк (IX–XIII вв.). Минск. Автореферат кандидатской диссертации.
- Шушарин В. П. 1964. Современная буржуазная историография Древней Руси. Москва, Наука.
- Щукин М. Б. 1977. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура. — Археологический сборник Гос. Эрмитажа, 18: 79–91.
- Щукин М. Б. 1987. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути. — Археологический сборник Гос. Эрмитажа, 28: 103–118.
- Юзефович А. Н. 1940. Антропологические материалы из археологических раскопок в Старой Ладoge // Архив МАЭ. Фонд К — 1. Опись 1, № 524.
- Юргевич В. Н. 1867. О мнимых норманнских именах в русской истории. — Записки Одесского общества истории и древностей, т. 6: т. 6 с. 45–118.
- Юшков С. В. 1940. К вопросу о происхождении русского государства. — Ученые записки Моск. юрид. института Наркомюста СССР, II: 37–59.

- Юшков В. Н. 1949. Общественно-политический строй и право Киевского государства. Москва, Гос. издат. юридич. литературы.
- Якубов К. К вопросу о происхождении имени «Русь». — Труды X Археологического съезда в Риге 1896 г. Том I. 1899: 197–200.
- Яманов В. Е. 2002. Рорик Ютландский и летописный Рюрик. — Вопросы истории, 4: 127–137.
- Янин В. Л., Алешковский М. Х. 1971. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). — История СССР, 2: 32–61.
- ЯП 1963 = Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. Москва, Советская Россия.

Указатель предметный

- антинорманизм 7–10, 25, 33, 40, 63–65, 84, 85, 86, 87, 89–91, 107, 109–112, 113, 114, 115, 118, 119, 120, 121, 122, 139, 186, 199–204, 206–220, 224, 282, 304, 307–309, 356
- антинорманисты 16, 24, 25, 26, 33, 35, 36, 39, 41, 43, 45–47, 49, 50, 51, 54, 56, 59, 62–65, 67–69, 72–73, 76, 77, 81, 83, 84, 85, 88, 89, 90, 91, 98, 109–112, 113, 116, 117, 122, 123, 131, 136, 140, 142, 171, 179, 180, 187, 188, 199, 206–220, 233, 294, 303
- антропологические определения норманнского компонента 197, 220
- аргументы сторон спора 42–84
- аргументы антинорманизма 47–50, 54–57, 72–75, 77–83, 102–106
- аргументы норманизма 46–47, 50–51, 51–54, 60–62, 71–72, 75, 76–77
- аргументы норманизма – археологические 37–38, 53–54, 124–129, 347–350
- аргументы норманизма филологические 36
- аргументы и методы полемики 95–96, 172–174, 177–184, 204, 253–254
- археологические следы норманнского присутствия на Руси 145–169
- археологические материалы — подсчеты этнических компонентов 57–59, 124–127, 160–166, 305
- археологические материалы — этнические определения 150–155, 201–204
- баталия норманнская первая (Ломоносов — Миллер) 7, 15–24
- баталия норманнская вторая (Костомаров — Погодин) 7, 24–33,
- баталия норманнская третья (Шаскольский — Клейн) 7, 33–37, 95–141
- белоземляне 39, 117
- варяг, происхождение термина 52–53
- варяги 51–53
- варяги как балты (жмудь) 26–28, 33, 122
- варяги как норманны 89, 18, 51–59
- варяги как славяне (вагры) 8, 56–57, 64–65, 213,
- варяжский фактор интеграции вост. славянства в европейский мир 90, 119, 356
- викинги 36, 37, 38, 46, 53, 59, 77, 85–86, 108, 149, 170, 178–179, 186, 219, 223, 225, 227, 228, 229, 262, 263, 264, 265, 267, 269, 270, 274, 277, 308, 344, 345, 356
- вира 77, 226

- влияние норманнов на древнерусскую культуру 45–46, 53, 54, 71–76, 121, 124, 137, 168, 217, 349, 355
- влияние славянской культуры на скандинавов 74–75
- внутренние факторы развития на Руси 73–75
- Гардарики 52, 59, 72, 85, 223, 225
- «гибридные» вещи 155–158
- города, становление городов 79–80, 352–354
- городища 79–80, 128
- государство, государственность, происхождение государства 7, 10, 17, 39, 76–84, 129–131
- договор («ряд») 49–50
- дружина 82–83, 85, 225
- каган (хакан) росов 60–62, 66
- летописи и проблема их достоверности 18, 48–49,
- марксизм 11, 35, 39, 78–80, 87, 95, 96, 127, 136, 139, 171, 180, 348
- миграции, археологические признаки 227–230
- миграции, виды миграций 224–227, 230–236
- миграции, миграционизм 188, 195–196, 223–236
- молоточки Тора 38, 54, 57, 150, 154, 160, 162, 168, 203, 220, 228, 231, 274
- национализм 36, 40, 252, 344–345
- немецкие ученые в России 15–21, 24–25, 239–258
- неонорманизм 35
- норманизм как разновидность миграционизма 223–230
- норманизм, «норманнская теория» 7–12, 20, 24, 25, 26, 34–36, 37, 42–44, 46, 51, 68, 86, 88, 89, 90, 91, 95, 98, 108–109, 114, 120–124, 125, 131–134, 172, 173, 178–182, 187–189, 196, 199–200, 201, 202, 204, 211, 212, 224, 277, 278, 282, 302, 346, 351, 353, 356
- норманизм, суть 43–45, 89–92, 130–132,
- норманизм, логическая структура концепции 45–46, 120–124, 198
- норманнская проблема 344–345
- норманнская проблема, перемены политического звучания 40, 112–120, 136, 302, 352
- норманнская топонимика Руси 46, 52
- норманнские заимствования в русском языке 72–73, 77, 80–81
- норманнские имена князей, дружинников, варягов 29, 52, 215
- норманнские колонии и фактории 71–72
- норманнское культурное влияние 71–72, 84
- норманны 18
- норманны в археологических следах на Руси 164–167

- норманны как культуртрегеры? 17, 71–76
- норманны как создатели государств или участники в создании 76–77, 84
- объективизм 11, 110, 134
- объективность 134, 142, 171, 185–195, 258
- Олег, Ольга – смысл имени 54, 59, 74, 215, 225
- ославянивание норманнов 73–74, 82, 217, 227, 231
- остфоршунг 117–120
- погребальный обряд 53–56, 125–127, 146–147, 151–155, 160–166
- полюдьё 29, 76, 226
- пороги Днепровские 54, 60, 65, 67, 128, 208, 217
- призвание варягов 17, 34, 46–51, 217
- происхождение славян и вопрос о давних местных традициях 75–76, 82
- путь из варяг в греки 53, 264
- рос как аорсы, роксаланы и др. 22, 64, 206, 307, 346
- рунические надписи 38, 53, 56, 136, 150, 159, 225, 226, 228, 231, 303, 306
- русь – происхождение имени 60–71 (особ. 61–62), 68, 213, 306–307
- русь из «рос» 63–65, 68–69
- Рюрик и его братья 18, 46–52, 54, 220, 345
- саги 47, 52, 54, 59, 82, 83, 217–218, 225–226, 235, 236, 303
- свобода исследований 95, 140–142, 171, 199, 224, 261, 262, 309
- семинар славяно-варяжский 97–98, 171–174, 273–301, 310–342, 352
- семинар Смоленский 301–309
- Синеус 18, 27, 47, 49, 52, 224–225
- «Синописис» 22, 216, 254
- созвучие, увязка имен по простому созвучию 22, 29, 66, 254
- социальный состав варягов 85, 166–169, 209
- ультра-патриотизм, ультра-патриоты 8–9, 27, 356
- фибулы 38, 54, 57, 150–151, 154, 156, 158, 159, 160, 162, 167, 203, 218, 228, 229, 231, 298, 306, 350
- финский этноним руосси 61, 63
- хронология варягов 158–159, 217–219

Указатель имен основных фигурантов спора

- Авдусин Д. А. 38, 55–59, 72, 84, 103, 107–108, 111, 116, 125, 126, 127, 146, 157, 158, 161, 163, 165–166, 173, 174–184, 202–204, 207, 287–288, 299, 301, 302–309, 353
- Алексеева Т. И. 227
- Арбман Х. 38, 86, 106, 125, 129, 155, 179, 182–188, 203, 209
- Арне Т. 36–38, 54–59, 83, 103, 105, 108, 111, 129, 149, 155, 162, 179, 187, 203, 207, 212, 304, 348
- Арциховский А. В. 38, 55, 73, 74, 104, 126, 147, 159, 167, 169, 177, 179, 201, 203, 287, 304
- Байер Г. С. 17, 19, 20–23, 25, 28, 52, 60–63, 112, 114, 180, 216, 239, 242, 243, 253, 344
- Белецкий С. В. 12, 214, 274, 283–290, 294
- Булкин В. А. 147, 163, 172–174, 177, 178, 182, 203, 263, 274, 277, 280–287, 294, 298, 299, 301–302, 352–353
- Васильевский В. Г. 64, 66, 208, 225, 256
- Вернадский Г. 39, 62, 65
- Геденонов С. А. 25, 33, 36, 56, 64, 114, 123, 206–208, 309
- Греков Б. А. 35, 37, 49, 72, 78, 80–82, 84, 87, 102, 104–105, 130, 136, 180, 187, 207, 291, 300, 347, 355
- Джаксон Т. А. 87, 99, 171, 218, 225, 278, 303
- Дубов И. В. 12, 53–54, 141, 147, 172–174, 202, 228, 263, 274, 278, 280, 281, 284, 290, 298–299, 301, 306, 309, 352
- Забелин И. Е. 25, 33, 37, 56, 258
- Иловайский Д. И. 25, 33, 34, 50, 54, 64, 111, 113, 207, 211, 309
- Кирпичников А. Н. 47, 54, 127, 159–160, 172, 173, 174, 218, 223, 225, 229, 229, 231, 305
- Клейн Л. С. 7, 39, 40, 53–54, 96, 100, 131, 135, 137, 141, 171, 179, 183, 196, 198, 202, 207, 209, 219, 222, 224, 228, 230, 235, 262, 265, 272–279, 280–282, 284, 290, 293, 298, 300, 305, 306, 344, 351, 352, 356
- Ключевский В. О. 16, 72, 114, 345–347, 353–355
- Корзухина Г. Ф. 39, 54, 99, 104, 135–136, 140, 147, 158, 151, 160, 176, 229, 347, 349
- Костомаров Г. 25–33, 37, 54, 56, 89, 102, 114, 123, 207–208
- Кузьмин А. Г. 48, 64, 65, 99–100, 123, 171–172, 179–180, 202, 206–210, 211, 212–214, 216, 217, 262, 275, 295, 297
- Куник А. А. 25, 36, 61–62, 63, 65, 113, 204, 207, 208
- Лебедев Г. С. 7, 12, 53–54, 67, 98, 99, 136–137, 139, 142, 144, 168, 171–174, 177, 180–183, 198, 202, 207, 219, 223, 229, 231, 247, 260–270, 266, 273–276, 278–282, 289, 293–295, 298–299, 302, 306–309, 351, 353

- Лихачев Д. С. 9, 48–50, 63, 67, 207, 212
 Ловмянский Х. 47, 52, 54, 109, 171, 225
 Ломоносов М. В. 7, 15, 16, 21–24, 25, 26, 54, 56, 64, 66, 89, 123, 133, 201, 207, 208, 211, 238, 240, 250–254, 256, 258, 344
 Мавродин В. В. 9–18, 14, 21, 37, 50, 72, 74, 84, 875, 97, 100, 103, 109, 116, 123, 131, 136, 140, 170–171, 207, 277–280, 284, 291, 293
 Мельникова Е. А. 51, 53, 67, 75, 207, 225, 228, 303, 306, 307, 308
 Миллер Г. Ф. 7, 15, 17, 20–25, 26, 32, 37, 46, 61–62, 89, 113, 114, 207–208, 216, 239–258, 293
 Мошин В. А. 15, 45, 47, 225
 Назаренко В. А. 7, 12, 65, 98, 99, 139, 142, 144, 171, 177, 178, 180, 202, 219, 229, 230, 262, 273, 276–277, 280, 287, 299, 300, 304, 306
 Носов Е. Н. 12, 47, 53, 147, 179, 198, 225, 230, 274, 276, 278, 280, 299, 301, 302
 Пархоменко В. А. 49, 63, 87, 104
 Пашуто В. Т. 51, 87, 174, 207, 276, 303–304, 306, 307, 309
 Петренко В. П. 12, 147, 173, 235, 274, 276, 284, 299, 309
 Петрухин В. Я. 51, 53, 67, 174, 216, 225, 274, 276, 284, 299, 309
 Погодин М. П. 7, 26–33, 46, 52, 62, 77, 89, 101, 102, 112, 114, 207–208, 258
 Покровский М. Н. 34, 35, 102, 109, 114, 139, 207
 Пушкина Т. А. 53, 174, 287, 301–309
 Равдоникас В. И. 148, 347
 Рыбаков Б. А. 47, 56–57, 63, 64, 66, 68, 87, 105, 108, 131, 136, 138, 147, 173, 180, 203, 207, 258, 299, 300, 302–303, 307
 Рыдзевская Е. А. 38, 75, 225, 347
 Рябинин Е. А. 12, 147, 173, 230, 278, 284, 299, 301
 Санкина С. Л. 203, 226
 Сахаров А. Н. 8–9, 12, 211, 299
 Стальсберг А. 53–54, 218, 348
 Стенбергер М. 86, 187
 Стендер-Петерсен А. 49, 86, 87, 117, 131, 134, 227
 Тихомиров М. Н. 21, 49, 62, 63, 82, 108, 180, 207, 347, 355,
 Томсен В. 36, 49, 53, 62, 72, 76, 187, 207, 226
 Фасмер М. 38, 46
 Фехнер М. В. 146, 153, 159, 160, 166–168, 290, 350
 Фомин В. В. 9, 50, 54, 56, 73, 201–203, 206, 211–212, 214, 216–220, 358
 Шаскольский И. П. 7, 15, 64, 98–101, 108, 109, 111–113, 116–117, 120, 122–126, 128, 131, 136, 138, 140, 142, 144, 149, 150, 151, 155, 162, 166, 168, 171–173, 181, 188, 200, 207, 272, 282, 307, 309, 344, 345, 350, 351, 355
 Шахматов А. А. 34, 48, 62–63, 207, 348
 Шлёцер А.-Л. 17, 20–21, 24, 28, 42, 61, 76, 112, 114, 180, 240, 241, 256
 Экблом Р. 38, 46

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. НЕИЗДАННАЯ КНИГА	5
От автора	7
Спор о варягах	13
Часть I. История проблемы	15
1. Первая схватка	15
2. Вторая схватка	24
3. Новое противостояние	33
4. Археологический этап	37
Часть II. Аргументы на чашах весов	
Послесловие 2008 г.	89
 II. ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ДИСКУССИИ О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ «НОРМАННСКОГО ВОПРОСА» 24 дек. 1965 г.	93
Вступительные замечания к публикации	95
Набросок доклада И. П. Шаскольского	102
Запись выступления Л. С. Клейна	107
I. Новейший труд по «норманнскому вопросу»	107
II. Отношение к норманнской теории	108
III. Отношение к антинорманизму	109
IV. Социальные силы за обоими течениями в динамике	112
V. Что есть норманизм?	120
VI. Археология на чаше весов	124
VII. Вопрос о происхождении государства	129
VIII. Норманизм в остатке	131
Послесловие 2008 г.	139

III. ОБЗОР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ 143

Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения (в соавторстве с Г. С. Лебедевым и В. А. Назаренко)	145
1. Состояние изученности	146
А. Могильники	146
Б. Поселения	147
В. Итог	148
2. Сравнительные материалы	149
3. Выделение норманнских древностей на территории Киевской Руси	150
А. Этническое определение вещей	150
Б. Этническое определение обрядов	151
В. «Гибридные» вещи	155
Г. Хронология	158
4. Количественная оценка норманнского компонента	160
5. Социальный состав пришельцев	166
6. Перспективы исторической оценки	169
Послесловие 2008 г.	171

IV. НОРМАНИСТСКИЙ ВЫПАД И АСИММЕТРИЧНЫЙ ОТВЕТ 175

Спор четырех А и четверо из семинара	177
Советская археология и роль викингов в ранней истории славян	178
Асимметричный ответ	182

V. ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ В СКАНДИНАВСКОЙ АРХЕОЛОГИИ 185

1. Судьба норманизма	187
Первый этап. Второй этап. Третий этап	
2. Типология	190
Первые шаги. Модернизация	
3. Логические гарантии	192
Рационализм. Дефиниции. Предвзятые идеи	

VI. КОНЕЦ ДИСКУССИИ?	197
Конец дискуссии.....	199
Послесловие 2008 г.	201
 VII. СОВРЕМЕННЫЙ АНТИНОРМАНИЗМ —	
ТРИ ИТОГОВЫХ ТОМА	205
Хрестоматия Кузьмина.....	207
Антинорманизм в Сборнике РИО	211
Итоговый труд Фомина.....	216
 VIII. МИГРАЦИЯ ВАРЯГОВ	221
Предварительные замечания.....	222
«Призвание варягов» и археологические признаки миграций.....	223
1. Проблема.....	223
2. Достоверность миграции и ее тип	224
3. Археологические данные в пользу миграции	227
4. Археологические данные и тип миграции.....	230
 IX. БИОГРАФИЯ Г. Ф. МИЛЛЕРА	237
Противник Ломоносова.....	239
1. Немец Федор Иванович.....	239
2. В Россию за удачей... и призванием	241
3. В Сибирь на десять лет	244
4. Результаты путешествия и прием	248
5. Схватки и гонения	250
6. Позднее признание	256
 X. ГЛЕБ ЛЕБЕДЕВ	259
Предварительное замечание	261
Ученый, гражданин, витязь.....	261

ХІ. ПРИЛОЖЕНИЯ: Славяно-варяжский семинар. Воспоминания участников и избранная библиография

А. Воспоминания участников и соучастников 273

Л. С. Клейн. Проблемный, славяно-варяжский 273

Г. С. Лебедев. Тридцать лет назад
Примечания Л. С. Клейна..... 276

С. В. Белецкий. Славяно-варяжский семинар в первой
половине и середине 70-х 283

Ю. М. Лесман. В семинаре с юных лет..... 279

Н. Ю. Платонова. Из историков в археологи..... 290

О. И. Богуславский. Славяно-варяжский семинар 1980-х..... 294

И. Л. Тихонов. Отблеск «Варяжского семинара» в годы застоя ... 297

А. Я. Петрухин, Т. А. Пушкина. Смоленский археологический
семинар МГУ и норманнская проблема 301

Б. Список печатных работ участников Славяно-Варяжского семинара по варяжской тематике 310

ПОСЛЕСЛОВИЕ. Е. Н. Носов 344

Библиография 357

Указатель предметный 391

Указатель именной 394

СПОР О ВАРЯГАХ.

История противостояния и аргументы сторон

Лев Самуилович Клейн

Научное издание

Директор издательства *В. В. Чубарь*

Главный редактор *В. Ю Трофимов*

Верстка *М. В. Петрова*

Корректор *М. В. Чебыкина*

Подписано в печать 26.12.08.

Формат 60х90 1/16.

Усл. печ. л. 25 Гарнитура «OfficeSansC».

Бумага офсетная № 1 Печать офсетная.

Тираж 1000 экз. Заказ № 3.

ООО «Издательство „Евразия“»

197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н

Отпечатано с готовых диапозитивов

в типографии ООО «ИПК „Бионт“»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 86

тел. (812) 322-68-43.